Дело, которому служишь

Евгений Фотиевич Дырин

SHOUT
SHARE
IT

- Дырин Евгений Фотиевич
  - ○

Дырин Евгений Фотиевич
Дело, которому служишь

Дырин Евгений Фотиевич
Дело, которому служишь
Содержание
Пролог. Год 1905
Часть первая
Главы I - XII
Часть вторая
Главы I - XVIII
Часть третья
Главы I - XI
Эпилог. Год 1945

Пролог. Год 1905-й

Ксению Полбину разбудил кашель мужа. Под утро Семен всегда кашлял - долго, надсадно, хрипя и задыхаясь.

Потом, когда она на минуту забылась, кто-то постучал в окно избы. Окно было занесено снегом, - ничего не разглядеть. Широкая голубая тень прошла по стеклам. Снаружи заскрипел под ногами снег.

- Там будто не один топчется, - сказал Семен, повернув на подушке худое лицо со свалявшейся рыжеватой бородой. - Кого это принесло ни свет ни заря?

Стук повторился. От сильного удара по раме отскочили и упали на подоконник сосульки, вылетела обмерзшая тряпица, торчавшая в уголке стекла.

- Кто там? - наполняясь тревогой, спросила Ксения. Сунув ноги в заплатанные валенки, она накинула на плеча шубенку и подошла к окну.

- Открывай, - приказал незнакомый голос. - Стражники!

Их было трое. Толстые, в перепоясанных ремнями черных шинелях, натянутых на полушубки. На глаза нахлобучены заиндевевшие от дыхания башлыки.

Двое, стукнув длинными саблями, стали у дверей, третий распустил башлык и сел на лавке у стола.

Из разбитого стекла тянуло холодом, и стражник, недовольно оглянувшись, провел рукой по своей толстой шее.

- Ты, что ли, Ксения Полбина?

- Ну, я, - сказала Ксения. - Дверь притворите, дует.

- Ничего, намерзнешься еще. На сходке была?

- На какой сходке-то?

- Не дури. Речи против царя говорила?

Ксения молчала, стараясь пересилить дрожь.

- Сказывай, откудова знаешь, что в Санкт-Петербурге расстрел рабочих был? Ну!

- Люди говорят...

- Кто?! - стражник ударил по столу кулаком. Подпрыгнули, жалобно звякнув, деревянные ложки в немытой с вечера миске.

- Разные люди, прохожие... Откуда знать?

Стражник провел толстыми пальцами по усам, оторвал и сбросил на пол кусочек льда.

- Та-ак. Отпираться, значит... Одевайся!

Семен закашлялся и, шумно дыша, сказал:

- Куда вы ее? Насносях она, через месяц рожать Да и я не встаю, воды подать некому...

- Помолчи!

Голос у стражника был зычный, густой, а у Семена слабый, как у мальчика.

Острая жалость сдавила сердце Ксении. Она сказала:

- Обещала нынче в обед Надежда зайти. Попроси Сеня, чтоб присматривала.

Когда сани проезжали мимо деревянной церкви. Ксения взглянула на площадь. Большой темный круг был вытоптан на снегу.

Здесь вчера собирались сельчане. Кого-то еще взяли?

Лошади бежали резво. Избы Ртищево-Каменки скоро остались позади, показался помещичий лес. Спустя некоторое время в морозном тумане замаячили каменные дома имения Анненкова.

Везли в Симбирск. Значит, в тюрьму.

В тюрьме у Ксении родился сын. Мальчик был здоровый, крепкий, голосистый. Он не понимал, куда уходит мать, которую продолжали вызывать на допросы, и кричал во всю силу легких, требуя еды. Мать возвращалась, кормила его, и он жадно глотал молоко, не замечая, что иногда оно приобретало солоноватый привкус.

Мать плакала.

Сердце ее сжималось от боли, когда она видела, как ребенок, научившийся различать свет, тянулся ручонками к грязному окну, разделенному на квадраты ржавыми прутьями.

Только через год Ксению выпустили из тюрьмы. Ребенка записали жителем Ртищево-Каменки и окрестили Иваном.

На крестины пригласили родственников. Распили штоф водки, закусив кислой капустой из общей миски.

Ванятка сидел в деревянном корыте, укутанный тряпьем, и весело разговаривал сам с собой. Мать с нежностью смотрела на

него.

- Не первый у нас, - сказала она. - Уже две могилки на погосте, все маленькие умирали. А этот, сердце вещует, будет жить.

- Тоже хлебнет горя, - мрачно отозвался Семен, обводя глазами свое убогое жилище. - Вон злыдни какие ему оставляю. Батраком будет спину гнуть, а то на заработки, на чугунку со мной пойдет...

Наперебой заговорили гости. Кабы земли побольше, может, и выбился бы в люди, стал бы крестьянствовать... Да где ее, землю-то, брать? Бог не подаст, Анненков-помещик добром не уступит. Так что не миновать Ивану трудных мужицких мозолей, горба на спине. Хоть бы кусок черного хлеба в избе всегда был, и то счастье...

- А если царя-то скинут? - сказала Ксения.

Серые, чуть запавшие глаза ее смотрели куда-то за окно, в дальнюю даль, как будто она видела там своего сына сильным, смелым, свободным...

Не обманулось материнское вещее сердце.

Часть первая. Становление

Глава I

От Харькова до небольшой станции, название которой значилось в проездных документах Полбина, было уже недалеко. "Один перегон - и вы дома, товарищ летчик", - сказал седоусый проводник, всю дорогу с уважением посматривавший на голубые петлицы единственного в его вагоне военного.

Поезд стал замедлять ход. Перед окном не спеша повернулась на месте и ушла назад металлическая мачта семафора. Колеса застучали на входных стрелках. Проводник отодвинул дверь своего помещения. В руках у него были свернутые в трубку сигнальные флажки. Улыбнувшись в усы, он сказал Полбину: "Приехали!" и громко объявил название станции остальным пассажирам.

Полбин вышел на перрон. Здесь, как и в Харькове, почти не было снега, землю стягивал крепкий февральский мороз. Гладкий асфальт перрона покрывала тонкая корочка шершавого льда.

Станционное здание было из белого камня, под кромкой железной крыши тянулся деревянный карниз с незатейливой зубчатой резьбой.

"Не больно важный вокзал. Похоже на наши Выры", - подумал Полбин, вспомнив маленький полустанок близ Ульяновска, откуда он начал свое путешествие.

У широкого окна, привалясь к стене, стоял молодой парень в форме железнодорожника. Он лузгал семечки, оставляя влажную

скорлупу на нижней губе, и равнодушно рассматривал пассажиров. Заметив Полбина, парень оттолкнулся локтем от стены, вытер ладонью рот и спросил:

- Вам на аэродром, мабуть?

- Да. Как туда проехать?

Парень сказал, что до аэродрома можно доехать только на случайной автомашине. Туда возят со станции строительный материал. А проще всего пешком. Километров пять будет.

- Без гака? - с улыбкой спросил Полбин, вспомнив услышанный в поезде анекдот. Парень ответил серьезно:

- Та не. Точно. Ось за водокачку завернете, перейдете переезд, а там прямая путь. В степу, как на бугор подниметесь, сразу аэропланы видать будет...

Итти было нелегко. Ноги скользили на обледенелых кочках. В лицо дул резкий степной ветер. Но хотелось подняться поскорее на бугор, откуда, как сказал железнодорожник, откроется аэродром. Потирая рукой зябнувшие щеки и лоб, Полбин быстро шагал вперед. Сзади кто-то окликнул:

- Иван! Подожди!

Он обернулся. Раскрасневшийся, в распахнутой шинели и сбитом на затылок шлеме, перебрасывая из одной руки в другую небольшой чемодан, к нему бегом приближался Федор Котлов.

- Откуда, парнище?

- Из лесу, вестимо, - с радостной улыбкой ответил Котлов и махнул рукой в сторону станции,

Они всегда при встречах обменивались этими фразами.

- Здорово! - сказал Полбин, пожав холодную ладонь Федора. - Ты в каком же вагоне ехал?

- В хвостовом.

- Я наоборот. А куда ты на перроне девался?

- В буфет заходил. Чайку попить.

Полбин поставил чемодан на мерзлую землю и взял товарища за лацканы шинели.

- Застегнись. После чая простудишься.

- Да и не по форме. Верно? - рассмеялся Котлов. - Старшиной был, старшиной и остался.

Полбин улыбнулся. С Котловым его связывала давняя дружбу. Они вместе учились в Вольской теоретической школе, которую все называли просто "теркой", вместе окончили совсем недавно Оренбургскую школу летчиков. В "терке" Полбин был старшиной роты, в летной школе - старшим группы курсантов. Котлову, как, впрочем, и некоторым другим, не раз доставалось от старшины за нарушение формы одежды.

Теперь они были на равных правах: оба получили звание

летчиков-инструкторов, и даже назначение им дали на один аэродром.

Котлов застегнул шинель на все крючки, поправил шлем.

- Хороша форма у нас, верно, Иван? - сказал он. - Только твоя шинель, кажется, лучше пошита...

- Старшине полагается носить хорошо пригнанное обмундирование, - ответил Полбин, который действительно любил одеваться с иголочки. - А ты как меня узнал?

- По походке. Она у тебя, знаешь, пехотинская, а не летная. Можно подумать, что ты никогда унтов не таскал.

Взяв чемодан и сделав несколько шатав, Полбин за говорил раздумчиво:

- Что пехотинская - неудивительно. Ведь я как-никак год в Богунском стрелковом прослужил. Щорсовский еще полк. Знаешь, какая строевая там была!.. А ты сейчас спрашивал на станции, сколько до аэродрома?

- Да. Пять километров.

- Верно. А от нашего полустанка Выры до Ртищево-Каменки было семь. Я каждый день пешком на работу ходил - туда семь, обратно семь, всего четырнадцать. И лет мне было тоже четырнадцать... Так что походка еще рабочая...

- Кругом четырнадцать, - сказал Котлов. - А ты помнишь, какого числа твой отпуск кончается?

Полбин остановился. Он сразу понял, куда клонит товарищ, и, опустив чемодан, стал расстегивать шинель.

- Сейчас посмотрю по документам, Федя.

Сдвинув брови, стараясь сохранить серьезное выражение, он извлек из бумажника отпускной билет.

- Гляди, верно, а? Прибыть к месту службы четырнадцатого февраля сего тысяча девятьсот тридцать первого года...

Котлов присел на чемодан.

- А сегодня какое, товарищ старшина?

- Сегодня? - Полбин наморщил лоб, делая вид, что прикидывает в уме. - Я выехал из Ульяновска двадцать восьмого. Значит, сегодня первое...

- Так почему же вы нарушаете сроки предписания? Почему, я спрашиваю?

Котлов с надутыми щеками и выпученными глазами, над которыми топорщились густые брови, был очень смешон. Не выдержав, Полбин расхохотался и так хлопнул товарища по плечу, что тот едва не скатился с чемодана. Потом вынул из бумажника тщательно сложенный газетный лист и развернул его:

- Есть оправдание. Смотри. Приказ Реввоенсовета: "Считать с 25 января 1931 года Краснознаменные Всесоюзный Ленинский

Коммунистический Союз Молодежи шефом над Военно-Воздушными Силами..." - Он отвернулся от ветра, перехватившего ему дыхание и стал складывать газету. - А ты, кажется, знаешь: Полбин комсомолец с двадцать второго года.

- Не всякому выпало счастье рано родиться, - буркнул Котлов и, встав с чемодана, начал открывать его блестящие замки.

- Ты чего там достаешь? Метрику?

- Нет. У меня тоже есть этот номер "Комсомолки". Везу в свое оправдание...

- Не надо. Верю на слово!

Полбин крепко обхватил товарища. Федор рванулся, чемодан его, задетый ногой, опрокинулся и приоткрылся. Из него выпала пластмассовая мыльница, сапожная щетка, обернутая зеленой бархоткой, и какой-то сверток в газетной бумаге, должно быть полотенце. Секунду товарищи стояли друг против друга, готовые начать веселую возню.

- Будет, - первым сказал Полбин, отпустил Федора и осмотрелся.

Степь была попрежнему пустынна. Кое-где на дороге ветер крутил легкие жгутики поземки. Вдалеке, за живой изгородью зеленых елей, толчками поднимался белый дымок - это дышал паровоз.

- Пошли, - согласился Котлов. - А то как бы не довелось обоим предъявлять метрические выписки. Попадется начальство и потребует доказать, что мы вышли из детского возраста...

Он подобрал свои вещи, закрыл чемодан, и друзья опять зашагали по дороге.

Время близилось к вечеру. Мороз крепчал, ветер сильнее обжигал щеки. Но два летчика в новеньких светлосерых шинелях не замечали этого. Они были молоды, здоровы, сильны. Их ждала интересная работа. Очень интересная жизнь ждала их - жизнь в авиации.

Глава II

Попутной машины так и не оказалось. К аэродрому Полбин и Котлов подошли уже в сумерках.

Они не увидели ни привычных ангаров с округлыми железными крышами, ни технических складов с маленькими узкими окошками, ни жилых домов начсостава.

Только одно белое трехэтажное здание высилось среди поля. Это, очевидно, был штаб летной школы. Кругом виднелись штабеля кирпича, бревен, досок. Чернели вырытые в мерзлом грунте котлованы. В стороне от дороги, под наспех сколоченным тесовым навесом, стояли грузовые автомашины.

Не сговариваясь, Полбин и Котлов свернули на тропинку,

которая вела к пришвартованным и укрытым чехлами самолетам. И сразу же заспорили:

- Это "У-один", наш старый друг, - говорил Котлов. - Смотри: биплан, верхняя и нижняя плоскости одинаковые...

- А лыжа где? - отвечал Полбин. - Нет, это новая машина... У нас в школе таких не было.

- Лыжи, может, не видно из-за снега, - не унимался Котлов, хотя ему не меньше, чем Полбину, не терпелось увидеть самолет новой конструкции, а не старенький У-1. Особенностью этого самолета была не только лыжа, неуклюже установленная между колесами шасси и выдвинутая вперед, чтобы самолет не опрокидывался на нос при посадке. На У-1 был двигатель, цилиндры которого вращались в полете. Отработанное масло разбрызгивалось, и крылья самолета, побывавшего в воздухе, почти всегда оказывались сильно загрязненными. Чистить и мыть такой самолет приходилось курсантам, а это никому не доставляло удовольствия. Да, старичку У-1 пора бы уже дать смену.

Спор закончился самым неожиданным образом. До самолетов оставалось не более сотни шагов, когда раздался окрик:

- Стой! Кто идет?

Часовой в тулупе до пят, издали похожий на елочного деда Мороза, поднял винтовку. Порыв ветра отнес далеко в сторону повторный окрик:

- ...о-о иде-ет?..

Дальше произошло совсем неприятное. В ожидании вызванного часовым разводящего двум летчикам-инструкторам в новеньких шинелях пришлось лечь на снег. Рядом обидно торчали чемоданы, в одном из которых находился номер "Комсомольской правды" с призывом IX съезда "Комсомолец, на самолет!"

Подумав об этом, Полбин приподнялся на руках и крикнул:

- Товарищ часовой!

Ветер принес металлический звук щелкнувшего затвора и опять неумолимо строгое: "Ложи-ись!"

Полбин с чувством острой досады и стыда опустился на локти. Котлов ехидно заметил:

- По уставу не полагается разговаривать с часовым на посту.

- Ладно, - буркнул Полбин. Он уже не мог простить себе ни этого обращения к часовому, ни тех просительных, почти жалобных ноток, которые прозвучали в его голосе. "Может, - думал он, - это мой завтрашний курсант, а я его тут умоляю на коленях. Потом до самого выпуска будет рассказывать, как инструктора на снегу под ружьем держал. Эх, влипли, понесла

нелегкая... Дома мать обманул, мол, вызывают в часть раньше срока, а тут на тебе... Встретили с оркестром при развернутом знамени".

Котлов, с невозмутимым видом устраиваясь на снегу поудобнее, продолжал подтрунивать:

- Во всякой мрачной ситуации надо искать юмористическую сторону. В данном случае я вижу ее в том, что мы, вероятно, подчиняемся своему будущему подчиненному. Встретит он тебя утром: "Здрасьте, товарищ инструктор Полбин! Как самочувствие? Не простудились по моей вине?"

- Пошел к черту, - уже зло огрызнулся Полбин и не удержал вздоха облегчения: рядом с часовым замаячила еще одна фигура.

Разводящий не стал проверять предложенные ему документы и доставил "задержанных на посту номер такой-то" прямо в учебно-летное отделение штаба школы.

Начальник УЛО, высокий, худой человек, отпустил конвоира, как только Полбин и Котлов назвали свои фамилии.

- Я знаю, что вы к нам назначены, - сказал он. - Но бумаги свои все-таки покажите...

Он поднес документы к свету большой керосиновой лампы-молнии, быстро пробежал их и положил в ящик стола. Полбин н Котлов молча ждали.

- Звонарев тоже из вашего выпуска? - вдруг спросил начальник.

Полбин ответил утвердительно. В его бумажнике лежала фотокарточка, на которой были сняты трое: посредине он сам, справа Котлов, слева Михаил Звонарев, "Мишка-гармонист", как звали его курсанты. У него вьющиеся льняные волосы, зачесанные по-деревенски на висок, вздернутый нос, голубые задорные глаза. Назначение ему дали в эту же строящуюся школу.

- Вот видите, какой дисциплинированный этот ваш Звонарев, - сказал начальник УЛО, пряча улыбку в уголках сухого, твердого рта. - Получил отпуск и проводит его как надо. А вы приехали на полмесяца раньше и прямо с нарушений начали... Ну, скажите, чего вас в вечернее время на стоянки понесло? Часовой и пристрелить мог...

- Разрешите... - попытался объяснить Полбин.

- Не разрешаю. Если б это случилось, заварилась бы каша. Хорошее донесеньице пришлось бы сочинять: "Летчики-инструкторы Н-ской школы в результате несоблюдения Устава караульной службы..." Э, да что там говорить!..

Начальник УЛО резко поднялся со стула. Тень от его длинной фигуры скользнула по стене и, сломавшись у карниза, почти закрыла потолок. Оборвав себя, он вдруг заговорил тоном

преподавателя, повторяющего самое важное:

- Считаю происшествие несостоявшимся. Что касается вашего приезда, то, во-первых, я вам рад. Во-вторых, вы мне сейчас нужны. Мы получаем партию новых учебных самолетов...

- "У-один"? - вырвалось у Котлова.

- Я сказал новых. Самолеты "У-два", отечественной конструкции, Николая Николаевича Поликарпова. Они прибывают по железной дороге в разобранном виде. Надо их собирать и облетывать. Вам же на этих машинах учить людей... Полбин торжествующе посмотрел на товарища. Поселившись в маленькой комнате, в которой еще сохранились все запахи нового дома - известки, соснового дерева, масляной краски, - Полбин и Котлов засели за работу. Комната была настолько тесна, что в ней с трудом уместились две железные кровати и квадратный стол. Места для стульев не оставалось. Друзья садились прямо на кровати, покрытые серыми армейскими одеялами, и по очереди читали техническое описание самолета У-2. С утра до вечера они заучивали правила сборки и регулировки центроплана, правой и левой полукоробок крыльев, хвостового оперения, посадочных устройств. С удовольствием людей, посвященных в особую, недоступную для других область, они щеголяли авиационными терминами, разбирали и по нескольку раз объясняли друг другу и без того понятные чертежи и все больше убеждались, что новый самолет отличная учебная машина. Особенно порадовало их то, что У-2 самостоятельно выходил из штопорного положения. Надо было только поставить рули нейтрально, и штопор обрывался на втором витке.

Штопор... Грозная, необъяснимая и, как все непонятное, жуткая сила... "Штопор - бич авиации", "Штопор - гроза летчиков", "Можно ли бороться с явлениями штопора?" - такими заголовками пестрели страницы старых авиационных журналов, которые попадали в руки Полбина, когда он, еще только мечтавший о летной школе, работал избачом в селе Майна. Самому было трудно разобраться в статьях. Загадочное слово "штопор" рождало в его представлении глубокий водоворот на Волге. На поверхности воды видна только небольшая воронка, в которой безобидно кружатся, гоняясь друг за дружкой, щепки, опавшие листья, хворостинки. Но если сюда попадет пловец, его тотчас же засосет, бешено завертит и потащит на дно. Горе неумелому или растерявшемуся!..

Позже, когда Полбин и Котлов были курсантами "терки", им объяснили, что штопор уже не является загадкой, а тем более бичом авиации. Преподаватель начертил на доске крутую спираль, тут же нарисовал маленькие фигурки штопорящего

самолета, а затем несколько раз повторил, что должен делать летчик, чтобы вернуть свою машину в нормальное положение. В верхнем углу доски преподаватель написал и попросил запомнить фамилии советских людей, которые, как он выразился, "обломали рога штопору, сделали его ручным": летчик Константин Арцеулов, ученый Владимир Пышнов.

Но и приручeнный штопор еще продолжал доставлять неприятности.

Незадолго до окончания Оренбургской школы Полбин и Котлов проходили курс полетов на боевом самолете Р-1. Это была очень строгая в управлении машина. Удивительно чуткий и послушный рулям, Р-1 красиво и точно выписывал фигуры высшего пилотажа. Однако стоило пилоту зазеваться и допустить просчет в движении ручкой управления или педалями, как самолет сваливался в штопор и долго вертелся в стремительном падении, будто горячий конь, почувствовавший на себе неуверенного седока. Курсант, посадивший самолет после вывода из штопора, отдуваясь, вылезал из кабины и давал товарищам пощупать гимнастерку на спине: "гляди, мокрая". Был в Оренбурге один инструктор со странными пролысинами на висках. Рассказывали, что он как-то наблюдал с земли падение Р-1, в котором сидел его ученик. Самолет штопорил, штопор затянулся. Инструктор сбил шлем на затылок, запустил руки в волосы и приседал тем ниже, чем ниже опускался самолет... А когда он скрылся за стеной деревьев на границе аэродрома, инструктор несколько секунд бессмысленно смотрел на свои руки: между пальцами была зажата добрая часть его пышной шевелюры...

Вспомнив об этом случае, друзья решили, что им, инструкторам новой школы, опасность преждевременного полысения не угрожает.

Они окончательно убедились в этом, как только начали поднимать в воздух первые самолеты, доставленные со станции в ящиках и деревянных клетках и собранные на аэродроме.

В середине февраля приехал Михаил Звонарев. Он с шумом ворвался в комнату, бросил на кровать Полбина гармонь в потертом полотняном чехле, а на стол, прямо на разложенные бумаги; поставил крохотный саквояж.

- Что же вы, черти, подводите, - заговорил он высоким тенорком, обнимая друзей. - Понимаете, захожу я к этой жерди, которая начальником УЛО называется, докладываюсь чин по чину, жду, пока мне скажут: "Садитесь, товарищ Звонарев. Как доехали, как здоровье?" Настроение хорошее - со станции на легковушке ехал с местным начпродом... И вдруг начинается

баня: "Почему опоздали на целые сутки? Я вашу дисциплинированность Полбину и Котлову заочно в пример поставил, а вы расхлябанность проявляете..." И пошел снимать стружку с меня, бедного. Потный вот, как после штопора на "Эр-первом"...

- Ладно, снимай шинель и садись, - указал место рядом с собой на кровати Котлов. - Чем же мы тебя подвели? Звонарев небрежно бросил шинель на саквояж.

- Как чем? - искренне удивился он. - Вы же приехали черт знает когда, а меня все нет. Начальство ждало и потому заметило, что опоздал.

- А ты бы не опаздывал, - произнес Полбин, убирая со стола вещи Звонарева. Шинель он повесил на гвоздь у двери, а саквояж сунул под кровать.

В голубых глазах Звонарева сверкнул огонек раздражения.

- Во! Старшина заговорил: любитель порядка. Брось, ты мне уже не начальство! Пиджак...

Котлов вскочил с кровати и встал между товарищами. Обидным словом "пиджак" в Оренбургской школе называли курсантов, которым не давались полеты, тем, кого в конце концов по непригодности к летной службе отчисляли в пехоту или в "гражданку". Этим словечком однажды назвал Полбина инструктор Кривцов, немолодой, желчный человек, вскоре уволенный в запас. Полбин в первом самостоятельном вылете допустил "промаз" и, стремясь посадить самолет у посадочного Т, недостаточно погасил скорость. Самолет, ударившись о землю, дал высокого "козла". Это была единственная неудача Полбина за все время учебы, и он не любил об этом вспоминать.

- Будет вам, будет! - заговорил Котлов улыбаясь. - Оба вы летчики, это я пиджак. Ну!

Звонарев, развалясь, сидел на кровати и, приглаживая рукой вьющийся чуб, с усмешкой смотрел на Полбина, стоявшего у стола. На побледневшем от гнева лице "старшины" блестели серые неподвижные глаза, а на щеках подрагивали круглые желваки.

- Не смотри на меня так, будто я в строю с нечищеными сапогами, продолжал иронизировать Звонарев, хотя по тону его голоса чувствовалось, что делает он это больше по инерции и гнев товарища ему самому неприятен.

Полбин молчал. Потом разжал плотно сомкнутые губы и произнес:

- Молод еще!

Эти слова вдруг подействовали на Звонарева. Он действительно был моложе Полбина на четыре года. Он только

готовился вступить в комсомол, когда Полбина уже приняли в члены партии. Он был двадцатилетним юнцом, когда Полбин пришел в Вольскую школу в защитной гимнастерке с квадратиком командира взвода на петлицах. Звонареву стало неловко, и он, поднявшись, протянул руку.

- Ладно, старшина. Признаю, допустил промаз. В порядке исправления иду на второй круг. Но Полбин не подал руки.

- Не ломайся, - коротко ответил он, сел на свою кровать и, взяв со стола какую-то книжку, раскрыл ее.

Звонарев осторожно высвободил из-под его локтя гармонь, снял чехол. Растянув мехи, он озорно подмигнул Котлову, указывая глазами в сторону Полбина, продолжавшего смотреть в книжку.

Котлов тоже неумело подмигнул, и его широкое лицо расплылось в одобрительной улыбке. Звонарев пробежал пальцами по клавиатуре. Застучали костяные кнопочки басов и дискантов. Мелодия была еще неясна, она только рождалась, потом вдруг ее повел бойкий тенорок Звонарева:

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет наших птиц...

У Котлова не было слуха, он изрядно фальшивил, но подхватил, стараясь петь басом:

И в каждом пропеллере дышит

Спокойствие наших границ!..

Звонарев пригнул голову к мехам гармони и, полузакрыв глаза, словно прислушиваясь, в стремительном темпе проиграл несколько причудливых, им самим изобретенных "вариаций".

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Звонарев открыл глаза. Пело уже три голоса. Полбин отбросил книжку, подскочил к Михаилу, взял у него гармонь и, стоя посреди комнаты, продолжал играть. Песня была пропета до конца.

- Братцы! - воскликнул Звонарев. - Я и забыл про домашние гостинцы. Ну-ка, ужинать!

Он достал саквояж, раскрыл его и, держа навесу за одну ручку, начал выкладывать разную снедь. Появилось кольцо домашней колбасы, кусок сливочного масла, завернутый в капустные листья, баночка прозрачного меда, заботливо обвязанная тряпицей, целая горка румяных пирожков. Напоследок Звонарев выложил на стол две крупные головки чесночка и торжественно поставил маленькую бутылочку-"соточку" водки.

- Эх, запируем на просторе! - сказал он, отыскивая глазами место, куда бы можно было сесть. Котлов вытащил из-под кровати свой чемодан, подвинул его Звонареву.

- Салфеток, извините, не захватил, - тоном хозяина продолжал Звонарев, усевшись на чемодане. - Придется использовать газетку...

Пошарив в саквояже, он вытащил газету и уже взял ее за края, чтобы разорвать на две части, но вдруг скомандовал самому себе:

- Отставить. Нельзя эту.

Полбин, продолжавший наигрывать на гармони волжские частушки, повернул голову и сразу увидел на газетном листе крупные заголовки:

"Комсомолец, на самолет!

Товарищи летчики!

Крепче держать штурвалы воздушных кораблей."

Это был номер "Комсомольской правды" от 26 января с подписанным Ворошиловым приказом Реввоенсовета #12 и обращением IX съезда ВЛКСМ.

Сняв с плеча ремень гармони и отложив ее. Полбин крепко пожал руку Звонареву.

Глава III

В середине мая в школу стали прибывать партии учеников. К этому времени для них уже были выстроены казармы, учебные классы. Новенькие самолеты образовывали на аэродроме длинную линию, строгую прямизну которой подчеркивали винты, установленные параллельно земле - "на баланс".

В последних числах мая Полбина, Котлова и Звонарева вызвал начальник учебно-летного отделения Рубин и подвел их к карте крупного масштаба.

- В этом месте, - указал он карандашом на зеленое пятнышко, обозначавшее рощу, - у нас оборудуется запасная площадка. Там сейчас техник Терещенко с телефоном - и только. У него нет летнего комплекта посадочных полотнищ. Задача Котлову: взять полотнища и доставить на площадку. После того как он выложит Т, Полбину и Звонареву перегнать туда свои самолеты и ждать дальнейших указаний.

До новой площадки было недалеко - меньше часа полета. Котлов погрузил в заднюю кабину У-2 тюк с комплектом белых летних полотнищ и улетел. Вскоре он сообщил по телефону, что старт подготовлен.

Полбин и Звонарев вырулили на взлетную полосу. Оба одновременно дали газ, одновременно оторвались от земли и легли на курс.

Сначала самолеты чинно шли рядышком, соблюдая установленный интервал. И Полбину и Звонареву было хорошо известно, что на крыше штаба, на деревянной площадке с перилами стоит Рубин и, щурясь, смотрит вслед улетевшим. Он

будет провожать их взглядом до тех пор, пока они не исчезнут в небе, а потом, спускаясь по шаткой лесенке, сокрушенно скажет:

- Ну, теперь пошли куролесить! Он сам был летчик и понимал, как трудно этим молодым парням, лишь недавно узнавшим радость полета, каждый день "ходить по веревочке" над аэродромом, чувствовать на себе чей-то строгий взгляд с земли... Ведь так хочется иной раз вместо пологого разворота с креном на столько-то градусов заложить крутой вираж, поставить самолет крылом в землю, потом разогнать и описать в небе захватывающую дыхание петлю... Они взрослые люди, эти летчики-инструкторы, но в свободном полете в каждом из них просыпается резвящийся школьник, который ждет, пока учитель отвернется.

И действительно, едва аэродром скрылся за полоской леса, Звонарев резко сократил интервал. Подойдя к самолету Полбина так близко, что можно было разобрать выражение глаз под опущенными очками, он сделал приглашающий жест рукой: "крутанем петельку, а?"

Порыв ветра тряхнул оба самолета, крылья их едва не коснулись. Полбин кулаком погрозил Звонареву, тот улыбнулся. Приглашение было очень заманчивым. Они уже раньше пробовали "крутить" петлю вместе. Сначала не удавалось сделать ее согласованной, но потом, когда на земле было условлено, какую скорость держать при вводе в пикирование и в какой момент брать ручку на себя, оба самолета, будто связанные, красиво описывали в небе огромный круг.

Однако сейчас Полбин решил не поддаваться искушению. Его не пугало то, что Рубин может связаться по телефону с Котловым и по расчету времени установить задержку самолетов в пути. Время можно наверстать: набрать высоту, а потом итти с большой скоростью на крутом планировании.

Полбина насторожило другое. Впереди на горизонте он увидел большое облако. Его неровная белоснежная вершина сверкала под лучами солнца, а низ был темный, тяжелый и как бы срезанный острым ножом. Третьего дня была первая сильная гроза, она могла повториться.

Беспечный Звонарев едва ли думал об этом. Не дождавшись товарища, он сделал "горку", другую, потом стал набирать высоту. Полбин следил за ним и вдруг вспомнил разговор, который произошел недавно на аэродроме. Начал его Звонарев. Он сказал, что не рассчитывает долго "ходить в инструкторах" и при первой возможности будет проситься в истребительную авиацию. "Там, по крайней мере, чувствуешь, что ты летчик, - сказал он. - Хоть и короткий полет, зато окоростя какие! Сумасшедшие". Полбин

поправил: "Не скоростя, а скорости. Это во-первых, а во-вторых - мне больше нравится бомбардировочная..." Звонарев возражал с обычной запальчивостью: "Настоящий летчик говорит "скоростя". А в бомбардировочной, по-моему, служат только тихоходы, извозчики..."

После ссоры в день приезда Звонарева Полбин старался сдерживать себя. Он ответил, что бомбардировщик нравится ему по двум причинам: во-первых, у него больше радиус действия, и летчик всегда будет находиться в воздухе не час-полтора, а много часов, можно налетаться всласть; во-вторых, не всегда бомбардировщики будут тихоходными - появятся скоростные машины, не уступающие истребителям.

Размышления Полбина прервались. Самолет Звонарева стремительно понесся вниз, потом стал задирать нос и вот уже на какую-то долю секунды оказался вверх колесами. Опытным глазом Полбин определил, что разгон был дан недостаточный. Зависнет или не зависнет? Однако Звонарев во-время дал газ, мотор зарокотал, и самолет, описав полную окружность, плавно закончил петлю.

Полбину тоже неудержимо захотелось проделать эту фигуру. Он уже сжал левой рукой гладкий шарик сектора газа, чтобы увеличить скорость. Но по крылу самолета вдруг пробежала зыбкая тень, и Полбин, подняв голову, увидел над собой рыхлое облачко. Это оно перекрыло солнце. Сразу посвежело, и туча на горизонте быстро понеслась навстречу. Ее белый гребень уже не был виден, он ушел далеко вверх. Самолеты приближались к сплошной темной стене.

Звонарев снизился и, став слева у Полбина, поднял руку: "Давай перебираться через эту стенку". Полбин отрицательно покачал головой: "Не к чему зря рисковать". В ответ Звонарев сделал жест, означающий "как хочешь", и упрямо полез вверх. Скоро он скрылся в облачности. Полбин продолжал лететь на прежней высоте.

Встречный ветер мчал с запада мощное грозовое облако. Его темносинюю клубящуюся массу изредка распарывали молнии. Ослепительно сверкая, они возникали на уровне борта самолета и уходили вниз, к земле. Какая-то деревушка промелькнула в сизом туманном просвете. Единственная улица была пустынна, только на околице девочка гонялась за теленком.

Полбин подумал: там, внизу, все замирает при вспышках молний, а он здесь видит их рождение, видит начало блестящих ломаных линий, вонзающихся в землю...

Он вдруг почувствовал себя сильным и хитрым. Это был момент, когда из восхитительного ощущения бесстрашия

рождается победа над опасностью. Нет, он не станет перебираться через эту черную стену. Никто не знает, как она высока и какие сюрпризы ждут на этом пути. Он обойдет ее и выйдет у нее за спиной, покажет ей язык.

Разворачивая самолет, Полбин почувствовал, как лицо больно укололи острые иглы. Начался дождь. Лакированные поверхности крыльев заблестели.

Он поправил очки и, ощущая всем телом, как яростно напирает на него грозовая туча, продолжал вести самолет вдоль нее. Только бы опередить, выскочить к ее оконечности раньше, чем она подойдет вплотную.

Хлынул настоящий ливень. На полу кабины появились струйки воды.

Вобрав голову в плечи, не отводя глаз от приборной доски, Полбин продолжал лететь тем же курсом.

А на запасной площадке в это время тревожно поглядывал в небо Федор Котлов. Десять минут назад пронесся шквальный грозовой ливень. Мокрая молодая трава ярко блестела, вода хлюпала под ногами, но грунт остался твердым, пригодным для посадки. Федор, не обращая внимания на промокшие сапоги, похаживал вдоль посадочного Т и то и дело поправлял концы полотнищ, загибаемые ветром. Он собрал уже все камни, какие только оказались поблизости, и придавил ими полотнища. Несколько раз он направлялся к палатке с телефоном, но, взглянув на часы, возвращался: время еще не вышло.

На востоке, откуда должны были прилететь Полбин и Звонарев, было темно. Ветер дул в ту сторону, туча двигалась навстречу самолетам, но как далеко она ушла, определить было трудно. Нельзя было также определить высоту облачности. Сколько - две, три тысячи метров? Может, такая высота, что У-2 и не переберется через тучу? Значит, сверху ждать самолетов нечего, а в обход ни Полбин, ни Звонарев не пойдут, оба горячие и упорные. Да и неизвестно, сколько обходить надо, вон как она расстелилась, на половину горизонта. Федора окликнули из палатки:

- К телефону!

Говорил Рубин. Он сказал, что к аэродрому с запада идет грозовой фронт, и спросил, прибыли ли самолеты. Ответ Котлова удивил его. Видимо не желая обнаружить тревоги, он сказал:

- Ничего, притопают. А вы мне докладывайте через каждые десять минут. Но сам позвонил несколько раньше и сообщил:

- Звонарев израсходовал горючее и вернулся. Полбина нет. - Помолчал, подул в трубку и добавил: - Следите и докладывайте. Если через полчаса не будет, вылечу на его розыски по маршруту.

Котлов положил трубку на зеленый ящичек полевого телефона и вышел из палатки. Небо над головой совсем очистилось от облаков, а на востоке продолжала стоять темная стена. Узкая светлая полоска, отделяющая ее от горизонта, была подернута косой штриховкой дождя.

Вслед за Федором вышел техник Терещенко, пожилой, уже за сорок, человек со впалыми, плохо выбритыми щеками и глубокой круглой ямочкой на подбородке. Он начал служить в авиации еще во времена Нестерова, был мотористом на первом в мире четырехмоторном бомбардировщике "Илья Муромец". По давней привычке Терещенко часто называл самолет "аппаратом" и особенно любил вворачивать в разговор словечко "данный". Поучая молодежь, он говорил: "обратите внимание на данный винтик" или "данная трубка служит..." Курсанты прозвали его "товарищ Данный". Он знал об этом и не обижался. У него было две страсти: объяснять устройство самолета и рассказывать о разных случаях из жизни летчиков.

Видя, как волнуется молодой инструктор, Терещенко заговорил:

- А вы не беспокойтесь. Прилетит. Матчасть нынче хорошая, в воздухе не разломается. Не то, что было когда-то, вот как вы еще пешком под стол ходили.

Федор, не оборачиваясь, продолжал смотреть на небо, на уходившую все дальше тучу, в темной глубине которой изредка вспыхивали молнии. Техник стоял у него за спиной и говорил:

- И летчики сейчас не те. Все наш брат - рабочий да крестьянин, крепкой кости люди. А раньше кто был? Дворянчики разные, белоручки. Хлипкий народ. Помню, у нас году в четырнадцатом был такой случай. Приказали мне вырыть земляночку для хранения бидонов с касторкой - тогда как авиамасло она употреблялась. Копаюсь я понемножку и слышу вдруг голос: "Эй, кому могилу роешь?" Кто спрашивает, мне не видно, по голосу дружка своего признал, моториста, и говорю: "Может, и тебе, почем знаю". А когда поднял голову вижу, ошибся. Стоит надо мной летчик, поручик князь Валевский. Сапожки лакированные, тросточка и перчатки в руках. Замахнулся на меня: "Ух, ты, хам, мне ведь сегодня лететь!" Сплюнул и пошел. И представьте себе, действительно гробанулся данный князь на посадке... Да что вы беспоко...

Техник оборвал себя на полуслове, так как Федор порывисто повернулся и пошел в палатку. Покрутив ручку телефона, он вызвал Рубина:

- Докладывает летчик-инструктор Котлов...

- Прилетел? - донесся голос. У Котлова дрогнуло сердце:

втайне он надеялся, что Полбин, как и Звонарев, вернется на аэродром школы. Теперь оставалось предположить одно из двух: либо Полбин попал в грозовую облачность и крылья его самолета, брошенного могучим воздушным потоком, сложились, как у стрекозы, когда она сидит на подрагивающем листе дерева. Либо Иван совершил вынужденную. Мог скапотировать на мокрой пашне, опрокинуться на спину, и, возможно, висит где-нибудь вниз головой на привязных ремнях...

- Чопает! - раздался снаружи голос Терещенко. Ничего не ответив Рубину, Федор бросил трубку и выскочил из палатки.

- Где? - закричал он, ничего не увидев на фоне тучи.

- Не туда смотрите. Вот он! Самолет шел не с востока, откуда его ждали, а с запада. Расположенные одно над другим крылья его проектировались на светлом небе, как две темные черточки - точь-в-точь математический знак равенства из ученической тетради.

"Успею доложить", - подумал Федор и бегом вернулся в палатку. Рубин дул в трубку и сердито кричал: "Котлов! Котлов, где же вы?"

- Надо мной, высота четыреста метров, самолет, - торопливо заговорил Федор. - Должно быть, Полбин!..

- Кому же еще быть, - успокоенно ответил Рубин. - Принимайте!

- Есть!

Самолет снижался. С земли уже был слышен свист ветра в тросах и расчалках, доносилось тихое позванивание крутящегося винта.

- Без мотора идет, - сказал Терещенко, предупреждая вопрос Котлова. Уточняет расчет на посадку.

Но вот в воздухе раздался громкий хлопок, другой, позади самолета родилось и растаяло голубое облачко дыма, и небо наполнилось веселым рокотом мотора.

Приземление Полбин рассчитал точно. Самолет коснулся травы у самого Т и побежал по полю, переваливаясь с крыла на крыло, как утенок. Фонтанчики воды вылетали из-под его колес.

- Эх, золотой летчик будет! - восторженно воскликнул техник.

Федор не выдержал и, швырнув белый сигнальный флажок, помчался вслед. Но Полбин уже погасил скорость, развернулся и рулил навстречу. Увидав Котлова, он убрал газ.

- Откуда, парнище? - радостно крикнул Федор.

- Из лесу, вестимо! - донеслось из кабины. Котлов взялся за оконечность крыла и помог Полбину зарулить на стоянку рядом со своим самолетом.

- А Мишка не прилетел? Что с ним? - тревожно спросил

Полбин, вылезая из кабины.

- Вернулся.

- Я так и думал. Понесло его, черта упрямого, в эту муру. Сорок минут я ее обходил.

Полбин стащил с головы шлем, обтер шею и лоб. Он был возбужден, глаза его то останавливались на лице Федора, то перебегали на палатку, на пустынное зеленое поле аэродрома, ограниченное с двух сторон кудрявой рощицей, то поднимались к небу, чистому и бездонно глубокому, полному света и солнца.

- Это кто там у палатки? - опросил он. - Товарищ Данный?

- Он самый. Опять веселил меня страшными историями. Успокаивал. Полбин рассмеялся.

- Этот успокоит! А старик он хороший. Золотые руки. Я его в полете вспоминал. Трепало так, что косточки рассыпать можно. Но, думаю, товарищ Данный машину готовил - все в порядке будет. А знаешь, почему я с запада вышел? Федор простодушно предположил:

- Потерял ориентировку?

- Ну, нет, что ты. Грозу обходил - вижу, на на данной высоте не дойду. Тогда я полез вверх, там ветер уже не встречный, а боковик, стало легче. Он меня и отнес в сторону, хотя твое Т я сразу увидел.

Они вошли в палатку, и Полбин сам связался с Рубиным. Вначале он бойко рассказывал о том, как менял режимы полета, потом запнулся, не закончил фразы и, слушая, стал отрывисто повторять:

- Да. Понятно... Слушаюсь...

- Что он? - обеспокоенно спросил Котлов, когда Иван с потускневшим лицом осторожно, как стеклянную, положил трубку.

- Ругается. Прямо матом кроет. Почему не вернулся, говорит. А зачем посылал?

- Это он по привычке, - заметил Федор. - Для страху. А сам, небось, доволен.

- Не знаю. Вмешался товарищ Данный:

- А я знаю. Вас обругал, а сам проект приказа готовит: инструктору Полбину благодарность...

Позже Котлов и Полбин узнали, что Звонарев, вернувшийся с пустым бензиновым баком, едва дотянул до аэродрома и приткнулся около изгороди, сломав обе подкрыльные дужки.

Глава IV

Если бы Полбина спросили, как он провел лето тридцать первого года, ответ был бы предельно кратким: "Вывозил".

Не всем понятное слово это в основном довольно точно

передает содержание работы летчика-инструктора. Рано утром на росистой траве перед ним выстраиваются учлеты. Инструктор объясняет задачу дня. Взлет, развороты над аэродромом, посадка. Беглым опросом проверяет знание основных пунктов наставления по производству полетов. Потом называет фамилию первого, кому предстоит быть "вывезенным", и идет с ним к самолету.

Курсант садится в переднюю кабину, инструктор располагается сзади. Управление самолетом сдвоенное, в каждой кабине ручка, ножные педали, сектор газа. На приборной доске инструктора те же приборы, что и перед глазами ученика.

Все, что делает один, видит, ощущает другой. На первых порах инструктор сам производит взлет, развороты в воздухе, посадку. Ученик пока только "держится за ручку", привыкая к движениям и действиям, которые ему в недалеким будущем придется проделывать самому. Все он должен запоминать, затверживать, вырабатывать автоматические навыки.

Человек как бы "учится ходить" в воздухе. И ему поначалу дают возможность "держаться за спинку кровати". Инструктор, от которого не ускользает ни один неверный шаг обучаемого, говорит в переговорную трубку: "Не торопись с разворотом... Убери лишний крен... Задираешь, выровняй".

Но вот приходит день, когда спасительную опору отбирают. Инструктор остается на земле, на его место во вторую кабину кладут мешок с песком.

Легкий холодок проходит по спине учлета, ставшего вдруг полновластным хозяином машины, в моторе которой заключена сотня лошадиных сил. Он испытывает и чувство неуверенности, и желание не ударить лицом в грязь, и дрожь, какая охватывает перед прыжком в студеную воду...

Он начинает лихорадочно перебирать в уме все правила, как бы перелистывая учебник по теории полета. Вот глава: "Взлет". Дается газ на разбеге. Ручка управления в нейтральном положении, как карандаш, поставленный на стол. Потом она слегка отдается от себя, чтобы самолет мог поднять хвост. Машина покатится только на двух резиновых колесах.

Но вот дрожащие стрелки счетчика оборотов и указателя скорости показывают, что можно взлетать. Самолет уже в воздухе. Земля начинает "оседать", но она еще совсем рядом. Кажется, стоит только свеситься за борт - рукой достанешь. Но думать об этом некогда. Нужно продолжать "выдерживание" на малой высоте, пока не будет нужной скорости. Ручка опять в нейтральном положении, а через секунду ее уже можно "выбирать".

Так начинается набор высоты. Земля уходит все дальше и

дальше. Дома, деревья непривычно поворачиваются верхней своей стороной, как бы валясь навстречу самолету.

И учлет только теперь замечает, что он без учебника и подсказки сам поднял в воздух девятьсот килограммов дерева, железа, проволоки, хитро скомпанованных в летательную машину. Ему хочется подольше побыть наедине с этим весело урчащим мотором, с зеркальными солнечными бликами на лакированных крыльях.

Но на земле, запрокинув голову, стоит инструктор. Он уже видит, что подошло время первого разворота, и кричит, сложив ладони рупором, словно его можно услышать: "Разворот! Разворот, говорю тебе! Чего зазевался? Ага! Так, хорошо. Стой, ногу передал... убери, убери левую... Правильно..."

Трудно оказать, кто больше волнуется в этом первом самостоятельном полете - инструктор или ученик!

После посадки, если она хороша, инструктор пожимает руку ученику и поздравляет его. И будь инструктор даже самым скупым на слова человеком, он постарается найти фразу, которую потом долго, может быть всю свою жизнь, будет помнить ученик: ведь это первый в жизни полет, начало летной биографии!

Пройдут годы, ученик может стать Чкаловым или Покрышкиным, облетает половину земного шара, но запомнит день и число, когда он вылетел на учебном самолете, и запомнит фамилию инструктора, который "вывез" его.

Ни Полбин, ни его товарищи тогда не думали об этом. Они были поглощены одной заботой: выпустить всех закрепленных за ними курсантов, сделать летчиком каждого из них.

Звонарев считал, что ему попались самые неудачные "студенты", как он называл своих подопечных. То одного, то другого он зачислял в категорию "пиджаков" и нередко жаловался по вечерам, когда три инструктора собирались вместе (они жили теперь в большом новом доме, каждый занимал комнату с дверью, выходившей в общий коридор).

- Видали моего Корочкиина? Высокий, нескладный такой, торчит в кабине, так что я все время боюсь, как бы его встречным потоком не переломило. Зажимает и все.

- Что зажимает? - спрашивал Котлов, предвкушая очередную вспышку товарища.

- Ну вот, тебе еще объяснять! - немедленно "заводился" Звонарев. - Ручку зажимает, не критику. Только скажу "передаю управление", чувствую: вцепился он в нее, как девушка на качелях. Сейчас, думаю, скажет "а-ах!" - и в обморок. А машина то боком, то на хвост, то на крыло валится, ровно товарищ Данный после второй полулитровки. Я дергаю, а он не выпускает, пока не

заорешь на него с упоминанием святых.

- А ты не ори, - назидательно говорил Котлов и указывал на облицованную листовым железом печь. - Если невозможно терпеть, копи до вечера и на ней испытывай свою систему словесного воздействия. Она любое количество святых выдержит.

- А что? - хорохорился Звонарев. - Я из этой печки скорее летчика сделал бы!

Полбин редко принимал участие в таких спорах. Он слушал товарищей, а сам перебирал в уме своих учеников. У него тоже были "трудные", требовавшие от инструктора большого терпения и выдержки. Особенно долго пришлось возиться с одним белобрысым пареньком из Белоруссии. На земле он производил впечатление самого смышленого и расторопного: никто не мог лучше, чем он, ответить на все вопросы теории полета, объяснить действие рулей управления, разобрать устройство пилотажных приборов. Но в воздухе, как только Полбин передавал ему управление, Буловатский (так звали паренька) становился деревянным. Все заученные правила вылетали из его головы, он терял координацию движений и только крепко зажимал ручку. В зеркале, укрепленном на стойке самолета, Полбин видел его искаженное лицо с остановившимися глазами и тотчас же вспоминал слова Рубина, которому рассказывал об этом курсанте: "все признаки скованности".

- Может быть, отчислить, а? - спросил его однажды Рубин после очередного доклада о невыполненной Буловатским задаче. - Вы знаете, это ведь явление уже изученное и имеет свое название: скованносгь движений. Это непреодолимо, верьте моему опыту.

- Но он у меня по теории и по знанию матчасти лучший в группе, неуверенно возразил Полбин.

- Ну и что же? - Рубин потер рукой бритую голову. - Вы грамоте учились? Полбин удивленно вскинул глаза.

- Учился.

- Пишете без ошибок?

- Кажется, да.

- И грамматические правила знаете? Ну, там - правописание безударных гласных, шипящих, склонение существительных, спряжение глаголов...

- Основные помню, - ответил Полбин, все больше недоумевая.

- Сейчас поймете, - сказал Рубин, заметив его недоумение. - У нас в гимназии - я ее, знаете, еще захватил - был такой ученик, Володя Светлозубов. Сын лавочника, торговца керосином. Зубрежник редкостный. Родители применяли по отношению к нему политику кнута и пряника. За каждое выученное

грамматическое правило пятиалтынный давали, за невыученное секли нещадно. И получалось так, что Володька наизусть все правила знал - и морфологию и синтаксис. Разбуди ночью, спроси любое, он, как заведенный, начнет читать: "глаголы, имеющие во втором лице единственного числа окончание "ешь", а в третьем лице множественного числа "ут, ют", относятся к..." - Рубин сделал паузу и быстро взглянул на Полбина: - к какому спряжению?

- К первому, - так же быстро ответил Полбин и всем видом своим изобразил нетерпеливое желание закончить этот не идущий к делу разговор о грамматике. Рубин улыбнулся.

- Нет, вы дослушайте, - сказал он. - При таком сверхотличном знании правил Володька все же сыпался на диктантах. На всех буквально. По количеству ошибок бил самые невообразимые рекорды. Сорок, пятьдесят ошибок в диктанте на двух страницах! А когда Володька завалился на переводном экзамене в конце года, Валерий Герасимович, наш преподаватель изящной словесности, сказал ему торжественно при всем классе: "Светлозубрежников! Я тебе присваиваю это новое имя. И помяни меня в конце жизни своей: никогда ты грамотно писать не будешь!" Потом лукаво подмигнул нам, пацанам, подозвал Володьку к доске и спрашивает: "Какое окончание имеют глаголы первого спряжения во втором лице единственного числа?" Тот отвечает без запинки, полностью по учебнику. "Хорошо, бери мел. Напиши: "не будешь".

И Светлозубов под общий хохот начертал: "ни будишь"...

Рубин весело рассмеялся, оттолкнувшись обеими руками от стола и запрокинув голову на спинку стула. Полбину вдруг представилось, как он смеялся тогда, давно, одетый в гимназическую курточку, за партой, изрезанной ножами и вымаранной чернилами.

- Разрешите мне не делать выводов из этой басни? - хмуро сказал он.

- Почему же? - Рубин сразу стал серьезным.

- Во-первых, потому, что вы видите аналогию там, где ее нет. Во-вторых, потому, что Буловатский научился читать уже после семнадцатого года. Лесоруб он, а не лавочников сын.

Ответ Полбина прозвучал несколько грубо, но Рубин сделал вид, что не заметил этого, и закончил вставая:

- Хорошо. Я не навязываю вам своих взглядов. Я хотел только дать совет, исходя из долголетней практики. Можете итти.

Полбин ушел с тяжелым сознанием взятой на себя дополнительной ответственности. Он понимал, что если не удастся выпустить Буловатского, престиж его как инструктора

будет серьезно поколеблен. Об этом позаботится прежде всего сам Рубин. Он не простит прямолинейности, с которой Полбин дал ему понять, что не питает особого уважения к принципам старой школы, считавшей авиацию уделом избранных. Конечно, Рубин опытный летчик, хороший командир и организатор, но закваска в нем еще дореволюционная.

"А все-таки буду возить", - упрямо решил Полбин, и наследующий день отвел Буловатскому вдвое больше времени, чем обычно. Курсанты, которым пришлось долго ожидать очереди на полет, с неудовольствием посматривали на белорусского лесоруба, который отлично владел топором, но не мог ничего поделать с легкой ручкой управления самолетом.

Прошло еще несколько дней. Буловатский продолжал вести себя в воздухе так же, как и в первом полете.

Тогда Полбин решился на рискованный эксперимент. Незаметно для ученика он положил в свою кабину запасную ручку управления и, поднявшись в воздух, набрал высоту.

- Передаю управление, - сказал он Буловатскому, когда прибор показал девятьсот метров.

- Есть! - с готовностью ответил ученик, и в ту же минуту самолет заплясал в воздухе. То он задирал нос и замирал на мгновенье, как остановленный на полном скаку конь, поднявшийся на дыбы, то вдруг начинал стремительно скользить на правое крыло, потом на левое... "Только бы не свалил в штопор", подумал Полбин и, подав Буловатскому сигнал "внимание", вынул из гнезда свою ручку управления. Не успел курсант сообразить, что от него требует инструктор, как ручка полетела за борт.

Лицо Буловатского покрылось мертвенной бледностью, и Полбину даже показалось, что он видит в зеркале капельки пота, выступившие на носу ученика. Полбин взглянул на высотомер, отметил потерю высоты и нащупал запасную ручку, как вдруг почувствовал, что самолет пошел ровнее. Шарик управления газом двинулся вперед - значит, Буловатский догадался увеличить скорость. Понимает высоту надо сохранять.

- Правильно! - крикнул Полбин в переговорное устройство. - Горизонт держи! Смотреть вперед!

Ножными педалями он помог ученику выровнять крен. Буловатский зафиксировал это положение.

- Убери газ. Держи тысячу четыреста!

В зеркало было видно, как Буловатский бросил взгляд на счетчик оборотов. Стрелка на нем остановилась против указанной Полбиным цифры.

- Молодец! Иди по прямой...

Что-то похожее на улыбку мелькнуло на все еще бледном лице Буловатского. Он почувствовал власть над самолетом, понял, что машина подчиняется ему. "Я лечу, я! Сам лечу!" - говорили его глаза, заблестевшие радостью первой удачи.

- Так. Хорошо! Так, - приговаривал Полбин, как бы подтверждая: "Да, летишь. Сам летишь..."

Потом он окинул взглядом землю, затянутую голубоватой дымкой, увидел крохотный аэродром с разбегающимся самолетом и приказал:

- Левый разворот! Ручку влево. Ногу не забудь... Самолет развернулся не совсем идеально, почти без крена, "блинчиком", но это вызвало на лице Буловатского уже настоящую улыбку радости.

"Вот тебе и признаки скованности", - подумал Полбин, испытывая неудержимое желание сказать ученику тут же, немедленно, что-то хорошее, теплое.

Между тем Буловатский освоился настолько, что уже стал различать землю, нашел глазами аэродром и самостоятельно сделал новый разворот в его сторону.

- Будешь сажать? - с улыбкой спросил Полбин.

- Ой, нет! - по-детски испуганно воскликнул Буловатский. Он вспомнил, что в кабине инструктора нет ручки управления, и очарование полета разом покинуло его. Он ни за что не посадит машину, разобьется сам и погубит инструктора.

- Ладно. Внимание! - сказал Полбин, вставляя в гнездо запасную ручку. Беру управление.

Щеки Буловатского надулись и тут же опали, - видимо, он облегченно вздохнул. Покачав ручку вправо и влево, Полбин ощутил, что она совершенно свободна. Ученик перестал зажимать управление.

Навстречу снижающемуся самолету быстро неслась зеленая трава аэродрома.

Глава V

Никому, кроме Федора Котлова, не сказал Полбин о том, каким образом ему удалось преодолеть "скованность движений" Буловатского. Он не считал примененный им прием правильным с точки зрения летной педагогики. Ученик мог совсем потерять голову, чувство боязни стало бы постоянным, и тогда его пришлось бы действительно отчислить из школы как безнадежного.

Идя на этот не предусмотренный никакими инструкциями шаг, Полбин рассчитывал на одну подмеченную им особенность характера Буловатского. Молодой белорус принадлежал к тем людям цельной и крепкой натуры, которые в минуту опасности,

грозящей не только им, но и окружающим, забывают о себе и думают прежде всего о других. Правильность этого расчета подтвердил потом сам Буловатский. Когда машина приземлилась, он сказал Полбину: "Я так боялся, что разобью на посадке машину и вас... пока лечу".

Товарищам Буловатский не рассказал ничего. Так до самого выпуска никто и не узнал, благодаря кому комсомолец Дмитрий Буловатский, находившийся под угрозой списания на землю ("в технари или интенданты пойдете", - говорил в таких случаях Рубин), все же надел синий френч летчика Военно-Воздушных Сил.

Полбин был доволен и горд тем, что в его комсомольской группе ни одного курсанта не отчислили по неспособности к летному делу.

Подошло время отпуска. Звонарев уложил свой саквояж, перекинул через плечо гармонь в новом чехле из парашютной сумки, с блестящими замочками, и укатил на родину, в один из южных украинских городов.

Полбина и Котлова премировали санаторными путевками. Но они, посовещавшись, пошли к комиссару школы и попросили "чего-нибудь попроще".

Тогда им дали путевки в институт физических методов лечения, который находился в Чернигове. И они поехали в Чернигов.

Дорога заняла больше суток, так как нужно было ехать с пересадками. На станциях Полбин и Котлов пили чай с черными соевыми коврижками, играли в домино. Они чувствовали себя несколько стесненно от пристальных взглядов, которыми сопровождали их пассажиры, кондуктора, буфетчики. Недавно введенная новая форма Военно-Воздушных Сил - темносиняя шинель, голубые петлицы, нарукавный знак в виде раскинутых крыльев со скрещенными посредине мечами привлекала всеобщее внимание. Особенно заглядывались на двух молодых летчиков девушки и мальчишки-подростки. Поезд пришел в Чернигов ночью. После недолгого блуждания по слабо освещенным улицам Полбин и Котлов вышли к центру города и нашли "инфизмет". В длинном коридоре у тумбочки с лампой, положив голову на спинку глубокого кресла, дремала пожилая женщина. Голова ее была повязана белым платком, руки покойно скрещены на груди. Не разнимая их, женщина поднялась навстречу вошедшим.

- До нас, чи що? - спросила она певучим голосом, в котором совсем не было сонных ноток.

- Наверное, до вас, мамаша, - ответил Котлов и стал расстегивать шинель, чтобы достать документы.

- С путевками, мабуть, - сказала женщина, останавливая его жестом. - Що ж с вами робить?

- А что?

- Та нема ж никого в канцелярии... Ранком с девяти будут.

Женщина выкрутила фитиль лампы. Темнота торопливо отбежала в оба конца коридора, и тотчас в одном из них раздался голос:

- Кто там, Степановна?

Где-то в глубине коридора открылась боковая дверь, прямоугольник света лег на пол, покрытый узкой ковровой дорожкой.

- Хиба вы не спите, Мария Николаевна? А я думала, спите. Тут ось новенькие приехали...

В прямоугольнике света появился женский силуэт, и тот же голос произнес:

- Идите сюда, товарищи.

Осторожно ступая по ковру, задевая плечами за листья фикусов, расставленных вдоль стен, Полбин и Котлов пошли на свет.

- Только дверь не закрывайте, - крикнул Котлов, - а то мы без ориентира собьемся с курса.

- Хорошо, - ответили из темноты. Они вошли в ярко освещенную электрической лампочкой комнату. Прикрывая дверь, Полбин успел заметить на ней табличку с надписью: "Дежурная сестра. Чергова сестра".

Комната была небольшая, с одним широким окном, снизу до половины закрытым белой занавеской на шнурке.

За столом, придвинутым одним краем к окну, стояла Мария Николаевна, оказавшаяся совсем молоденькой девушкой лет двадцати. На ней был белый, сильно накрахмаленный халат и такая же повязка на голове. Повязка туго охватывала остриженные по моде волосы: они были ровно подрезаны чуть ниже маленьких розовых ушей, а лоб прикрывала русая челочка, проходившая уверенной прямой линией над самыми бровями.

И, наверное, оттого, что девушка зарделась от неожиданности и, стараясь сохранить независимый и солидный вид, сдвинула к переносице маленькие светлые брови, золотившиеся под светом лампы, она сразу поразила вошедших своей необычайной юностью: ведь ничто не делает юность такой милой и привлекательной, как ее желание казаться взрослой и солидной.

Минуту длилось обоюдное замешательство.

В комнате все сияло чистотой и свежестью, в ней было неожиданное обилие белого: деревянная койка с наклонным изголовником, покрытая белоснежной простыней, прозрачный

белый шкаф с посверкивающими никелем инструментами на стеклянных полках, белая тумбочка... И летчики почувствовали себя так, словно они попали на первомайский праздничный вечер в зимних меховых комбинезонах и тяжелых унтах. Оба одновременно посмотрели на свои сапоги, порыжевшие от толстого слоя пыли, и оба подумали, что чемоданы в этой комнате явно некуда поставить. Пусть бы хоть Мария Николаевна была постарше, - например, в очках и с седыми волосами, как хирургическая сестра из санчасти.

А девушка смутилась не только от неожиданности. Она впервые в своей жизни видела летчиков, людей, которые сидят в тех самых аэропланах, что пролетали иногда над Черниговом. Они всегда летели очень высоко, напоминая маленьких, сердито гудящих железных птиц, и потому думалось, что ими управляют такие же маленькие сердитые человечки. Как-то не верилось, что там сидят обыкновенные люди, которые на земле, как и все, входят в комнаты, разговаривают, читают книги...

Сейчас эти люди стояли перед нею с чемоданами в руках, в расстегнутых шинелях, открывавших белые воротнички сорочек и черные шелковые галстуки.

Но через секунду она забыла, что это летчики, представители удивительной профессии, и рассматривала их с обычным человеческим любопытством, быстро и бессознательно оценивая каждого, сравнивая их друг с другом.

Один был довольно высокого роста, черноволосый, с густыми бровями и широким загорелым лицом. Он явно старался держаться побойчее и, сложив губы, как для свиста, с беззаботным видом обшаривал комнату карими глазами, в которых светилась ироническая усмешка.

Другой снял синий остроконечный шлем, переложил его в левую руку, державшую чемодан, а правой пригладил русые волосы. Быстрым движением пальцев он проверил пробор, потянулся к нагрудному карману, в котором, очевидно, находились расческа и зеркальце, но передумал и снова надел шлем. Это движение не ускользнуло от внимания девушки, и она невольно подумала: "понравиться хочет", а подумав так, сама пристально и в то же время робко заглянула в лицо летчику.

Она встретила направленный на нее спокойный взгляд серых глаз, чуть сощуренных, острых и каких-то необыкновенно внимательных, сразу очень много вбирающих; ощутив это, она подумала, что, должно быть, такие глаза у большинства летчиков, и улыбнулась своей неожиданной мысли.

Девушка еще не успела решить, кто же из двух приезжих "симпатичнее", но ей было приятно отметить, что голос у этого,

второго, чистый, приятного низкого тембра.

- Будем знакомиться, Полбин, - сказал он, шагнув к столу.

- Маша, - ответила девушка, протягивая руку, но спохватилась и отрекомендовалась полностью: - Мария Николаевна Пашкова.

- Очень приятно, - галантно проговорил черноволосый и тоже подошел к столу: - Федор Котлов.

Она опять ответила:

- Мария Николаевна Пашкова. Обменявшись рукопожатием, Федор решил, что поскольку напряжение снято, можно располагаться как дома. Он сделал шаг к деревянной койке и, намереваясь поставить на нее чемодан, завернул край хрустящей простыни.

- Нельзя, - вдруг строго сказала Мария Николаевна и быстрым движением поправила простыню. - Это койка для обследования больных, вы можете занести инфекцию.

- А-а... - неопределенно протянул Федор и с комическим выражением лица повернулся к Полбину, как бы прося защиты.

Тот молча поставил свой чемодан к стене, у самой двери. Сняв шинель, он аккуратно вывернул ее наизнанку и положил на чемодан.

- Не бойтесь, не пачкает, - проговорила девушка, увидев, что Полбин проверил, не появились ли на воротнике шинели следы известки. В доказательство она быстро мазнула по стене рукой и показала чистую розовую ладошку.

Котлов тоже разделся и держал шинель в руках, не зная, куда ее положить.

- А стульев у вас не бывает? - спросил он.

- Сейчас дам, извините, - спохватилась Маша.

Из коридора она принесла два венских стула с плетеными сиденьями.

- Садитесь и доставайте свои путевки. На столе лежала раскрытая толстая книга. Страницы ее были придавлены большим красным яблоком со свежим надкусом. Маша закрыла книгу, оставив яблоко на месте как закладку, и отодвинула на край стола. От резкого движения дрогнул и зашелестел пучок бессмертников в граненом чайном стакане.

- В порядке? - улыбаясь, спросил Котлов, когда Пашкова пробежала глазами путевки.

- Не совсем... - она взяла по одной бумажке в каждую руку и через стол протянула их Полбину и Котлову, сидевшим напротив.

- Печать забыли поставить? Нам далеко возвращаться...

- Нет, не печать. Вы просто не туда попали.

- Как не туда? - встрепенулся Полбин и полез в боковой

карман френча за спрятанной уже путевкой.

В голосе его был такой неподдельный испуг, что девушка не удержалась от смеха.

- Нет, нет, к нам. Только у нас стационар, а вам нужно в филиал.

- А где же этот филиал?

- Здесь. Около самой Десны. В доме губернатора.

- Какого губернатора?

- Бывшего, конечно. Этот дом все еще так называют. Любой мальчишка покажет.

- Разве это далеко?

- Километра два будет.

Полбин и Котлов молча переглянулись. Им не очень улыбалась перспектива нового путешествия по пыльным, темным улицам спящего города. Они и так уже ругались по дороге со станции: октябрь на дворе, морозно, а под ногами пыль...

- Положение хуже губернаторского, - низким басом сказал Федор и красноречиво зевнул.

- Нет, Мария Николаевна, мы от вас никуда не уйдем, - решительно сказал Полбин.

- Да я уж вижу, - с притворным вздохом произнесла Маша, опять рассмеялась и поднялась со стула, положив руки в кармашки халата.

Котлов тоже встал и сделал вид, что направляется к койке.

- Ложусь для обследования, - сказал он. - До утра. Раздеваться как - до пояса?

- Шутки в сторону, - с прежней строгостью оборвала его Маша. - Сейчас я вас устрою. Открыв дверь в коридор, она громко сказала:

- Степановна! В четвертой сегодня белье сменяли?

- А вже ж, - донесся ответ.

- И полотенца?

- Та все, как есть.

- Идите, товарищи, вас проводят в комнату. Утром пойдете в филиал. А к нам будете ходить на процедуры, если понадобится.

Поднимаясь в сопровождении Степановны на второй этаж, Котлов и Полбин обменивались впечатлениями.

- Самостоятельная, однако, - говорил Федор, зевая уже по-настоящему. - Как это там написано - "чертова" что ли? Смешное слово.

- Да, характер просматривается, - рассеянно ответил Полбин. Сидя за столом в комнате "чертовой", он успел заметить название произведения, которое читала Маша: "Размышления у парадного подъезда". Это был однотомник Некрасова, стихи которого

Полбин очень любил.

Глава VI

В первые же дни своего пребывания в "инфизмете" Полбин и Котлов пришли к заключению, что место для отдыха было выбрано удачно. Они пользовались полной свободой и являлись в "дом губернатора" только в "часы принятия пищи", как выражался Котлов. Остальное время уходило на осмотр города и его достопримечательностей.

Погода благоприятствовала этому. Стояли сухие морозные дни. Собственно, морозы были по ночам, а днем светило солнце, пролетки поднимали на улицах желтую пыль, и только блестящий ледок у водоразборных колонок напоминал о том, что лето прошло.

Во время прогулок роль проводника брал на себя Котлов. Вызывая легкую зависть у Полбина, он свободно говорил об истории города, о том, что в одиннадцатом веке черниговские князья во главе с Игорем Святославичем участвовали в походе против половцев; о том, что в этом городе жил и работал знаменитый украинский писатель Коцюбинский - его могилу Федор показал в первый же день; о том, что с Черниговом связана боевая слава украинского Чапаева Николая Щорса...

Слушая товарища, Полбин не раз вспоминал Вольскую теоретическую школу, в которой четыре года назад началась их дружба. Придя в школу после службы в Богунском стрелковом полку со званием командира взвода запаса, Иван Полбин не мог не чувствовать себя старшим в окружении курсантов, которые, как правило, были моложе его по годам и не имели жизненного опыта. Друзей он всегда выбирал осторожно, а тут еще его назначили старшиной школы. Надо было всем говорить "вы", не допускать сближения, которое могло быть истолковано как панибратство с подчиненными.

Но за плечами Полбина, кроме службы в армии, было еще несколько лет комсомольской работы в деревне, работы избачом, секретарем ячейки, секретарем волостного комитета комсомола. Живой и общительный по характеру, он присматривался к курсантам, ища среди них будущего друга, с которым можно делить не только пайковый армейский хлеб, но и все радости и огорчения. И как все люди, нелегким трудом добывавшие знания, он искал друга, который в чем-то был бы выше, у которого можно было бы чему-то научиться, что-то взять, а не только отдавать свое.

Так судьба свела его с Федором Котловым. Однажды в выходной день они вместе отправились в городской отпуск. Посмотрели на дневном сеансе картину "Броненосец Потемкин" и

не спеша пошли домой, в часть.

Дорогой Федор стал рассказывать о восстании на Черном море, о Вакулинчуке, о том, как непокорный "Потемкин" ушел в Констанцу и был выдан царским властям. Многих подробностей, о которых говорил Котлов, в картине не было. Полбин, глядя под ноги, внимательно слушал.

В узком переулке из-за забора выскочил мальчишка с самодельным луком в руках. Он натянул тетиву, пустил стрелу и попал в окно деревянного дома, стоявшего напротив. Зазвенело стекло, мальчишка бросился наутек.

Котлов в три прыжка догнал его и отобрал лук.

- Слушай меня внимательно, - начал он торжественным голосом, загнав мальчишку в угол между забором и стеной дома и не давая ему уйти. - Слушай. Лук - это оружие древних. Но лук есть простейший механизм, имеющий деформируемую упругую деталь (он натянул и отпустил тетиву), в которой накапливается энергия, преобразующаяся в этом механизме в кинетическую энергию стрелы...

Мальчишка обалдело смотрел на высокого военного и не знал, зареветь ему тотчас же или еще подождать. А Котлов, не меняя интонации, продолжал:

- Кинетическая энергия, как ты сам это сейчас видел, в условиях населенного пункта может принести разрушения. Для тебя это кончится надранными ушами или поркой. Поэтому лучше уничтожить оружие разрушения.

С этими словами он взял лук за концы, сломал его и бросил через забор. Мальчишка с ревом нырнул в калитку, и как раз вовремя, так как минутой позже он был бы схвачен женщиной, выбежавшей из дома, в котором разлетелось стекло.

- Скрылся в неизвестном направлении, - серьезно сказал Котлов женщине и неторопливо зашагал по улице.

- Слушай, откуда ты все это знаешь? - смеясь, спросил Полбин.

- Что?

- Да вот о преобразовании энергии. Ведь это правильно - насчет лука?

- Правильно. Я в механическом техникуме учился. Оттуда по спецнабору взяли.

Вскоре после этого койки Котлова и Полбина оказались рядом. Позже выяснилось, что они оба любят стихи Некрасова, а из прозаиков, классиков прошлого века, всем остальным предпочитают Гоголя.

Премудрости авиационной науки они тоже постигали вместе.

Полбин обогнал товарища в практике полетов. Он раньше

освоил высший пилотаж на учебном самолете, раньше вылетел на Р-1. Но не переставал завидовать разносторонности познаний Федора и втайне дал себе обещание догнать его.

Когда все памятники Чернигова были осмотрены и друзья некоторое время решили посвятить "чистому" огдыху, то-есть лежанию на койках, Полбин нашел библиотеку и притащил в палату стопку книг. У него не было привычки читать лежа. Он клал книжку на тумбочку, садился на краешек кровати и так проводил по нескольку часов сряду.

Федор без него два раза ходил в кино, побывал в местном театре и однажды сказал Полбину:

- Встретил сегодня Машу Пашкову. О тебе спрашивала.

- Ну? - оторвался от чтения Полбин.

- Да, да. А где это ваш товарищ, говорит, почему не видно?

- Выдумываешь.

- Нет, правду говорю. Мы прошлись из кино до ее дома, она возле почты живет. Интересовалась, страшно ли летать и кто из нас лучше летает. Я ей про твой опыт с Буловатским рассказал.

- Это зачем же? - Полбин закрыл книгу и недовольно посмотрел на Федора.

- Да так, к слову пришлось. Она сразу поняла, в чем дело. "Выбросить ручку, - говорит, - это все равно, что в автомобиле на полном ходу руль снять, правда?" Смышленая девушка, правильно суть дела схватила.

- Зря ты об этом рассказал, - продолжал хмуриться Полбин.

- Ничего, она Рубину не доложит. Пойдем забьем козла, что ли?

До ужина они играли в домино. А на другой день Полбин с утра надел полную форму и долго, до полного сияния надраивал сапоги.

- Куда собрался? - удивился Котлов, сидевший на кровати с книгой в руках.

- В стационар. Врач дал предписание па процедуры.

Говоря это, Полбин отвернулся от Федора и стал усиленно смотреть в оконное стекло, проверяя, хорошо ли завязан галстук.

- Какие процедуры, Иван? Ты что, болен, что ли?

- Может быть, болен. Душ Жарко прописали. Котлов захохотал, откинулся к стене, больно ушиб затылок и, потирая его рукой, оказал поучительно:

- Не Жарко, а Шарко, во-первых. Это по фамилии одного французского врача, он еще Герцена когда-то в Париже лечил. А во-вторых, эта процедура для тех, у кого нервы.

- Значит, и у меня нервы, - ответил Полбин и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

- Бывают души, от которых становится жарко! - со смехом крикнул ему вслед Котлов.

Оставшись один, Федор погрузился в размышления. "Надо систематизировать факты", - сказал он себе. А факты были такие. В первый же вечер, когда они по ошибке попали в стационар и Степановна устроила их в просторной комнате на втором этаже, Иван сказал, что ему еще не хочется опать и спустился вниз. Вернулся он через полчаса с однотомником Некрасова и двумя крупными яблоками в карманах френча. "В них много железа, фосфора и витаминов", - сказал он, вручая одно Федору. Утром встал рано и пошел к Маше спросить, нет ли у нее почтовой марки. Видно, успел узнать, что она живет возле почты, и хотел пройтись для уточнения адреса. Потом почти неделю никуда не выходил - значит, и себя проверял и ждал: спросят ли о нем. Характер... Но и у девушки, кажется, характер. Впрочем, Иван таких людей любит.

- Значит, правильно я ему провозные дал, - подытожил свои рассуждения Котлов, имея в виду разговор с Пашковой и сообщенную ей весьма лестную аттестацию Полбина как летчика.

Насвистывая "все выше и выше" Федор перекинул через плечо полотенце и пошел умываться. Проходя мимо часов в коридоре, он с удивлением отметил, что не было еще и девяти. После ночного дежурства Маша сменяется в девять. Стало быть, Иван безошибочно построил расчет времени.

Полбин не пришел к обеду. Явился он только в сумерках. Котлов в это время играл в шахматы с учителем из Глухова, седым старичком в узком черном костюме и вышитой украинской сорочке. Быстро разделавшись с не очень сильным противником, Федор поспешил в свою комнату, где Полбин, скрипя ремнями, расстегивал портупею.

- Ну, как душ Жарко?

Полбин поднял глаза, и в них сверкнули искорки смеха.

- Был разговор о полетах, - ответил он. - Ты не объяснил ей, что такое ручка управления. Она думала, что это такая маленькая, как у швейной машинки или кофейной мельницы. А я с тростью зонтика сравнил. Сейчас дождик накрапывает, потеплело.

Он повесил ремень на спинку кровати и кивнул в сторону окна, стекла которого покрылись светлыми капельками.

- Ага, дождь загнал, - резюмировал Котлов. - И врач и пациент попали под холодный душ...

Полбин рассердился или только сделал вид, что раздражен.

- Ну ладно тебе. Затвердил: душ, душ. Нравится она мне очень, понял?

- Понял. А ты ей про свои геройские полеты рассказывал? Девушки это любят.

- Рассказал. Как летал самый первый раз, на мельнице.

Котлов улыбнулся. О "самом первом" полете Полбина он уже слышал. Было это давно, когда Иван батрачил у кулака Живодерова, владельца единственной в деревне ветряной мельницы. Однажды Полбин собрал группу своих товарищей, таких же, как он, подростков, и сказал, что поднимется на мельничном крыле. Ему не поверили, но пошли к мельнице. Когда крыло медленно проходило у самой земли, Иван подпрыгнул, уцепился руками за его деревянную раму и повис в воздухе. Он поднимался, а земля опускалась, проваливалась. Из-за пригорка вынырнули избы, блеснула речка Карамзинка. Горячий ветер бил в лицо, шевелил волосы, набрасывал их на глаза. Крыло замерло на миг в самой верхней точке, совсем рядом Иван увидел железную крышу и ржавый флюгер на коньке мельницы. В это время на земле раздались тревожные крики. Мальчик глянул вниз и обмер, увидав неестественно сплюснутую фигуру Живодерова. В руках у хозяина была толстая палка, служившая для утрамбовывания муки в мешках. Крыло быстро опускалось. Иван висел на вытянутых руках и готовился спрыгнуть, но Живодеров поднял палку... Иван ловко, как гимнаст на трапеции, поджал ноги. Удар пришелся по воздуху. Крыло, скрипя и подрагивая, пошло вверх. Опять рядом оказался ржавый флюгер. Руки мальчика затекли, держаться уже не было сил. Опускаясь к земле, он издал громкий крик и сделал вид, что собирается прыгнуть прямо на плечи Живодерову. Тот испуганно попятился. Иван разжал онемевшие пальцы, упал, но вскочил на ноги и убежал.

Теперь, припомнив рассказ Полбина о его первом "полете", Котлов заметил:

- Ну, это вряд ли в твою пользу.

- А я о пользе не забочусь, - слукавил Полбин. - Какая может быть польза? Вот от чего бывает польза, - продолжал он и, подойдя к повешенной у двери шинели, вынул из карманов два яблока.

- О-о! Железо. Фосфор. Витамины. Это от...

- Конечно! - Полбин спрятал руки с яблоками за спиной. - В правой или в левой?

- А разве не оба мои? Ты же там наелся до отвала.

- Нет. Приказано передать одно тебе.

- Апорт. Лучший сорт, - с видом знатока проговорил Федор, принимаясь за яблоко.

- Слушай, Федя, - сказал Полбин. - Ты пойдешь со мной к

Пашковым?

- Когда?

- На праздники.

- А что, приглашают?

- Да. Нас обоих.

- Если приглашают, то пойду.

Через неделю, седьмого ноября, Котлов и Полбин сидели в небольшой уютной комнате с цветами на подоконниках, которая именовалась гостиной, хотя в ней стояли две кровати, застеленные белыми тканевыми одеялами. Семья Пашковых им понравилась. Отец Маши, бухгалтер одного из областных учреждений, был польщен тем, что среди его гостей находятся летчики, и то и дело заводил с ними разговор о политике, о кознях Чемберлена, о том, что английские рабочие не позволят капиталистам напасть на Страну Советов, и каждый раз требовал подтверждения своим словам: "Верно я говорю?" Перечисляя факты недоброжелательного отношения к Советскому Союзу со стороны непосредственных западных соседей, он сметал крошки со скатерти таким жестом, как будто откладывал костяшки на счетах: "Конфликт на КВЖД - раз. Убийство полпреда два..."

Полбин поддакивал: "Верно, Николай Григорьевич", но тут же развивал собственные мысли и незаметно оказывалось, что при всем своем внимательном и регулярном чтении газет бухгалтер обкома союза "Медсантруд" делает не совсем правильные выводы из общеизвестных фактов. Он считал, что главные враги Советской страны - панская Польша и боярская Румыния ("они нам Бессарабию отдавать не хотят"), а Полбин доказывал: эти государства пляшут под английскую дудку и деньги получают от американских банкиров.

В таком духе шел разговор за столом, пока на нем поочередно появлялись изделия искусных рук хозяйки, Полины Александровны: закуски, баранина с чесноком, пирожки и ватрушки. Потом появились яблоки - свежие, пахнущие стружкой, в которой они были упакованы, и моченые с прилипшей шинкованной капустой.

На стол подавала Маша. Ей помогала младшая сестра, Антонина, девушка-подросток с очень серьезным взглядом глубоко сидящих глаз и тонкими чертами лица. Сестры были странно непохожи. Рядом с круглолицей, улыбчивой Машей худенькая молчаливая Тоня казалась человеком из другой семьи. Котлов вначале было принял ее за соседскую девочку, приглашенную на праздничный ужин, и удивился, когда ее представили как сестру Марии Николаевны. Потом он увидел, что Антонина очень похожа на отца, худощавого человека с длинным

строгим лицом и тонкими губами. Зато когда к нему подвели юношу лет семнадцати и оказали: "А это наш Шурик", он подумал: "Вот теперь я вижу брата и сестру".

Полбину никого не представляли, из чего Федор заключил, что его товарищ уже бывал в этом доме. Правильность этой догадки сразу же подтвердилась: Полбин и Шурик заговорили как старые знакомые.

Котлову бросилось в глаза и другое: Шурик относился к Ивану с каким-то восторженным вниманием. Он сидел за столом рядом с Полбиным и не сводил с него глаз. Когда Полбин в разговоре с Николаем Григорьевичем осторожно, но твердо дал тому понять, что некоторые его рассуждения на международные темы нуждаются в пересмотре. Шурик обвел всех сидевших за столом блестящими глазами, как бы говоря: "Смотрите, как он нашего батьку к стене прижал!"

В середине ужина вдруг остановились мирно тикавшие на стене часы-ходики. Шурик выскочил из-за стола и взялся за цепочку, на которой висела цилиндрическая медная гиря.

- Сейчас я их запущу, - сказал он и, оглянувшись на Полбина, спросил: Запущу, верно? Или только мотор запускают, а часы заводят?

Мать послала Шурика в погреб за мочеными яблоками. Тотчас же из коридора донеслось:

- А куда убрали стремянку? Тут темно, не вижу...

Деревянная лестница никак не походила на легкую самолетную стремянку из алюминиевых труб. Ясно, что это слово Шурик тоже перенял от Полбина.

"Понаторел парень, - подумал Федор. - Что же это он, при всех свиданиях у них присутствует? Когда Иван успел его авиационным премудростям научить?"

За чаем, когда Шурик опять употребил какое-то авиационное выражение. Котлов спросил:

- Ты, Александр, не собираешься в нашу летную семью? Половину дела ты уже усвоил.

Неожиданно для всех Александр указал на старшую сестру:

- Она собирается.

Маша густо покраснела и опустила глаза. Полина Александровна укоризненно взглянула на сына, словно он выдал тайну, известную также и ей. Антонина молча протянула нахмурившемуся Николаю Григорьевичу кусок хлеба, позабыв положить на него повидло. Только лицо Полбина просияло, и он бросил на Шурика взгляд, говоривший: "А я этого не знал, братец! Хорошо, что ты сказал!"

Все это мгновенно оценил наблюдательный Котлов и сделал

для себя вывод: "Иван твердый курс держит".

Неловкое молчание, наступившее за столом, прервала Серафима Александровна, сестра хозяйки дома.

- А что, летать, поди, страшно? - простодушно спросила она, обращаясь к сидевшему напротив Котлову.

Федор указал чайной ложечкой на Полбина:

- Вы у него спросите. Я рядовой летчик, а Ивана Семеновича командиром звена назначили. - Говоря это, он хитро сощурил глаза и подмигнул Полбину: "Выпутывайся, мол, братец. А я тебе вот как помогаю: величаю по-отчеству и командиром своим признал".

Слух о том, что Полбина назначают командиром звена учебных самолетов, действительно был. Исходил он от писаря штаба школы, который, оформляя отпускные документы, сказал Котлову:

- Пусть ваш дружок здоровьем запасается. Придется ему в новую должность заступать. Приказ уже заготовлен, - и похлопал ладонью по клеенчатой папке с тисненой надписью: "К докладу".

Сейчас Полбину было приятно упоминание о предстоящем повышении, приятно было то, что это слышит сидящая рядом Маша, но он постарался сказать как можно небрежнее:

- Федор Порфирьевич шутит. Равные мы с ним. А летать - как кому. Некоторые железной дороги, поезда боятся.

Тут его взгляд упал на этажерку, на которой рядом со стопкой брошюр и ученических тетрадей лежал том стихотворений Некрасова, тот самый, который Мария Николаевна брала с собой когда-то на дежурство. Озорно блеснув глазами, Полбин быстро вышел из-за стола, взял книгу и стал торопливо ее листать.

-Некрасов про летчиков стихи писал? Скажете нет?

- Не мог он писать, - медленно повернув красивую голову, сказала Антонина. - Тогда еще аэропланов (она сначала сказала "эропланов", запнулась и покраснела) не было.

- А вот писал! - Полбин нашел нужную страницу. - Слушайте!

И он под общий смех прочел строфу из поэмы "Мороз, Красный нос":

Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел...

- Так это же не про летчика, - протянул Шурик, и в его голосе послышалось сожаление: видимо, ему хотелось, чтобы Полбин и здесь был прав.

- А про железную дорогу он мог писать? - опять полистал книгу Полбин.

- Первая железная дорога построена в России в 1837 году, - вставил Котлов, откидываясь на спинку стула и помешивая чай в стакане.

- Это Маша хорошо декламирует. Дайте ей, - сказала Серафима Александровна. Она говорила "Маша", в то время как все другие в семье называли Марию Николаевну на украинский манер - "Маней".

Полбин с готовностью протянул книгу.

- Я, кажется, так помню, - сказала Маша, выходя из-за стола. Смущенно перебирая краешек своей бирюзовой блузки, она встала у этажерки рядом с Полбиным и стала читать "Железную дорогу". Сначала голос девушки звучал неуверенно, как у школьницы, впервые выступающей перед всем классом, но потом робость исчезла, Маша оставила в покое блузку и, произнося звучные строчки, временами энергично, хотя и не совсем артистически, жестикулировала. Когда она встряхивала головой, прямые пряди ее волос расходились, обнажая маленькие розовые уши.

Полбин слушал напряженно, боясь переступить с ноги на ногу, чтобы не скрипнули новые сапоги. Он сам знал "Железную

дорогу" наизусть и потому не столько следил за чтением, сколько за движением губ Маши, за меняющимся выражением ее глаз, всего молодого, озаренного воодушевлением лица.

...столбики, рельсы, мосты...

Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

От Полбина не укрылась мягкая, ласковая интонация, с которой было произнесено имя "Ванечка". Он понял, что Маша выделила это имя нарочно, для него, и взглянул на нее с удивлением и нежностью. Его все сильнее влекло к этой девушке, в которой манеры серьезного взрослого человека так не уживались с необычайно милым и юным обликом. Она и стихи читала серьезно и даже как-то строго: ее маленькие брови сошлись у переносицы, слова она выговаривала очень старательно, и если походила на ученицу, то уж, конечно, на первую в классе. Между тем Полбин знал, что на службе, в "инфизмете", с Машей советуются старшие, ее уважают. И это тоже было приятно Полбину.

Он дольше всех хлопал в ладоши, потом занял свое место за столом. Книгу он забыл подмышкой. Маша бережно взяла ее и положила на полку.

Котлов, наблюдавший за ними, отметил про себя, что Иван мог бы обойтись без этой услуги.

Когда, поиграв в лото и еще раз, на прощанье, выпив чаю, они возвращались домой, Федор сказал Полбину:

- А ты что же не остался с Маней поговорить? По-моему, она тебе глазами сигналила...

- Мне надо было не с ней разговаривать, - не сразу ответил Полбин. - Я хотел сегодня предложение сделать.

- Какое предложение?

Смысл этого старомодного слова не сразу дошел до Федора. Но потом он вспомнил Николая Григорьевича, его строгое сухое лицо с тонкими губами и седеющими, аккуратно подстриженными висками, вспомнил чинно расставленные в комнатах фикусы, ужин, говоривший о запасливости семьи, которая живет по правилам провинциальной порядочности, и добавил:

- Это родителям предложение, что ли?

- Ну да.

- И почему же не сказал?

- Вижу, отец не согласится. Маша рассказывала, что он за ее матерью два с половиной года ухаживал, пока предложение сделал.

- А когда это было? В конце девятнадцатого столетия?

- Не знаю точно. Может быть.

- Наверное, в прошлом веке. А сейчас заканчивается первая пятилетка социализма. Маша Пашкова председатель "легкой кавалерии" при райкоме комсомола, активистка, - сам же об этом говорил.

- Ладно, Федор. Ну-ка, достань фонарик, - сказал Полбин, заметив блеснувшую впереди лужу, по краям которой таял и становился черным снег. - Все равно отсюда без нее не уеду.

Последние слова были сказаны с такой твердой убежденностью в правильности принятого решения, что Федор оставил шутливый тон и коротко спросил:

- Выбрал жену, Иван?

- Выбрал.

Дальше они шли молча, то ли потому, что разлившаяся по середине улицы вода разделила их, заставив итти по разным обочинам дороги, то ли потому, что каждый думал о своем.

На другой день Полбин проснулся очень рано и, устроившись у тумбочки, что-то долго писал, перечеркивал и опять писал, сосредоточенно грызя карандаш и поглядывая в окно, за которым мягко падал пушистый снег. Котлову не терпелось узнать, чем занят товарищ. Несколько раз он подходил к его тумбочке то за сапожной щеткой, то за ремнем для правки бритвы, но Полбин старательно закрывал рукой исписанный листок бумаги. Наконец он со стуком положил карандаш и потянулся, закинув руки за голову.

- Ладно, чорт с тобой! - весело сказал он Федору. - Слушай.

Федор, стоявший с намыленным лицом у зеркала, опустил бритву и скосил глаза. Полбин, высоко подняв обе руки, прочел:

Сыплет снег, искристый и нечастый
Будто в сказке - голубая пыль
Хорошо, что жизнь - это не сказка
А такая радостная быль!

Бросив листок на тумбочку, он с выражением смущения и некоторой виноватости спросил:

- Ну как?

- Чьи стихи? - вопросом ответил Федор.

- Мои! Первые и последние в жизни'

- Ей? Мане?

- Ей.

- Хорошие, - совершенно серьезно сказал Котлов и в ту же минуту поспешно бросил бритву на тумбочку, так как Полбин накинулся на него и повалил на кровать, смеясь раскатистым, счастливым смехом.

- Пусти! - кричал Федор. - Мылом вымажу!

- Мне все равно мыться, - не отставал Полбин.

- Вот я тебя бритвой! - потянулся к тумбочке Котлов. - Экой сумасшедший народ эти влюбленные! Погоди, я товарищу Данному скажу, что командир звена стихи сочиняет, он тебе в мотор масла не зальет, чтоб угробился на взлете...

Оба перемазались мыльной пеной. Посмотрев в зеркало, потом друг на друга, они расхохотались и, перекинув через плечи полотенца, пошли в ванную.

Глава VII

Первого декабря начинался новый учебный год во всей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Первого декабря истекал срок отпуска Полбина и Котлова.

Однако Федор уехал раньше. Он должен был выполнить обязанности "квартирьера" - подготовить холостяцкую комнату Полбина "к приему супружеской четы и соответствующих гостей", как он выразился сам на вокзале перед отъездом.

- Не задерживайтесь тут, Иван-да-Марья, - сказал он провожавшим его Полбину и Маше. - Погрузите вагон яблок для бедных авиационных холостяков и приезжайте.

Намек насчет яблок имел под собой почву. Родители Маши не хотели отпустить дочь до тех пор, пока "не соберут" ее подобающим образом, а в программе "сборов" были не только платья, подушки и одеяла, но и бочонок моченых яблок.

Собственно, нельзя было сказать, что об этом в одинаковой степени заботились отец и мать Маши. Как и предполагал Полбин, Николай Григорьевич ответил решительным отказом на "предложение", заявив, что он не согласен выдать дочь замуж за человека, которого знает "без году неделю". Его убеждали всей семьей, причем особенно усердствовал Шурик, которому очень хотелось стать родственником летчика. "Ты, папа, упрямый, как Чемберлен", - сказал он однажды отцу, на что тот обиделся до чрезвычайности и два дня не разговаривал с сыном.

Николай Григорьевич смирился лишь после того, как в двадцатых числах ноября, вечером, прибежал Шурик и, встреченный вопросом отца: "Почему никого нет дома?", скороговоркой выпалил, что все у тети Симы, что там будет свадьба, так как "Маша и Ваня уже зарегистрировались и ждут всех родных"... Николай Григорьевич прогнал сына, посидел два часа в пустой темной квартире, потом достал из шкафа бутылку вишневой наливки и пошел к Серафиме Александровне.

Однако деятельного участия в подготовке к отъезду дочери он не принимал, и когда этот день пришел, даже на вокзале хранил вид хмурый и обиженный. Это так расстроило Полину Александровну, что она забыла погрузить моченые яблоки и вспомнила о них, когда поезд уже отошел.

В Харькове в вагон вошел Котлов в сопровождении Звонарева и еще трех летчиков, выехавших встретить товарища. Полбина поздравляли и говорили, что с него причитается вдвойне: первая чарка за молодую жену, а вторая за повышение в должности - его действительно назначили командиром звена.

Комнату свою Полбин не узнал. Раньше вся ее меблировка состояла из простого стола, двух стульев, большой этажерки с книгами и железной армейской кровати, покрытой серым одеялом. Сейчас на месте этой кровати находилась другая, с высокой спинкой, на которой масляными красками был нарисован лунный пейзаж, с блестящими никелированными шарами, венчавшими все четыре угла, с толстыми металлическими ножками на колесиках. Появился в комнате также письменный "двухтумбовый" стол, во всех шести ящиках которого торчали ключи, и книжный шкаф с двустворчатой стеклянной дверцей. На подоконнике стояли два глиняных горшка с геранью и один с колючим столетником.

- Ты откуда столько денег взял? - спросил Полбин Федора Котлова. - Я теперь сто лет твоим должником буду.

Вместо ответа Котлов подошел к письменному столу, порылся в кипе газет, накопившихся за месяц, и показал Полбину номер "Красной звезды" с постановлением Совнаркома "О повышении окладов содержания личному составу РККА".

- Вот тебе государство подбросило на семейные расходы, - сказал он, подчеркивая ногтем нужную строчку. - Командирам звеньев Военно-Воздушных Сил на шестьдесят три процента. Хватит?

- Хватит, - растерянно ответил Полбин. - Это больше, чем в полтора раза...

- Правильно, - рассмеялся Федор. - В арифметике ты, я вижу, силен. А твой тесть, бухгалтер, наверно, еще лучше считает. Послал бы ему вырезку, чтоб насчет дочери не беспокоился.

Последние слова он произнес вполголоса, оглянувшись на Машу, которая стояла у окна и пальцем пробовала засохшую землю в цветочных горшках.

- Не надо вырезки, - с улыбкой сказал Полбин. - Я его перед отъездом шесть раз в шахматы обыграл, так он, кажется, понял, что зять попался стоящий.

- Тем лучше... А нам с Мишкой Звонаревым и всем, кто в нашем ранге, на шестьдесят два повысили. Чувствуешь? Так что мы можем женатому товарищу кое-какие подарки сделать.

- Ничего себе кое-какие! - Полбин подошел к кровати и потрогал рукой один из никелированных шаров. - Где ты эту махину достал?

- Секрет изобретателя, - хитро сощурился Котлов. - Только внукам твоим открою тайну. Ты лучше скажи, когда друзей к себе приглашаешь?

Договорились собраться в выходной день. Но уже вечером комнату Полбина наполнили товарищи. Каждый заходил "на минутку", по какому-нибудь делу, а через две минуты "деловой" разговор заканчивался появлением на столе бутылки вина, извлеченной из кармана шинели, или коробки конфет, или книги с дарственной надписью молодоженам. Маша быстро освоилась с ролью хозяйки дома и радушно принимала гостей. Михаил Звонарев на правах соседа прочно занял один из стульев и к концу вечера довел до хрипа свою видавшую виды гармонь. Изрядно потерял голос и Полбин, бесчисленное множество раз запевавший "Вперед, заре навстречу" и "Наш паровоз".

После выходного дня, который был отмечен "официальным" праздником, массовые визиты прекратились. Полбин, уже успевший принять материальную часть - три самолета - и личный состав звена, засел за работу.

Дела было много. Раньше, до назначения командиром звена, он представлял себе, что ему просто придется выполнять свои прежние обязанности, умноженные на три. Но на деле оказалось другое. Увеличение объема работы лишь потребовало некоторого дополнительного времени. Главное же было в том, что ему приходилось теперь самостоятельно отвечать на вопросы, которые ранее входили в компетенцию старших начальников и потому казались чем-то раз навсегда данным, регламентирующим его, Полбина, работу так же, как регламентирует ее для всех обыкновенный календарь.

Раньше его основная обязанность состояла в том, чтобы дать каждому закрепленному за ним учлету необходимое количество "вывозных" и сделать его в конечном счете летчиком. Теперь он должен был направлять и контролировать такую же работу других инструкторов, составлять для них учебные планы, проверять личные карточки и летные книжки всех обучаемых.

Просматривая заботливо подобранный Котловым комплект "Красной звезды" за ноябрь (этой газеты они не читали в Чернигове), Полбин обратил внимание на небольшую статью. Она называлась "Три года безаварийной работы" и была написана командиром авиационного отряда Крыловским, портрет которого был здесь же, на газетной полосе. На читателя в упор смотрел большелобый человек с узкими, умными глазами и усиками, сидевшими на верхней губе, как две черные точии. Человек этот рассказывал о том, как он организовал у себя в отряде технический осмотр самолетов, как вводил в строй "молодняк" -

летчиков, недавно пришедших из училищ и не имеющих опыта. Из статьи было видно, что у самого Крыловского этот опыт огромен: он участвовал в гражданской войне, и его самолетом была тогда "заграничная "Пума" - дряхлая, длинноносая и лживая старуха, много раз битая и склеенная на честное слово, взлетающая кое-как, скрипя и пощелкивая многочисленными протезами".

Крыловский писал, что на новых самолетах, которые дает советская власть, можно летать без аварий и поломок, если с любовью и вниманием относиться к делу.

В этой же газете было помещено сообщение о том, что командир отряда Крыловский за образцовую организацию летной работы награжден правительством орденом Красной Звезды.

Правительственный орден, полученный не на войне, не за подвиги в сражениях, а за отличную службу в мирное время!

Полбин прочел эту статью поздно вечером, когда Маша уже спала. Он осторожно вышел из комнаты и постучался в соседнюю комнату к Михаилу Звонареву.

- Сейчас, - послышался сонный голос, два раза щелкнул ключ, и Михаил появился на пороге. Он был в галифе, шелковых носках в шахматную клетку и мягких туфлях.

- Не спишь? - спросил Полбин, входя в комнату.

- Нет. Задремал чуток над книжкой. - Он включил верхний свет и указал на лежащую под настольной лампой у кровати раскрытую книгу: - "Баскервилльская собака" Конан-Дойля. Чертовщина всякая. Читал?

- Читал. И не спал над ней. Интересно все-таки.

- Да, - лениво согласился Звонарев, садясь на измятую постель. - Только я уже, видно, обчитался этой ерундой.

- Тогда возьми почитай вот это, - протянул ему газету Полбин. - Как люди летают.

- И получают ордена? - подхватил Звонарев, мельком взглянув на страницу с портретом Крыловского. - Это я уже читал. В Харькове на вокзале.

- Ну и что ты думаешь?

- А думаю, что ты зря меня этим воспитывать хочешь. Спал бы лучше. Звонарев откинулся к стене и посмотрел на Полбина своими синими глазами, в которых вдруг совершенно исчезло выражение сонливости и лени. - И еще думаю, что там, где люди смело летают, без поломок трудно обойтись. Аэродром - не трамвайный парк.

- Что ты хочешь сказать? - резко спросил Полбин, чувствуя прилив внезапного раздражения, которое обычно рождалось в нем, когда Михаил начинал говорить таким самоуверенным, даже

нагловатым тоном.

- Сказал то, что ты слышал. Если каждого дождика бояться, так можно десять лет без аварий летать.

- Почему же ты тогда дождика побоялся? - напомнил Полбин о неудачном перелете Звонарева на запасную площадку. Он ни разу после того случая не корил товарища за аварию, но сейчас не выдержал.

Звонарев, не меняя позы, процедил:

- Я потому тогда вернулся, что горючки нехватило. В воздухе, сам знаешь, не заправляются. И Рубин по сей день считает, что я правильно поступил, а тебе просто повезло.

- Так почему же он не тебе, а мне благодарность в приказе объявил? - едко спросил Полбин. - За красивые глаза?

- Не знаю, - уклонился от прямого ответа Звонарев. - Может быть, на радостях, что ты не разбился.

Эта нелепая шутка вывела Полбина из себя. Он вскочил со стула, прошелся несколько раз по комнате, споткнулся о стоявшие у стола сапоги Звонарева и пинком ноги задвинул их под кровать.

- Легче, товарищ командир звена, - проговорил Звонарев, ложась на левый локоть, лицом к лампе. - Будете наводить порядок в казарме своих подчиненных, а не у меня. Ясно?

"Ага! Заело", - подумал Полбин, почувствовав, что Михаил снял маску невозмутимости и стал обычным, простым парнем, каким и был на самом деле. В таких случаях с ним легче было спорить, можно было доказывать, убеждать.

- Ну и ершистый же ты, Мишка, - сказал он, остановившись у кровати и разглядывая красиво блестевшие под светом лампы волнистые кудри Звонарева. Чего ты ерепенишься?

- А ты чего меня все учишь, воспитываешь? Хуже тебя летаю, что ли? Принес газетку: на, уму-разуму набирайся. Знаем...

- Всего не знаете. Ты сейчас насчет этих десяти лет глупость сказал. И делаешь глупости.

- Какие? - вскочил Звонарев.

- Да вот на прошлой неделе...

- Ну?

В глазах Звонарева опять загорелся недобрый огонек упрямства. На прошлой неделе он летал на разведку погоды и, возвращаясь на аэродром, "срезал угол", то-есть вместо полагающихся четырех разворотов над летным полем сделал только три и сразу, лихо свалив самолет на крыло, пошел на посадку. В это время в воздухе находился самолет другого инструктора, тоже собиравшегося приземляться. Срезанный Звонаревым угол помешал ему сесть, инструктор у самой земли

дал газ и ушел на второй круг. Звонарева вызвал к себе по этому поводу Рубин, но дело кончилось простым внушением.

- Что "ну"? - сказал Полбин. - Могли столкнуться и дров наломать!

- А он маленький, что ли? - запальчиво ответил Звонарев, имея в виду инструктора, которому помешал на посадке. - Видит, что я захожу и успею сесть, значит не теряйся, если летать умеешь.

- Вот это-то и глупо. Учишь людей соблюдать правила полетов и сам же их нарушаешь. Ты видел когда-нибудь милиционера, который переходит улицу в неположенном месте?

Звонарев вдруг вскипел, схватил со стола "Баскервилльскую собаку" и всердцах швырнул книгу на пол.

- Ты меня с милиционером не сравнивай! Я летчик. Понятно?

- Не кричи, - попытался урезонить его Полбин. - Знаешь, кто-то сказал, что каждый может ошибаться, но только глупец упорствует в ошибке.

- Хватит! Хватит меня дураком называть.

- Да я и не собираюсь.

- Ладно! Больше я не хочу с тобой разговаривать. Иди спать!

Полбин взял со стула газету и вышел.

Несколько дней после этой ссоры Звонарев упрямо избегал встречаться с Полбиным. Он уходил очень рано, а возвращаясь, быстро открывал комнату и запирал дверь изнутри на ключ. Раза два Полбин стучался к нему вечером, но он не откликался.

Неизвестно, как долго длилось бы это состояние войны между соседями и давними друзьями, если бы их спор не был вдруг вынесен на более широкую арену.

Глава VIII

Накануне Нового года проводилось открытое партийное собрание. Центральным пунктом повестки дня был вопрос о подготовке к приему учлетов нового набора. Докладчик, начальник учебно-летного отделения Рубин, взял эту тему широко. Он начал с обстоятельного разбора удач и недостатков минувшего года и особенно подробно разбирал качества инструкторов школы.

Получилось так, что Полбин и Звонарев стали в этой части его доклада "эталонами" летчиков-инструкторов, к которым он приравнивал остальных. Он так и выразился: "эталоны первый и второй".

- К первому эталону, - говорил Рубин, - я отношу летчиков, обладающих счастливым и, на мой взгляд, совершенно необходимым качеством, которое я назвал бы, с позволения присутствующих, лихостью летного почерка. Эта лихость была

отличительной чертой лучших иностранных летчиков, например знаменитого Шарля Пегу... Она же свойственна и нашему Петру Николаевичу Нестерову, которого, добавлю в скобках, мне посчастливилось знать лично. Молодежи это неизвестно, а я помню, как штабс-капитан Нестеров в августе девятьсот тринадцатого года совершал перелет из Киева в Нежин. На обратном пути у него нехватило смазочного продукта. Он скупил в нежинских аптеках все касторовое масло, заправил им мотор и полетел...

- И сел на убранное поле, - товарищ Данный сказал это вполголоса, про себя, но Рубин неожиданно сделал паузу, и фраза прозвучала громко. Техник смущенно втянул голову в плечи.

- Да, сел на вынужденную в поле, - мельком, небрежно взглянув на него, продолжал Рубин. - Мотор перегрелся. Но не в этом суть. Напоминая этот факт, я хочу лишь заострить свою мысль, сделать ее более популярной. Я не провожу сейчас прямых параллелей, но мне думается, что инструктор Звонарев может служить эталоном первого типа, так как почерку этого летчика свойственна лихость, свобода в воздухе, чистота техники пилотирования. Он учит этому своих подопечных, выискивает среди них одаренных людей и не тратит время и энергию на тех, кто в силу отсутствия природных данных явно подлежит отчислению из авиации. Правда, - Рубин потер рукой свою гладко выбритую голову и переложил листки бумаги на покрытой красной материей тумбочке, - в практике Звонарева есть факты, говорящие как будто против него. Я имею в виду недавний случай со срезанным на посадке углом. Но если быть чистосердечным, то здесь, на партийном собрании, среди коммунистов, мне хотелось бы сказать: с одной стороны, как начальник учебно-летного отделения школы я не оправдываю поступка Звонарева, порицаю его; с другой стороны, как летчик, и, слава богу, летчик не без опыта, я отдаю должное правильности расчета на посадку и чистоте и точности самой посадки, совершенной Звонаревым.

Рубин опять провел рукой по бритой голове, как бы желая стереть блики от лампы, и посмотрел в зал. Он знал цену себе как оратору, знал, что его плавную, без запинки речь слушают внимательно.

- Что касается известного всем прошлогоднего перелета двух самолетов на запасную площадку, то здесь я целиком на стороне Звонарева. Он сделал смелую и лихую попытку прорваться через грозовой фронт. Но всякий полет есть единоборство человека с воздушной стихией, а стихия пока еще сильнее нас. Звонарев правильно сделал, что вернулся. Он мог погубить и машину и себя, и хорошо, что этого не случилось с инструктором

Полбиным, который пошел в обход грозы...

- А благодарность в приказе?

Это не выдержал Федор Котлов. Он был в президиуме и потому осмелился прервать докладчика. Секретарь партийного бюро Шалва Пагурия все же неодобрительно посмотрел на него и сказал:

- Не надо реплик. Записаться надо и выступить. Рубин улыбнулся снисходительно:

- Я отвечу. Благодарность объявлена Полбину за находчивость в трудной метеорологической обстановке. Но я не считаю, что начальник школы, - он повернул лицо к начальнику школы, крупному черноволосому человеку, спокойно и неподвижно глядевшему в зал, - я не считаю и, кажется, не ошибаюсь в этом, что начальник школы, объявив благодарность Полбину, одобрил этим его решение обходить грозу. Тут разные вещи, их не надо смешивать. Постараюсь это объяснить именно сейчас, так как перехожу к характеристике летчиков второго типа, представителем которого, так сказать эталоном, считаю инструктора Полбина...

Карандаш в руке Полбина еще быстрее забегал по листкам блокнота. Сидя у стены, около теплой печки, облицованной крашеной жестью, он внимательно слушал Рубина. Временами ему становилось так жарко, что он поглядывал на задние пустующие скамьи и думал: не пересесть ли? Но, потрогав рукой печь, убеждался, что она не горячая, а лишь теплая. Значит, надо просто сохранять спокойствие.

Это было нелегко. Его раздражали не только доводы Рубина, казавшиеся странными, но и то, как он говорил, сопровождая речь плавными, уверенными жестами, и общее построение доклада, за которым смутно угадывалась, помимо основной, декларируемой цели, какая-то другая, намеренно и тщательно скрываемая. Полбин не понимал, почему вдруг Рубин стал оправдывать ошибки Звонарева, ошибки явные и всеми, даже техником Терещенко, осуждаемые. А ведь товарищ Данный служит в авиации не меньше, чем Рубин, и тоже привык ценить в летчике прежде всего пресловутую "лихость воздушного почерка". Да и сам Рубин никогда не проявлял особых симпатий к Звонареву, - наоборот, со времени его опоздания из отпуска при всяком подходящем случае "снимал стружку с бедного Михайлы", как выражался сам Звонарев.

Размышляя, Полбин старался не пропустить ни одного слова из того, что Рубин говорил о летчиках-инструкторах "второго эталона", то-есть о нем самом. Ему была поставлена в упрек "излишняя, не вызываемая обстановкой смелость" в полете на

запасную площадку, причем эта смелость была тут же названа "обратной стороной медали". Туманный смысл этого выражения сводился, в конечном счете, к тому, что свое решение продолжать полет в обход грозовой облачности Полбин принял якобы в результате крайней осторожности.

Полбин записал в блокноте: "противоречие", и подчеркнул это слово двумя жирными чертами, а в конце поставил большой вопросительный знак. Продолжая слушать, он бессознательно обводил карандашом контуры этого знака и оставил его в покое только тогда, когда Рубин, рассказав собранию, как Полбин упорно отстаивал неспособного к летной работе курсанта Буловатского, сделал неожиданный вывод:

- В любой области человеческой деятельности есть свой предел, свои границы. Особенно жестки и определенны эти границы в авиации. Они обусловлены прежде всего уровнем развития техники на данном историческом этапе. Задача наша - в пределах этих границ обучать людей элементам полета, совершенствовать технику пилотирования, доводить ее до уровня "лихости воздушного почерка", о чем, я уже говорил. Попытки обойти или сломать законы, уже выработанные опытом иностранной и отечественной авиации, на мой взгляд ни к чему не приведут.

Полбин вырвал чистый листок из блокнота и написал в президиум: "Прошу дать мне слово! Если можно, первым". Слово "первым" он решительно подчеркнул двумя жирными линиями. Записка пошла по рядам.

Полбин стал обдумывать выступление, торопливо выписывал главные мысли на отдельную страничку блокнота.

Ему казалось, что он понял, в чем состоит вторая, скрытая цель доклада Рубина. Не случайно начальник УЛО упомянул о Буловатском: слова насчет "попытки обойти законы, выработанные опытом", тоже, несомненно, касались этой истории и были адресованы прежде всего ему, Полбину. В них прозвучала мораль, которую Рубин уже пытался однажды втолковать своим рассказом о гимназисте Светлозубове: истинным летчиком может стать только тот, кто одарен от природы свыше, "милостию божией". Такому не нужно зубрить теорию, - ведь есть же люди, которые пишут грамотно, хотя не знают грамматических правил.

Теперь становилась понятной и замысловатая формула "лихость воздушного почерка". Рубин искусственно противопоставил Звонарева Полбину. Все знали, что Полбин летает не хуже, а, может быть, лучше Михаила. Рубин просто не хочет отступиться от своей системы, которая сама по себе очень несложна и вся укладывается в два главных пункта: во-первых, не

каждый нормальный, физически здоровый человек может стать летчиком, как бы ни велико было его желание овладеть самолетом; во-вторых, даже тех, кто попадает в число избранных, надо обучать только отличной технике пилотирования, добиться артистического умения управлять самолетом, но не больше.

Да, все становится ясным. Рубин не чувствует движения времени, он остановился на месте и, конечно, думает, что следующий шаг можно будет сделать не сейчас, не завтра, а, по крайней мере, через десяток лет.

Но как ему возражать, как объяснить это командованию, летчикам, техникам, всем коммунистам и комсомольцам, собравшимся в этом зале? Как объяснить это Звонареву, самолюбивому, падкому на похвалы, особенно когда речь идет о его летных качествах? Ведь он, несомненно, уже поддался на удочку, и если выступит, то будет говорить о "пиджаках", которых надо отчислять из школы, и о том, что главное - "высокий класс пилотирования".

Полбин умел говорить на собраниях. Он учился этому трудному искусству давно и долго. Школой был комсомол. Он помнил свое первое выступление на собрании ячейки. Ему нужно было сказать всего два десятка слов, но какой тяжелой задачей оказалось это для неотесанного деревенского паренька! В продолжение всей двухминутной речи потными руками он теребил отцовскую фуражку, снятую с головы, а когда опустился на место, то обнаружил, что лаковый козырек безнадежно разделен на две половинки, которые шатались, как готовые выпасть зубы.

Давно это было, почти десять лет тому назад. Потом он стал секретарем той же ячейки. Надо было говорить на каждом собрании, и он учился этому; делал доклады к революционным датам и уже понимал, что не все ораторы говорят одинаково - одни ярко и увлекательно, другие серо и монотонно. Он старался подражать первым. Ему это удавалось, и он испытывал радость, наблюдая, как люди, слушавшие его, прерывали разговоры и застывали с напряженными, внимательными лицами.

Теперь ему предстояло вступить в соревнование с опытным и ловким оратором. Нужно опровергнуть, разбить его доводы. А так как речь этого оратора безукоризненна по форме, то и Полбин должен противопоставить ей такую же искусную форму - легче будет убедить тех, кто был покорен не существом дела, а блестящим хитросплетением фраз.

Полбин придумывал начало своей речи, мысленно переставляя слова, подыскивая и заменяя одни другими. Ему очень хотелось, чтобы как только он выйдет к столу и произнесет

несколько слов, а потом сделает паузу, в притихшем зале раздался бы чей-нибудь шопот: "этот скажет!" Так бывало с ним "в гражданке", во время жарких комсомольских споров на собраниях, на конференциях, на пленумах волостного комитета.

Рубин закончил свой доклад пожеланием успехов личному составу в новом году и, усевшись за столом президиума, стал внимательно рассматривать ногти на длинных, сухих пальцах. Пагурия предложил задавать вопросы докладчику в письменное виде, затем взял со стола листок бумаги с фамилиями выступающих. Полбин приподнялся на стуле, но Пагурия объявил:

- В порядке записи слово предоставляется технику Терещенко.

Вот тебе и товарищ Данный! Он никогда не выступал на собраниях, и вообще, как всем казалось, мог говорить только о шлинтах, корончатых гайках или способах восстановления поврежденной обшивки самолета. Поэтому для всех было неожиданностью видеть техника идущим к застеленной кумачом тумбочке. Он не встал за тумбочку - то ли потому, что был мал ростом, то ли не желая занимать места, только что освобожденного недосягаемым для него начальством - Рубиным. Он остановился в двух шагах от стола, повернулся подчеркнуто строго, через левое плечо, и все увидели его смущенное сморщенное лицо с черной щетинкой трехдневной давности, неловко подпоясанную суконную гимнастерку, брюки в пятнах от авиационного масла и большие валенки-чесанки, голенища которых были подвернуты у колен, как ботфорты у мушкетеров. В руках у товарища Данного была смятая бумажка, но он начал, не заглянув в нее:

- Значит, так. Я скажу по-простому, по-технарскому. Служил я в гражданскую войну мотористом на "Илье Муромце". На деникинском фронте приехал к нам новый комиссар отряда, Селифанов по фамилии, питерский рабочий. Хороший был человек, умный, партийный, а в авиации ничего не понимал. В первый день приходит к нам, а у нас на "Илюшке" левый крайний мотор отказал. Раскапотили, стоим на стремянке, копаемся. "Какая причина неисправности?" - спрашивает. Мы. технари, молчим, а командир корабля - он из старых летчиков, в царской авиации подпоручиком был - отвечает: "Тряпка в жиклер попала".

В зале прокатился легкий смешок. Пагурия со строгим лицом постучал карандашом по столу. Техник посмотрел в зал недоуменным взглядом, скомкал свою бумажку и сунул ее в карман брюк.

- Да, так и сказал. А вы сами знаете, какая тряпка может

попасть, ежели в данном жиклере калиброванное отверстие, самую тонкую иголку не просунешь. Комиссар себе записал что-то в книжечку и ушел, а наш летчик смеется: "Все равно, - говорит, - ни черта не поймет, это ему не паровоз и не сенокосилка".

- Ближе к делу, товарищ, Терещенко, - сказал Пагурия.

- Я и говорю ближе к делу... Данный случай мне припомнился потому, что тут докладчик хотя так прямо и не сказал, а что-то похожее сказал. Я так понял, что самолет это машина не для всех, а особенно, значит, не для тех, кто малое образование закончил. А кому образование раньше было трудно получить? Рабочему да опять же крестьянину...

- Я говорил о тех, кто лишен врожденных способностей к летной профессии, вставил Рубин, откидываясь на спинку стула и снисходительно улыбаясь.

- И я говорю про тех, кто лишенный, - не поворачивая головы, упрямо глядя в зал, ответил техник. - Про комиссара Селифанова наш командир корабля тоже говорил, что он лишенный способностей летать. А Селифанов через полгода вылетел на "Аврушке" - был тогда такой учебный аппарат - и позже хорошим боевым летчиком стал. Так что мы тут все понимаем, и не надо думать, что один в компании трезвый, а все пьяные.

Снова в зале прокатился смех, на этот раз громкий, дружный. Кто-то захлопал в ладоши, хлопки тотчас же подхватили. Техник постоял секунду, растерянно посмотрел на свои руки, в которых не было приготовленной бумажки, пошарил в нагрудных карманах и вдруг быстрым шагом направился к своему месту. Вероятно, он подумал, что смеются над ним: тот же Рубин после больших праздников нередко вызывал товарища Данного к себе и делал ему внушение по поводу излишнего пристрастия к веселящим напиткам.

Но Полбин понял, что аплодируют не столько неожиданной смелости выступления техника, сколько тому, как метко определил он порочную сторону доклада Рубина. Да, в этом докладе прозвучало явное неверие в возможность массовой подготовки летчиков из тех людей, которых народ посылает в школы и училища. И теперь Полбину было ясно, как и что он сам должен говорить: чувство найденной безусловной правоты помогло объединить в систему все доводы, которые в виде отдельных возражений докладчику были записаны в блокноте; только приготовленное начало вылетело из головы, пока Полбин проходил к трибуне.

- Я так понимаю дело, - сказал он. - Советский Союз есть ударная бригада мирового пролетариата. Об этом писали все

газеты в день пятнадцатой годовщины Октября. Ударную бригаду надо защищать от врагов. Для этого нужна сильная армия, нужен крепкий воздушный флот!

Он посмотрел в зал. На всех лицах было спокойное внимание. Терещенко радостно кивал головой и постукивал пальцем по своей, найденной наконец, бумажке, как бы говоря: "Я то же самое хотел сказать, да не сумел". Сидевший за ним Звонарев, подавшись вперед, положил локти рук на спинку передней скамьи, подпер лицо ладонями и, не мигая, глядел на Полбина блестящими глазами, в которых можно было прочесть только одобрение. Встретившись с этим взглядом, Полбин удивился, но ничего не успел подумать, так как сбоку, со стороны президиума, вдруг послышалось:

- С вами никто не спорит.

Рубин довольно сильно грассировал, и уже по одному этому Полбин, не оборачиваясь, мог бы определить, кому принадлежала фраза, но он резко повернулся:

- Нет, спорят! А если не спорите вы, то буду спорить с вами я.

Пагурия пошевелил губами, сдвинул брови к переносице и указал ребром ладони в зал: "Туда говори, туда".

Полбин послушно выпрямился и продолжал, глядя в блестящие глаза Звонарева:

- У меня привычка внимательно читать газеты и запоминать, что в них пишется. Я помню выступление начальника военвоздухсил товарища Баранова на девятом съезде комсомола. Он говорил, что необходимо организовать широкую тягу лучших, идейно и политически выдержанных рабочих-комсомольцев и комсомольцев-колхозников в авиационные школы. Сейчас эти товарищи приходят к нам. Мы их должны обучать. Обучать, готовить из них летчиков. Готовить защитников Родины, ударной бригады мирового пролетариата!

Лицо Звонарева в слабо освещенном зале вдруг потеряло ясность очертаний, расплылось, как будто Полбину приставили к глазам бинокль со сбитой фокусной наводкой. Расплылись и ушли куда-то вглубь и другие лица, сделавшись странно похожими. Теперь Полбину казалось, что он разговаривает с одним человеком, который думает и рассуждает о важных вещах, но думает не так, неправильно, и его нужно убедить, многое ему объяснить, наставить на истинный путь. Сжав левой рукой угол тумбочки и жестикулируя правой с сомкнутыми в кулак пальцами, подавшись грудью вперед, Полбин говорил:

- Есть о чем спорить? И да и нет! Не следует спорить о том, что людей необходимо обучать. Это бесспорно! Надо ли спорить о том, как обучать? Оказывается, надо. Если человека посылает к

нам целая комсомольская организация, если на проводы его съезжаются колхозники со всего района, то имеем ли мы право повертеть его тут, посмотреть на него и сказать: "Не годишься, езжай обратно?" Нет у нас такого права! Можно вернуть однорукого или безглазого, но таких, слава богу, не присылают. Думают люди, понимают! Меня тоже браковала когда-то медицинская комиссия из-за этого мизинца! - Полбин оторвал от тумбочки левую руку и, выбросив ее вперед, несколько раз сжал и разжал пальцы; мизинец, пораненный в детстве серпом и плохо сросшийся, не разгибался, казался деревянным. - А у Буловатского все пальцы в исправности и голова исправно работает! Можно было его отчислять без всесторонней проверки? Считаю, что нельзя!

Назвав Буловатского, Полбин тотчас же снова испытал колебания, которые испытывал и во время доклада Рубина: сказать или не сказать собранию о том, какой ценой была ликвидирована "скованность движений" курсанта, как был достигнут перелом в ходе его обучения? Полбин вышел к столу, так и не решив для себя этого вопроса. Но сейчас он подумал, что поступит честно, как коммунист, если расскажет все, как было. Похвалят его или обругают - неважно, но он получит оценку своих действий.

И он стал рассказывать. Гробовая тишина стояла в зале, когда он говорил о том, как на высоте восемьсот метров была выброшена за борт ручка управления, как у курсанта стали "квадратные" глаза, а самолет заваливался то на одно крыло, то на другое и медленно шел к земле. Кто-то шумно вздохнул, когда Полбин сказал, что "страх был вышиблен страхом" и курсант, перестав "зажимать" ручку, самостоятельно повел самолет.

- Здорово! - вырвалось у Звонарева.

- Безобразие' - картавя сильнее обычного, произнес Рубин. - Ваше счастье, что вы сказали об этом так поздно, а дисциплинарный устав запрещает налагать взыскание за проступок, совершенный давно... Но я все же прошу записать это возможно подробнее... - с последними словами Рубин обратился к Федору Котлову, который вел протокол.

Пагурия постучал карандашом и взял со стола свои ручные часы.

- Время Полбина по регламенту истекло.

- Дать еще! Прибавить! - послышались голоса. Ему дали еще три минуты, и он в течение этого времени говорил о необходимости беречь материальную часть самолеты, которые в изобилии дает страна, но которых потребуется очень много, чтобы воспитать армию молодых летчиков. В нескольких резких

фразах Полбин критиковал Звонарева, бесшабашность и лихость которого на посадке со "срезанным углом" могла привести к аварии. Хотел рассказать о статье в "Красной звезде" и о награждении командира авиаотряда Крыловского за безаварийную работу, но времени уже не осталось.

Он сел на свое место, так и не зная, хорошо или плохо говорил. В продолжение всей речи он ни разу не вспомнил о своем намерении соперничать с Рубиным в ораторском искусстве.

Но тут он увидел, что Федор Котлов смотрит в его сторону и, отложив карандаш, делает такие движения, как будто посыпает порошком поднятый вверх большой палец левой руки. На скамьях тоже многие оборачивались, одобрительно кивали ему головами, и он подумал: "Значит, главное сказал". И, успокоившись, стал слушать. Один за другим выходили к тумбочке летчики, техники. Рубин то и дело бросал реплики - он не находил единомышленников среди выступавших. Некоторые обращались со словами упрека и в адрес Полбина, - это касалось главным образом эксперимента с Буловатским. Но никто не решился полностью одобрить действия Полбина или целиком их осудить. Чувствовалось, что люди только ищут, нащупывают правильное решение вопроса.

Поэтому Полбин с возраставшим нетерпением ждал выступления секретаря партийного бюро.

Шалва Пагурия служил в авиации с начала двадцатых годов. Когда-то он был летчиком, но во время катастрофы на "Ньюпоре" или "Фармане" у него была изуродована нога. Костыли не понадобились, но пришлось сменить кабину самолета на рабочее место в аэродромных ремонтных мастерских. Там его избрали секретарем партийной ячейки, он хорошо организовал работу и вскоре был выдвинут на более высокий пост - освобожденного секретаря большой организации. В школу он пришел с хорошим опытом партийной работы за плечами.

Когда он выходил из-за стола с листками бумаги в руках, на скамьях зашикали: "Тише! Шалва выступает!" Его все, даже безусые учлеты, называли по имени или коротко "отсекр". Никто не произносил этих слов с оттенком фамильярности, напротив, в них звучало уважение.

Большой, очень широкий в плечах, на которых крепко сидела круглая голова со светлыми, стриженными ежиком волосами, он мало походил на грузина. У него и брови и глаза были светлые - говорили, что по матери он русский. Только когда он начинал говорить, его можно было представить в черкеске с газырями, в каракулевой шапке, расширяющейся кверху, и казалось, что этот костюм был бы ему к лицу.

- Тут были разные выступления, - начал он. - Были гладенькие и корявые, горячие и спокойные. Мне больше нравятся горячие. Но не такие, чтоб чих-пых и дым пошел, а с настоящим огоньком. В них правду легче разглядеть, честность большевистскую.

Он хитро сощурил глаза и вдруг, наклонясь в зал, произнес:

- Только ты, Полбин, все это на свой счет не принимай, о тебе отдельно разговор будет. Пока мне у тебя одно понравилось - что ты газеты читать любишь. Это неплохо, это хорошо. Все мы читаем газеты. А не всегда замечаем то, что важно для нас, работников авиации...

"Что же?" - едва не вырвалось у Полбина, но Пагурия ответил сам:

- Недавно "Красная звезда" подробно рассказала про опыт одного авиационного отряда. Командир этого отряда получил правительственную награду орден. За что получил?

Пагурия выпрямился и, рассекая рукой воздух, произнес с короткими паузами между словами:

- За хорошую... безаварийную... работу. Три года без поломок и аварий! Можем мы этим похвастать? Нет! У нас не было крупных летных происшествий, но подсчитайте, сколько поломано подкрыльных дужек, сколько отбито костылей на грубых посадках? Кто мне скажет, что это мелочь, ну, кто, кто? - поднял он голос, обращаясь к сидящим в зале. - Никто не говорит. И правильно! Сегодня сломал подкрыльную дужку, а завтра срежешь круг товарищу на посадке, отобьешь ему элерон и машину разломаешь. Сам угробишься. Тебе на могиле лопасть винта поставят и надпись сделают: "Летчик такой-то. Отличался лихостью воздушного почерка".

Кое-кто в зале рассмеялся. Звонарев оглядывался по сторонам с виноватой улыбкой. Рубин положил кисти рук на стол и с упрямым видом уставился на висевшую у потолка электрическую лампочку. Пагурия повернулся к нему:

- Тут ты поднапутал немного, Аркадий Захарыч. Не зря тебя поправляли, прислушаться стоит.

- К чему? - пожал плечами Рубин.

- А вот к чему. Валить в одну кучу француза Пегу и нашего Нестерова нельзя. Пегу был воздушный акробат, его лихость звоном франков и долларов отзывалась. А Нестеров искал новые пути, высший пилотаж создавал. Прав ты, есть такая традиция у русских летчиков. Арцеулов лихо, наперекор всему качинскому начальству, самолет в преднамеренный штопор ввел. А для чего? Чтоб доказать: можно со штопором бороться. Значит, ясность цели была.

- Я не спорю, - опять вставил Рубин.

- Не споришь на словах, а на деле, по существу, споришь. Верно тебе тут заметили. Если твою лихость воздушного почерка принять, то она у тебя - какое это слово говорится? - самоцель! Понятно? Самоцель.

Рубин молчал, высоко подняв брови.

- Я поддерживаю в этой части выступавших, - продолжал Пагурия. - Нам нужно летать не ради лихости, а ради уменья воевать. И надо учить искусству летать и воевать в воздухе нашу молодежь, детей рабочих и крестьян. Вот тут-то разговор о Полбине. Я думаю, что не стоит снимать его с командира звена и объявлять задним числом взыскание. Буловатский стал летчиком. В будущей войне он станет сбивать вражеские истребители или громить укрепления. Воином станет! И те, кого он защитит, спасибо ему скажут, а заодно и Полбину, который его обучил!

Полбин облегченно вздохнул и вытер платком вспотевшие руки. Пагурия продолжал:

- Не берусь говорить, что Полбин правильно сделал, когда ручку выбросил. Это касается методики летной подготовки, и нельзя такое действие в правило возводить. Бывает, что в споре человек заостряет какой-то факт, преувеличивает его. Это называется - какое тут слово? - полемический прием. Вот Полбин, по-моему, и применил полемический прием. И доказал, что смотрит вперед, а не назад - в этом главное!

Рубин отрицательно качал головой в знак несогласия, но Пагурия уже не обращался к нему. Он перебрал свои листки с записями и еще несколько минут говорил о политическом воспитании курсантов, о выпуске стенгазет и подготовке ко дню ударника, который должен был проводиться 1 января нового 1933 года.

Когда он кончил, кто-то предложил закрыть прения, но слова попросил молчавший все время Звонарев.

- Дадим? - сказал Пагурия.

- Дать! Дать! - раздались голоса. Звонарев поднялся.

- Я с места. В порядке справки. Не считаю себя эталоном летчика. И вообще не понимаю, что значит эталон первый и эталон второй. По-моему, у нас один эталон: советский летчик! Все!

- Правильно! - раздался чей-то густой бас, и на скамьях одобрительно зашумели.

Домой Полбин, Котлов и Звонарев шли вместе. В коридоре общежития Звонарев открыл пачку папирос.

- Давайте зайдем ко мне, посидим, покурим.

- Я же не курящий, - сказал Полбин улыбаясь.

- Все равно, - дружески хлопнул его по плечу Звонарев и

широко улыбнулся. - Жена спит, заходи к соседу-холостяку.

Он достал из кармана ключ, и все зашли в его комнату.

Глава IX

7 января 1933 года партия подвела итоги выполнения первого пятилетнего плана. Полбин несколько раз, как стихи, перечитал газетный столбец, в котором семь абзацев подряд начинались словами "У нас не было..." а потом, после точки, шла вторая фраза: "У нас... есть теперь".

Седьмой абзац он, торопливо нашарив в кармане карандаш, подчеркнул: "У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь".

Ему хотелось поскорее увидеть новые самолеты, построенные на отечественных заводах, из советских материалов. На аэродроме разговоры об этих машинах шли уже давно. То один, то другой пилот, приземлявшийся для заправки горючим на школьном аэродроме, рассказывал о скоростных истребителях конструктора Поликарпова. "Смотришь - в небе точка. Момент - и уже над головой прошумел. Не успеешь повернуться - опять точка". Рассказывали также о тяжелых бомбардировщиках, баки которых вмещали сразу целые цистерны бензина, а тысячекилограммовые бомбы можно было подвешивать, "как огурцы". А не хочешь бомбы брать - цепляй под брюхо танкетку с экипажем и вези по воздуху, куда надо.

Эти самолеты Полбин впервые увидел в самом начале лета. Он стоял на земле и наблюдал за учебными полетами. День был ясный, солнечный, но под куполом неба скапливались белые пушистые облака. У-2 ходили под ними, наполняя воздух живым, веселым, легким стрекотом.

Полбин привычным ухом отмечал изменения в работе моторов: звук стал гуще, звонче - самолет набирает высоту или ложится в вираж; затихает, похлопывает изредка - значит, идет на снижение, планирует.

Вдруг он почувствовал, что ему стало труднее читать голоса моторов. Какой-то мощный, тяжелый гул покрыл все звуки. Казалось, вздрогнув, загудело само небо, ровно, басовито.

Запрокинув голову, придерживая рукой пилотку, он пошарил глазами в облаках, и в голубом просвете на большой высоте, увидел силуэт четырехмоторного самолета с широко раскинутыми крыльями и длинным, узким фюзеляжем. Отделившись от белой облачной кромки с неровными кипящими краями, самолет медленно плыл к другой, противоположной кромке, как лодка, пересекающая полынью. Вот он исчез, а вслед за ним из облаков вынырнули два других и, пройдя по голубому фону с той же медлительной, величественной торжественностью,

растаяли на другом берегу облачной полыньи.

Небо продолжало гудеть и вздрагивать, и казалось, что все У-2, снующие на малой высоте, разом потеряли голоса.

Полбин почувствовал, как у него забилось сердце. Вот они, гиганты, способные перевозить танки, как игрушки! Неужели ни один не сядет? Посмотреть бы!

Самолеты ушли. Постепенно, как изображение на проявляемой фотопластинке, начали возвращаться звуки моторов маленьких У-2, и скоро их суетливое стрекотанье снова наполнило воздух.

Через несколько дней, ранним утром, в дверь комнаты Полбина постучал Котлов.

- Спишь? Вставай! На аэродроме "Тэ-бе-третий" сидит!

ТБ-3, тяжелый бомбардировщик, только что приземлился и зарулил к стоянке учебных самолетов. Легкий У-2 оказался рядом с этой громадиной и выглядел, как взъерошенный цыпленок под распростертым крылом вольного степного орла.

Мощные цельнометаллические несущие плоскости толстого профиля. Тридцать пять метров размах, тридцать пять метров от красной лампочки на левом крыле до зеленой на правом. Общий вес - двадцать одна тонна, вес двух десятков учебных самолетов!

У огромного колеса шасси стоял товарищ Данный. Он внимательно слушал объяснения борттехника самолета и не замечал, что положил локоть на резиновое колесо, как на высокий забор.

По алюминиевой лесенке-стремянке, спущенной на землю из квадратного люка, Полбин вошел внутрь самолета. В просторном помещении стрелка-радиста находился удобный металлический столик, на котором, придавленные эбонитовыми наушниками, лежали листы бумаги, очиненные карандаши. За переборкой размещались рабочие места правого и левого борт-техников. Каждый из них наблюдал за группой моторов и мог в полете пробраться по пустотелому крылу почти до самой законцовки - осматривай все, что тебе нужно.

Сиденья летчиков находились рядом. Их разделял узкий проход в штурманскую кабину - "моссельпром". Неизвестно, какой шутник так окрестил эту полную света гондолу с прозрачными решетчатыми стенами из прочного плексигласа, но какое-то сходство с уличным киоском тут было. Вынесенная далеко вперед, кабина штурмана служила носовой частью самолета и, когда он стоял с опущенным хвостом, была высоко от земли, во всяком случае на уровне одноэтажного дома.

Полбин устроился на сиденье, потрогал полукруглый штурвал.

- Полетать бы, а? - сказал он Котлову.

- Может быть, и полетаете, - ответил за Федора борттехник самолета, хранивший на своем лице выражение человека, хорошо осведомленного.

- А что? - насторожился Котлов.

- Да то, что мы к вам не затем, чтоб показаться, прилетели. Пилотов будем набирать. Бумагу из округа привезли.

Полбин быстро вылез из-за штурвала и потянул Котлова за собой.

- Пошли! В штаб, живо!

Оба попали в группу летчиков школы, отобранных, как предписывалось в бумаге, "для переучивания на новой материальной части".

Звонарев остался в резерве, кандидатом в следующую партию.

Все делалось очень быстро. Еще не успел растаять в небе гул моторов улетевшего ТБ-3, как Рубин вызвал всех отобранных к себе и распорядился немедленно сдавать дела, оформлять продовольственные, вещевые и денежные аттестаты.

- Не стройте радужных планов. После переучивания полетите служить на Дальний Восток. Там у вас будет широкое поле для всевозможных экспериментов. Но... - он пожевал губами, - я на вас не сержусь и желаю вам добра. Советовал бы вам перед откомандированием взять отпуск и съездить с молодой женой в родные места. На востоке я бывал - это край гиблый.

Все это Рубин произнес тихим, расслабленным голосом, в котором не было уже металлических ноток, звучавших несколько минут назад, когда он отдавал распоряжения летчикам. Полбин и раньше замечал, что так называемая командирская властность не является особенностью характера начальника УЛО, а попросту "наигрывается" им в нужных случаях. Но сейчас у Рубина был особенно унылый вид. Он сидел за столом, положив руки на толстый лист стекла, под которым виднелись прижатые к зеленому сукну графики, плановые таблицы полетов, схемы. На стеклянных гранях двух тяжелых кубов-чернильниц и на полированной поверхности эбонитового самолета-макетика, разместившегося между ними, лежали отблески заходящего солнца. Рубин повернул голову к окну, Полбину был виден его профиль, облитый красными лучами. И говорил Рубин куда-то в окно, не глядя в лицо собеседнику.

Полбин тоже посмотрел в окно. Далеко-далеко были видны выстроенные в одну линию самолеты. По зеленой траве летного поля, переваливаясь с крыла на крыло, катился маленький, как муравей, У-2.

Вдруг вспомнилось Полбину, как два года тому назад, холодным февральским вечером привел их с Котловым в эту комнату разводящий с аэродрома. Рубин, подтянутый, с быстрыми движениями, безостановочно и уверенно говоривший, показался ему тогда воплощением деловитости, военной четкости. А сейчас он походил на растерянного пассажира, отставшего от поезда на маленьком полустанке.

"Чего он хочет? Широкое поле для экспериментов... Добра желаю... Нет, это не от доброго расположения".

Было ясно, что Рубин хочет завязать какой-то разговор и не может решить: стоит ли начинать? Почти уверенный, что сейчас он услышит жалобы на кого-то и на что-то, Полбин пристукнул каблуками и сказал:

- Разрешите итти?

Рубин вздрогнул, повернул растерянное лицо и, помедлив, ответил:

- Да.

Полбин вышел. На лестнице он облегченно вздохнул. Со времени партийного собрания у него с Рубиным не было других отношений, кроме сухо официальных, и сейчас он радовался тому, что избежал ненужной "душещипательной беседы". Хотя он так и не знал, о чем намеревался говорить Рубин.

Понял он это позже, когда, выйдя от Рубина, встретил на лестнице Пагурию.

- Говоришь, скучный сидит? - переспросил Пагурия, шумно дыша. - Понятно. Снимают его, вот что.

- Как снимают?

- Как обычно. С понижением. И он боится, что его на Дальний Восток пошлют.

- То-то он меня стращал.

- Стращал? А ты, слушай, не пугайся. Знаешь, Ленин говорил: Владивосток далеко, но ведь город-то это нашенский...

- А верно, что нас туда посылать будут?

- Многих пошлют. Ты что, газет не читаешь? Сам говорил: ударную бригаду защищать надо.

Пагурия, прищурясь, с улыбкой смотрел на Полбина. Тот порывисто ответил:

- И буду защищать!

- Верю, верю, дорогой. Тебе верю, - Пагурия положил ему большую руку на плечо. - Только слушай, что я тебе скажу. Ты Рубина правильно - как это говорится? - раскусил. Помог разобраться - плохой он командир. Но что, у нас в армии таких много? Нет, - он сделал решительный жест рукой, проведя ею по воздуху, - совсем, совсем немного. Хороших командиров хорошо

уважать надо. Ты это помни.

- Лишнее, - сказал Полбин.

- Нет, я не лишнее говорю, - упрямо отозвался Пагурия. - Сам командиром будешь - увидишь.

Наверху хлопнула дверь, и они разошлись, пожав друг другу руки. Пагурия, перевесившись через перила, крикнул вдогонку Полбину:

- А насчет отпуска, пожалуй, совет правильный. Я тоже поговорю с начальством, а ты с женой поговори.

Дома Полбин, ожидая, пока Маша накроет на стол, не сел по своему обыкновению к тумбочке с газетами, а остановился у окна и, бессознательно проводя ладонью по листьям герани, долго смотрел на закат.

- Ты о чем, Ваня? - спросила жена. Он резко повернулся, решив, что надо сказать сейчас же. Но как? Может, спросить: поедешь ты со мной далеко-далеко, за десять тысяч километров? Или нет: что бы ты сказала, если бы нам пришлось... И вдруг проговорил:

- Манечка, мы едем на Дальний Восток.

- Когда? - Маша со стуком положила на покрытый клеенкой стол вилки и ножи.

Он подошел к ней и крепко обнял.

- Не сегодня и не завтра. Месяца через два.

- А как же папа?

- Что папа?

- Ругаться он будет, - совсем по-детски протянула Маша.

- А-а, - рассмеялся Полбин. -Да, пожалуй, скажет: а что я говорил, вот и увезли Машу на край света.

Она отстранилась, взяла голову мужа теплыми руками и, заглянув в глаза, сказала:

- И поеду. На край света.

Полбин опять, радостно смеясь, привлек ее к себе:

- Пока поедем на Волгу. Возьму краткосрочный отпуск.

В середине июня они выехали в Ульяновск.

Глава X

До поездки в Ульяновск Маша никогда не бывала в средней полосе России. Раньше ей приходилось ездить только из Чернигова в Сумы, и она видела из окон поезда украинский пейзаж: белые хатки под соломенными крышами, задумчивые вербы над ставками, колодезные журавли на сельских площадях, по которым бродили телята, свиньи, гуси. Леса не часто встречались среди полей.

Поезд Харьков-Казань шел все время на северо-восток. От узловой станции Рузаевка дорога повернула, как выразился

Полбин, "курсом девяносто", строго на восток. Густой лес подступил к самым окнам вагона. Нежные березки сменялись прямыми, строгими соснами, потом тянулись заросли осины, орешника, боярышника. У самой насыпи, в высокой траве мелькали красные, розовые, синие лесные цветы, названий которых Маша не знала.

Здания маленьких станций и полустанков были деревянные, выкрашенные охрой. В тот же желтый цвет были окрашены будки обходчиков, возникавшие в лесу, как сказочные избушки. На некоторых, под самой крышей, лепились белые эмалированные доски с крупной надписью, извещавшей, что в будке есть телефон. Надписи эти казались странными, но не потому, что сразу же вытесняли мысль о сказке, а потому, что слово "телефон" везде было написано с твердым знаком.

Неожиданно оказалось, что на станции Выры вокзальное здание каменное. Леса здесь не было, сразу же за пристройками, за деревянным зубчатым забором открывалась голая степь. Вдаль уходила черная от дождей дорога.

- Вон там, за бугром, наша Ртищевка! - воскликнул Полбин, указывая на эту дорогу. - Семь туда, семь обратно, всего четырнадцать. Я тут каждую суслиную нору знаю!

Он был весь охвачен радостным оживлением. Его волновала не только перспектива встречи с матерью, братом, сестрой, со всеми родственниками. Он ловил себя на мальчишеском желании пройтись по улицам родного села в своем синем френче, перетянутом скрипящими ремнями, в отлично начищенных сапогах, которые, конечно, прежде всего вызовут зависть у деревенских парней и подростков. Он сам когда-то, купив впервые в жизни сверкающие новые калоши, ходил в них в июльскую жару и украдкой смахивал с них пыль носовым платком. Девушки, конечно, во все глаза будут разглядывать Машу и шептаться: "Красивая. Городская!"

Полбин, бережно держа жену за локоть, помог ей выйти из вагона. Они сели в случившуюся тут же телегу из ртищевского колхоза "Правда". В пути Полбин то и дело предупреждал возницу, молодого паренька, который только начинал ходить в школу, когда Полбин был секретарем комсомольской ячейки: "Не гони, Коля, за тем кустом глубокий выбой должен быть". На это Коля обычно отвечал: "Нету. Замостили". Но лошадей все же придерживал.

Маша с любопытством озиралась вокруг, хотя ничего, кроме однообразной степи, не могла видеть. Легкий ветерок волновал массивы уже выбросившей колосья озими. Яровые хлеба были нежно-зеленые, между стебельками проглядывала тугая, хорошо

напоенная недавними дождями земля.

За пригорком, внизу, показались бревенчатые избы, стоящие вразброс по бокам проселка.

- Приехали? - спросила Маша.

- Нет, это Кочетовка. А за ней сразу наша деревня, Манек, - ответил Полбин.

Когда телега проезжала по улице, Маша обратила внимание на прибитые к стенам изб струганые дощечки. На одних был нарисован топор, на других лопата или ведро. Маша уже приняла эти знаки за особую систему нумерации домов, но Полбин объяснил ей, что это колхозная инструкция на случай пожара: кому бежать с лопатой, кому с ведром, кому топор наготове иметь.

В Ртищево-Каменке тоже на каждой избе были такие дощечки. И немудрено: во всей деревне ни одного каменного дома, даже церковь, похожая издали на сторожевую башню сибирского острога (есть такой рисунок в учебнике истории), деревянная, облицованная тесом. Маша подумала, что именно из-за боязни пожара люди ставили свои дома так обособленно: единственную в селе улицу легко было на любом участке превратить в футбольное поле. Да и деревьев почти не видно, возможно, их когда-нибудь пожрал огонь.

Тень легкой грусти промелькнула по ее лицу, но Полбин не заметил этого. Встав коленями на сено, рассыпанное по дну телеги, опираясь рукой о плечо жены, он напряженно смотрел вперед и говорил:

- Сейчас, Маня, сейчас. Живодеровы, Карповы, а потом наша изба. А справа, видишь, обрыв - там Карамзинка... Купаться будем, если не высохла... А вон ветряк. Это на нем я катался, - помнишь, рассказывал, - на крыле...

Маша заглянула ему в глаза, и ей стало немножко стыдно своих безрадостных мыслей, внушенных видом Ртищево-Каменки. Улыбнувшись, она погладила руку, лежавшую на ее плече.

- Смотри, Ваня, свой дом прозеваешь...

- Да вот он, вот!

Полбин соскочил с телеги и побежал к избе, покрытой старой, побуревшей от времени соломой. Поверх соломы, чтобы ветром не растаскивало, лежали длинные жерди, корявые ветки с обломанными сучьями. Стены бревенчатые, выбеленные непогодой. На углах бревна переплетены, как пальцы рук. Топорик на белой дощечке под самой крышей. Наружные ставни. Окна небольшие, в три стекла, разделенные рамой в виде буквы Т. Ни забора вокруг, ни калитки, только у низкого крыльца небольшой частокольчик, на котором развешано белье.

Добежав почти до крыльца, Полбин остановился, ударом ладони сбил на лоб пилотку и бегом пустился обратно:

- Пойдем, Манек, что же я один... Да нас и не ждут как будто!

Он стал снимать с телеги вещи.

- Ведь ты же сам сказал: телеграммы не надо, - напомнила Маша.

- Верно, я и забыл! Езжай, Коля. Держи на папиросы.

Он сунул в карман вознице деньги.

- Ваня приехал! Ваня-я-а!

С крыльца слетела девушка в белой блузке, полная, с розовыми, свежими губами и светлыми, как у Полбина, глазами. Толстые русые косы подпрыгивали у нее за спиной.

- Сестренка! Во, какая стала!

Полбин опустил на траву чемодан и обнял сестру.

- А это Маша. Знакомься, ну-ка!

- Таня, - просто сказала девушка, и Маша пожала ее теплую шершавую ладошку. Потом обе смутились и поцеловались.

- А где же Петя? Где мама? - спросил Полбин.

- Как где? - удивилась Татьяна. - На работе. Петя в поле, он сейчас в тракторной бригаде... А мама в правлении. Она же теперь член правления! Вот я ее сейчас позову.

Сорвавшись с места, она помчалась по улице, мелькая крепкими, загорелыми ногами. На бегу обернулась и крикнула: "Счас!.. Пять мину-ут!"

Она действительно вернулась через пять минут, едва только Полбин и Маша вошли в чистую, светлую комнату, в которой прежде всего бросилось в глаза обилие цветов на подоконниках.

Высокая, крепкая женщина в длинном темном платье с узкими рукавами обняла сына, приговаривая:

"Как же это ты, Ваня, как же это ты, сынок"... Потом расцеловалась с Машей и сразу же стала называть ее "доченькой".

Петр, младший брат Полбина, пришел только вечером, когда уже село солнце. Он был очень смущен тем, что на нем рабочий костюм в масляных пятнах и пыльные сапоги. Улучив минуту, он вышел на крыльцо и стал мыться. Татьяна сливала ему на руки из большой медной кружки.

В новом шевиотовом синем костюме, в чистой косоворотке, с волосами, расчесанными мокрой гребенкой на пробор, он тихо присел на скамье у окна, заставленного цветами.

Дом постепенно наполнялся гостями. Полбин то и дело знакомил Машу с родственниками: "Это тетя Надя... Это дядя Яков... Это двоюродный брат..." Особенно много было двоюродных братьев - от бородатых и усатых до самых маленьких, только начавших ходить в школу.

Полбин всех помнил по именам, расспрашивал взрослых о делах, учеников об отметках. Ребятишкам он с серьезным видом обещал покатать на самолете, как только у него будет свой собственный самолет. Когда это случится, их не интересовало, и они со счастливыми лицами говорили друг другу: "И меня, сказал, покатает"...

Маша смотрела на мужа и радостно думала, что все эти люди, и стар и млад, идут к нему не потому, что он один из всей деревни ушел в большой, необыкновенный мир и в представлении каждого стал знаменитым человеком. Просто они любят его, Ваню Полбина, как хорошего, душевного человека, и он также любит их всех искренней, честной любовью. И оттого, что он никогда не относился к людям иначе, они помогали ему собирать, копить душевные силы, каждый отдавал ему свою маленькую, но чистую, как родниковая вода, частицу, а теперь все рады видеть: отдано не зря.

Эту мысль высказала и тетя Надя, маленькая женщина с морщинистым лицом, в платке, наброшенном на седеющие волосы. За столом она первая подняла свою рюмку и, вытерев пальцами уголки губ, произнесла:

- Ну, здравствуйте, гости! За Ваню, за то, что вывели его в люди всем народом!

Все стали чокаться маленькими рюмочками, специально собранными по деревне, и говорить: "Здравствуйте, гости" или "Ну, здравствуйте!" Маша не сразу поняла, что это не приветствие, а пожелание: "будьте здоровы".

Тетя Надя выпила свою рюмку и по морщинкам, собравшимся у ее выцветших, много повидавших глаз, потекли слезы.

- Семена покойного вспомнила, Ксеня, - сказала она матери Полбина. - Вот бы встал да поглядел на орла своего...

Но видно, не только Семена вспомнила она. Для нее вкус вина был воспоминанием о свадьбах, крестинах, похоронах, о радостях и печалях человеческих.

Полбин встал, чтобы ответить. Он осторожно привлек к себе тетю Надю, едва доставшую ему до плеча. Она откинула голову, глядя на него счастливыми, умиленными глазами.

- Эх, и ладный, статный какой! Все при нем, - сказала она любуясь, - и разум, и сила, и сердце доброе...

Полбин поднял рюмку:

- Спасибо, тетя Надя! Всем спасибо, кто помог мне из пастушка ртищевского в летчики выйти! А мы... а я уж постараюсь...

Тут он запнулся. На языке вертелось что-то вроде "оправдаю доверие", но он почувствовал, что слова эти будут здесь чересчур

торжественными, надо было сказать что-то проникновенное, от сердца идущее, но нужные слова не приходили. Он встретился взглядом с Машей, она опустила длинные ресницы, счастливо зажмурилась: и не нужно ничего больше говорить, и так все понятно и хорошо. Он выпил, поставил рюмку и, порывисто обняв жену, поцеловал ее.

- Горько! - крикнул кто-то в конце стола.

- Горько! Горько' - подхватило несколько голосов.

Гости долго не расходились. Из раскрытых окон скоро потянуло предрассветной свежестью, марлевые занавески заколебались под дуновением ветерка. Полбин снял со спинки стула свой френч и накинул жене на плечи.

С улицы донесся звук пастушьего рожка.

Полбин бросился к окну. Потом быстро вернулся, взял со стола большой кусок сладкого пирога и спросил:

- Как его зовут, мама?

- Кого? - не поняла мать.

- Пастуха.

- Мишутка. Терентия Петровича меньшой сын.

Полбин высунулся в окно и позвал: "Миша! Михаил Терентьевич! Поди сюда!" С улицы откликнулся ломкий голосок подростка: "Счас! Кто меня требоваит?"

Паренек подошел к окну. Маша не видела его, она только слышала разговор. Полбин предложил пастуху захватить пирог на завтрак, тот отказался: "А зачем? Я сам муку на трудодни получаю". Полбин убеждал: "Бери. Пирог авиационный. Кто съест, тот со временем летчиком станет..." Слышно было, как паренек рассмеялся и сказал, что согласен принять пирог в виде подарка от летчика.

В эту минуту Маша посмотрела на Ксению и с удивлением заметила, как та смахнула непрошенную слезу. И Маша безошибочно угадала, какое грустное воспоминание посетило мать: когда ее сын был пастухом, никто не протягивал ему сладкого пирога. Горькая луковица да ржаная корка хлеба на весь день - вот была еда Ванятки Полбина.

Пастушечий рожок стал удаляться. Прозрачные занавески на окнах сделались розовыми. Занималась утренняя заря.

Глава XI

В Ртищево-Каменке супруги Полбины провели два дня. Второй день был воскресенье. На широкой улице, которая вчера казалась пустынной, появились одетые по-праздничному парни и девушки. Улица была покрыта мягкой травкой, и гуляющие ходили по ней, как по лугу. Девушки, одетые в розовые, белые, голубые кофточки, в легких "газовых" шарфиках, наброшенных на

волосы, держались вместе. Несмотря на жару, все парни были в пиджаках и фуражках. Один, неотступно следовавший за гармонистом, разгуливал по улице с велосипедом, спицы которого, ослепительно сверкавшие на солнце, были перевиты красной, синей и желтой ленточками; так заплетают гриву любимой лошади.

Маша не запомнила, сколько раз в этот день ей пришлось обедать. Все родственники наперебой приглашали к себе, и нужно было откушать щей и пригубить чарку в каждой семье. Едва только сели за стол у тети Нади, как прибежал вихрастый подросток от дяди Якова и сказал, что там уже ждут дорогих гостей и что ему велено без Ивана и Маруси не возвращаться. И он терпеливо ждал их, сидя на крыльце, а потом шел впереди с победоносным видом, показывая дорогу.

Только под вечер супруги покончили с визитами и влились в толпу молодежи, собравшейся около церкви на той самой площади, где в январе девятьсот пятого года была крестьянская сходка. Отсюда, с пригорка, вся деревня была как на ладони. Маша опять отметила, что избы стоят вкривь и вкось, что они то взбираются на бугор, то сползают вниз, в овраг, по дну которого течет неширокая речка Карамзинка. Но это зрелище уже не вызвало у Марии Николаевны тоскливого ощущения: она думала о людях, которые живут в этих избах, - людях простых, душевных...

На рассвете следующего дня, по тяжелой росе, они выехали в село Карлинское. Полбин еще в поезде придумал такой маршрут: из Ртищево-Каменки в Карлинское, затем в районный центр Майну, а оттуда по железной дороге в Ульяновск. Можно было ехать и другим путем, проселочными дорогами через Синий бугор, Анненково, Воропаевку. Но, во-первых, этот путь был связан с длительным и неудобным для Маши переездом на лошадях (она ожидала ребенка), а во-вторых, в Карпинском Полбин учился в средней школе, в Майне долгое время работал, и ему хотелось побывать в этих местах и показать их жене.

В Карпинском они встретились с Константином Алексеевичем Селяновым, преподавателем русского языка средней школы. Это был высокий, прямо державшийся человек с седеющими висками и густыми черными бровями, которые он часто поднимал или, напротив, хмурил в разговоре. В черной, наглухо застегнутой суконной куртке, в роговых очках он сначала показался Маше строгим, даже угрюмым человеком, но это первое впечатление скоро рассеялось.

Селянов, которого они нашли в тесной комнате школьной библиотеки, пригласил Полбиных к себе домой. Жил он рядом со

школой, в небольшом домике из красного кирпича.

Усадив гостей, Константин Алексеевич долго сокрушался по поводу того, что его жена и сын уехали и не смогут повидаться с лучшим учеником Карлинской школы, постоянным председателем ученического комитета, заводилой во всех делах общественных... Он говорил все это Маше с доброй, хорошей улыбкой, словно хотел втолковать ей: "вот какого мужа вы себе выбрали!"

Голос у него был приятный, каждое слово он произносил отчетливо, как на диктанте в классе.

Маша слушала с некоторым смущением. У нее было такое чувство, будто этот учитель с серыми проницательными глазами хвалит не только своего любимого ученика, но и ее, а она этого не заслужила.

Константин Алексеевич достал из буфета разрезанный на куски пирог, сказал, что это пекла еще жена и что теперь пирог превратился в древнюю окаменелость, но ничего лучшего он предложить не может. На столе зашипел чайник.

За чаем учитель стал припоминать смешные истории из школьной жизни Полбина. Он рассказывал их одну за другой и каждый раз первый принимался хохотать.

- А знаете ли вы, - обратился он к Маше, - знаете ли, что вы обрекли себя на жизнь с феноменальным упрямцем? Кто есть ваш супруг? Он есть не что иное, как несогласный звук!

- Константин Алексеевич! - поспешно перебил Полбин.

- Нет, нет, Ваня, расскажу и об этом, - улыбнулся Селянов и снова наклонился к Марии Николаевне. - Понимаете, этот искатель правды все время досаждал учителю математики, который тогда и заведующим школой был. Зафиров, Федор Николаевич, ныне здравствующий. Он уехал сейчас в Ульяновск. Так вот бывало Федор Николаевич объяснит задачку, покажет ход ее решения и говорит: "Делайте". Все за тетради, а Полбин поднимет руку и начнет вопросы задавать. Один, другой, пятый, десятый... Потом вдруг станет доказывать, что есть другой способ решения, вот такой-то... Федор Николаевич давай сначала объяснять, повторит все и потом - привычка у него такая - спрашивает: "Надеюсь, теперь согласны?" А Полбин, как кремень: "Нет, не согласен..."

- Бывало, Константин Алексеевич, что и соглашался, - вставил Полбин.

- Не спорю, бывало. Но это существа дела не меняет. Послушайте дальше, Мария Николаевна. Как-то я на уроке фонетики спросил Ваню ради проверки: "Какие бывают звуки?" И застал его врасплох. Урок был как раз после математики, он,

видимо, задачку какую-то додумывал и бухнул: "Звуки бывают согласные и - подумайте только - несогласные!"

Константин Алексеевич от смеха поперхнулся чаем.

- Его после этого долго Иваном Несогласным или Несогласным звуком дразнили... Так ведь было, Ваня?

- Так, так, - смеясь, подтвердил Полбин.

- Характер, - сказал Селянов. - Мне это в тебе нравилось, Ваня, признаюсь сейчас. Недавно я просматривал наши архивы за девятьсот двадцать третий год и нашел одну любопытную бумажку. Она, кажется, здесь у меня...

Он открыл верхний ящик письменного стола, порылся в нем и положил перед Машей пожелтевший листок, исписанный красными чернилами:

"В Карпинскую Советскую школу второй ступени Ученика Скугареевской профтехшколы Симбирской губернии и уезда Ивана Семеновича Полбина

Заявление

Желая продолжать начатое в Скугареевской школе среднее образование и ввиду ненормальной постановки там дела, прошу школьный комитет вышеуказанной школы не отказать мне в приеме в I группу Карлинской школы.

Полбин."

- Видали? - блестя глазами, сказал Селянов. - Разбирался человек: "ввиду ненормальной постановки там дела!" Ха-ха! Верно, Ваня, - учебный процесс там был хуже налажен, чем у нас; всякие прожектеры о "новой" школе кричали, а ученикам знаний давать не хотели.

В раскрытое окно комнаты ворвался теплый ветерок, качнулись тонкие кружевные занавески. Вместе с ветром донесся гудок автомашины. Это шофер колхозной полуторки давал знать, что он покончил со всеми делами, нужно ехать дальше.

Пришлось прощаться.

Через час машина уже мчалась по улицам Майны. Это было большое село. Чем ближе к центру, тем чаще среди деревянных домов попадались каменные, под железными крышами. Около дома с двумя радиомачтами и вывеской "Клуб" Полбин постучал по кабине и, когда машина остановилась, помог жене выйти. Машина ушла дальше, в МТС.

Когда-то Майна была волостным центром. Здесь Полбин работал после окончания Карлинской школы. Был избачом, секретарем комсомольской ячейки, агитпропом, а затем секретарем волостного комитета комсомола. Здесь его шесть лет назад, к десятой годовщине Октября, приняли в члены партии.

Солнце стояло в зените. Земля потрескалась от жары.

Маленькая дождевая лужица на дороге, казалось, высыхала на глазах.

- Устала? - спросил Полбин жену.

- Нет, - ответила Маша, вытирая белым кружевным платочком пыль с лица и шеи. - Это и есть изба-читальня? - указала она на вывеску.

- Здесь была. Зайдем?

- Конечно.

- У нас остается до поезда, - Полбин отвернул рукав френча, - пятьдесят две минуты. До станции тут семь минут ходьбы.

- Твоим шагом?

- Нет. Моим четыре.

Они вошли в дом. В просторном, полутемном коридоре было тихо и прохладно. Вдоль стен громоздились перевернутые стулья и скамьи, - очевидно, в зрительном зале красили полы. В углу были сложены картины в тяжелых рамах. Полуголые запорожцы с длинными чубами на бритых головах хохотали над письмом турецкому султану.

Открылась боковая дверь, из нее вышла девушка в цветастом сарафане.

- Вам кого, товарищи? Клуб закрыт на ремонт.

- А библиотека? Тоже? - быстро спросил Полбин.

- Библиотека нет. А вы что? Записаться хотите? - неуверенно сказала девушка. Ее белесые, выгоревшие на солнце брови удивленно поднялись, когда она разглядела летчика с чемоданом и женщину в синем шерстяном костюме и тонких светлых чулках. Сама девушка была не только без чулок, но и без туфель, босиком.

- Я тут когда-то работал... Разрешите войти?

- Пожалуйста.

Девушка оставила дверь открытой и, пройдя в глубь комнаты, торопливо сунула ноги в белые прорезиненные тапочки с голубой каемкой, стоявшие около табурета. Маша поняла, отчего девушка вышла босиком: полы в библиотеке были свежевымыты, от них исходила приятная прохлада.

Полбин поставил чемодан у двери и выпрямился.

- Ой... Ваня Полбин, - оказала девушка и смущенно поправилась: - Иван... Иван Семенович!..

- Откуда вы меня знаете? - спросил Полбин, пододвигая жене табуретку.

- А вы у нас секретарем комитета были. Я тогда в пионерском отряде железнодорожников состояла. Меня вы не помните?

Полбин рассмеялся. Он отыскал еще один табурет и сел.

- Как говорится, убей - не помню. Может, по фамилии узнаю?

- Таня. Таня Прозорова.

- А-а! - Полбин вскочил с табурета. - На демонстрации в честь годовщины Октябрьской революции от имени пионеров речь говорила! Да! Такая белобрысая девочка с косичками...

- Ну, Ваня, какая же она белобрысая! - вставила Маша с улыбкой. - Тогда, выходит, и я белобрысая?

- Была, наверно, в двенадцать лет, - пошутил Полбин. - Так правильно, Таня, насчет речи?

- Да, правильно. Это я говорила. По бумажке наизусть выучила... А вы помните?

- Фамилию запомнил. Мы тогда долго кандидатуру искали, - повернулся он к жене. - Секретарь волкома спрашивает, кто от пионеров выступать будет. У меня было два паренька, и оба спасовали. Вот Таня тогда и выступила. Махонькая такая была, на трибуне ей скамеечку подставляли.

- И сейчас у меня скамеечка есть, - сказала Таня. - До верхних полок я все же не достаю.

Она указала на деревянную лесенку из трех широких ступенек, стоявшую в углу.

Полбин взял лесенку, взобрался на нее и достал с верхней полки объемистый том в черном коленкоровом переплете.

- Некрасов. Как у нас, - узнала книгу Маша.

- Да, да, он самый. Это был тут в Ляховке псаломщик Вознесенский, подкулачник. Его судили, а книги его мне в избу-читальню передали. Еще были там сочинения Гоголя и Толстого, не Льва, а Алексея, у которого "Князь Серебряный". Есть эти книжки, Таня?

- Все есть, Иван Семенович. Вот на этой полке они. У нас сейчас отдел художественной литературы три полки занимает.

Полбин поставил книгу обратно.

- А мне за этого Некрасова досталось, - сказал он. - Вот в это самое окно стреляли, Маня... Я тут сидел вечером за столом, где Таня, и вдруг - бах!

Глаза Тани округлились

- Как за Некрасова? - спросила она. - Сказывали, что кулаки стреляли.

- У Вознесенского в батраках один наш комсомолец был. Он мне первому сказал, что псаломщик кулацкий хлеб от государства прячет. Я заявил куда полагается и сам ездил зерно из ямы доставать. Три подводы нагрузили. Тогда же я и книжки забрал. А через неделю - выстрел в окно. Я задремал как раз над книжкой, около меня лампа вот так рядом стояла, и пуля прямо в нее! Стекло вдребезги, темно стало. Я на пол бросился к стене, слышу - убегает кто-то.

Нашли потом. Это Сысоев был, он больше всего хлеба у Вознесенского прятал. Думал, что у служителя церкви не будут искать.

Маша уже слышала этот рассказ, но тогда они сидели в уютной черниговской квартире Пашковых за чаем и давнее воспоминание Полбина не очень поразило ее воображение. Сейчас она представила себе темную, дождливую осеннюю ночь за низким окном, сонную тишину в комнате, освещенной керосиновой лампой, светлое пятно на потолке, зыбкие тени по углам... И вдруг грохот выстрела, звон разбитого стекла...

Она поежилась, как от холода, и сказала:

- Ванечка, посмотри на часы.

- Есть, - ответил Полбин. - Пожалуй, пора. Ну, Таня, будем прощаться...

- Вы к ульяновскому? - поднялась Таня. - Можно, я вас провожу?

Она закрыла комнату на висячий замок и дошла с Полбиными до самого вокзала. Когда поезд тронулся, она долго стояла на перроне и помахивала тонкой загорелой рукой.

До Ульяновска было около двух часов езды. Под мерный перестук колес Полбин рассказывал Маше о городе, который считал родным.

- Все ленинские места, Манек, мы с тобой увидим, - сказал он под конец. Возьмем на вокзале извозчика и все объездим.

Они так и сделали. Поехали прежде всего на Большую Стрелецкую улицу, к дому, в котором прошло раннее детство Ленина. Это был деревянный, облицованный тесом двухэтажный дом под железной крышей. В каждом этаже пять окон, с правой и с левой стороны парадные двери под навесами-козырьками. Семья Ульяновых жила в комнатах второго этажа. Когда она поселилась здесь, Ленину было полгода. Родился он в маленьком флигеле, который стоял во дворе, но этот флигель не сохранился, его за ветхостью снесли еще до революции.

- Зачем снесли? - почти испуганно спросила Маша.

- А зачем Ленина в Сибирь ссылали? - мягко улыбнулся Полбин.

Маша смутилась. Извозчичья пролетка, двигаясь к Дому-музею, уже отъехала на изрядное расстояние, а она все оглядывалась, стараясь сохранить в своей памяти облик этого маленького дома, из окон которого когда-то выглядывал кудрявый улыбающийся мальчик, такой знакомый по портретам...

Около двух часов они провели в Доме-музее. Отсюда они пешком пошли к бывшей Симбирской гимназии, а затем, мимо обнесенного железной решеткой сада с высоким памятником

Карамзину, мимо белого двухэтажного здания Дворца книги, на Венец.

- Сейчас ты ахнешь, Манек, - сказал Полбин, когда впереди показалась ровная площадка с гранитным памятником-обелиском, клумбами и дорожками, посыпанными крупным речным песком.

Он подвел жену к краю площадки. Маша крепче ухватилась за его руку. Под ними был крутой обрыв с изрытыми сточной водой, склонами, на которых кое-где лепились кустики травы и два-три деревца испуганно цеплялись корнями за землю. Далеко внизу были видны дома, дворики около них. Дома казались игрушечными. Узкая деревянная лестница с перилами спускалась вниз по склону. Два очень маленьких человека поднимались по ней и часто останавливались отдыхать на квадратных площадках.

- Красиво? - спросил Полбин. - Это раньше называли высотой птичьего полета. Сейчас лучше сказать - средняя высота полета на У-2. О! Дождик!

Он посмотрел на одинокую каплю, упавшую ему на руку, потом на небо. Небольшая серая тучка остановилась над городом. Солнце светило по-прежнему.

- Под дерево, Ваня, - сказала Маша. - Тут так хорошо, что уходить не хочется.

У обрыва, на расстоянии пяти шагов от края, росла густая липа. Под ней была скамья.

Они сели. Домики внизу, лестница уже не были видны, но зато открывался вид на Волгу.

Маша не отводила глаз от реки. "Вот она какая!" - прошептали ее губы.

Облака закрыли солнце. Вода, только недавно сверкавшая серебром, стала серой.

- Вот она какая! - повторила Маша вслух.

Широкое тело реки пересекал железнодорожный мост. На середине он опирался на вытянутый островок, зеленый с одного конца и переходящий в пологую песчаную косу с другого.

Сверху, с севера, шел пароход-буксир. Ветер дул ему в корму, противоестественно набрасывая дым на нос парохода, по движению. Пароход тащил длинный ряд плотов, похожих на медленно перемещающийся остров.

Снизу двигался другой буксирный пароход, с двумя баржами. Против течения ему было трудно итти.

Казалось, он стоял на месте, хотя за его кормой тянулись пенистые белые "усы".

Далекий, похожий на грохот падающей воды звук долетел со стороны моста. Между ажурными переплетами ферм замелькало

белое, как кусок ваты, облачко. По мосту шел поезд.

Выглянуло солнце, и даль за Волгой засветилась. Среди темной зелени лесов мелькнула белая стена водонапорной башни, показались кое-где каменные дома, а дальше, за лесами, открылась безграничная, уходящая к горизонту степь.

- Ой, как хорошо! - вздохнула Маша. Редкие капельки дождя стучали по листьям дерева, но не проникали сквозь густую крону.

- Манечка, - задумчиво сказал Полбин. - Я как будто еще не ушел из музея, от Ленина. Знаешь, какая у меня мысль? Не каждый человек становится знаменитым, но каждому надо правильно выбрать свое дело. И честно трудиться...

Он замолчал. Маша тихо, не поворачивая головы, произнесла:

- Ну...

- Ну и тогда можно все делать отлично. Я много думал: правильно сделал, что в летчики пошел, или неправильно? А теперь знаю: правильно!

Глава XII

Осенью тысяча девятьсот двадцать седьмого года Полбин с узелком в руках, с кружкой и ложкой (обязательность которых при явке была указана в повестке из военкомата) пришел на призывной пункт.

Он был почти уверен, что его пошлют в авиацию. Активист ОДВФ - Общества друзей воздушного флота, он участвовал в сборе средств на постройку эскадрильи "Наш ответ Чемберлену", знал подробности всех больших советских перелетов и уж, конечно, знал по именам выдающихся летчиков. Правда, ему не приходилось даже близко видеть самолет, но из книг и журналов, попадавшихся в Майнской избе-читальне, он почерпнул немало сведений, которые казались ему первой ступенью подготовки летчика. По крайней мере, он знал, почему и как летает самолет, что такое подъемная сила и сила лобового сопротивления, и как эти силы уравновешиваются в полете. Он представлял себе устройство самолета, назначение лонжеронов и нервюр, понимал, как от движения ручки управления отклоняются вверх или вниз элероны и рули высоты.

Полбин был уверен, что его возьмут в летчики, потому что происходит из бедняков, комсомолец с двадцать второго года и уже почти полгода член партии. Здоровьем крепок, на комсомольских субботниках играючи четырехпудовые мешки с рожью таскал.

- Поднимите руки до уровня глаз, - сказал ему врач, седой старичок строгого вида. - Распрямите кисти, вытяните пальцы... Позвольте, молодой человек, а что это у вас такое?

Старичок схватил Полбина за левый мизинец и начал его

бесцеремонно мять, пытаясь согнуть в суставе. Но мизинец не поддавался.

- Гм... Карандаш какой-то, - сказал себе в усы врач. - Перелом? Ушиб?

- Серпом поранил, - упавшим голосом, чувствуя, как вдруг вспотела голая спина, сказал Полбин. И тут же, повернувшись к людям, сидевшим за столом, стал торопливо рассказывать, как в детстве, когда он батрачил у кулака Живодерова, хозяин застал его в поле спящим на снопах и, выдернув из руки серп, который Полбин держал за лезвие, сильно порезал палец. - До самой кости было, а потом срослось.

К рассказу призывника отнеслись сочувственно, но когда дело дошло до решения, председатель комиссии развел руками. Существует инструкция по отбору кандидатов в летные училища, в ней сказано то-то и то-то. Общее состояние здоровья завидное, но вот пальчик подгулял...

- Да, да, именно подгулял, - подтвердил седой старичок. - Следующий!

Одевшись, Полбин сунул в карман врученную ему полоску бумаги, вышел из комнаты и некоторое время оторопело бродил по длинному коридору. Потом достал документ о медицинском освидетельствовании. В конце каждой графы стояло N норма. Хирург написал что-то по-латыни, мелко и неразборчиво. А внизу, перед подписью председателя комиссии, твердым писарским почерком было выведено: "Годен к строевой". Над буквой "й" красовалась веселая, немыслимого рисунка завитушка.

Его направили в Богунский полк. Как имеющий среднее образование, он был определен в команду курсантов-одногодичников.

В день, когда страна отмечала десятилетие Октября, все роты выстроились и направились на городскую площадь. В центре ее, на деревянном возвышении, вместе с командирами стоял человек в черном пальто со смушковым воротником и такой же шапке-ушанке. В морозном воздухе раздалась звучная команда, и строй замер. Потом по новой команде винтовки были взяты "на руку", острые штыки вытянулись в одну сверкающую линию. Наступила торжественная тишина, в которой каждый слышал взволнованное дыхание соседа.

Командиры на трибуне взяли под козырек и застыли в неподвижности. Человек в пальто снял шапку и поднес к глазам лист бумаги. Это был председатель райисполкома, представитель государственной власти. Он читал текст военной присяги:

- "Я, сын трудового народа..."

Сотни молодых, сильных голосов на лету подхватывали

слова, повторяя их. Громкое эхо, дробясь и перекатываясь, разнеслось по площади. Черные галки, осыпая иней с деревьев, сорвались в воздух и с тревожными криками заметались под крышами домов.

Полбин не слышал своего голоса. Ему было жарко в туго подпоясанной шинели, он весь дрожал от напряжения, радостное, счастливое волнение распирало грудь. Справа и слева он чувствовал плечи товарищей. Нельзя было ни шевельнуться, ни моргнуть, но ему казалось, что он видит весь этот могучий строй людей в серых шинелях, казалось, что это он сам приобрел неожиданно сильный, богатырский голос. "Я клянусь...", - говорит он, и яркие, торжественные слова возникают, как вспышки орудийных залпов, раскатистым эхом поднимаются над домами и деревьями все выше и выше. Эхо проходит над всей страной - над бескрайными заснеженными полями и тихими задумчивыми лесами, над красными башнями Кремля, над спокойной могучей Волгой, где на крутом берегу стоит город Ульяновск...

Винтовка, лежавшая на левой руке, была удивительно легкой, невесомой. Только когда опять наступила тишина и все услышали новую команду "к но-ге!", Полбин почувствовал, что руки у него онемели и побаливают в локтях.

Строгая размеренность армейского быта пришлась Полбину по душе. Еще в бытность секретарем комсомольского комитета он приучил себя измерять время не часами, а минутами. Так он научился "все успевать", не откладывать работу на завтра и не терзаться потом чувством неудовлетворенности.

Здесь пришлось узнать цену секунды. Старшина роты, толстенький, полнощекий полтавчанин Трофим Возняк во время ночных побудок по тревоге всегда стоял на "линейке" с часами в руках и следил, как одеваются курсанты. Первым выскакивал на линейку Полбин. У него с вечера на тумбочке было в строгом порядке сложено обмундирование: брюки, на них гимнастерка, а сверху скатанный в тугой кружок поясной ремень. Стоит только схватить за свободный конец - и ремень развернется, пряжка всегда оказывается в левой руке...

Старшина был сверхсрочник, он обучил правилам солдатской службы не одну сотню людей. К людям он присматривался быстро и сразу выделял нерадивых: "Ось вам, товарищу курсант, - говаривал он, - уже больше, як двадцать, а вы доси ходить не умиете. Да-да, не умиете..."

Он был очень скуп на похвалы, но однажды во время утренней поверки сказал:

- Есть в роте один курсант, якому я за пивгода замечания не зробив. С нього приклад берить, богунцы.

Так как все стояли по команде "вольно", головы правофланговых повернулись влево, а левофланговых вправо: Полбин, не отличавшийся высоким ростом, находился в середине строя.

Старшина внушал курсантам, что служить в Богунском полку - честь для каждого. Это был один из старейших революционных полков Советской Армии, родившийся в огне гражданской войны. Им командовал в те годы прославленный полководец Николай Щорс. Ветераны полка, кадровые командиры, тоже любили рассказывать молодежи о славных традициях полка, о Щорсе. Воспоминания о лихих налетах и битвах, как правило, заканчивались назиданием: "Учитесь воевать, как Щорс!"

Полбин учился. Он старательно штудировал основы стрелкового дела, изучал уставы, с увлечением решал на карте тактические задачи то "за командира взвода", то "за командира роты".

В выходные дни, если рота не была назначена в караул, Полбин получал увольнительную и уезжал в Харьков, в библиотеку. Здесь он брал авиационные журналы "Самолет" и "Вестник воздушного флота". Увлекшись какой-нибудь статьей о перспективах цельнометаллических конструкций в самолетостроении, он не замечал, что на других столах уже гасят лампы, и поднимал голову только с приходом сотрудницы читального зала, маленькой седоватой женщины в очках с толстыми стеклами без оправы.

- Читальный зал закрывается, - тихонько, вежливо говорила она и бесшумно удалялась.

Это предупреждение стало для Полбина привычным. Но однажды вместо знакомого голоса сотрудницы он услышал над ухом густой бас:

- Увлекаетесь авиацией, товарищ курсант? В летчики надо было пойти...

Полбин вздрогнул и оторвался от статьи, в которой рассказывалось о том, как громили интервентов четырехмоторные бомбардировщики "Илья Муромец".

Перед ним стоял человек в форме пилота гражданской авиации, плотный, отлично выбритый, пышущий здоровьем.

Полбин молча положил на листы журнала левую руку, несколько раз пошевелил пальцами.

- Вот это-то? - прогудел пилот. - Из-за таких пустяков не бракуют. Когда комиссию проходил?

- Прошлым летом.

- Фью-ю! Тогда старые инструкции действовали. А ты еще раз попробуй. Отслужишь свое в пехоте - и дерзай.

Неслышно подошла сотрудница библиотеки и сказала, что читальный зал закрывается.

Пилот глянул на нее сверху вниз, комично поднял черные мохнатые брови и положил себе палец на губы.

Они вышли вместе. Пилот рассказывал о своей работе на Крайнем Севере, о вынужденных посадках в тайге, о том, как холодно в Якутии, как плохо без дров и без спирта в тундре.

- Поставили нас как-то на прикол в Енисейской губе... Пустой деревянный барак с железной печкой, мороз под сорок, и на тыщи верст ни одной собаки. Двое нас в бараке. Холодина - жуть! Как-то проснулся я ночью, вижу, печка затухает, а дров - ни поленца. Схватил со стула свитер товарища, сунул его на угли, руки отогрел, растер щеки и опять на боковую... Просыпаюсь утром, ищу свой китель, а товарищ мне пуговицы на ладони протягивает: "На, - говорит, от них все равно тепла нету, пришьешь к новому".

Полбин вернулся в казарму за две минуты до того, как истекал срок его увольнения в город. Все примечавший старшина Возняк первый раз неодобрительно посмотрел на него.

Через несколько месяцев курсанты-одногодичники держали экзамены на получение военного звания командира взвода. Полбин сдал все предметы, получил высокий средний балл и был уволен в запас с квадратиком на петлицах.

В новой серой шинели он вошел в кабинет секретаря Ульяновского райкома партии с твердым намерением просить рекомендацию в летное училище.

- А-а, отслужил! - поднялся ему навстречу секретарь. - Глядика: средний командир... Поздравляю.

Он взял Полбина за лацканы шинели и слегка потянул к себе, как бы примеряясь ростом.

- Молодец, что прямо ко мне зашел, молодец. Тут дела сейчас! Закипело, забурлило все... Революцию на селе совершаем. Народ в колхозы пошел, кулака под корень... Ты, небось, пока тебя там "налево кругом" поворачивали, поотстал малость?

- Нет, почему же! - ответил Полбин - Газеты читаю, мать из дому писала. Да и сами знаете, как у нас в армии сейчас...

- У нас .. в армии. Вишь ты, - усмехнулся секретарь и тотчас же перешел на серьезный тон. - Бери стул, садись и слушай. - Он опустился в свое кресло, переложил бумаги на столе, взял какой-то список, отпечатанный на машинке. - Ты в Грязнухе бывал?

- Да. Проезжал раз или два, - ответил Полбин, усаживаясь напротив.

- Вот поедешь прямо туда. Укладывай свой солдатский сундучок, или что у тебя там, и отправляйся. Тебе, демобилизованному воину, партия серьезное задание дает.

- Какое? - опешил Полбин. - Я хотел просить...

- Ты слушай, слушай, - решительным жестом руки остановил его секретарь. Зря, что ли, тебе дали командирское звание? Будешь теперь командовать, задание получишь боевое..

Задание действительно оказалось не из легких. Всюду в селах возникали первые коллективные объединения крестьян - товарищества по совместной обработке земли, ТСОЗы. Нужны были кадры руководителей новых хозяйств полеводы, бригадиры, табельщики. В селе Грязнуха создавались кустовые курсы крестьянского актива. Полбин был утвержден руководителем этих курсов.

В тот памятный год - год великого перелома - он так и не снимал своей шинели со следами квадратиков на выцветших красных петлицах. Зима и весна прошли в напряженной работе. Нужно было отремонтировать помещения для занятий, подобрать преподавателей, составлять расписание, заботиться о дровах, тетрадях и карандашах.

Полбин выдержал и этот экзамен. 1 июня 1929 года состоялся выпуск слушателей курсов. Бригадиры, табельщики, полеводы, скатав в трубочки тетради с записями и расчетами, разъехались по своим деревням.

Полбин поехал в райком партии. На этот раз секретарь внимательно выслушал его. Но вдруг спросил, лукаво сощурившись:

- Мельницы покоя не дают?

- Какие мельницы? - вспыхнул Полбин. Он не ожидал, что секретарю райкома известен эпизод из его мальчишеской

биографии. "Неужели опять откажет?" - с тревогой подумал он, стараясь прочесть по глазам секретаря, как дальше пойдет разговор.

- Знаю, брат, знаю, - рассмеялся тот, кладя руки на подлокотники потертого кресла. - Ты не стесняйся, говори, что это было, как там пишут... раннее увлечение авиацией...

- Да нет же, - все еще неуверенно ответил Полбин. - Баловство. Поспорил с ребятами, они говорили, что побоюсь...

- Допустим, баловство. А вот недавняя проверка библиотек района показала, что вся авиационная литература собрана в Майнской избе-читальне. Это тоже баловство?

- Нет, - твердо ответил Полбин. - Я наперед знаю, что летчиком буду. Не отпустите сейчас, так через год, через два...

- Это другой разговор, - секретарь поднялся с кресла. - Значит, выбрал дорогу. Ладно, давай оформлять документы. Обещаю полную поддержку.

Полбин с чувством пожал протянутую руку и пулей вылетел из комнаты.

В июле он был принят в Вольскую теоретическую школу летчиков.

С начала двадцатых годов каждый, кто готовился стать летчиком, проходил два этапа, связанных с обучением в двух разных школах: теоретической и практической. Первые советские летчики учились в Ленинградской теоретической школе, или, как ее называли, "терке", а затем с туманных берегов Балтики перекочевывали на солнечный юг, в Севастополь, где проходили практический курс полетов в Качинской школе, или "Каче".

Вольскую школу тоже называли "теркой". В этом грубовато-ласковом словце курсанты воплотили свое уважение к первому, труднейшему этапу на пути к небесным просторам: много терпения, усидчивости и упорства требовалось от каждого, чтобы постичь основы авиационной науки.

Полбин с самого начала прослыл одним из наиболее трудолюбивых курсантов. Еще бы: то, что раньше он по крохам собирал в случайно попадавших в его руки журналах и брошюрах, здесь преподносилось в виде стройной системы. Слушая преподавателей, он временами чувствовал себя как человек, которому в разное время раньше люди пересказывали содержание отдельных частей какого-то интересного литературного произведения; потом это произведение вдруг попалось ему целиком, и он, жадно глотая страницы, увидел, что оно еще прекраснее, чем представлялось ему по отрывкам.

Всю осень и зиму курсанты занимались в классах, на тренировочной аппаратуре. В начале мая их впервые вывели на

аэродром.

Это было хорошее утро. Солнце только что поднялось над городом и освещало розовым светом каменные стены метеобудки, полосатую "колбасу" на высоком шесте, крылья и фюзеляжи самолетов, с которых техники стягивали набухшие от ночной сырости чехлы. "Колбаса" - легкий рукав из прочной материи - повисла безжизненно: ветра не было. Между стволами берез, подступавших к дальней границе аэродрома, стоял голубой, как табачный дым, утренний туман. На траве висели капельки росы, поверхность цементных плит взлетной полосы тоже была влажной и тускло блестела, как запотевшее оконное стекло.

Где-то в конце летного поля простуженно зарычал, зафыркал остывший за ночь мотор. Совсем близко с веселым треском завелся другой, к нему присоединился третий... Воздух постепенно наполнялся неровным гулом. Взлетная полоса покрылась пятнами и стала быстро просыхать. Казалось, что это происходит не от солнца, а от жаркого ветерка, поднятого винтами самолетов.

Полбин лежал на траве и ждал своей очереди на полет. Первый в жизни полет на самолете! Рядом лежал помкомвзвода Федор Котлов. Стройный, светловолосый Михаил Звонарев с деланно-равнодушным видом похаживал по мокрой траве и что-то изредка говорил Федору. Полбин не вслушивался в разговор товарищей. Он сосредоточенно грыз травинку и следил за тем, как по взлетной полосе катились легкие резиновые колеса самолета, как вдруг возникал просвет между ними и землей: сначала тонкий, спичкой закрыть можно, затем все шире и шире, в рост человеческий, а дальше оказывалось, что нет никакого просвета, а есть деревья, дома, заборы - привычный земной пейзаж - и над всем этим медленно плывут две прямые черточки с зажатой между ними темной точкой: крылья и фюзеляж самолета.

- Полбин! - позвал старший группы. - Приготовиться!

Полбин вскочил. Лететь? Как будто не его очередь...

- Пойдешь ты. У этого Звонарева, должно быть, шило в штанах, опять куда-то исчез, непоседа.

Отряхнув росу с рукавов комбинезона и чувствуя, что он так и не смог внутренне подготовить себя к полету, Полбин побежал на старт.

- Привяжись. Вот ремни-то, ногой наступил, - сказал инструктор, обернувшись из передней кабины. Лицо инструктора, закрытое выпуклыми очками и туго стянутое шлемом на щеках и подбородке, было чужим, незнакомым: будто и не он, а другой человек стоял полчаса тому назад перед строем курсантов и делал перекличку по списку.

Полбин застегнул металлический замок привязных ремней, хотел проверить пряжку своего шлема, но тут же схватился руками за борт самолета, обитый по краю мягкой кожей. Мотор зарычал, забился, загудел, в лицо хлестнула упругая струя воздуха. Земля побежала назад сплошным потоком, как вода. Сначала мелькали черные швы между цементными плитами, потом и они перестали различаться. Чувствовались мягкие толчки, покачивание. Еще на земле или уже в воздухе? Полбин перевел взгляд вперед. Навстречу самолету быстро неслась проволочная изгородь аэродрома, за ней виднелись ровные ряды саженцев лесопитомника.

Изгородь стала медленно валиться навстречу, столбы укорачивались, уходили в землю и вдруг стали цепочкой ровно отпиленных кружков, связанных тонкой проволочной линией.

В воздухе! Полбин повернул голову и стал смотреть на вздрагивающий стабилизатор, на руль поворота, четко вырисовывавшийся на фоне неба. Руль делил все оставшееся внизу на две части - на одной был виден аэродром с удивительно маленькими фигурками людей и ползавшими по узкой серой ленте взлетной полосы самолетами; на другой - березовый лесок, превратившийся теперь в группу зеленых пятен, какие бывают на карте крупного масштаба. Еще дальше, за лесом, открылась станция железной дороги: игрушечный поезд стоял на двух тонких нитях, наклеенных на короткие черточки - шпалы, из паровозной трубы толчками вылетали белые шарики дыма, и было странно видеть, как эти шарики скатываются с паровоза на землю, а не поднимаются вверх.

Однако до чего же хорошо! Полбиным вдруг овладело ощущение полной слитности с машиной, так устойчиво идущей в воздухе. Самолет казался аппаратом, который движется по невидимым, совершенно прозрачным, но очень прочным нитям-струнам и держится на них твердо, как паровоз на рельсах. Струны пошли вниз - и самолет заскользил вниз. Стала на глазах расширяться серая лента взлетной полосы, на зелени травы выделились белые полотнища посадочного Т. Финишер поднял флажок и, промелькнув в стороне, остался позади. Колеса чиркнули по земле раз, другой... Самолет покатился, замедляя движение, и стал.

Полбину не хотелось покидать кабину, он расстегивал ремни не торопясь.

- Живей надо поворачиваться, товарищ курсант, - сказал инструктор.

Полбин соскочил на землю и с завистью посмотрел на Звонарева, заносившего ногу через борт.

После полетов инструктор подошел к Полбину.

- Что, на второй круг хотелось пойти? - спросил он, закуривая папиросу. Пассажиром, конечно, приятно. А вот когда сам летать будешь, ты себя ко второму кругу не приучай. Это для летчика скверная привычка, голову сломать можно.

Полбина не покидало хорошее, радостное настроение.

- Я знаю, - ответил он. - Один раз уже чуть голову не сломал.

И он рассказал, как Живодеров когда-то заставил его описать второй круг на мельничном крыле.

Инструктор выслушал и сказал смеясь:

- Значит, я у тебя уже второй инструктор. Первый был пузатый и с палкой.

Выдохнув табачный дым, он добавил:

- Что ж, и в нашем деле иногда палка нужна. Сам увидишь.

Полбин промолчал. Но позже, став инструктором, он увидел, что палка не так уж помогала при обучении летчиков. Гораздо больше пользы приносило хорошее, умное слово.

Часть вторая. Мастерство

Глава I

Ветер ударяет в обшивку самолета сбоку, как волна в борт парохода. Внизу, в предутренней мгле, металлическим блеском отливает широкая лента сибирской реки. Она начинает причудливо ветвиться, когда с обеих сторон к ней устремляются извилистые рукава и притоки.

Занимается рассвет. Кругом плывут облака. Впереди по курсу ослепительно-белые, как снежные холмы. Далеко, над горизонтом - фиолетовые с сиреневым отливом, слоистые и легкие. Еще выше - розовые, пушистые, быстро, игриво летящие. Тая на глазах, они оставляют в голубом небе белые смазанные следы, будто художник небрежно прошелся по холсту полусухой кистью.

Природа - изумительный художник - не допускает безвкусного смешения цветов. Нет зрелища красивее утреннего неба, видимого с самолета. Внизу строгая геометрия зеленые, желтые, черные прямоугольники, четкие линии дорог, а вверху - невообразимо прекрасный розово-синий ералаш, в котором все-таки царит редкостная гармония цветов и красок.

Между "верхом" и "низом" в часы рассвета нет ощутимой, четкой грани. Седая дымка размыла, стушевала горизонт. Кажется - всюду небо, только разное: мозаичное, спокойное и неподвижное под самолетом и клубящееся, мятущееся над головой.

Не забыть эти облака! Для тех, кто на земле, они плывут себе, гонимые ветром, куда-то в одну сторону. А здесь они снуют, перемещаются в разных направлениях, открывая взору то седые,

сизолиловые космы, то гладкую, как розовый фарфор, округлость.

Взошло солнце. Оно за спиной. Видимая из кабины огромная плоскость крыла вдруг засветилась. Ребро обтекания - желтое, как цыплячий пух, а толстое ребро атаки блестит полировкой, сохраняя цвет морской волны. Если на мгновение прищурить глаза, то, кажется, увидишь, как навстречу крылу текут голубые воздушные струи, лижут гофрированный металл и срываются мелкими капельками, как вода с поднятого весла.

Солнце смыло все краски. Оно сыплет золотую искрящуюся пыль, которая оседает на землю туманом. Внизу становится темно, облака тускнеют, великолепие цветов исчезает.

Теперь уже есть небо и земля.

Ночной полет подходил к концу. Полбин передал управление правому летчику и в течение нескольких минут любовался красотой неба. Он мог себе позволить это, так как задание, судя по радиосообщению с полигона, было выполнено отлично. Каждый из четырех кораблей отряда положил свои бомбы точно в цель. Полбин был доволен результатами, ибо отряд впервые бомбил ночью с такой большой высоты, а условия выпали трудные. Полигон часто закрывали облака, проплывавшие где-то внизу, у самой земли. Красный пунктирный прямоугольник с вписанным в него кружком то и дело исчезал. Это утомляло и раздражало. Временами хотелось послать на землю радио: "Не вижу огней! Погасили, что ли?" Но облака уходили, и в чернильной тьме опять мерцали красные пунктирные линии.

Полбин хорошо видел, как бомбы, сброшенные его штурманом Григорием Сало, упали прямо в малый круг. Бомбометание было серийным: несколько белых огоньков вспыхнули один за другим, образовав диаметр круга.

"Надо будет Грише благодарность объявить, - подумал Полбин. - Расчет на бомбометание сделал точно, да и по маршруту хорошо провел... Эх, если б не этот Петухов!"

В сущности, особых причин для досады не было. Самолеты опоздали с выходом на цель только на полминуты. Но этого могло бы не случиться, если б летчик Петухов, командир "двойки", которая шла замыкающей в кильватерном строю, не прозевал последнего разворота. Он, видите ли, все время следил за белым хвостовым огнем шедшего впереди самолета. Штурман Петухова, беспечный Коля Васин, тоже задремал, наверно, и когда отряд сделал полагавшийся по заданию правый разворот "все вдруг", петуховская "двойка" как ни в чем не бывало продолжала лететь прямым курсом, держа в качестве ориентира... обыкновенную звезду. Надо же было спутать сигнальную хвостовую лампочку с небесным светилом! Пришлось потом всем

самолетам терять время на петле, ожидая, пока Петухов и Васин исправят свою оплошность и займут место в строю.

Из штурманского "моссельпрома", согнувшись в три погибели, протиснулся Григорий Сало. Его полные губы, как всегда, улыбались. На щеках проступила синева, хотя Полбин знал, что штурман брился с вечера, перед вылетом. Должно быть, Гриша прав, говоря, что если человек ночью не спит, то борода растет вдвое быстрее...

- Через две минуты аэродром, - сказал штурман и сладко зажмурился, глядя на солнце. - Чувствую, - улыбнулся Полбин, беря управление. - Помогать пришел?

- Да.

Перед посадкой, чтобы не слишком опускался тяжелый хвост ТБ-3, надо было менять угол атаки стабилизатора, увеличивать его. Делалось это вручную, с помощью штурвальчика, который находился в проходе между сиденьями командира корабля и правого летчика. На обязанности последнего и лежало "выбирать" угол, но Григорий Сало всегда делал это сам, приговаривая, что ему, обитателю просторного "моссельпрома", физический труд полезен.

Полбин посадил свой самолет последним и не спеша направился к "двойке". Петухов и Васин стояли навытяжку под огромным крылом. На траве лежали снятые парашюты.

- Кто же это вас учил так обращаться со спасательными средствами? - указал на парашюты Полбин. - Или объяснять сначала: от сырости шелк слеживается, парашют может не раскрыться, полетишь до земли мешком...

Петухов и Васин поспешно подняли парашюты, взяли их подмышки.

- Ну вот, а теперь мне с вами и разговаривать неудобно. Стоите - не то командиры, не то грибники с лукошками. А где Гаврюхин?

- Я здесь, товарищ старший лейтенант! - второй летчик быстро спустился по стремянке и стал рядом с товарищами. Парашют он оставил в самолете.

- Объясните, лейтенант Петухов, как вы прозевали разворот "все вдруг". Задания не знали?

- Никак нет... То-есть знал, товарищ командир отряда. Я с Гречишниковым на земле условился, что он мне на разворотах три раза мигать будет. А он, должно, забыл... И тут звезда строго по курсу подвернулась, клятущая, я и давай на нее чесать...

- И чесали бы, пока она не замигает? - в глазах Полбина мелькнула искорка смеха. - Или до нее собирались долететь?

- Горючки нехватило бы, - заметив эту искорку, осмелел

Петухов, но тут же подтянулся и официальным тоном закончил: - Мне штурман доложил, что по расчету времени разворот подошел.

- Как же подошел, когда уже прошел? Гречишников-то в это время тридцать секунд летел с новым курсом, - резко перебил Полбин. - Штурман, борт-журнал!

Васин протянул свой планшет. Полбин быстро проверил карандашные записи. Отметка о последнем развороте была сделана правильно: в ноль часов пятьдесят минут, курс девяносто градусов.

- Я по расчету ее сделал, - поторопился объяснить Васин, увидев недоуменно поднятые брови Полбина. - Только тоже решил подождать, пока Гречишников хвостовым мигнет. И потерял его из виду, пока записывал. А потом со звездой спутал...

- Спутал, спутал... Вы к девушкам ходите? - вдруг спросил Полбин.

Лицо Васина покрылось густым румянцем, а Петухов и Гаврюхин быстро переглянулись. Они хорошо знали, что застенчивый, юный Васин, отличный певец и танцор, очень робок и неопытен по части прекрасного пола и в связи с этим не раз был мишенью для острот товарищей.

Знал об этом и Полбин. Пряча в углах рта улыбку, он сказал:

- Советую на будущее: если вам назначит свидание Нина, а придет случайно Зина, так вы их не путайте. Целовать нужно ту, которую любишь. Понятно?

- Понятно, - с облегчением выдохнул Васин, как будто вопрос об ухаживании за девушками и был главным предметом разговора.

- И другое поймите. Это уже всем говорю, - продолжал Полбин. - В бою тридцать секунд могут решить многое. Оторветесь от строя, а вас в это время истребители заклюют. И помочь огнем никто не сможет. Ясно?

Все трое ответили, что это им вполне ясно. Полбин сказал, что экипаж Петухова отбомбился хорошо, попадания отличные, и только поэтому он оставляет без взыскания допущенную на маршруте оплошность. С Гречишниковым он поговорит и выяснит, почему тот не давал условленных сигналов.

Он отпустил летчиков, обошел другие корабли отряда, поздравил командиров и штурманов с успешным выполнением задания и, забежав по пути в штаб, направился домой.

- Последним уходите, товарищ старший лейтенант, - сказал ему сержант на контрольно-пропускном пункте. - Все ваши, кто с ночных, давно по домам.

- Служба, - весело ответил Полбин и быстрее зашагал по

широкой, обсаженной молодыми деревцами аллее, которая вела к домам начсостава.

Солнце стояло высоко, но в воздухе еще чувствовалась прохлада. К этой особенности забайкальского климата Полбин привык за три года и считал, что Виктору, родившемуся в Воронеже и сразу же перевезенному в Забайкалье, тоже повезло: будет закаленным мужиком.

Виктор еще спал в своей кроватке, когда Мария Николаевна открыла мужу дверь. Полбин поцеловал ее, на цыпочках подошел к сыну и постоял над ним несколько секунд.

- Скоро проснется, - сказала жена. - Вчера уснул рано и спал, как богатырь.

- Вот именно. Как богатырь, а не как убитый, - проговорил Полбин с улыбкой. - А мама где?

- Пошла за продуктами. Говорят, забайкальские овощи привезли.

- Забайкальские? Ну, теперь ее скоро не жди. Будет расспрашивать, как выращивали, на какой земле, сколько удобрений и какая поливка... Эх, ее бы директором подсобного хозяйства!

Ксения Полбина жила с сыном и невесткой в Забайкалье все три года. Она приехала в Воронеж незадолго до того, как Полбин, закончивший курс полетов на ТБ-3 и получивший назначение на должность командира тяжелого корабля, собирался в путь на восток.

Самолеты ушли двадцать третьего августа, а двадцать шестого родился Виктор. Полбин узнал об этом на одном из промежуточных аэродромов за Уральским хребтом. Он дал телеграмму матери: "Выезжайте вместе с Маней, ей будет трудно одной".

- Я и забыла, Ваня, письма принесли, - сказала Мария Николаевна. - Одно из Чернигова, а другое тебе из штаба.

Она подошла к столу, на который обильно падал из окна солнечный свет, пробивавшийся сквозь белые кружевные занавески. Причудливые узоры лежали на книгах и тетрадях, аккуратно сложенных стопочками по формату; блестела большая плита письменного прибора.

- Что пишут? Папа перестал ждать нас в отпуск?

- Перестал! Ждет, конечно. А Шурик, Шурик-то! Вот послушай, - она быстро вынула листок из ровно подрезанного ножницами конверта: - "Мне с Ваней необходимо посоветоваться по одному делу. Я твердо решил итти в авиацию. Одни говорят, что лучше в летчики, а другие - в штурманы. И я не знаю, как быть..."

- Все равно - летать, - с рассеянной улыбкой сказал Полбин, торопясь распечатать другое письмо. Пробежав его глазами, он вдруг крепко обнял жену, оторвал ее от пола и закружил по комнате, радостно повторяя:

- Лечу! Лечу. Манек!

- Тише, Виктора испугаешь! Куда летишь? Он отпустил ее и с озорным, мальчишеским выражением в глазах хлопнул конвертом по ладони:

- На! Читай!

На узкой полоске плотной бумаги лиловыми буквами было напечатано, что командование и политотдел воинской части номер такой-то выделили группу лучших летчиков части для встречи с экипажем самолета АНТ-25 - Чкаловым, Байдуковым и Беляковым, которые прибывают в Читу. Командир отряда старший лейтенант Полбин входил в эту группу.

- Чкалова увижу, Манек! Чкалова! Сонный детский голосок повторил: "Чкалова..." Полбин бросился к кроватке. Виктор сидел в ней розовый, теплый и, жмурясь от солнечного света, тер ручонками глаза, но попадал почему-то на лоб.

- Сын' Полетим! - подхватил его Полбин и высоко поднял.

- По-ле-тим... - медленно сказал Виктор.

- А сам ты кто?

- Я... чик-лет...

Едва научившись говорить, Виктор услышал в доме слово "летчик" и попытался его произнести, но оно не давалось, и он начинал его с более легкого второго слога: "чиклет".

Полбин уткнулся лицом в теплую грудку ребенка, защекотал его подбородком. Виктор весело, звонко рассмеялся.

Мария Николаевна стояла спиной к столу, опершись о него руками, и, счастливо улыбаясь, смотрела на эту возню. Наконец она сказала:

- Завтракать будем, летчики? Полбин посадил сына в кроватку.

- Будем.

За столом он рассказывал об утреннем небе, о неописуемо красивых облаках, которые видел на рассвете. Потом вдруг спохватился:

- А коверкотовая гимнастерка у меня выглажена, Манек? Не та, что с узким рукавом, а другая, с напуском на манжетах?

Мария Николаевна уверила, что все готово. Она не увидит Чкалова, но постарается показать ему, что у летчиков Забайкалья хорошие, заботливые жены.

Глава II

До Читы было около двух часов полета. В просторном

металлическом чреве ТБ-3, исполнявшего на этот раз функции пассажирского самолета, разместилось десять человек. Все были чисто выбриты, запах одеколона смешивался с запахом бензина. Каждый старался устроиться так, чтобы не помять хорошо отглаженное обмундирование. Особенно заботился об этом Полбин: первые двадцать минут после взлета он стоял, прислонившись к гофрированной обшивке фюзеляжа, а потом осторожно присел на бухту веревок-фал в углу.

Рядом с ним оказался капитан Фролов, командир второго отряда, длиннорукий, костлявый человек с туго обтянутыми кожей впалыми щеками и очень толстыми губами. Он тоже сидел на бухте и почти касался коленями своего острого подбородка.

- Устраивайся, - сказал он, будто свободное место находилось в его распоряжении. - В ногах правды нет.

- Ну, в твоих-то, наверное, есть, - пошутил Полбин. - Гляди, длина какая от борта до борта, если вытянуть.

- Зато голенища резать не надо, - добродушно отозвался Фролов, намекая на то, что Полбин, у которого были крепкие полные икры, носил голенища короче обычного.

Полбин посмотрел на часы и сказал:

- Я думаю, к одиннадцати прилетим. Непривычно как-то пассажиром...

Он прислушался к гудению моторов, потрогал ладонью вздрагивающий пол, словно был неуверен в его прочности.

- Прилетим, если какая-нибудь звезда не подвернется по курсу, - ответил Фролов, медленно шевеля толстыми губами. - Всыпал ты своим звездочетам?

- Это Петухову и Васину? За что же им всыпать?

Фролов лениво вскинул глаза, опушенные длинными темными ресницами.

- Как за что? За блудежку, конечно. Вишь ты, на звезду лететь собрались. Межпланетные путешественники... Циолковские...

- Ты погоди, погоди, - остановил его Полбин. - Ребята ошибку сами исправили. И вина-то не совсем их: у Гречишникова как раз кнопку заело, просигналить не смог...

- Все равно надо было всыпать. Я бы им на всю железку... Чтоб знали.

Полбин упрямо покачал головой.

- Воспитывать людей надо, - все тем же ровным ленивым тоном проговорил Фролов. - Петухов у тебя шалопай, а Васин просто мальчишка...

- Ну, это ты брось, - вспыхнул Полбин. - Не знаю, как у тебя там с воспитанием, а я своих людей изучил. Петухов способный летчик, старательный. Васин тихоня, скромница, зато расчеты на

бомбометание быстрее любого бородача приготовит...

- Пошел кулик свое... - начал было Фролов и, наверное, вызвал бы еще более резкую ответную реплику Полбина, но в это время к ним подсел воентехник Жиздров, начальник ремотных мастерских.

- Товарищи, - быстро заговорил он, - когда вернемся, приходите ко мне, чудо покажу... Понимаете, растаяла вечная мерзлота, произошло вспучивание грунта, и весь наш длинный домина треснул как раз посредине. Бугор образовался, цех моторов опустился в одну сторону, цех самолетов в другую... Теперь тележку с грузами катим сначала на подъем, а потом своим ходом пускаем по коридору. Прямо земной шар под ногами...

Выпалив все это без передышки, Жиздров на коленях переполз к другой группе летчиков - наверное, ему хотелось поскорее сообщить всем о "чуде" в ремонтных мастерских.

Полбин опять потрогал пол кабины. Он гулко дрожал, как палуба парохода над машинным отделением.

Спорить с Фроловым больше не хотелось. Было ясно, что Фролов спорит не из желания доказать незыблемость своих принципов воспитания, а просто для того, чтобы скоротать время, которое тянется томительно долго для летчика, попавшего в положение воздушного пассажира.

В Читу прилетели в одиннадцать с минутами.

Стало известно, что пилотируемый Чкаловым АНТ-25 вылетел из Хабаровска в ноль часов тридцать минут и ожидается к двенадцати.

День был солнечный, ясный, но ветреный. Ветер налетал порывами и так часто менял свое направление, что по распоряжению суетливого коменданта аэродрома несколько раз перекладывались посадочные знаки. Прилетевшие с других аэродромов летчики смотрели на это с некоторой завистью: большинству из них нередко приходилось садиться на своих узких площадках не только со встречным, но и с боковым ветром, а тут можно было заходить с любого направления. Огромное, безбрежное поле...

Когда стрелка часов прошла двенадцать, раздались крики:

- Летит! Летит!

Над вершинами сопок, со всех сторон обступивших город, появился краснокрылый самолет. Он снизился и прошел над домами, победно гудя мотором. Когда он разворачивался, на его фюзеляже была видна четкая надпись, тянувшаяся от огромного крыла к стабилизатору: "Сталинский маршрут".

Полбин смотрел на самолет с волнением, к которому

примешивалась профессиональная придирчивость строгого инструктора: он следил за разворотами и отмечал, что они выполняются без малейшей потери высоты, скорость выдерживается идеально... Да, в кабине этого самолета сидит великий мастер, смешно ожидать от него ученических ошибок!

АНТ-25 развернулся в сторону аэродрома и, снизившись, коснулся земли строго около посадочного Т.

- Как в ведомости расписался! - восхищенно сказал кто-то. Это было высшей похвалой в устах летчика.

Самолет добежал до конца полосы, потом повернулся на месте, подняв облако пыли, и покатился навстречу бежавшим к нему людям. Образованный винтом круг то становился гладко-стеклянным, то в нем начинали мелькать вертящиеся лопасти: пилот то давал газ, то убирал его.

Полбин видел, как откинулась верхняя стенка фонаря кабины и на крыло вышел Чкалов, встреченный громкими возгласами и рукоплесканиями. Полбин тоже что-то кричал и неистово хлопал в ладоши.

У Чкалова были крупные черты лица, нос с горбинкой, полная нижняя губа, отделенная от подбородка глубокой прямой складкой. Прядь волос падала на высокий покатый лоб с крепкими надбровными дугами. Выражение лица усталое видно, одиннадцать часов беспосадочного полета давали себя знать. Но вот он, щурясь, глянул на солнце, окинул взором толпу людей, и усталость исчезла. Улыбка тронула губы.

Полбин тоже улыбнулся, уступая покоряющей силе этого крепкого, широкогрудого человека в распахнутой кожаной куртке и теплом шерстяном свитере, ворот которого был растянут и обнажал могучую мускулистую шею.

"Зачем я улыбаюсь?" - подумал Полбин в следующее мгновение и крепко сжал губы, ощутив на них терпкий вкус аэродромной пыли. Он решил, что гораздо приличнее сейчас сохранять серьезность. Он не мог сказать себе, что в нем вдруг возникло чувство преклонения перед Чкаловым. Нет, это было чувство искреннего, может быть, чуть восторженного уважения знающего себе цену ученика к опытному, зрелому мастеру. И Полбин не сразу мог бы ответить на вопрос, за что он больше уважает этого человека: за то, что Чкалов со своим экипажем совершил беспримерный перелет над страшными льдами и туманами, покрыв за двое суток девять тысяч километров, или за то, что он, первоклассный летчик-испытатель, дал "путевку в жизнь" большинству тех самолетов, на которых ему, Полбину, приходилось и, может быть, придется летать.

Чкалов спрыгнул на землю и прошел к подобию деревянной

трибуны, которую подтащили к самолету.

Вслед за Чкаловым шли Байдуков и Беляков. Штурман был в шлемофоне и белой вышитой косоворотке, с орденом Красной звезды, привинченным прямо к тонкой ткани. На Байдукове тоже была косоворотка, а голову покрывала простенькая рабочая кепка, знакомая всем по газетным фотографиям с острова Удд.

- Товарищи! - сказал Чкалов, взойдя на трибуну, и все заметили, что он, как истый волжанин, налегает на "о". - Товарищи!..

Он сказал, что не будет описывать трудностей, которые пришлось преодолеть экипажу АНТ-25 в перелете по маршруту Москва - Петропавловск-на-Камчатке. Все знают, какие это были трудности, о них много говорилось в прессе. Он рад от имени экипажа приветствовать летчиков Забайкалья и выражает уверенность, что все они готовы на подвиги во имя своей великой Родины.

- Нет в мире ничего дороже, - все более поднимая голос, говорил Чкалов, как выполнить свой долг перед Родиной, перед партией.

Те, что были ближе к трибуне, захлопали, потом, как ветер, прошумели общие аплодисменты. Чкалов, наклонив голову, с видом опытного оратора переждал их и продолжал тем же взволнованным голосом:

- Чувство неразрывной связи с любимой Отчизной никогда не покидало меня. Во время полетов сознание того, что вместе с нами сейчас весь народ, что он с огромным сочувствием следит за нашим маршрутом, - это сознание придавало всегда мне и моим спутникам непоколебимую уверенность: задание партии и правительства будет выполнено!

По выработанной еще в комсомольские годы привычке Полбин, начав слушать Чкалова, не только вникал в то, что он говорит, но и следил за тем, как он говорит. Сразу отдав ему должное, - Чкалов говорил очень хорошо, - Полбин скоро перестал думать о его ораторском искусстве, захваченный искренностью, убежденностью, внутренней силой чкаловских слов.

- Бессмысленный риск никогда не заслуживал и не заслуживает названия геройства, - сказал Чкалов, нажимая на слово "никогда". - По-настоящему смелый человек никогда не будет рисковать без смысла, без цели, без необходимости.

Полбин удивленно поднял глаза. "Никогда"? Л разве сам Чкалов только что не рисковал? Петропавловск-на-Камчатке был определен ему как конечный пункт маршрута. Но он увидел, что оставшийся бензин позволяет удлинить перелет и направил

машину через Охотское море дальше, назад к материку. Здесь пришлось итти в тумане, в густой сетке дождя, временами над самыми гребнями бушующего моря. Самолет покрывался льдом, его швыряли штормы. Стоило только заглохнуть трудяге-мотору, и седая холодная пучина стала бы могилой для трех отважных...

Риск? Конечно, риск, но, пожалуй, опять прав этот упрямый человек! И смысл, и цель, и необходимость рисковать были: трое рисковали, чтобы прославить великую родную страну.

На аэродроме была тишина. Где-то на дальней стоянке коротко прожужжал мотор У-2, но тотчас же умолк, осекшись, будто прислушиваясь к словам человека в расстегнутой кожаной куртке.

- Мы должны быть, - говорил Чкалов, - в состоянии мобилизационной готовности, должны, просто говоря, держать порох сухим.

Этими словами он закончил речь.

Его подхватили на руки и стали качать с дружными выкриками, смехом и шутками. Над двумя другими группами людей взлетали в воздух Байдуков и Беляков. Незастегнутые ремешки шлема штурмана развевались по ветру. Байдуков предусмотрительно зажал кепку в руке.

Когда прекратилось выражение восторгов, вся толпа встречавших разделилась на три группы. Штурманы кораблей потянулись к Белякову. Часть летчиков окружила Байдукова, другая, самая многочисленная, - Чкалова.

- Черти полосатые! - смеясь и шумно дыша, говорил Чкалов. - Такой болтанки даже над Охотским морем не было...

Он ощупывал руки и ноги, делая вид, что проверяет их целость. Потом расправил плечи и сказал:

- Кости в порядке. Ну, давайте потолкуем...

Ему задавали вопросы, а он отвечал. Завязалась беседа, в которой, кроме обычного средства общения - речи, участвовали руки. В Чкалове заговорил опытный летчик-истребитель. Только истребители умели с помощью рук быстро и красиво изобразить положение самолета в пикировании, в боевом развороте, на петле, показать лобовую атаку двух машин, стремительность их сближения на встречных курсах...

Рассказав о том, как он испытывал недавно принятый на вооружение истребитель И-16, Чкалов замолк, наклонил голову и обвел глазами лица окруживших его летчиков.

- Смотрю я на вас, - сказал он, - и думаю: со всех концов страны собрались. А волгари есть? Не может быть, чтоб не нашлось...

Полбин стоял во внутреннем ряду круга. Глаза Чкалова как

раз остановились на нем.

- Есть, - ответил он.

- Откуда, земляк?

- Ульяновский.

- Так... Больше никого нету? - Чкалов опять вскинул глаза.

Волжских больше не оказалось.

- Один, значит. Маловато. Ну, товарищи, дайте я с земляком отдельно потолкую. Пять минут...

Все расступились, понимая, что беседа окончена. На окраине аэродрома показались легковые автомашины. Экипаж АНТ-25 должен был ехать в город, на стадион, для встречи с населением.

Чкалов обхватил Полбина за плечи, шутливо пощупал бицепс под тонкой коверкотовой гимнастеркой.

- Крепкий, тугой завязи! Сразу волжского видать. Ну-ка, сядем.

Они присели в тени крыла самолета, мотор которого, остывая, все еще тихо потрескивал. Чкалов спросил, какого года рождения Полбин, давно ли в авиации. Оказалось, они почти ровесники, Чкалов на год старше. Выяснилось также, что практический курс полетов они проходили в одной школе - Оренбургской. Нашлись общие знакомые. Вспомнили первый учебный самолет - старичка У-1, с торчавшей впереди предохранительной лыжей. Похвалили строгого Р-1, не спускавшего летчикам ни одной ошибки.

- А сейчас на чем летаешь? - спросил Чкалов, дружески кладя Полбину на колено большую тяжелую руку.

- На "Тэ-бе третьем", - ответил Полбин. - Командир отряда.

- А-а... Хорошая машина. Я на нем в Одессу летал в порядке тренировки на дальность. Что, небось, надоедает со стабилизатором возиться? Кто у тебя штурвал крутит на посадке?

- Как полагается, правый. Или штурман.

- А если убьют? И одного и другого?

- Борттехника позову.

- Ну, это долго. Пока он, брюхач, к тебе пролезет, ты гробануться можешь. - Чкалов назвал борттехника "брюхачом" потому, что техники, в отличие от летчиков, носили парашюты на животе. - А ты сам не пробовал?

- Что?

- Да вот и самолет держать и угол стабилизатора ставить.

- Нет.

- Попробуй. Я делал, получается. В бою пригодиться может.

Еще многое рассказывал Чкалов, и постепенно выяснилось, что он, которого считали по преимуществу летчиком-истребителем, отлично знал ТБ-3, все его повадки, все плюсы и

минусы. Полбин внимательно слушал, стараясь отложить в памяти все, что пригодится ему в работе.

Три блестящие черные "эмки" остановились недалеко от самолета. Народ хлынул к ним. Среди защитных гимнастерок мелькали белые косоворотки Байдукова и Белякова. Полбин, боясь, что Чкалов сейчас тоже уйдет, спросил:

- А на "Тэ-бе первом" приходилось летать? Правда, добрая машина? Почему-то хотелось говорить Чкалову "ты": Полбин на это не решился и выбрал безличную форму обращения.

- Отличная, - ответил Чкалов, не проявляя никаких признаков торопливости. - Ты не оглядывайся, время еще есть. Насчет ТБ-1 могу тебе интересный случай рассказать.

То, что Чкалов назвал "случаем", представляло собой один из эпизодов борьбы за первенство советской авиации. Конструктор Вахмистров, чтобы увеличить радиус действия истребителей, предложил транспортировать их по воздуху на крыльях тяжелого бомбардировщика ТБ-1. Два И-4 были прикреплены к "самолету-матке" и подняты в воздух. Все шло благополучно, но когда настало время отцепляться на большой высоте, один из членов экипажа ТБ-1, которому было поручено привести в действие механизм расцепления, допустил ошибку. Вместо того, чтобы освободить сначала хвост самолета Чкалова, а потом уже шасси, он сделал наоборот. Истребитель внезапно рвануло вверх и стало забрасывать назад.

- Ну, думаю, вот тебе и плавное отделение, - рассказывал Чкалов. - Вижу, задирает меня свечой, сейчас на спину опрокинусь... Погублю "матку", да и Анисимову, что на другом крыле, не сдобровать... Тут я догадался: полный газ и ручку от себя до отказа! Чтоб в плоскости горизонта удержаться. Шуровал, шуровал рулями, пока вырвал хвостовой крюк - и в воздух. Анисимов вслед за мной. Порядок...

Он спрятал подмышки руки, которыми только что оживленно жестикулировал.

- А опыт прошел хорошо, мы его потом повторяли. И главное, я считаю, тут дело не в том, что мы радиус увеличили. Главное... Как ты думаешь, в чем?..

- Не знаю, - откровенно сказал Полбин, который был так увлечен рассказом, что не успел подумать о практической стороне дела.

- А вот в чем. Если под истребители по паре полусоток подвесить, то можно бомбить с пикирования. Точнее такого бомбометания пока нет. Не зря еще в пятнадцатом году русский поручик Шадский начал применять этот способ. Слыхал?

- Шадский? - переспросил Полбин.

- Ну да, Михаил Шадский, военный летчик тридцатого авиационного отряда. Бомбил с пикирования около Черновиц. По-моему, первый случай в истории...

Чкалов поднялся и нагнул голову, чтобы не достать до крыла. Дернул полы кожаной куртки, но не застегнул ее. Посмотрев в сторону машин, около которых все еще не расходилась толпа, он сказал:

- Самолет специальный нужен, пикировщик. - И, помолчав, добавил: - Будет. Ты СБ уже видал?

Именно здесь, на Читинском аэродроме, Полбин видел недавно скоростной бомбардировщик СБ. Это был двухмоторный серебристый красавец, со звоном описывавший виражи в небе.

- Да, - ответил он, тоже вставая.

- Вот. Это, конечно, не совсем он, но уже этап. Полетаешь, сам поймешь.

Чкалов протянул Полбину руку.

- Будь здоров, земляк. Это жена так гимнастерку выутюжила?

- Да, - сказал Полбин.

- Хорошая жена. Привет ей передай. Ну, пока.

Широким, размашистым шагом он пошел к машинам.

Полбин стоял в неподвижности, пока они не уехали. Лишь когда к самолету подошла первая смена часовых, Полбин одернул гимнастерку, провел ладонью по тщательно придавленной утюгом складке на рукаве и отправился догонять своих товарищей.

Летчики расходились небольшими группами, каждая направлялась к своему самолету. Полбин заметил долговязую фигуру Фролова и ускорил шаг, но в это время ветер донес чей-то окрик:

- Эгей! Откуда, парнище?!

Кто же это мог быть? Конечно, Федор! Только его не узнать, и не потому, что он в шлеме с очками и с большим, болтающимся на ремешках планшетом... Весь он раздобрел, раздался вширь, лицо стало круглым, хотя толстяком его никак назвать нельзя.

"Посолиднел", - вспомнил Полбин то слово, которое вертелось на языке, и сказал это Котлову, после того как они обменялись крепким рукопожатием.

- А ты? - обнажая в улыбке ровные белые зубы, проговорил Федор и отступил на шаг: - Ну-ка, дай я на тебя посмотрю. Франт! Каким был, таким остался... Должно быть, уже соединением командуешь?

- Нет. Пока только отрядом.

- Тогда я тебя не боюсь. Мы на равных. - Федор бросил руки по швам, свел каблуки, как бы представляясь начальству: -

Командир отряда тяжелых бомбардировщиков старший лейтенант Котлов, Федор Порфирьевич!

- О-о! - удивился Полбин. - Давно?

- Через месяц будет полгода, товарищ старший лейтенант! - Котлов продолжал играть ту же роль ярого служаки, докладывающего начальству.

- Поздравляю! - Полбин с искренним чувством пожал товарищу руку. Со времени вылета из Воронежа в Забайкалье они служили в разных гарнизонах, изредка переписывались, а встречались совсем редко; последний раз около года тому назад на кустовом совещании по обмену опытом ночных полетов на ТБ-3. Тогда Котлов, начавший, как и Полбин, с должности командира тяжелого корабля, временно находился на штабной работе и говорил, что это задерживает его продвижение по службе в строю.

- Пойдем хоть на самолет посмотрим, - Котлов взял Полбина под руку и на ходу стал рассказывать, как ему не повезло: отпросился у начальства, получил У-2 в личное распоряжение, но был такой сильный встречный ветер на всех возможных высотах, что он, приземлившись на окраине аэродрома, увидел только, как проезжали в ворота три "эмки". Опоздал, придется теперь на стадион ехать, хоть там издали взглянуть на героев.

- А мне повезло, - сказал Полбин, и глаза его заблестели. - Пятнадцать минут с Чкаловым разговаривал. Вот здесь, под плоскостью.

- Вдвоем?

- Ну да. Он на той тележке сидел, а я на ящике. Котлов остановился, отпустил руку Полбина и недоверчиво произнес:

- Выдумываешь.

- Нет, правда!

И Полбин подробно, с удовольствием рассказал обо всем, что говорил ему Чкалов, не забывая описывать и то, как это говорилось.

Котлов слушал с нескрываемой завистью.

- Вот повезло, так повезло! - сказал он. - А знаешь, что я думаю? Он тебе не потому столько времени уделил, что ты земляком оказался. - Федор подумал, помолчал, лицо его вдруг приняло торжественное выражение. - Я тебя, Ваня, давно знаю и всегда думал, что ты большим летчиком будешь. Вот и Чкалов почувствовал. Со мной, к примеру, он времени не стал бы терять, - закончил он уже с улыбкой.

- Брось прибедняться, - с некоторым смущением ответил Полбин, хотя ему было приятно услышать похвалу от лучшего друга. - Только что сам говорил - мы с тобой на равных...

- Это ты брось, - ответил Котлов. - А что, думаешь, ему понравилась твоя новая гимнастерка? У всех новые. Да! - он что-то вспомнил. - Получил я письмо от Мишки Звонарева. Он просит передать тебе привет и пишет то же самое, что я тебе сейчас сказал. Так что видишь...

- А где он сейчас? - спросил Полбин, обрадовавшись возможности перевести разговор на другое. - Кончил уже?

- Кончил. Добился. Летчик-истребитель, звеном командует где-то на Украине.

- Молодец!

- И я то же говорю. Пишет он насчет Рубина. Понижали, понижали его, а теперь совсем из армии отчислили. Будет капусту разводить.

- Ну, этого я молодцом не назову, - сказал Полбин твердо.

- И я тоже.

Самолет Чкалова они осматривали издали: вид часовых внушал уважение. Котлов вдруг вспомнил, как февральским вечером тридцать первого года - ох, как давно это было! - они бросились осматривать новые У-2, были задержаны разводящим и доставлены в штаб в качестве подозрительных лиц. Оба посмеялись.

- Мне сейчас никак не годится быть задержанным, - сказал Полбин и посмотрел на часы, отвернув рукав гимнастерки: - Через восемнадцать минут вылетать.

- Ну, иди, - сказал Котлов. - А я буду попутный транспорт в город искать. До встречи.

- До встречи! - Полбин, не оглядываясь, пошел к старту.

Котлов посмотрел ему вслед. "Походка-то у него другая стала, - почему-то подумал он. - Не спешит, а идет быстро. Ну, до встречи, друг".

Они не знали, что встретиться им теперь придется очень не скоро.

Глава III

Разговор с Чкаловым под крылом самолета АНТ-25 надолго запомнился Полбину. Прошли месяцы, а он мог воспроизвести этот разговор слово в слово. С течением времени отдельные чкаловские реплики приобретали для него значение почти символическое. "А ты попробуй", - сказал ему тогда Чкалов, советуя научиться самому устанавливать в полете угол стабилизатора тяжелого бомбардировщика, и Полбину все больше раскрывался другой, глубокий смысл этих слов: "Дерзай! Ты советский летчик. Учись брать от техники не только то, что она дает, но больше того, что она может дать".

Полбин дерзал. Он испытывал высшее удовлетворение, когда

мог кому-либо из своих летчиков, жаловавшихся на трудность или кажущуюся невозможность выполнения сложных упражнений, ответить: "Я делал, получается". Но, ответив так, призывал на помощь все свое упорство и добивался, чтобы у жалующегося тоже "получалось".

Полбин старался учить своих летчиков тому, что необходимо на войне. Он хотел встретиться с врагом во всеоружии.

Встретиться вскоре пришлось.

Когда японские империалисты напали на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол, Полбин командовал эскадрильей скоростных бомбардировщиков. Это были те самые двухмоторные красавцы, о которых Чкалов сказал, что они представляют собой переходный этап от многомоторных гигантов к прочным, стремительным пикировщикам.

Узнав о том, что через два дня всей эскадрилье предстоит перелетать на новый аэродром, название которого, а равно и маршрут, будут уточнены особо, Полбин сразу понял, о какой "правительственной командировке" идет речь. Он ждал такой командировки год назад, во время Хасанских событий, ждал долго, до самого шестого августа - дня окончательного разгрома японских захватчиков и водружения на высоте Заозерной победного знамени Советской страны. Тогда обошлись без него. Теперь черед наступил.

Из штаба, хотя было уже под вечер, он направился на аэродром. С ним здоровались возвращавшиеся со стоянок техники в рабочих комбинезонах, подпоясанных широкими ремнями. Некоторые с удивлением оглядывались ему вслед. Очевидно, они еще ничего не знали.

У проходной будки, уже на территории аэродрома, к двум тонким, врытым в землю столбам была прибита доска с козырьком-навесом от дождя. К доске была прикреплена стенная газета - стартовка. Она висела уже третий день, и все, кто шел на аэродром или обратно, читали крупную, выведенную красным "шапку": "Равняйтесь по летчикам подразделения капитана Полбина". В большой статье о метком ударе эскадрильи по "мосту противника упоминались фамилии лучших летчиков: Ушакова, Пасхина, Пресняка и Факина.

Полбин ускорил шаг. "Равняйтесь..." А одна машина все же не в строю. Бурмистров сказал: "Оставить экипаж, полетите без нее". Легко сказать - целая боевая единица! Он уверил командира полка, что самолет будет восстановлен. Бурмистров скептически посмотрел на него из-под косматых бровей, положил на стол волосатые руки и ничего не ответил.

Надо же было затеять смену мотора на "четверке" именно сегодня! Правда, техник Файзуллин - невиданного упорства человек, неделю может не спать и только хмурым становится. Если перебросить еще Пашкина с командирской машины да мотористов, управиться можно.

Солнце уже село. На западе горела узкая полоска холодной зари. Она отделяла темносерое, покрытое облаками небо от сумеречной земли такого же цвета.

Около "четверки" были люди. Кран-гусь, вытянув длинную шею с крюком тали-блока на конце, отчетливо проектировался на фоне тускневшей зари. Кто-то стоял на стремянке, копаясь в моторе, и говорил:

- Так, так, аккуратно. А еще говорят, что проводку в темноте снимать невозможно. Глупистика!

И по голосу и по любимым словечкам Полбин узнал своего техника Пашкина и очень обрадовался. Без всякой команды Пашкин сам пришел помогать Файзуллину. Экий трудяга!..

- Раскапотили? - спросил Полбин, приблизившись.

Двое мотористов и Файзуллин, стоявшие внизу, выпрямились и опустили руки с зажатыми в кулаках ключами и плоскогубцами, а Пашкин ответил веселым тенорком:

- Какое раскапотили, товарищ командир! Уже проводку размонтировали, сейчас снимать будем.

- Когда же вы успели? - удивился Полбин.

- А они нам ужин сюда принесли, - сказал Файзуллин, очень мягко произнеся "ж". Он указал на мотористов, которые хлопотали около подъемного крана.

- Здорово! Прямо здорово! - Полбину стало ясно, что завтра он сможет доложить Бурмистрову о готовности "четверки", но на всякий случай он спросил: - А монтировку нового за сутки закончите?

- Зачем шутите, товарищ капитан? - вопросом ответил Файзуллин, а Пашкин сверху добавил:

- Завтра в обед будет, как часы. Ну-ка, начали!

Стрела крана медленно повернулась, пошла и остановилась над мотором. Файзуллин быстро взобрался по стремянке, чтобы помочь Пашкину закрепить крюк.

- Так. Аккуратно! - скомандовал Пашкин, и один из мотористов начал осторожно крутить ручку. Цепь с крюком натягивалась все туже. Раздался тихий скрип. Двигатель стал отделяться от рамы. Когда он был поднят на воздух, самолет легонько вздрогнул всем корпусом.

Полбин понял, что здесь будут работать до утра, и уже приготовился уходить, но расслышал в темноте чьи-то легкие

шаги. Всмотревшись, он узнал комиссара полка Ююкина.

- А это что за полуночники? - звучным, молодым голосом спросил Ююкин, подойдя ближе. - Здравствуйте, товарищи!

Все дружно ответили ему.

Он сделал еще три шага, оглянулся.

- Это вы, Полбин? Ну, раз командир здесь, никаких вопросов не задаю. Вижу - сняли старый мотор, новый подготавливается... А это что у вас капает?

Он подошел к самолету и зажал пальцем одну из трубок, отсоединенных от снятого мотора. Понюхав палец, сказал:

- Не вода и не масло. Да и трубка желтая, значит - бензин.

Он улыбнулся, но Пашкин раздраженно повернулся к Файзуллину:

- Что ж ты, друг, не заглушил как следует?

- Я сделал. Заглушка, видно, слабая попалась, - с виноватым видом ответил Файзуллин.

- Глупистика, - проворчал Пашкин, быстро меняя заглушку. - Смотреть надо.

Полбин улыбнулся в темноте. Он знал, как его техник не любил, чтобы ему указывали на оплошности. Словечко "аккуратно" он чаще употреблял в значении "осторожно", но сам был в высшей степени аккуратным в работе. Сейчас он, конечно, сгорал от стыда: шутка ли, батальонный комиссар замечание сделал!

Ююкин достал из кармана галифе носовой платок, но моторист быстро подал ему кусок пакли. Комиссар стал вытирать руки и, ни к кому в отдельности не обращаясь, проговорил:

- Капля - потеря небольшая. Но если в минуту, скажем, шестьдесят капель, то в час это составит, - он сделал короткую паузу, - ну да, три тысячи шестьсот. А за сутки, пожалуй, литр наберется. Самолетов у нас много, страна большая. Много горючего нужно, товарищи...

Полбин согнал с лица улыбку. Расчет простой, но верный и глубокий.

Ююкин бросил паклю в стоявшую около стремянки металлическую коробку.

- Ну что же, не буду мешать, товарищи. Работайте. Вы остаетесь, капитан?

- Нет, иду, - сказал Прлбин.

- Тогда вместе.

Некоторое время шли молча. Полбин ждал, что комиссар заговорит об экономии горючего, и чувствовал себя неловко. Ему не хотелось услышать замечание от Ююкина, которого он глубоко уважал. Да в полку, пожалуй, не было никого, кто относился к

комиссару иначе, включая самого Бурмистрова, человека несколько мрачного, крутого нрава. Светловолосый, с открытым приветливым лицом, Ююкин был очень молод годами. Но в свои двадцать восемь лет он успел окончить школу летчиков и военно-политическую академию. Он читал в ДКА отличные лекции по политэкономии и истории партии. К нему валом валили, когда он проводил консультации по истории партии. К нему, комиссару части, приходили с жалобами житейскими, и он никогда не отпускал человека, не дав ему дельного, умного совета. Был он очень вежлив; всем, даже безусым мотористам, говорил "вы". И при всем том он отлично летал на СБ, метко бомбил на полигоне, заходил на посадку с завидной точностью... Можно ли не уважать такого?

Задумчиво глядя на мелькающие впереди огоньки, Ююкин сказал:

- Я обошел все эскадрильи. И знаете, товарищ капитан, мне кажется, что у нас здесь ни одного инвалида не останется. Все машины завтра, наверное, войдут в строй.

- Безлошадником никто не хочет оставаться, - ответил Полбин.

- Да, но заметьте, это в условиях, когда личный состав работает, так сказать, в обычном темпе. Ведь большинство еще не знает, какая почетная задача возлагается на нас...

- А вы знаете? Точно? - не утерпел Полбин.

- Ого! Вопрос в упор, - мягко, но уклончиво ответил Ююкин. - Завтра все мы узнаем...

Он стал говорить об усложняющейся международной обстановке, о том, что Германия стягивает войска к границам Польши и что опять, наверное, скоро начнется борьба за Данцигский коридор. Атмосфера в Европе накаляется, но нет сомнения, что если агрессоры попытаются втянуть нас в войну, то будет так, как сказал недавно, на восемнадцатом съезде, товарищ Сталин: мы ответим двойным ударом на удар поджигателей...

У проходной будки, около доски со стартовкой, он остановился. На доске еще висел листок, призывавший равняться по летчикам Полбина.

- Правильный призыв, - сказал Ююкин. - Славные у вас люди в эскадрилье. Завтра на этом месте будет висеть уже другая газета, с другим призывом.

Им можно было итти вместе до самого дома, они жили в одном корпусе. Но на аллейке, которая вела от проходной к жилым домам, Ююкин протянул Полбину руку:

- Я в штаб, мы с командиром еще поработаем. А вы идите, вас жена ждет. Как поживают ваши малыши - Виктор и... как

маленькую зовут?

- Людмила.

- Вот-вот, Людочка. Сколько ей?

- Два года, третий.

- Славная девчушка. Видел их в воскресенье на прогулке с Марией Николаевной. Ну, до свидания.

Прежде чем войти в дом, Полбин постоял минуту у крыльца, обдумывая, как и что оказать Марии Николаевне по поводу предстоящей командировки. Неизвестно, надолго ли, но она остается одна с двумя детьми. Мать умерла полгода назад.

Вечернюю тишь прорезал громкий гул мотора, донесшийся с аэродрома. Опробуют, готовятся...

Он решительно поднялся на крыльцо.

Мария Николаевна сидела у настольной лампы и читала. На ней был всегда нравившийся Полбину простенький сарафан в розовый цветочек по белому полю. Оставив книгу, она подошла к круглому обеденному столу и сняла салфетку, которой был накрыт ужин: холодное мясо с картофелем, пирожки со сладкой начинкой.

Полбин взял стул, придвинул его к детским кроваткам. Он почти всегда, если возвращался поздно, долго смотрел на спящих детей. Но стула в этих случаях не брал, стоял, ухватившись руками за прутья кровати.

- Ваня, - тихо позвала жена. - Уезжаешь?

Он резко повернулся на стуле и, увидев ее лицо, понял: ничего придумывать и ничего откладывать не надо. Но ответить попытался шутливо:

- Нет, не уезжаю. Улетаю.

- Когда? - с тревогой спросила она. Он подошел к ней и обнял.

- Точно не знаю. Но еще не завтра.

- Чемоданчик укладывать?

- Да.

Наверное, у всех летчиков Забайкалья, - да и только ли Забайкалья? - были такие чемоданчики. Укладывать их недолго. Пара белья, запасная гимнастерка и брюки хранятся в чемоданчике постоянно. Остается только бросить туда полотенце, умывальные принадлежности да еще, может, недочитанную книжку.

Мария Николаевна достала из-под письменного стола чемоданчик и открыла замки.

- Я сам, Манек, - сказал Полбин, - дай-ка.

Он быстро проверил содержимое чемодана, аккуратно, чтобы не помялась, положил гимнастерку. Полотенце с вышитыми в

уголке инициалами "И. П." лежало тут же. Книги? Книг хочется взять побольше. Конечно, самые необходимые, специальные. Не может быть, чтоб там не нашлось времени для чтения - в нелетную погоду, например. А где это "там"?

Он хотел попросить Машу, чтобы она достала с полки книгу Лапчинского по тактике авиации, но, посмотрев на жену, не произнес ни слова.

Мария Николаевна стояла лицом к окну, задумчиво смотрела в черноту ночи и тихо говорила:

Сокол ты наш сизокрылый,

Куда ж ты от нас улетел?

Некрасов! Сколько лет не вспоминались эти стихи! Пожалуй, с тех пор, как он прочел их в черниговской квартире Пашковых. Почти семь лет. Но у Некрасова, помнится, сказано: "Голубчик ты наш..."

- Манек, первая строчка не так...

Будто не слыша, Мария Николаевна закончила:

Пригожеством, ростом и силой

Ты ровни себе не имел...

Он вскочил, взял жену за плечи и повернул к себе. В ее глазах стояли слезы.

- Манечка, родная, не надо, - заговорил он, целуя ее губы, щеки. - Не надо грустных стихов. Они ведь, как тогда сказала Антонина, написаны в прошлом столетии...

Она улыбнулась, не вытирая слез:

- Я тебя первый раз на войну провожаю. И не знаю, сколько еще придется. Можно мне немножко погрустить?

Глава IV

На карте этот участок земли окрашен в желтый цвет - цвет пустыни. Голубым пятном удлиненной формы, вытянутым с севера на юг, выделяется на этом однообразном, безрадостном фоне озеро. К нему присоединена тонкая, извилистая голубая нить - река.

Озеро называется Буир-Нур, а река, в него впадающая, - Халхин-Гол.

На карте нет только одного: солнца. Оно жжет немилосердно от зари до заката. Едва только выглянет из-за горизонта раскаленный шар, как от ночной прохлады не остается и следа. Будто открывается дверца гигантской печи, и горячая волна, хлынув, растекается по земле. Никнут жесткие степные травы; как сухие лишаи, блестят под солнечными лучами частые пятна солончаков; нагретый воздух колеблется зыбким маревом, и если посмотреть на стоящие вдали самолеты, то кажется, что они плывут по неглубокой воде.

Аэродромы скоростников и тяжелых бомбардировщиков расположены по соседству. Над степью здесь поднимается холм с очень широким, в несколько километров, основанием. Вершина его ровно срезана и образует гладкую, как стол, поверхность. На этой просторной площадке целый день сонно стоят накаленные солнцем четырехмоторные гиганты ТБ. Они летают ночью.

В низине, там, где сходит на нет пологий скат холма, - аэродром скоростных бомбардировщиков. СБ летают днем, и поэтому на аэродроме жизнь не затихает ни на минуту. Вдоль стоянок медленно передвигаются пузатые, налитые бензином заправщики с закинутыми на круглые спины шлангами. Автостартеры на полуторках переезжают от самолета к самолету, сцепляясь своими длинными хоботами с храповиками винтов. Запустив мотор, стартер быстро, будто в испуге, откатывается назад...

Во время короткой передышки Полбин сидел в тени крыла самолета и, отбиваясь от назойливых комаров, тучами висевших в воздухе, читал красноармейскую газету. На первой странице, под заголовком, крупным шрифтом в три строки был напечатан призыв подписываться на Государственный заем третьей пятилетки. Постановление Совета Народных Комиссаров о выпуске займа было помещено в левом верхнем углу листа, над сводкой из района боевых действий за тридцать первое июля и второе августа.

Полбин перевернул страницу фронтовой двухполоски. Еще одно постановление Совнаркома и ЦК ВКП (б) "О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов". Под этим рубрика "За рубежом" и тревожный крупный заголовок: "Переброска германских войск к французской границе".

Подошел Пашкин, заглянул через плечо в газету.

- Мир и война, - сказал он, вытирая смоченной в бензине паклей руки и шею от комаров. - А мир все же сверху...

Полбин поднялся с ящика.

- Готово, Егорыч? - спросил он.

- Порядок. Маленький, вот такой осколочек в радиаторе сидел. Я его аккуратно выковырял... Да вот он здесь где-то...

Пашкин пошел под другое крыло и стал шарить ногой по траве, стараясь в то же время не выходить из тени на солнце.

- Не надо, - улыбнувшись, сказал Полбин. - Если я все осколки на память собирать буду, то Виктор меня вопросами замучает: "Папа, а этот куда попал?" Объясняй потом.

- И то верно, - согласился Пашкин. - Не зубы, чтоб их в коробочку складывать. А некоторые собирают. Глупистика.

В самом деле, осколков можно было набрать уже много. В

редком вылете обходилось без пробоин, а семнадцать боевых вылетов все-таки не шутка. Семнадцать раз над зенитками японцев, семнадцать раз под угрозой атаки злых, как комары, вражеских истребителей.

Впечатления от первого вылета уже потускнели в памяти; заслоненный последующими, иной раз трудными, он казался далеким и совсем не страшным. Ну, похлопали с далекой земли зенитки, рассыпали в небе кучу белых, рвущихся шариков. Не верилось, что от столкновения с таким шариком самолет может разлететься в щепки или рухнуть на землю с отбитым крылом. То ли японцы стреляли не метко, то ли помогал противозенитный маневр по курсу, но разрывы снарядов все время оставались сзади или в стороне. Эскадрилья вернулась в полном составе. Пришли на свой аэродром четким строем, как бывало с учебного задания. А задание было совсем не учебным. Позже пехота донесла, что СБ разбили переправу японцев, и благодарила летчиков за помощь. Сердце Полбина наполнилось радостью первой боевой удачи. А с ней пришла и вера в то, что и дальше так будет, просто иначе быть не может.

За все семнадцать вылетов эскадрилья не потеряла ни одного самолета. Только стрелок-радист у Пасхина был ранен, но и он скоро вернулся в строй.

- Кажется, за вами, товарищ командир, - сказал Пашкин, указав кивком на красноармейца-посыльного, который отделился от штабной юрты и шел по выгоревшей траве, размахивая руками над головой: донимали комары.

- Должно быть. - ответил Полбин. - Достается этим посыльным, надо пойти навстречу.

Солдат увидел Полбина и остановился. Потом повернулся и почти побежал к юрте.

Бурмистров сидел над картой. На желто-коричневом листе, как большая клякса синих чернил, выделилось озеро Буир-Нур.

- Скорый ты, - сказал он Полбину, расстегивая еще две пуговицы на гимнастерке и открывая поросшую золотистыми волосами грудь. - Мы с комиссаром и подумать не успели, - он кивнул на Ююкина, сидевшего на раскладной полотняной кровати.

- Я слушаю, товарищ майор, - произнес Полбин, плотнее прикрывая полог юрты.

- Иди сюда. Тут нужно ударить по скоплению. И поточнее. Михаил Анисимович, - он снова кивком головы указал на комиссара, - считает, что ты точнее всех бьешь. Пока это действительно так... Ну, смотри.

Толстым пальцем веснушчатой руки он стал водить по карте.

Полбин отыскал цель у себя на планшете и начал делать пометки на полях своей карты.

- Имей в виду, истребителей не будет, - говорил Бурмистров. - Значит, придется итти не ниже чем на пяти тысячах. Японцы на этой высоте уже задыхаются...

- Строй поплотнее держите, - вставил Ююкин.

- Правильно. Смотри, чтоб не отставали на разворотах. Пресняка поставь где-нибудь в середине. Он у тебя парень с ветерком в голове, зазевается, а его и срубят.

По своему обыкновению, Бурмистров говорил ворчливо, даже могло показаться со стороны - сердито. Это нисколько не смущало Полбина. Он знал, что это личина, которую надевал на себя командир полка, в душе очень добрый человек. Сейчас разговаривает грубоватым, подчеркнуто начальственным тоном, а когда эскадрилья будет возвращаться с задания, он поставит у входа в юрту посыльного и начнет спрашивать: "Идут? Сколько? Никто не дымит?" Но на старт выйдет только перед посадкой самолетов.

Не оставив невыясненным ни одного вопроса, Полбин вышел из юрты. Внутри тоже не было прохлады, но жара на солнце прямо останавливала дыхание.

- Есть? - спросил Пашкин, выглядывая из-под крыла самолета так, что большая часть туловища оставалась в тени.

- Есть, - ответил Полбин. - Проверь кислородную систему, Егорыч. На высоте пойдем.

Он остановился у носа самолета спиной к нему и выбросил руки в стороны, как крылья. Это было сигналом к сбору летчиков.

Тотчас же из-под других самолетов вынырнули человеческие фигуры.

Когда все летчики собрались, Полбин объяснил задачу. Проверил, правильно ли она понята и нанесена на карты. Потом отпустил штурманов подготавливать данные для бомбометания и обратился к летчикам:

- Начинаем розыгрыш. Ведущий я. Звенья идут в боевом порядке "клин". Главное, строго выдерживать заданные дистанции и интервалы. Взлетаем. Ложимся на курс.

Ведущий, раскинув руки и оглядываясь через плечо, как руководитель физзарядки, управляет движением "самолетов". Летчики занимают воображаемые места в воздушном строю. Расстояния между "самолетами" такие же, какими они будут в полете.

Жарко. Полбину трудно все время держать голову повернутой назад, и он говорит прямо в пространство перед собой, но громко и отчетливо, так, что все слышат:

- Ввиду ограниченной высотности японских истребителей опасность нападения сверху исключается. Задача - защищать фланги, фронт и тыл. Даю вводные.

Молодой лейтенант в лихо сдвинутой на правую бровь пилотке с темной, пропотевшей каемкой у краев начинает губами изображать звук мотора.

Полбин резко оборачивается, опускает руки:

- Отставить. Вы где находитесь, Пресняк, на земле или в воздухе?

- На земле, товарищ капитан, - с невинным видом отвечает Пресняк.

Полбин от раздражения закусывает губы. Дерзость небывалая...

- Вы в воздухе! Я вас спрашиваю: почему вы нарушаете боевой порядок? Или для вас это игрушки?

Пресняк молчит. Краска заливает его потное лицо. Потом он произносит:

- Да мы уже пятнадцатый раз это повторяем, товарищ капитан. Все понятно.

Полбин смотрит на него немигающим взглядом светлых глаз. Над бровями у него тоже скопились капельки пота, но он не смахивает их.

- Старший лейтенант Ушаков, займите место Пресняка. Он пойдет моим левым ведомым. Посмотрю в бою, как ему все понятно.

Ушаков, широкоплечий, с длинными большими руками, молча становится вместо Пресняка.

Полбин снова поднимает руки на уровень плеч:

- Продолжаем. Звено "девяносто шестых" заходит справа, снизу. Принимаю решение: всем самолетам лечь в правый вираж... Для чего, Пресняк?

- Чтоб стрелки могли вести прицельный огонь! - скороговоркой отвечает Пресняк, стоящий теперь по левую руку командира, чуть сзади.

- Так. Правый разворот пятнадцать градусов! Группа людей, фигуры которых отбрасывают на землю короткие тени, поворачивает вправо и идет за ведущим.

- Интервалы, интервалы! - командует Полбин оглядываясь. - Вся эскадрилья разворачивается, как один самолет!

Фразы его отрывисты, после каждой он ставит энергичную интонационную точку.

- Атака отбита. Прежний курс! Все снова идут прямо за командиром.

Розыгрыш полета, носящий название "пеший по-летному",

заканчивается.

Сколько бы ни оставалось времени до вылета, Полбин каждый раз проводил такой розыгрыш. Перед самым запуском моторов он быстрым шагом проходил от самолета к самолету, напоминая порядок взлета, проверяя, все ли запомнили свои места в строю.

Подошло время вылета. Техники, стараясь не прикасаться руками к горячей от солнца обшивке самолетов, спрыгивали с крыльев на землю.

В воздухе, когда эскадрилья построилась, Полбин оглянулся. Самолеты шли крыло в крыло, диски винтов сверкали на солнце. Машины покачивались, то опускаясь, то поднимаясь. Стрелка вариометра на приборной доске Полбина тоже часто прыгала, отмечая то снижение, то подъем. С земли поднимался нагретый воздух, и в восходящих потоках самолеты непрестанно подбрасывало. Штурвал то и дело толкал в ладонь.

Перешли линию фронта. Но до цели оставалось еще добрых полчаса полета. Надо было продолжать набор высоты, чтобы при встрече с японскими И-96 иметь преимущество.

Японцы не заставили себя ждать. Скоро впереди появились "девяносто шестые" - маленькие белые машины. Шасси у них не убирались, и слегка загнутые внутрь тонкие ножки делали их похожими на злых насекомых.

Покачиванием крыльев Полбин дал сигнал: "сомкнуться плотнее". Самолеты еще больше прижались друг к другу. Тому, кто первый раз увидел бы такой тесный строй, могло показаться, что крылья машин вот-вот столкнутся. Но Полбин еще до прибытия в район Буир-Нур много раз водил своих питомцев в полеты на групповую слетанность, и теперь был совершенно спокоен.

Японские истребители быстро приближались, становясь крупнее. Они изо всех сил старались набрать превышение над строем советских бомбардировщиков. Но моторы не выдерживали.

В шлемофоне Полбина раздался шорох. Он увидел, как штурман Факин, сидящий впереди, в наглухо отделенной от летчика носовой кабине, повернул голову. У него зашевелились губы, и Полбин услышал в наушниках:

- У самураев одышка началась. Может, пугнем?

Полбин не ответил. Лишь когда "девяносто шестые" приблизились, по его мнению, на расстояние прицельной стрельбы, он дал команду "огонь". Дружно застучали пулеметы.

Японцы заметались. Почти все истребители ныряли вниз и оказывались позади эскадрильи. Там они кружились, выпускали

вдогонку бомбардировщикам редкие пулеметные очереди. Видно было, как "девяносто шестые" задирали носы, силясь набрать высоту для атаки. Но, пробыв в этом напряженном положении несколько секунд, они опять переходили в горизонтальный полет: духу нехватало. Дело было не только в слабой высотности моторов, но и в том, что неубирающиеся шасси снижали скорость.

А советские бомбардировщики, тонкокрылые, с зеркально гладкой обшивкой и спрятанными внутрь посадочными приспособлениями, шли все вперед и вперед. Их серебристые крылья, как лезвия ножей, рассекали воздух.

Но "девяносто шестые" не уходили. Они мертво висели в воздушном пространстве между горячим солнцем и далекой, подернутой дымкой землей. "Им бы только высоту, заплясали бы, гады, - думал Полбин. - А теперь дождутся, пока моторы горючее выработают и пойдут на свои аэродромы докладывать: "встретили группу, провели жаркий бой".

Но хотя истребители отвязались, Полбин не переставал осматривать небо. Он видел, что Факин в своем стеклянном отсеке делает то же самое. Были сведения, что на других участках фронта начали действовать новые японские истребители И-97, обладающие достаточной скоростью и высотностью. Если повстречаются они, то так легко отделаться не удастся. Во всяком случае, спина вспотеет...

Эскадрилья продолжала путь на прежней высоте. Скоро на земле показалась тонкая, часто петлявшая ниточка дороги.

Впереди, строго по курсу самолетов, возникли круглые комки зенитных разрывов. Беззвучно рассыпаясь в воздухе, комки медленно таяли, сливались с голубым небом и исчезали. Вместо них появлялись новые.

Полбин, оглядываясь, отметил, что все ведомые быстро и спокойно выполнили противозенитный маневр. Самолеты рассредоточились и упорно шли прямо на разрывы снарядов.

На секунду Полбин встретился глазами с летчиком машины, которая шла справа. Это Пасхин, ответственный секретарь комсомольского бюро эскадрильи. Молодец Саша! Снаряд разорвался у самого носа его самолета, но он не дрогнул, не вильнул на курсе. Точно подмяв под себя пушистый клубок, самолет твердо шел дальше.

А как Пресняк? Полбин скосил глаза влево. Голова Пресняка в шлемофоне коричневой кожи была неподвижна, глаза устремлены вперед. Но что это? Пресняк вдруг наклонился, будто поднимал что-то на полу кабины. Самолет клюнул носом и стал увеличивать скорость, чуть завалившись на левое крыло. "Куда ты?" - хотел крикнуть Полбин, но Пресняк уже выровнял машину

и сделал успокаивающий жест рукой, как бы отдавая честь: "Все в порядке!"

Полбин еще несколько раз поглядывал на него, но самолет летел ровно, и беспокойство скоро прошло.

Приближалась цель. Полбин скоро увидел ее: скопление войск на перекрестке дорог.

- Ложусь на боевой курс, - сказал он штурману. Факин приник к окуляру прицела. Полбину была видна только его согнутая спина с парашютными лямками на плечах.

Наступили минуты, даже секунды, ради которых эскадрилья прошла сотни километров над выжженной монгольской степью, отбивала атаки истребителей, пробиралась сквозь огненный частокол зенитных разрывов. Подходил момент, когда должен был завершиться труд десятков людей: техников, готовивших самолеты, мотористов и оружейников, подвешивавших бомбы и снаряжавших пулеметные ленты... Там, на потрескавшейся земле аэродрома, они ждут, поглядывая на мутное от зноя небо. Пашкин первый подбежит к самолету, поднимет кверху свое узкое лицо с острым подбородком: "Ну как? Разбанзаили?"

Эскадрилья должна была бомбить "по ведущему". Вот почему так застыл Факин. Быстрыми движениями левой руки без перчатки он показывает: "Влево чуть-чуть. Еще влево. Так. Бросаю!"

Полбин дал сигнал ведомым.

Бомбы посыпались вниз. Сначала они летят плашмя, сохраняя положение, в котором находились под фюзеляжами самолетов. Затем их носы опускаются. Мелькнув жесткими крестовинами стабилизаторов, они все увеличивают скорость, на глазах становятся маленькими, еле видными каплями, а затем вдруг исчезают из поля зрения.

Полбин посмотрел назад, вниз. Черное облако поднялось над землей. Оно медленно разрасталось, вспухало, но почти не меняло своих очертаний. Красные вспышки огня клокотали в нем.

Неистово захлопали зенитки. Японцы спохватились. Но эскадрилья ломаными курсами, меняя высоту полета, уходила от цели.

Облако дыма на земле стало постепенно разваливаться и таять. В образовавшихся просветах уже не было видно ни темных пятен пехоты, ни квадратиков автомашин.

Опять потекла под самолетами однообразная степь. Полбин поглядывал на самолет Пресняка. Он не отставал, держался в строю твердо, но по едва уловимым признакам Полбин замечал, что левый ведомый "хромает". Не ранен ли? Горячий, упрямый, мог не сказать...

У самой линии фронта Факин тревожно крикнул:

- Командир, японцы справа!

Это была небольшая группа истребителей, шесть штук. Они неслись наперерез. Полбину бросилось в глаза, что под крыльями самолетов не висели кривые ножки, похожие на две опрокинутые запятые. Шасси убраны, - значит, это и есть "девяносто седьмые". Встреча не из приятных.

"Приготовиться к бою! Сомкнуть строй!"

Но истребители неожиданно сделали разворот "все вдруг" и переменили курс. Что такое?

Со стороны солнца на них в стремительном пике неслись тупоносые И-16. Полбину показалось, что он слышит грозный гул их моторов. Эти выручат!

На аэродроме он ответил Пашкину, что японцев "разбанзаили", как полагается, и, сняв парашют, поспешил к Пресняку. Тот с трудом вылез из кабины.

- Куда ранен?

У Пресняка было смущенное лицо, будто он считал себя одного виноватым в том, что его ранили.

- В ногу, товарищ капитан. Не страшно, я сам законопатил...

Что-то вроде белой повязки было у него выше колена.

- Это когда еще к цели шли?

- Да. Осколок.

- Почему не сказал?

- А что говорить-то? - смущение на лице летчика сменилось знакомым Полбину выражением упрямства. - Он маленький. Куда бы я один через всю степь тащился? Чтоб заклевали?.. А так и бомбы свои на место положил...

Подошла санитарная машина с красным крестом на пыльных бортах защитного цвета. Достали носилки.

- Не надо, я сам, - сказал Пресняк. - Дырка-то пустяковая, на два дня дела.

Он проковылял к машине, устроился поудобнее и улыбнулся Полбину:

- До скорого свидания, товарищ командир. Он вернулся из госпиталя через неделю и, когда перед вылетом проводился розыгрыш "пеший по-летному", сразу же занял в строю место левого ведомого.

Глава V

С приближением вечера все степные звуки заглушил гул моторов. Он доносился с холма, с аэродрома тяжелых бомбардировщиков. "Ночники" готовились к полетам.

Окончив разбор боевых вылетов, Полбин пошел в столовую. Она находилась у подножия холма и была общей для тэбистов и

"скоростников". Длинные столы под навесом из камыша были уставлены мисками и кружками.

Полбин сел на скамью, когда из-за стола выходили два летчика в теплых комбинезонах, с планшетами и перчатками в руках. Это были тэбисты, спешившие на полеты. В сумерках, усиленных низким навесом, Полбин не разглядел их лиц. Вдруг очень знакомый голос окликнул его:

- Товарищ командир отряда! Вот встреча-то!

Он узнал Васина. Рядом с ним стоял Петухов. Да, не видались больше года. Лицо Васина сияло радостью, он смотрел на Полбина влюбленными глазами.

Полбин попытался усадить их рядом, но они отказались: надо спешить, скоро вылет. Петухов сокрушенно постучал ногтем по стеклу ручных часов.

В течение двух минут Васин выложил все новости. Они вчера только прилетели сюда на возмещение боевых потерь. Два экипажа, один из отряда Фролова. Фролов все такой же худой и длинный. Гаврюхина в экипаже нет, он уехал учиться на курсы. Его, Васина, и Петухова выделили как лучших "ночников".

- По звездам больше не летаете? - смеясь, перебил Полбин.

Васин, оказывается, не разучился смущаться и краснеть. За него ответил Петухов:

- Не летаем, товарищ капитан. Не можем задерживаться, потому что лейтенанта Васина теперь жена ждет.

- Да ну? Женился? Поздравляю! Васин неловко ответил на рукопожатие.

- А зовут Нина, - продолжал подтрунивать над товарищем Петухов. - Зина на ее место так и не пришла.

Полбин расхохотался. Запомнили, оказывается, тот разнос на аэродроме!

Васин и Петухов заторопились. Полбин простился с ними и долго глядел им вслед. "Мои ученики", - подумал он не без гордости.

Поужинав, он отправился в свою юрту. Бледная полоска зари еще горела на западе, при ее свете можно было бы написать домой. Он вынул из кармана гимнастерки письмо жены, полученное утром, и стал его перечитывать, близко поднося листок к глазам. Маша писала, что Виктор уже знает все песни про парня: "На закате ходит парень", "Парень кудрявый, статный и бравый", "Вышел в степь донецкую парень молодой". С Людмилой ходит на прогулку, как взрослый, водит ее за ручонку.

Дальше говорилось о письме из Чернигова. Шурик, наконец, выбрал: поступил в штурманское авиационное училище. "Молодчина", - как и утром, при первом чтении письма,

прошептал Полбин и перевернул листок. Ага, здесь просьба жены Кривоноса передать ему привет и сказать, что дома все благополучно. Но почему его до сих пор нет?

Кривонос тоже был командиром эскадрильи. Здесь они поселились в одной юрте, а там, дома, жили в одной общей квартире. Кривоносы, муж и жена, бездетные, занимали небольшую комнатку.

Интересный человек был Кривонос. Пожалуй, наиболее выдающимся его качеством была любовь к кулинарии. Ему доставляло удовольствие готовить супы, варить кости для студня, резать на мелкие кусочки мясо, делать котлеты. Возвращаясь с полетов (Лидия Кривонос работала женоргом и часто не бывала дома), он надевал полосатую пижаму и, вооружившись толстой кулинарной книгой, начинал священнодействовать. С кухни доносилось его тихое пение и стук ножа.

Мария Николаевна вначале думала, что он делает это по необходимости, ввиду частого отсутствия жены, и предложила помочь, но он отказался: "Спасибо. Солдат должен сам все уметь". И действительно, он умел готовить все. Когда Лидия, веселая, шумная, возвращалась с собрания, он открывал ей дверь и говорил:

- Пришла? Ну, хорошо. А я тут супец приготовил - пальчики оближешь.

Жили они дружно, по вечерам долго читали, работали. По праздникам распивали вдвоем бутылочку вина и тихонько пели в своей комнате украинские песни.

Еще две особенности были в характере Мефодия Кривоноса. Во-первых, он с необыкновенной бережливостью относился к своему здоровью; во-вторых, чрезвычайно любил порядок, и эта любовь подчас принимала странные, почти болезненные формы.

Обычно по вечерам он совершал небольшую прогулку вокруг дома, перед сном открывал форточку и дверь в коридор, чтобы просквозило. Запаха папирос он не терпел и был доволен, что Полбин тоже некурящий. Любовь к порядку выражалась у него во всем: порядок был на полках в кухне, на вешалке для платья в передней, на полочке для умывальных принадлежностей. Такой порядок любил и Полбин, но он не понимал, для чего, например, складывать ненужные книги в бумажные мешки и нумеровать их по музейно-архивной системе. А один раз сосед не на шутку его рассмешил. Кривонос любил вывешивать в квартире всякие объявления: насчет свежеокрашенных оконных рам, по поводу неисправной канализации. Как-то летом, когда Мария Николаевна с детьми отдыхала в небольшой деревне на берегу горной речки, а Лидия Кривонос находилась в служебной

командировке. Полбин после трехдневного отсутствия приехал домой. Он знал, что в квартире нет никого, кроме Мефодия Семеновича, и расхохотался, увидев в передней приколотую кнопкой бумагу с карандашной четкой надписью: "Ванная не работает". Автору объявления было хорошо известно, что никто, кроме него самого, в ванную зайти не может, по крайней мере, в течение недели.

Летал Кривонос хорошо, в эскадрилье у него был тоже образцовый и по-настоящему разумный порядок. Поэтому Полбин снисходительно относился к домашним странностям своего соседа.

Начинало быстро темнеть, и Полбин, присев на земляную ступеньку у входа в юрту, достал карандаш и бумагу. "Манек! Я жив, здоров! Бьем зарвавшихся самураев!" - вывел он. Почти каждая фраза в письме заканчивалась восклицательным знаком.

Первый самолет поднялся с аэродрома тэбистов. Полбин проводил его взглядом.

Подошел Кривонос.

- Как слетал сегодня? - спросил он. - Хорошо? Ну, хорошо.

- А у тебя как? В порядке? - в свою очередь спросил Полбин.

- В порядке. - Кривонос вошел в юрту и стал устраиваться на раскладушке.

- Я письмо получил, - сказал Полбин. - Тут привет тебе от Лидии.

Кривонос взял у него из рук листок, при свете спички пробежал две последние строки.

- Значит, дома все хорошо. Ну, хорошо.

И опять пошел в юрту.

Темнота сгустилась сразу. Писать было уже нельзя. Полбин подумал, что лучше: зажечь свечу и продолжать или поговорить с Кривоносом насчет встречи с "девяносто седьмыми". Надо новую тактику вырабатывать, враги это опасные. Письмо можно закончить на рассвете. Судя по всему, раннего вылета не предполагается.

- Хочу с вами посоветоваться, товарищ капитан, - послышался из темноты голос Пасхина.

- Садись, Александр Архипович, - Полбин подвинулся, освободив место на ступеньке. - О чем советоваться?

- Да вот насчет плана.

План комсомольской работы лежал у Пасхина в планшете. Он щелкнул кнопкой и опять застегнул планшет: все равно ничего не прочесть.

- Свечу? - спросил Полбин.

- Да нет, комары налетят. Я только по одному вопросу. Хотел

включить беседу по международному положению.

- Ну?

- Не знаю, кому поручить. Лучше, чтоб кто-нибудь постарше.

- А, намекаешь, - усмехнулся Полбин. - Хорошо, давай мне, Александр Архипович.

Комсомольского секретаря, совсем еще молодого человека с выгоревшими белесыми бровями и вихрастым непокорным чубом, в эскадрилье почему-то все величали по имени-отчеству.

- У меня батальонный комиссар такую беседу проводил вчера, - сказал из юрты Кривонос.

- Вот я с ним и посоветуюсь, - ответил Полбин. - Да и ты расскажешь, Мефодий Семенович, о чем был разговор.

- Давай завтра, - сонно проговорил Кривонос. - Я что-то спать хочу.

Заскрипела раскладушка, а через минуту донеслось мерное дыхание.

Кто-то шел по траве, посвечивая фонариком. Над аэродромом снова пронесся тяжелый бомбардировщик.

- Ножки, ножки поджимай! - крикнул ему вслед Пасхин и рассмеялся собственной шутке: огромные колеса шасси ТБ не убирались в полете.

Человек с фонариком приблизился. Это был Ююкин.

- Кто это тут над стариком потешается? - сказал комиссар. Из вежливости он не стал освещать лица сидящих фонариком и наклонился, пристально вглядываясь. - Сидите, сидите, я на минутку. Товарищ Полбин, у вас можно переночевать одному человеку?

- Места хватит, - ответил Полбин. - Юрта просторная и даже запасная "гармошка" есть. "Гармошкой" называлась легкая раскладная койка.

- Отлично. Товарищ Гастелло, прошу. Неподалеку стоял человек. Он подошел, протянул руку с длинными теплыми пальцами:

- Старший лейтенант Гастелло. Полбин и Пасхин назвали себя.

- Присядем, товарищи, - сказал Ююкин. удерживая за рукав Пасхина, который хотел уступить место на ступеньке. - Трава везде сухая и теплая.

Гастелло сел чуть поодаль. Он все время молчал. Ююкин сказал, обращаясь к Полбину:

- Я на рассвете лечу в разведку. А этот товарищ, - он глянул в сторону Гастелло, - тэбист, с того аэродрома. Хочет в дневном полете ознакомиться с местностью, чтобы потом легче было ориентироваться ночью. Он полетит со мной за штурмана.

Гул моторов заглушал его слова. С верхнего аэродрома взлетела новая партия бомбардировщиков. Огромная машина пронеслась над головами. На небольшой высоте мелькнул

тусклый кабинный свет "моссельпрома". Очертаний самолета не было видно, они угадывались по широкой тени, которая то закрывала, то открывала звезды. "Может быть, Васин и Петухов полетели, - подумал Полбин. - Счастливо, друзья!"

Переждав, пока утихнет шум, и проводив глазами бортовые огни последнего самолета, Ююкин сказал:

- Ушли старики. Так это вы, Александр Архипович, тут насчет ножек подшучивали?

- Я без всякой злости, товарищ комиссар, - ответил Пасхин. - Просто приятно сознавать, что есть уже лучшая машина, шаг вперед.

- И "Тэ-бе третий" хорошая машина, - вставил Гастелло. Голос у него был грудной, глубокий.

- Правильно, - сказал Полбин.

- Конечно, правильно. - Ююкин сделал паузу, как бы проверяя, не хочет ли еще кто-нибудь говорить. - Самолет хороший, служит и еще будет служить. Но не нужно забывать, что, кроме всего прочего, ТБ составил эпоху в самолетостроении. Это первый в мире бомбардировщик-моноплан. В Европе и Америке еще строили этажерки-бипланы, думали о разных трипланах, полипланах, а он у нас уже был. Не будь его, Александр Архипович, не летали бы мы с вами на скоростных. СБ - это его продолжение. А следующий этап, видимо, - пикирующий бомбардировщик, соперничающий по запасу прочности и скорости с истребителем.

Полбин весь превратился в слух. Беседа с Чкаловым ожила в его памяти.

Ююкин, все более увлекаясь, стал рассказывать о том, как в Военно-воздушной академии недавно оскандалился один француз по фамилии Ружерон. Он числился где-то профессором, специалистом по бомбометанию. Приехал в Москву то ли лекции читать, то ли опыт перенимать, а вернее всего с другими, скрытыми целями. И начал вдруг говорить, что во Франции только что нашли новый способ бомбометания - сбрасывание с пикирования.

- Неверно это, - сказал Полбин.

- Конечно, чушь. И вот поднимается один преподаватель, Кудрявцев, - вы его учебники по аэронавигации знаете, - и рассказывает, как еще в восемнадцатом году советский летчик Петров разбомбил ударом с пикирования интендантский склад деникинцев на станции Нежин. Кудрявцев сам служил в этом отряде летнабом. Другой преподаватель приводит еще более ранний случай. Был такой летчик в тридцатом отряде русской армии, Шадский Михаил Иванович, поручик...

Беседа длилась еще около часа. Лишь когда последний ТБ ушел на задание и на верхнем аэродроме, освещенном голубыми лучами посадочных прожекторов, наступила тишина, Ююкин поднялся:

- Пора, товарищи. Желаю всем хорошо отдохнуть.

Он ушел вместе с Пасхиным. Полбин зажег в душной юрте свечу, достал раскладушку для Гастелло. Оба улеглись и, задув свечу, некоторое время разговаривали в темноте. Гастелло сказал, что его зовут Николай Францевич, и, правильно поняв вопросительное молчание Полбина, добавил, что он родом из Белоруссии, вырос в Полесье, сам тоже белорус. Был он немногословен, и Полбин подумал почему-то, что это качество в нем, должно быть, выработали длительные полеты, когда человеку в течение многих часов приходится молчать, а если уж открывать рот, то для того только, чтобы отдать точное, без лишних слов, приказание. Впрочем, это могло быть и особенностью натуры. В Гастелло чувствовался человек крепкого, напористого характера. Такие нравились Полбину.

Уснули нескоро, - мешали комары да еще сладкое всхрапывание Кривоноса. Почему-то в ночной тишине чужой храп кажется громче других звуков, к нему трудно привыкнуть.

С первым лучом солнца Гастелло встал и начал заботливо приводить в порядок свою койку. Полбин тоже проснулся, разбуженный гулом моторов ТБ, которые возвращались с задания и, казалось, цепляли своими тяжелыми колесами за крыши юрт и палаток. Кривонос повернулся на раскладушке, пошевелил губами, но продолжал спать.

Гастелло ушел. Полбин сел на ступеньке у входа в юрту. Надвигалась дневная духота. Небо было чистое, только на северной его стороне стояло небольшое бело-розовое облако. Нижний край его золотился, переливаясь в лучах солнца. Полбин залюбовался им. Откуда пришло оно? И где оно сейчас: над монгольской степью или, может, глядится в голубые утренние воды Байкала? Ведь иногда только кажется, что облако рядом, рукой подать, а лететь до него нужно много часов... Может, сейчас проснулась маленькая Людмила, разбудила мать, и Маша, поправив одеяло на кроватке дочери, стоит у окна и видит это же облако, легкое, бело-розовое, с золотистым отливом внизу. На ней легкий сарафан в розовый цветочек по белому полю, в волосах капельки воды после умывания...

"Утреннее облако мое", - мысленно сказал себе Полбин и оглянулся на спящего Кривоноса, словно боясь, как бы тот не уличил его в неподходящей к должности и положению лирике.

Достав карандаш, Полбин положил лист бумаги на твердую

обложку книги Лапчинского и быстро написал письмо. Потом открыл книгу, стал перелистывать ее, пробегая отдельные страницы. Из головы не выходили "девяносто седьмые". Надо было придумать, как лучше избегать их ядовитых укусов. Пожалуй, лучше всего при встречах в воздухе не уходить на повышенной скорости, а организовывать оборону огнем. Но как? Этот вопрос еще предстояло решить.

На старт вырулил самолет. Разбежавшись, он оторвался от земли, развернулся, красиво блеснув белыми крыльями в лучах солнца, и ушел курсом на юг. Ююкин и Гастелло улетели.

Проснулся Кривонос. Увидев запечатанный конверт, он сказал:

- Написал уже? Хорошо. Надо было бы привет передать.

- Я передал, - ответил Полбин, поднимаясь с земли и отряхивая прилипшие к брюкам травинки.

- Сам догадался? Ну, хорошо. Пойдем завтракать.

Умывшись, начистив сапоги, они пошли в столовую. По дороге Кривонос очень подробно и толково передал содержание беседы по международному положению, которую позавчера проводил в его эскадрилье Ююкин.

В столовой Полбин сел поближе к группе тэбистов, которые, как видно, недавно вернулись из ночного полета. Он спросил летчика в комбинезоне с расстегнутым меховым воротником, прилетела ли уже "четверка".

- А кто на ней? Петухов? Из новеньких?

- Да. И Васин. Штурман.

Летчик отвернулся и стал сосредоточенно ковырять вилкой холодную баранину.

- Что? Не прилетела пока? - все еще не теряя надежды, требовательно потянул его за рукав Полбин.

- И не прилетит. Сбили.

- Как сбили?

- Ну, как сбивают? - летчик обратил к Полбину красное от внезапного раздражения лицо. - Загорелась на трех тысячах и до самой земли... А ты - как, как... Эх, Петя-Петушок...

За отворотом мехового воротника Полбин увидел на петлицах летчика квадратик младшего лейтенанта. Но он не обиделся за грубый ответ. Человек был охвачен искренним горем.

Подождав, пока летчик несколько успокоился, он сказал:

- Нервы у каждого есть, но нашему брату нужны крепкие. Где сбили?

Младший лейтенант назвал пункт и рассказал подробности гибели экипажа Петухова. "Четверка" очень метко отбомбилась и уже уходила от цели, но тут снаряд попал в бензобаки. Петухов

скольжением пытался сбить пламя. Это не удалось. Огонь перекинулся на другое крыло. Самолет врезался в землю. Никто из экипажа с парашютом не прыгал.

На другой половине стола шел спор. Говорили тэбисты. Полбин прислушался.

- Суеверия, суеверия, - кипятился кто-то. - Я тоже не суеверный, плюю на тринадцатое число, кошек и прочую чепуху, а насчет бритья перед вылетом иногда думаю. Потому что тут ты как будто сам себя в чистое одеваешь заранее. Вот Петя побрился вчера, воротничок свежий подшил...

Полбин вспомнил, что Петухов и Васин вчера были хорошо выбриты, от них пахло одеколоном.

- Ерунда, - возражал низкий густой бас, принадлежавший молодому, краснощекому летчику с каштановой прядью волос на высоком лбу. - Это все отрыжки прошлого, когда авиацию чудом считали. А как же, по-твоему, истребителям, которые по пять-шесть вылетов делают? Миклухами-маклаями ходить?

- Можно вечером бриться.

- Ерунда, - упрямо басил обладатель каштановой пряди. - Я не знал, что ты такой отсталый. Во-первых, если уж собьют, так надо, чтобы противник видел, что ты не чумичка, а летчик советский: бритый, чисто одетый. А во-вторых, надо воевать так, чтобы не сбивали, правильно воевать. Лопуха и труса никакая борода не спасет...

- Правильно! - громко сказал Полбин, поднимаясь из-за стола. В разговор он вмешался неожиданно для себя, но тэбисты обернулись и увидели его опрятную, хорошо обтягивающую грудь и плечи гимнастерку с подворотничком, свежую белизну которого подчеркивала загорелая шея. Брился он каждое утро, сегодня тоже успел, пока Кривонос бережно плескал себе на руки воду из фляжки.

- Правильно товарищ говорит, - произнес Полбин, увидев, что от него ждут еще каких-то слов. - Суеверия идут от религии, а у нас летчики в большинстве кто? Коммунисты и комсомольцы.

Спор сам собой прекратился.

Полбин не стал разыскивать Кривоноса, завтракавшего на другом конце длинного стола. Тот обычно, если позволяло время, долго просиживал над тарелкой, стараясь с помощью приправ улучшить вкусовые качества почти постоянного блюда - бараньего мяса.

Выйдя из-под навеса под лучи уже сильно припекавшего солнца, Полбин вспомнил, что нужно сдать письмо. В нем говорилось и о встрече с Петуховым и Васиным. Но не распечатывать же конверт...

Прошло больше часа, а задания на вылет не было.

- Пехота и без нас справляется, - говорил Бурмистров, похаживая около штабной юрты. - Помогли и хватит, зря нас не тревожат.

Но загорелое, медно-красное лицо командира полка было неспокойно. Истекал срок возвращения из разведки Ююкина, а самолета не было. Бурмистров делал вид, что в юрте ему душно, но в действительности он изменил всегдашнему правилу и не выставил посыльного в качестве наблюдателя, а сам то и дело поглядывал на небо из-под косматых бровей.

Самолет Ююкина не вернулся и к вечеру.

Глава VI

Мария Николаевна проснулась от стука в дверь. Было около восьми утра, дети еще спали. Соседка обычно поднималась позже. Кто же это? Сердце Марии Николаевны тревожно забилось.

На пороге стояла Лидия Кривонос. Ее светлые крашеные волосы были тщательно выложены, на бледных обычно щеках играл румянец: она только что умылась холодной водой.

- Можно? - сказала она входя. - Я тебя разбудила, Маша. Извини.

- Да нет, я что-то заспалась. Ребят вчера долго укладывала.

- Папу ждут?

- Да. - Полбина подвинула Лидии стул, сняв со спинки платьице дочери. Витюшка все спрашивает: что папа привезет? Я говорю - маленький самолет.

- А я моего Мефодия одна жду, - сказала Лидия. - Мне труднее, чем тебе, Маша.

Мария Николаевна знала, что у Кривоносов был когда-то мальчик, он умер в трехлетнем возрасте.

- Как сказать, - ответила она, - одной скучать или втроем...

- Я не скучаю. То-есть очень тоскую по Мефодию, но скучать мне не дает работа. А ты, Маша, с тех пор как замужем, нигде не работала? У тебя же специальность...

Мария Николаевна слегка покраснела. В том гарнизоне, где Полбин был командиром отряда тяжелых кораблей, она работала лекпомом в санчасти, Виктора каждое утро водила в ясли. Но после рождения Людмилы стало труднее.

- А общественная работа? - опять спросила Лидия, усаживаясь поудобнее и кокетливо поправляя на груди складки нового голубого утреннего халатика. - Я тебя, Машенька, вижу на всех собраниях, ты активная, а вот постоянного поручения от женсовета у тебя нет. Мне даже стыдно иногда, мы соседи...

- Мне теперь трудно одной, без свекрови, - сказала Мария Николаевна. - Но, по совести говоря, ни разу об этом серьезно не

думала...

- Под лежачий камень вода не течет, - подхватила Кривонос. - Это верно. Ты в комсомоле долго была?

- До прошлого года. Мне уже двадцать семь, выбыла по возрасту.

- В партию думаешь вступать?

- Да, - ответила Мария Николаевна, почувствовав, как при слове "партия" легонько дрогнуло сердце. Она думала о вступлении в партию, у нее не раз был об этом разговор с мужем, но ей казалось, что она далеко, далеко еще не подготовлена к этому очень большому событию в жизни человека; свое собственное вступление в ряды коммунистов она видела где-то в туманном будущем, когда сама она будет иной - неизвестно какой, но лучше, конечно.

Лидия Кривонос доверительно положила руку Марии Николаевне на плечо.

- Я для тебя, Маша, одну интересную работу наметила... Сейчас не окажу, а вечерком зайду, и мы подробно поговорим.

- Хорошо, - Мария Николаевна посмотрела на часы. - Скоро почта будет.

- Вот бы сразу два письма - тебе и мне. Правда?

Они только вчера вечером говорили об этом. Письма приходили нечасто и, как правило, по одному. Лишь единственный раз, недели две тому назад, почтальон принес вместе два конверта: от Полбина и от Кривоноса.

Виктор зашевелился в своей кроватке.

- Ма-ам! Поди, - требовательно сказал он.

- Ну, что тебе, сынок? - Мария Николаевна склонилась над ним.

- Папа не приехал?

- Нет, сынок.

- Почему?

Мария Николаевна с улыбкой посмотрела на Лидию и развела руками. В это время постучали в наружную дверь.

- Почта! - сорвалась со стула Лидия. Она выбежала в переднюю и тотчас же оттуда донесся ее радостный возглас: - Два, два! Как я говорила!..

Бросив на стул газеты, она протянула один конверт Марии Николаевне.

Виктор понимающе молчал, пока женщины читали письма.

Полбин передавал привет от Кривоноса. Тот, в свою очередь, сообщал жене, что Иван Семенович проявил дружеское внимание: не забыл написать от его имени, пока он, Мефодий, "добирал свое", то-есть спал.

Письма были датированы одним числом. Отдельные места они прочитывали друг другу. Мария Николаевна сказала:

- Вот Ваня пишет: "Встретил своих бывших подчиненных, Петухова и Васина. Представь: Васин уже женился!" Это был у нас в том гарнизоне лейтенант. Молоденький, застенчивый такой. Девушек боялся под руку брать, ходил всегда на расстоянии.

- А теперь еще одна солдатка будет, - вздохнула Лидия. - Ничего, лишь бы вернулся!

Она торопливо отобрала свои газеты и ушла, сказав уже в дверях:

- Так я, Маша, часов в девять приду. Потолкуем...

Пришла она гораздо раньше. Глаза у нее были красные от слез.

- Что случилось? - вскрикнула Мария Николаевна, снимавшая в этот момент башмачки с Людмилы. - Телеграмма?

- Ничего, Маша, успокойся, - вяло опускаясь на стул, сказала Лидия. - Наши с тобой здоровы...

- Так кто же? Кто?

Лидия беззвучно залилась слезами и через силу произнесла:

- Комиссара нашего нет.

Мария Николаевна, не глядя, присела на сундук, покрытый пестрым шелковым платком с кисточками. Башмачок Людмилы со стуком упал на пол. Виктор подошел, поднял его и молча вложил матери в руку.

Оправившись, Мария Николаевна надела дочери башмачки и сказала Виктору:

- Пойдите, сынок, еще погуляйте. Тут, около крыльца.

Виктор покорно взял сестру за руку. У двери он остановился и, глядя на мать большими немигающими глазами, спросил:

- Папа приедет?

- Да, да, приедет. Дети вышли.

Мария Николаевна взяла стул, поставила его рядом со стулом, на котором сидела Лидия, и обняла ее за плечи. "Еще одна солдатка ждет", - вспомнились ей слова, сказанные Лидией утром. Ююкин не женат, но у него есть мать, она живет где-то за Уральским хребтом и, конечно, еще ничего не знает.

- Как это случилось? - тихо спросила Мария Николаевна.

Лидия подняла глаза.

- Кто же знает, как случилось, Машенька? В политотдел пришло известие: батальонный комиссар Ююкин пал смертью храбрых в борьбе с японскими захватчиками... Говорят, не вернулся с задания.

Не вернулся с задания... Мария Николаевна посмотрела в окно, порозовевшее под лучами заходящего солнца, и вдруг

представила себе огромную, беспредельную степь, на краю которой лежит красный солнечный шар. На фоне этого шара видны темные фигуры людей, напряженно всматривающихся в горизонт. Стоит Ваня, рядом с ним тяжелый, приземистый Бурмистров, потом Кривонос, Ушаков, Пасхин - все, кого она видела и знает. Нет среди них Ююкина, веселого, улыбающегося, с живыми умными глазами и высоким чистым лбом. Его ждут. Ждут, не покажется ли над степью самолет. Тени людей все удлиняются, ползут по траве. Красный шар опускается ниже и ниже, вот осталась только половина. Потом и она исчезла. Исчезли тени на траве, наступила темнота.

- Такой молодой, - произнесла Мария Николаевна первую пришедшую на ум фразу и тотчас же подумала, что сказала не то: разве имеет значение, молод или стар был человек, которого все уважали и любили, любили за то, что он был человеком большого сердца и ясного ума?

Лидия стерла со щек слезы и энергичным движением сняла со своих плеч руку Марии Николаевны.

- Хватит, Маша, - сказала она. - Я сегодня все бумаги в политотделе слезами закапала. Хватит.

Мария Николаевна сидела недвижимо, не зная, что ей делать и что значит "хватит". Лидия продолжала:

- Я помню, Михаил Анисимович как-то сказал: "Живущий должен работать". Не знаю, почему сказал, так просто, наверно. Он часто так говорил и все улыбался...

Она помолчала. Молчала и Мария Николаевна.

- Я это вот к чему, Маша. Мы собирались поговорить насчет твоей общественной работы. Мне как раз Михаил Анисимович это подсказал. Не возьмешься ты подготовить доклад к Международному юношескому дню?

- Доклад?

- Да, доклад. Это в начале сентября. Пожалуй, если бы Лидия Кривонос сделала это предложение утром, Мария Николаевна долго размышляла бы, прежде чем дать ответ. Но сейчас она встала и сказала:

- Хорошо. Я подготовлюсь.

Глава VII

До наступления темноты Бурмистров внешне сохранял спокойствие. Только посыльный Сидорук, находившийся при штабе неотлучно, каким-то свойственным солдату чутьем угадывал, что командиру полка сильно не по себе. Прежде всего бросилось в глаза то, что майор никого не вызывает. Раньше бывало не дает цыгарку скрутить, а тут вдруг два часа полный штиль. Бурмистров редко сам брал трубку полевого телефона,

обычно отвечал на вызовы посыльный: "Красноармеец Сидорук слухает". А теперь, как только раздавался звук зуммера, Бурмистров грубовато отводил руку посыльного: "Постой. Я сам".

Когда на верхней площадке начали прогревать моторы ТБ-3 и тягостная тишина сменилась их тяжелым ровным гулом, он сказал:

- Начальника штаба ко мне. Живо!

Сидорук сорвался с места, как застоявшийся конь.

Капитан Бердяев явился через десять минут. Бурмистров слышал, как он на ходу переговаривался с посыльным. Очевидно, по своему обыкновению, пытался "наводящими вопросами" установить, зачем его вызывает командир полка. Сидорук отвечал односложно: "Ни, не чув... Такого не було". Завидев Бурмистрова, он обогнал начальника штаба и звонко доложил:

- Ваше приказание выполненное!

Делая шаг в сторону, он взглянул на Бердяева с таким выражением на безусом круглом лице, как будто начальник штаба был очень важный, с трудом добытый трофей.

- Ладно, иди к телефону, - поморщился Бурмистров и обратился к Бердяеву: Звонил?

- Так точно, товарищ майор, - ответил Бердяев, четким выработанным движением вскидывая руку к правому виску. - Обзвонил всех. Донесений из наземных частей о переходе линии фронта нашими летчиками не поступало.

- Так, - крякнул Бурмистров, и нельзя было по его интонации понять, ожидал ли он такого ответа, или, наоборот, думал, что начальник штаба принесет ему радостное известие. Наступила минутная пауза, в течение которой Бурмистров обводил взглядом темнеющее небо с крупными звездами, а Бердяев стоял с опущенными по швам руками и напряженно вытянутым вперед подбородком. Низкорослый, сухой, с покатыми костистыми плечами, он казался рядом с командиром полка щуплым подростком. Сходство это подчеркивала коротенькая выцветшая гимнастерка Бердяева, торчавшая сзади из-под ремня, как воробьиный хвостик.

- Так, - повторил Бурмистров. - Давай съездим к соседям.

Сидорук, прислушивавшийся к разговору, бегом помчался в темноту и, когда к юрте подкатила запыленная "эмка", опять доложил:

- Ваше приказание выполненное! Бердяев юркнул на заднее сиденье. Бурмистров открыл переднюю дверцу и сказал Сидоруку:

- Вызови сюда капитана Полбина. Скажешь, остается за меня. Я поехал к тэбистам, буду через сорок минут.

Он действительно вернулся через сорок минут, когда над

аэродромом один за другим с грохотом пролетали тяжелые бомбардировщики. Дождавшись, пока наступила относительная тишина, он спросил Полбина, нет ли новых известий, а затем в коротких, отрывистых фразах изложил ему цель своей поездки к тэбистам: договорился с ними, чтобы они на обратном пути в светлое время повнимательнее осматривали землю, может, увидят где-нибудь самолет Ююкина.

Бердяева он отпустил:

- Ладно, иди работай.

Начальник штаба сказал "есть", круто повернулся на каблуках и ушел. Бурмистров прислушался к его удаляющимся шагам и задумчиво проговорил:

- Каждый в своем деле силен. Ты вот летать здоров, а он в бумагах - ну, прямо как профессор. Чертовская память у человека...

Он помолчал, закурил папиросу и, шумно выдохнув дым, добавил:

- А Миша Ююкин и в книжном деле сто очков вперед даст, и летает, как...

Он, видно, хотел подыскать сравнение, но вспомнил, что комиссар уже не летает и, по строгой неумолимости судьбы, вероятно, больше никогда летать не будет. С неожиданным раздражением он сказал, повернувшись к Полбину:

- Что стоишь? Давай сядем... Посыльный! Сидорук молча вынес из юрты два складных стульчика и поставил их на траву. Под грузным телом Бурмистрова стульчик жалобно скрипнул.

Полбин знал, что командир полка не любил открыто выказывать свое хорошее, доброе расположение к людям и даже похвалу прикрывал нарочитой грубостью. Сейчас Бурмистрову, видимо, было особенно трудно: воспоминания о комиссаре будили в нем чувство, близкое к нежности; это было непривычно, раздражало его, и он боролся с самим собой. Полбин решил переменить тему разговора.

- Бердяев тоже летчик, - сказал он. - Никто не виноват, что здоровье не позволяет...

Начальник штаба, в свое время служивший в истребительной авиации, уже около года не летал, так как в воздухе у него начиналось сильное головокружение. Врачи перевели его из летно-подъемного состава в наземный: у него было какое-то расстройство аппарата внутреннего уха.

- Вот именно, тоже летчик! - откликнулся Бурмистров. - Сам про себя говорит: "Мы все летали понемногу на чем-нибудь и как-нибудь". Стихоплет!

Он очень уважал своего начальника штаба за точность и

исполнительность, за его подлинно изумительную память. Бердяева можно было в августе спросить, в каком составе полк вылетал на задание, скажем, двадцать четвертого мая, и он, подумав секунду, тотчас же называл количество самолетов, фамилии ведущих, время вылета и возвращения. Но, видимо, пришедшая в голову мысль, что образцом человека и воина был именно комиссар Юкин, сочетавший в себе большую книжную образованность и отличное владение самолетом, не позволяла Бурмистрову ставить рядом с ним кого-нибудь другого.

- Я говорю, что капитан Бердяев тоже летчик и потому он у нас хороший начальник штаба, - не сдавался Полбин.

- Ну да, недоставало, чтобы мне в начальники штаба пехотинца подсунули, ворчливо ответил Бурмистров. - Что это у тебя за книга?

Полбин, вызванный посыльным в юрту командира полка, захватил с собой "Тактику авиации" Лапчинского и сейчас, держа ее навесу в руках, барабанил пальцами по твердой обложке.

Бурмистров взял книгу, откинулся на стуле так, чтобы на нее упал свет из юрты. Должно быть, он сам обрадовался возможности хоть на время уйти от неотступно преследовавших мыслей о комиссаре, судьба которого пока еще, по крайней мере до утра, оставалась загадкой.

- Почитываешь Лапчинского... Так. Ему за эту книгу премию имени Фрунзе дали. А читал другие его работы: "Воздушный бой", "Бомбардировочная авиация", "Воздушная армия"?

Полбин ответил, что первые две книги у него есть, а третью не читал.

- Почитай. Там он от доктрины Дуэ не оставил камня на камне. Ты раскусил эту доктрину?

Фашиствующий итальянский генерал Дуэ в своих работах доказывал, что главной силой на войне является авиация. Он считал, что создание мощной воздушной армии, состоящей из многомоторных бомбардировщиков, которые могут наносить массированные удары по экономическим и политическим центрам противника, решает исход войны в пользу того, кто располагает такой армией.

- Они рабочего класса боятся. Хотят заменить человека машиной, - сказал Полбин.

- Правильно, - поддержал Бурмистров тоном экзаменатора, который вполне удовлетворен ответом ученика. - Чепуху этот фашист нагородил. Лапчинский, помнится, в одном месте сказал: "Только то прочно, где стоит нога пехотинца". Здорово сказал! Не мы с тобой основная наступательная сила, а пехота. А мы ей помогать, помогать должны, да покрепче.

Он вернул книгу Полбину.

- Михаил Анисимович готовит доклад на эту тему. На материале наших боевых действий. Вон у него под подушкой папка лежит, - Бурмистров указал рукой за спину. Он упорно говорил о комиссаре в настоящем времени.

В черном небе, далеко-далеко на юге, засверкали огоньки. Сначала внизу, у горизонта, потом все выше и выше. Будто кто-то чиркал зажигалкой, а она не загоралась, только искры вспыхивали и мгновенно гасли. Это рвались зенитные снаряды японцев, отмечавшие путь наших тяжелых кораблей.

- Нащупывают, сволочи, - сказал Бурмистров и долго молчал, глядя на эти огни. Молчал и Полбин.

Из юрты донесся легкий храп. Сидорук спал, положив голову на ящичек телефона. Пилотка свалилась на землю.

- Измотался, бедняга, - оглянулся Бурмистров. - Ну, иди и ты выспись. Завтра летать будем.

Был уже поздний час, а от земли все еще шел жар. Трава сухо шуршала под ногами; едкая, невидимая во тьме пыль забивалась в ноздри. Полбин оглянулся. Полог юрты оставался откинутым. В желтый прямоугольник света, как в раму, была вписана фигура командира полка с горестно поднятыми плечами.

Душная, короткая халхин-гольская ночь на этот раз тянулась бесконечно долго.

На рассвете вернувшиеся из полетов тэбисты сообщили, что за третьей линией японских окопов они видели остатки хвостового оперения и обгорелое крыло СБ. Кто-то даже говорил, что в нескольких километрах от этого места, на территории японцев, в густой траве заметно белое пятно, похожее на скомканный парашют.

Прежняя неизбывная энергия вернулась к Бурмистрову. Потный, с обнаженной медно-красной шеей, он переходил от стоянки к стоянке, покрикивал на техников, на водителей бензозаправщиков, а возвращаясь в юрту, гонял Сидорука из одного в другой конец аэродрома. Бердяеву он приказал "не слезать с телефона" и, уже надевая парашют у своего самолета, еще раз послал Сидорука спросить, нет ли сведений об экипаже Ююкина.

Но сведений попрежнему не было. Самолеты сделали два вылета до обеда. Во второй половине дня - еще один, сопровождавшийся жестоким боем с "девяносто седьмыми". Эскадрилья Полбина летала в общем строю, ведущим был Бурмистров. Полбин, выполняя приказания командира о смыкании или размыкании боевого порядка, видел, как Бурмистров разумно организует оборону, как продумано и

налажено у него взаимодействие с истребителями, которые защищают СБ. Ни один советский самолет не был сбит, зато четыре И-97, пылая, пошли к земле. Три из них были сражены огнем вертких, маневренных И-16, а одному влепил смертельную очередь стрелок-радист самолета Ушакова. Это был уже шестой японский истребитель, сбитый бомбардировщиками Бурмистрова с начала боевых действий.

Результаты бомбардировок во всех трех вылетах также были отличными, и Бурмистров, узнав об этом, сказал сквозь стиснутые зубы:

- Я им покажу Мишу Ююкина! Вот он придет, мы еще вместе дадим!

Он был твердо убежден, что если из членов экипажа СБ, обломки которого видели около японских позиций, придет, перебравшись через линию фронта, только один человек, то это будет непременно комиссар. Он приказал Сидоруку привести в порядок койку Ююкина, аккуратно сложил на столе его книги, карты, сам повесил у изголовья чистое полотенце.

Вылеты на день больше не планировались. Бурмистров долго звонил по телефону, потом съездил в штаб дивизии и, вернувшись, сказал Бердяеву:

- Дали цель. Звеном пойду. Комиссара еще нет? Услыхав ответ, он нахмурил брови и приказал поторопить с подготовкой самолетов.

- Если хватит времени, два раза слетаю, - говорил он, посматривая на часы. - Должно хватить. Там одну сопочку раздолбать нужно. Самурайский штаб.

Полбин рассчитывал, что командир возьмет его с собой, и уже приготовился отдать распоряжения Пашкину, но Бурмистров опять оставил его своим заместителем.

- Пойдет со мной Кривонос. А ты Ушакова дай.

Три самолета взлетели и легли курсом на юго-восток. Сначала они должны были встретиться с истребительным прикрытием. Командование придавало большое значение удару по "сопочке", у подножья которой находился штаб крупного пехотного соединения японцев, и хотелось, чтобы этот удар был рассчитан наверняка.

Через полчаса в юрту к Полбину вбежал Бердяев. Оба они были капитанами, но Полбин замещал командира полка, и поэтому Бердяев, несмотря на очевидную срочность того, что он хотел доложить, не забыл принять положение "смирно". Вытянувшись, плотно сомкнув колени, он сказал:

- Товарищ капитан, вернулся один из членов экипажа батальонного комиссара Ююкина!

- Кто?

- Штурман. Старший лейтенант Гастелло, который летал с ним для воздушной рекогносцировки...

- Где он? - Полбин, задев Бердяева плечом, бросился к выходу из юрты, будто Гастелло мог стоять снаружи. Начальник штаба вышел вслед за ним и продолжал тем же ровным голосом:

- Он у себя в части. Имеет легкие ранения в результате...

- Что с комиссаром? - нетерпеливо перебил Полбин. Неподходящая к моменту обстоятельность и четкость Бердяева вызывала у него раздражение. Он взглянул в худое скуластое лицо начальника штаба, заметил, что у того над густой жесткой бровью оидит комар, и повторил: - Где комиссар? Стрелок жив?

Бердяев повел бровью, согнал комара взмахом ладони и, как бы почувствовав себя свободнее после этого совсем неуставного движения, стал передавать сообщенный ему по телефону рассказ Гастелло.

Самолет Ююкина был подбит на обратном пути, недалеко от линии фронта. Комиссар тянул, пока было можно, а потом приказал экипажу прыгать. Строго так приказал, не послушать было нельзя. А сам направил машину прямо на блиндажи японцев. Она уже вся горела, от носового фонаря до стабилизатора. В результате взрыва были погребены (Бердяев так и сказал - "погребены") десятки японских солдат. Комиссар погиб геройской смертью.

Полбин вернулся в юрту, поправил на столе книги Ююкина, сел и указал на стул Бердяеву.

- А стрелок как? - спросил он. - Харченко тоже прыгал?

- Да, - ответил Бердяев, приподнимаясь на стуле и снова усаживаясь. Старший лейтенант Гастелло предполагает, что он погиб в перестрелке с противником. Они упали в разных местах. Гастелло приземлился в высокой траве около болота, а Харченко в степи. Японцы шныряли на машине и, должно быть, нашли его. Была стрельба. Последний выстрел из пистолета одиночный: должно быть, Харченко себя... Гастелло зашибся при падении и помнит это смутно. Он только ночью выбрался и пополз к своим...

Бердяев замолчал и, словно от сильной усталости, прикрыл глаза рукой. Над тонкими пальцами топорщились его жесткие брови с острыми кончиками.

- Прилетит командир - надо будет собрать личный состав. Как вы думаете? спросил Полбин.

- Я согласен, - ответил Бердяев. В его скрипучем голосе не было прежней сухости и натянутости.

Они вышли. Сидорук, поджав под себя ноги в больших сапогах, сидел у входа в юрту на траве и размазывал слезы на

щеках, покрытых светлым пушком. У самолетов всюду стояли летчики и техники. Несмотря на палящее солнце, многие не прятались в тени крыльев. Пашкин сидел на горячей стремянке и, глядя вниз, прислушивался к разговору, который вели Пресняк и двое стрелков-радистов. Никто из них не жестикулировал, и видеть это было непривычно.

Прошло еще полчаса. Высоко над горизонтом на юге показались самолеты.

- Тильки двое! - тревожно воскликнул Сидорук. - Товарищ капитан, а де ж третий?

Полбин сам искал третьего. Он ощупывал глазами небо сверху вниз, надеясь увидеть самолет, идущий бреющим, на большой скорости. Так нередко возвращались на аэродром раненные в бою машины.

Над степью дрожало марево, в глазах рябило, от напряжения выступали слезы.

Самолеты приближались. Первым зашел на посадку Кривонос, хвостовой номер его машины был ясно виден. Вторым разворачивался Ушаков.

Не было самолета Бурмистрова.

Как только скорость машины Кривоноса уменьшилась и он начал заруливать на стоянку, к нему со всех сторон побежали люди.

Кривонос вылез из кабины, соскользнул с крыла на землю, обвел лица окружавших его людей каменным взглядом и, не сказав ни слова, побрел к стабилизатору. Облокотившись о его жесткую обшивку, как о стол, он стащил с себя шлем и обхватил голову руками. Плечи его вздрагивали.

Бурмистров погиб. Цель была поражена с первого захода, от японского штаба остались только груды развороченной земли. Но зенитки били зло и ожесточенно. На развороте в носовую часть самолета Бурмистрова ударил снаряд. Машина взорвалась в воздухе.

Полбин, сняв пилотку, молча смотрел на Кривоноса и Ушакова, упорно отводивших в сторону сухие, красные глаза.

Ему вспомнились Васин, Петухов... За эти три дня он потерял двух своих лучших учеников. Он потерял и двух лучших своих учителей.

Глава VIII

Серым осенним утром в жилых домах авиагородка захлопали двери на всех этажах. Усиленные эхом голоса гулко отдавались в каменных стенах:

- Когда же прилетели-то? Почему я не слыхала?

- А мы планирующим. Без моторов от самой границы!..

Счастливый смех.

- А мой-то где? Мой? - в голосе нотка тревоги. И тотчас же веселый ответ:

- Живой, живой! Подарок в кабине забыл, миллион комаров в бутылке...

Виктор и Людмила спали, когда Полбин вошел в комнату. Он остановился у порога и, обняв встретившую его в передней жену одной рукой, не выпуская из другой чемоданчик, медленно, как бы ощупывая глазами каждый предмет, обвел взглядом стены, пол и потолок.

- Отвык от дверей, - сказал он усмехаясь. - Там все палатки да юрты. Никаких замков, щеколд...

Они вместе подошли к спящим детям, шопотом переговариваясь. Мария Николаевна показала на косяке двери карандашную отметку: вот таким Виктор был на другой день после отъезда отца, а теперь он вот такой... Расстояние между черточками было довольно значительное.

- Это настолько вырос? - удивился Полбин. - Не может быть, Манечка, ты, видно, не точно измерила... Волосы не учла...

Мария Николаевна сказала, что она прикладывала линейку к голове сына, и потому большой ошибки не должно быть. Разве на полсантиметра...

Дверь в коридор оставалась полуоткрытой. Оттуда доносился голос Кривоноса: "А ты маленькую вешалку сюда перебила? Так лучше? Ну, хорошо". Потом раздался звук передвигаемых вещей.

Полбин осторожно погладил слежавшиеся в тугие колечки волосы сына. Мария Николаевна ревниво проследила глазами за его рукой, хотела сказать привычное: "тс-с, разбудишь", но тут увидела на выгоревшем от солнца рукаве гимнастерки мужа широкую золотую с красным нашивку. Перевела взгляд на петлицы - два прямоугольника...

- Ваня! Майор?

- Тс-с, разбудишь! - Полбин выпрямился. - Как видишь, Манек. И еще, - он, обхватив ее шею сильной рукой, улыбаясь, наклонился к уху: - представили к правительственной награде...

На столе лежала "Правда" за тридцатое августа. Они развернули ее вместе.

На первой странице был Указ Президиума Верховного Совета о награждении второй медалью Героя Советского Союза майора Грицевец и майора Кравченко и о новых Героях Советского Союза. Всю вторую и третью страницы занимали ровные столбцы с фамилиями награжденных орденами.

- Искала меня? Да?

- Да, искала, - серьезно ответила Маша. - Нашла только

двоих, - вот орденом Красного Знамени майора Бурмистрова Михаила Федоровича, и орденом Ленина - Ююкина... Ваня, как это случилось?

Сложив газету, Полбин усадил жену на диван, около которого стоял трехколесный велосипед Виктора с куклой на седле. У куклы были негнущиеся руки из розовой пластмассы. Выражение вечного удивления застыло в ее незакрывающихся глазах.

Он стал рассказывать о подвиге комиссара.

Мария Николаевна слушала и, взяв руку мужа, в задумчивости долго рассматривала негнущийся левый мизинец со шрамом. Потом сложила его руку в кулак и крепко сжала в своих теплых ладонях, словно только теперь убедилась: живой, невредимый.

Полбин дотянулся до куклы, повернул ее лицом к стене.

В приоткрытую дверь, тихонько постучав снаружи, заглянула Лидия Кривонос.

- Мария Николаевна! Иван Семенович! - громким шопотом сказала она. - Пока ребятишки спят, давайте завтракать вместе. Идемте к нам!

Вино разлили по маленьким рюмочкам. Стол был сервирован не без участия Мефодия, уже успевшего надеть пижаму. Искусно вырезанные розочками парниковые огурцы и зеленый лук украшали большое блюдо с мясным салатом, занимавшее центральное место. Кривонос сказал, что лук выращен ими самими.

Разговор за столом несколько раз возвращался к памяти погибших. Но имена Петухова и Васина ни разу не были упомянуты. Полбин решил, что сказать о них можно будет и позднее. Кривонос, которому он говорил о своих учениках в юрте у озера Буир-Нур, думал, что Полбин не упоминает их, как летчиков из другой части, и тоже молчал.

Последний тост произнес Полбин. Он предложил выпить за начало нового этапа в жизни летчиков полка, за успехи в предстоящей боевой и политической учебе.

- Правильно! - поддержал Кривонос. - И за нового командира полка!

Он намекал на возможное назначение Полбина на эту должность. Полбин был временно исполняющим обязанности командира полка со дня гибели Бурмистрова.

- Это как командование посмотрит, - заметил Полбин. - Пока я оставляю в чистом виде то, что сказал...

- Не хочешь? Ну, хорошо.

Так как было условлено, что рюмки опорожняются начисто, наступила минутная тишина. Ее нарушил проникший через две

неплотно прикрытые двери голос:

- Ма-ам! Поди!

Мария Николаевна поперхнулась вином и хотела поставить рюмку, но Полбин удержал ее:

- Нет. Сиди. Что-то рано мой сын начинает командовать...

- Но он же не знает, что отец дома, - шопотом сказала Мария Николаевна.

- В том-то и дело. Допей вино, Манек. Она послушно сделала глоток.

- А теперь я пойду, - Полбин вышел из-за стола.

Лидия Кривонос сказала:

- Иван Семенович выдерживает характер. Будет еще время воспитывать... Неужели не соскучился?

- Я-то знаю, соскучился или нет, - ответил ей муж. - А делает он правильно. Хорошо.

Из комнаты Полбиных донесся радостный детский вскрик, что-то упало, поднялся шум.

Мария Николаевна не выдержала и тоже побежала к себе.

Они вернулись с детьми. Виктор обнимал загорелую шею отца, Людмила была на руках у матери, но тоже тянулась к отцу. Полбин взял ее к себе на колени.

- Что привез? - серьезно спросил Виктор. - Самолет?

- Нет, наоборот, - смеясь, ответил Полбин.

- Что такое наоборот?

- Наоборот, самолет меня привез...

- А-а... Ты прилетел, да?

- Ух ты, догадливый! - расхохотался Полбин, тормоша и целуя сына. - А ты маму тут слушался?

Виктор, сохраняя все то же выражение серьезности, вопросительно взглянул на мать. Она закивала головой: да, да.

- А ты, Людочка?

- Я слушала, слушала, - тоненьким голосом протянула девочка.

- Тогда подождите.

Он опустил Виктора на пол, усадил дочь на стул, вышел из комнаты и вернулся, держа руки за спиной. Виктор тотчас же бросился к нему, но он поднял руки, и Людмила радостно крикнула:

- Мячики!

Виктору достался большой мяч, окрашенный в красный и синий цвет. Людмиле такой же, но совсем маленький. Мальчик особого восторга не проявил.

- А самолет будет? - спросил он.

- Будет.

- Когда?

- Когда вырастешь.

- Долго.

Последнее слово было сказано с серьезностью и интонацией взрослого. Все рассмеялись. Полбин схватил сына за локти и высоко поднял над головой:

- Ах ты, мой чиклет!

- Летчик, - поправил Виктор. - Я уже не маленький.

Полбин поставил его на пол и сам присел на корточки. Ему нравилась деловитость этого шестилетнего мальчугана.

- А что же ты делаешь, если ты большой?

- Я дерусь.

- Как? - Полбин, пряча смех в глазах, сделал вид, что ослышался.

- Дерусь. Я первое место занял по самбо... Смех удержать уже было невозможно. К Полбину присоединился Кривонос. Отдышавшись, он спросил:

- Где же это тебя бороться научили, Витя? На площадке?

- Нет, это я сам научился. Бросаю через это... через бедро. Вадим меня научил. У нас - как только заныл, так вылетаешь из игры. Коляка первый заныл...

Я теперь лучший самбист.

Кривонос продолжал смеяться и охать от удовольствия. Мальчик неодобрительно посмотрел в его сторону и закончил:

- Когда вырасту, одной рукой буду поднимать одиннадцать пудов! Как самый мощный негр!

Полбин взял на руки Людмилу, прижимавшую к груди свой мяч, сел на стул и посмотрел на Марию Николаевну, вопросительно указывая глазами на сына: "Откуда у него это?"

Она развела руками:

- Приятели...

И, в свою очередь, взглянула на мужа, как бы спрашивая: "А ты им доволен?"

Он понял ее и кивнул утвердительно.

- Ребятам надо завтракать, - спохватилась Мария Николаевна. - Пойдем, Ваня.

В своей комнате дети почувствовали себя свободнее, тотчас же были пущены в ход подарки. Брошенный Виктором мяч отскочил от потолка и мягко ударил по краю стоявшей на столе пустой тарелки. Она поднялась на ребро, покружилась и, упав на пол, разлетелась вдребезги. Виктор испуганно замер, потом нырнул за мячом, весьма кстати закатившимся под кровать.

Но его не стали ругать.

- Моя мама сказала бы, что это к счастью. - Мария

Николаевна стала собирать осколки.

- И моя, - поддержал Полбин, помогая ей. Удивленный таким оборотом дела, Виктор решил внести свою лепту.

- Вот еще, - сказал он, протягивая найденный под кроватью кусок фаянса со следами голубой каемки.

Полбин повертел черепок и усмехнулся:

- А тут была коричневая. Интересно... Кажется, в этом доме счастье не переводилось...

Мария Николаевна рассмеялась.

Пока дети завтракали, Полбин просмотрел письма, полученные в его отсутствие. Брат Петр закончил в Ульяновске шоферские курсы и работал на полуторке в Ртищево-Каменке. Приглашал в отпуск, обещал свезти и в Карлинское, и в Майну, куда только пожелают...

Полина Александровна и Николай Григорьевич сообщали о хорошем урожае яблок в Черниговской области и торопили с приездом.

Федор Котлов тоже приглашал к себе. Он учился в Москве, в академии имени Фрунзе. Полбин переписал его адрес в блокнот, лежавший рядом с письменным прибором.

Потом дошла очередь до чемоданчика. "Тактика авиации" Лапчинского и другие книги были водворены на прежние места. Чемоданчик снова улегся в темноте между тумбами письменного стола.

Перебирая книги и тетради, Полбин увидел пачку листов, исписанных почерком жены. На заглавном листе стояло: "Международный юношеский день. Доклад".

- Маня! Твой?

- Мой, - почему-то зардевшись, ответила Мария Николаевна.

- Ну, как прошел?

- Я не знаю. Лидия говорит - хорошо, а мне кажется, что я сбивалась...

- Так это Лидия? Ее инициатива?

- Да.

- Молодец соседка. И ты у меня молодец, вот какой молодец! Горжусь!

Он привлек жену к себе и поцеловал в лоб.

- И я буду доклад-чи-ком, - с трудом выговорил непривычное слово Виктор, кладя ложку. Полбин расхохотался от неожиданности.

- Ты, оказывается, в курсе всех дел, малыш! Полный рот каши, а он туда же - докладчиком. И в кого только пошел такой хвастунишка? И летчик, и певец, и самбист, и оратор...

- Есть в кого пойти, - с лукавой улыбкой сказала Мария

Николаевна, взглянув на мужа.

- Так это я хвастун? - притворно изумился Полбин.

- Может, не совсем так, а поговорить любишь...

- Ну, нет, так не пойдет! - Полбин, продолжая изображать человека, ущемленного в лучших своих чувствах, быстрым движением расставил книги на полке. - Для меня дело прежде всего. Доказываю это немедленно. Где моя фуражка?

- Ты серьезно, Ваня? - перестала улыбаться Мария Николаевна, увидев в его глазах знакомое выражение озабоченности. - Переоделся хотя бы...

- Серьезно, Манек, серьезно... - он с некоторым смущением посмотрел на часы. - Понимаешь, там с одной машиной в воздухе не ладилось. Техники работали, уже должны закончить. Хочу сам проверить, облетать...

Он вышел в переднюю, и оттуда скоро донесся запах гуталина. Мария Николаевна знала, что он сейчас доводит до блеска свои сапоги с мягкими короткими голенищами, которые к вечеру будут покрыты густым слоем серо-зеленой аэродромной пыли.

Надев фуражку и уже стоя в дверях, он сказал:

- Хорошо, Манек, что у тебя тут все благополучно.

Я так боялся все время, как бы кто-нибудь не заболел или еще что...

Обедать, как это часто бывало и раньше, он не пришел.

Спустился вечер. Мария Николаевна вышла на крыльцо и посмотрела в сторону аэродрома. Там было уже тихо. Далеко, на сопках, лежали густые тени. По обсаженной молодыми деревьями дороге с аэродрома группами шли летчики и техники.

В холодном, голубом еще небе слышался гул самолета. Он на большой высоте, его не различает глаз, но по меняющемуся звуку мотора можно определить, что самолет делает фигуры.

Лидия Кривонос тоже вышла на крыльцо, подняла голову, прислушалась.

- Твой, - сказала она. - Просто оглашенный у тебя муженек! Мефодий-то спит...

В ворота аэродрома въехал накрытый брезентом посадочный прожектор. Два летчика с планшетами на длинных ремнях, не дойдя до жилых домов, остановились и, посовещавшись, вернулись на аэродром. Мария Николаевна узнала Ушакова и Пасхина и поняла: пошли помогать командиру в ночной посадке.

Полчаса спустя она увидела, как в яркоголубую полосу света, которая напоминала сноп лучей в темном зале кинотеатра, вошел снижающийся серебряный самолет. Сверкнув крыльями, он исчез в темноте. Моторы еще некоторое время гудели - то громче, то

тише, - потом все стихло, и луч света погас.

Полбин пришел радостный, возбужденный. Он быстро смахнул щеткой пыль с сапог и стал тискать и тормошить ребят.

- Понимаешь, - рассказывал он жене, - я хотел ее проверить по всем пунктам, чтоб потом никто не жаловался: "барахлит, товарищ командир!" Теперь уже барахлить не будет, звоночек, а не машина!

Мария Николаевна слушала с улыбкой: она видела, что его переполняет радость от удачно выполненного дела и что он старается притушить, сдержать эту радость, чтобы - упаси боже! - не услышать упрека в невнимании к семье. Такого упрека не будет, - он это хорошо знает, - но все-таки торопится, не давая жене заговорить:

- Времени немножко нехватило. На земле, вижу, вечер, а мне там, вверху, светло, солнышко еще видно, - такое, что расставаться с ним жалко. Зато завтра все машины готовы летать, все до единой!

Глава IX

В начале ноября, сразу же после праздников, Полбин был вызван в Читу.

Через неделю Марии Николаевне принесли телеграмму.

"Скоро приедет", - подумала она, но, сорвав наклейку с телеграфного бланка, с удивлением прочла:

"Поздравляю высокой наградой, желаю дальнейших успехов, привет Маше, детям. Федор".

Какой Федор? Ах, да, телеграмма из Москвы. Это от Котлова...

Сердце ее забилось. Она вспомнила сказанное мужем в день приезда: "И к правительственной награде представили". Он больше не заговаривал об этом, но каждый раз, как только приносили газеты, прежде всего открывал "Правду" и торопливо пробегал глазами ее страницы.

Значит, он ждал. А сейчас еще ничего не знает. Как ему сообщить? Дать телеграмму в округ? Но что написать? Что Котлов поздравляет с наградой? А с какой? Нет, так нельзя.

Мария Николаевна расправила телеграфный бланк, положила на стол, придавив сверху книжкой, и стала надевать пальто. Она решила сходить в политотдел к Лидии Кривонос, посоветоваться с ней и заодно узнать, нет ли там каких-либо известий. На обратном пути она зайдет к Бурмистровым, заберет своих ребят, которые очень привыкли к шумному семейству, где и у Виктора и у Людмилы есть ровесники.

Едва она подошла к двери, как снаружи раздался стук. Она вздрогнула от неожиданности.

На пороге стояла девушка-письмоносец с кожаной сумкой через плечо и разносной книгой в руках.

- Распишитесь за телеграммы, - сказала она. - Что у вас - именинник кто-нибудь?

- Кажется, - ответила Мария Николаевна, возвращая ей книгу.

- Кажется? - удивленно подняла брови девушка и побежала по ступенькам на следующий этаж.

Телеграмм было две. Одна из Херсона: "Поздравляю орденоносного старшину, горжусь знакомством, дружбой таким соколом. Звонарев"

Не обошелся без шутки и даже, кажется, чуточку завидует. Значит, орден. Какой?

Ответ на все вопросы содержался в другой телеграмме, из Краснодара: "Газетах Указ 17 ноября Ваня награжден орденом Ленина, горячо поздравляю, обнимаю всех родных. Шурик".

Какой хороший, какой славный! Он помнит, что в Забайкалье газеты, даже доставляемые самолетами, приходят с опозданием. Но за какое число сегодняшняя "Правда"? Кажется, было пятнадцатое...

Она торопливо перебрала газеты на этажерке. Да, "Правда" и "Известия" от пятнадцатого. Так куда же сейчас итти: в политотдел или на почту? Или к Бурмистровым - порадовать детей, поделиться с женой Михаила Федоровича?

Она так и не успела решить. На лестничной площадке послышались голоса, шаги, и когда она открыла дверь, в комнату вошла целая толпа людей. Бурмистрова сама привела Виктора и Людмилу и двух своих девочек. За ней переступила порог раскрасневшаяся Лидия Кривонос, потом улыбающийся инструктор политотдела Тиунов, очень молодой еще человек непомерно высокого роста... Пашкин в черной куртке - "технарке" с меховым воротником... Ушаков в расстегнутом летном шлеме; застенчивый, нескладный Файзуллин...

До вечера дверь ни на минуту не закрывалась. А когда визиты прекратились, опять постучалась девушка-письмоносец. Она сказала: "поздравляю вас с именинником", неловко подмигнула, давая понять, что ей тоже все известно, и вручила телеграмму из Читы. Полбин писал:

"Читай "Красную звезду" восемнадцатое. Награжден орденом Ленина, восклицательный знак, Пасхин, Ушаков награждены орденом Красного Знамени, рад безмерно, восклицательный знак, буду двадцать первого". В конце восклицательного знака не было; очевидно, на телеграфе посоветовали их сократить.

Оказалось, Указ Президиума Верховного Совета о награждении за образцовое выполнение боевых заданий

правительства и проявленную при этом доблесть и мужество, датированный семнадцатым ноября, был опубликован в печати на следующий день, восемнадцатого. "Красная звезда" со списком награжденных вышла на двенадцати страницах.

Полбин вернулся из Читы в тот же день, когда были получены московские газеты с Указом.

Он привез также приказ командования о назначениях в полку. Кривонос оказался прав: командиром полка был назначен Полбин. Свою эскадрилью он передавал Виктору Ушакову, фактически командовавшему ею с самого Халхин-Гола, когда Полбин стал замещать Бурмистрова.

Вместе с Полбиным из Читы приехал новый комиссар полка Ларичев, невысокий темноволосый человек с узким бледным лицом, на котором выделялись густые, неожиданно крупные черные брови. Выражение глубоко сидящих светлых глаз часто менялось: взгляд был то очень внимательным, цепким, то вдруг рассеянным, задумчивым, и потому казалось, что он постоянно что-то обдумывает, отвлекаясь только для разговора с окружающими.

Ларичев хотел остановиться в комнате для приезжих, которая была при штабе, но Полбин сказал ему:

- Зачем, Василий Васильевич? Оставайся у меня. Все равно ведь ненадолго, не стеснишь...

Они говорили друг другу "ты", и Мария Николаевна сразу же отметила это, так как с первой минуты знакомства мысленно сравнивала нового комиссара с Ююкиным. Сравнение было пока не в пользу Ларичева, хотя он располагал к себе приветливостью и простотой. Вероятно, новому комиссару недоставало того обаяния молодости, которое было так привлекательно в Ююкине.

В письме, присланном из Читы, Полбин намекал на то, что всему семейству предстоит небольшое путешествие. Он ничего не говорил о сроках, но Мария Николаевна уже знала: скоро нужно будет переезжать к новому месту службы. Она тотчас же занялась подготовкой, начав с того, что у них давно называлось "срезанием нитей вне дома": сдала книги в библиотеку, поторопила портного в ателье, где шились зимние детские пальто, отвезла казенную "прокатную" мебель в квартирно-эксплуатационную часть. После этого можно было приступать к следующему этапу подготовки, который также имел свое специальное название: "ликвидация точки".

Ларичев, узнав об этих бытующих в семье выражениях, рассмеялся:

- Тут есть какая-то аналогия с подготовкой самолета к вылету: сначала снимаются связывающие с землей нити -

швартовы, потом устанавливается чемоданчик, затаскивается внутрь стремянка и задраивается люк.

- Аналогия не совсем точная, - ответила Мария Николаевна, указав на детей: - экипаж самолета - величина целая, без дробей...

Ларичев внимательно посмотрел на нее:

- Вы не учительница по профессии?

- Нет, я медицинский работник.

- Ах, вот как! А я был когда-то учителем математики. Дроби - это мне знакомо...

Разговор шел за вечерним чаем. Полбин с выражением удовольствия взглянул на жену, так непринужденно державшую себя в присутствии гостя, и тут же подумал с усмешкой: "Комиссар заранее кадры подбирает. Теперь ей от докладов не отвертеться".

Мария Николаевна сказала:

- Кажется, авиация для вас тоже не чужое дело, Василий Васильевич. Швартовы, стремянка, люки... Вы летчик?

- Нет, - без тени смущения ответил Ларичев, подвигая к себе стакан с чаем. - Точнее, летчик в прошлом. Я мог бы о себе сказать то же, что, по словам Ивана Семеновича, говорит капитан Бердяев: "Мы все летали понемногу на чем-нибудь и как-нибудь"... Кстати, - повернулся он к Полбину, - я слыхал на одном аэродроме и продолжение этой перефразировки Пушкина: "Так пилотажем, слава богу, у нас не мудрено блеснуть". Это придумал, наверное, какой-нибудь неудавшийся истребитель, отчисленный из школы. Ведь было такое строгое времечко...

- Да, было, - откликнулся Полбин, вспомнив Буловатского, Рубина, партийное собрание в школе.

- Но у меня не обнаружили никакой "скованности движений", - будто прочитав его мысли, сказал Ларичев. - Я дошел до "Эр-первого", вылететь на нем не успел, как меня послали на курсы штабных работников. После их окончания около двух лет занимался оперативно-бумажными делами, а потом перешел на партийную работу. Живое дело, интересное... Верно?

- Верно, - согласился Полбин. - С людьми всегда интересно работать. А я, наоборот, с партийной работы в летчики пошел...

- "Пошел" ведь не значит "ушел", - сузив глаза, взглянул на него Ларичев. - Нельзя уйти от партийной работы. Верно?

- Конечно, нельзя, она всюду. Два года - тридцать пятый и тридцать шестой, - уже в авиации, был парторгом. Вообще глупо говорить - уйти от партийной работы. Это значит от партии уйти. Невозможно!

Мария Николаевна слушала не вмешиваясь.

Она понимала, что хотя командир и комиссар уже говорят

друг другу "ты", у них все еще продолжается взаимное "прощупывание". Комиссар осторожно выясняет общее отношение Полбина к партийной работе. Тот в азарте не замечает собственной резкости: "глупо говорить - уйти..." Да, это у него больное место: и в отряде и в эскадрилье партийная работа у него была поставлена хорошо. Об этом всегда говорили, когда заходила речь о том, что в подразделении Полбина нет аварий и происшествий.

Ларичев, видимо, тоже почувствовал, что Полбину не нравится даже на секунду допущенное предположение о его равнодушии к делам партийной организации. Но он пропустил мимо ушей словечко "глупо", звучавшее по отношению к нему грубовато, и сказал, обращаясь к Марии Николаевне:

- А я все же не совсем сухопутный. Летаю на "У-втором". И, по признанию вашего мужа, техника пилотирования у меня ничего.

- Хорошая, - сказал Полбин. Они в Чите перелетали вместе с аэродрома на аэродром.

- Ну вот. Это для меня оценка, - указывая маленькой рукой на Полбина, проговорил Ларичев, и Мария Николаевна поняла, что комиссар, подчеркивая свое уважение к командиру полка, как к отличному летчику, пока не торопится с признанием и остальных его качеств. Ларичев, видимо, знал себе цену, и его не смущало то, что он, не имеющий ни наград, ни боевых вылетов, назначен в полк, которым командует летчик-орденоносец, сумевший не потерять ни одного самолета своей эскадрильи за все время боев с японцами. Подумав об этом, Мария Николаевна будто невзначай скользнула взглядом по гимнастерке Ларичева. На груди гимнастерка собралась складками, и между ними одиноко лепился парашютный значок с цифрой 10 на подвесочке. Все-таки десять...

- Это у меня еще аэроклубовские, Мария Николаевна, - сказал Ларичев, перехватив ее взгляд. - Сейчас я парашютизмом не увлекаюсь. Вот У-2 освоил, а там думаю и на боевой самолет перебираться... Верно, Иван Семенович?

В Чите Полбин, узнав, что к нему в полк назначен комиссаром человек, не летающий на СБ, был несколько разочарован, но ни при знакомстве с Ларичевым, ни после ничем этого не выказывал. Однако он видел, что Ларичев, в уме и проницательности которого сомневаться не приходилось, об этом догадывается. Сейчас его вопрос можно было истолковать как маленькую хитрость.

Полбин ответил неопределенно:

- Захочешь - всего добиться можно... Ларичев положил ложечку в стакан, жестом остановил Марию Николаевну,

взявшуюся было за чайник, и сказал:

- Дело не только в желании. Может явиться и необходимость.

Полбин вскинул на него глаза Ларичев спокойно встретил его взгляд.

- Некоторые молодые летчики, - с расстановкой произнес он, - сожалеют, что не участвовали в боях на Халхин-Голе. У меня этого чувства нет, и не потому, что я по обывательски готов креститься, - мол, на сей раз мимо меня, - а потому, что знаю: мне еще придется воевать за Родину. - Он сделал паузу, внимательно посмотрел на своих слушателей, словно желая удостоверигься, что они его правильно поймут, и закончил: - Я, например, Гитлеру совершенно не верю.

- Вы думаете, будет война с Германией? - быстро и тревожно спросила Мария Николаевна. - А договор?

Три месяца тому назад, двадцать третьего августа, она развернула номер "Правды" и почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Войны с Германией не будет десять лет!

Ей вспомнился первый год супружеской жизни, год рождения Виктора. Он был счастливым, этот год, но он был омрачен частыми сообщениями газет о разгуле фашизма в Германии, об угрозах Гитлера всему миру, о пушках вместо масла... Отец в письмах из Чернигова только об этом и говорил, требуя от зятя комментариев к сообщениям прессы. Каждый день, просыпаясь, можно было думать о самом светлом и радостном, но вдруг все омрачала мысль о человеке с черной, злобной душой, который швыряет в костер книги Маркса и Гейне и замахивается на спящих детей горящей головешкой... Так прошло шесть лет.

И вдруг этот договор! Спустя три дня после сообщения о нем, двадцать шестого августа, был день рождения Виктора. В степях Монголии шла война, его отец находился там, но Мария Николаевна была уверена, что эта война очень скоро кончится. А потом десять лет мира и спокойствия! Виктору будет шестнадцать лет...

Сейчас было страшно подумать, что договор может быть нарушен; Мария Николаевна нетерпеливо, с бьющимся сердцем, ждала ответа Ларичева.

Комиссар медлил; выражение его глаз менялось; потом он сказал с задумчивой улыбкой:

- Я не делаю никаких прогнозов на ближайшее будущее. Повторяю, Гитлеру не верю также, как не верите вы, ваш муж и, должно быть, еще очень многие люди...

- В честность фашиста трудно поверить, - сказал Полбин.

- Другая беда в том, - продолжал Ларичев, - что фашист, оказывается, не один. Видимо, не случайно англичане и

французы не захотели с нами договор о взаимопомощи заключить. Есть еще кто-то, кому интересно, чтобы мы побольше крови потеряли. Вот и эта подозрительная возня у северных границ, около Ленинграда...

- Надо бы нам все-таки несколько спокойных лет, - сказала Мария Николаевна. - Хоть бы дети выросли...

- Мое желание совпадает с вашим, Мария Николаевна, - сказал Ларичев. - У меня две девочки, одна в возрасте вашего старшего, другая на год младше...

- Где они? - спросила Мария Николаевна, охотно уходя от разговора о войне. - Ваша семья в Чите?

- Нет, далеко. Даже очень далеко. В Ленинграде.

- Почему?

- Жена поехала погостить к моим родным. И заодно перевезет оттуда библиотеку. Решил забрать свои книги. До сих пор не трогал, а сейчас решил...

- Много книг? - спросил Полбин.

- Около трех тысяч томов.

- Ого! - не скрывая восхищения, усмехнулся Полбин. - Я избачом был когда-то, так у меня и тысячи не набиралось...

- Я со студенческих лет коплю. И теперь по количеству книг вижу, что студентом был давно.

В передней щелкнул замок, потом раздался голос:

- Ужинать не будем? Чайку попьем? Ну, хорошо.

- Кривоносы из кино пришли, - сказала Мария Николаевна.

- Не пора ли и нам, Василий Васильевич? - сказал Полбин. - Завтра дел много.

- Я думаю, пора.

Ларичеву постелили в комнате, которая служила и столовой и детской. Теперь в ней стоял только диван, небольшой стол на изогнутых точеных ножках и два стула. Детские кровати, игрушки были вынесены, остался только велосипед, на руле которого, зацепившись юбкой, висела кукла с растопыренными руками. Снятые с окон гардины, свернутые, как паруса, лежали на объемистом чемодане.

Подготовка к "ликвидации точки" шла неуклонно и быстро.

Глава X

Перелет полка на новый аэродром был отмечен неприятным событием. На языке военных донесений, которые потекли во все высшие инстанции, это событие именовалось коротким и пугающим, как название неизвестной болезни, словечком "че-пэ".

Виновниками чрезвычайного происшествия оказались лейтенант Илья Пресняк и техник самолета Искандер Файзуллин.

Полк взлетал поэскадрильно. В эскадрилье Ушакова самолет

Пресняка был левым ведомым третьего звена, и потому он шел последним, замыкающим.

Полбин и Ларичев находились на старте. Когда самолет Пресняка, подняв хвост, стремительно помчался по взлетно-посадочной полосе, догоняя уже ушедших в воздух товарищей, Ларичев одобрительно произнес:

- Эти все хорошо, ничего не скажешь!

Полбин не ответил. Сжав губы, рывками поворачивая голову, он следил за бежавшим по плитам бетонки самолетом. Вдруг он услышал громкий крик на стоянке, откуда только что выруливал Пресняк. К старту, размахивая руками, со всех ног мчался Файзуллин, как будто он не успел что-то сказать своему летчику и теперь в отчаянии спешил исправить забывчивость. Полбин увидел его уголком глаза и тотчас же понял, что на самолете не все благополучно, сейчас может случиться непоправимое...

И это произошло. Оторвавшись от земли, самолет Пресняка, вместо того чтобы начать плавное выдерживание на небольшой высоте, круто взмыл, свечой поднялся к небу на десяток-другой метров, затем медленно, как бы раздумывая, перевалился на нос и плашмя упал на черную землю в конце полосы. Моторы смолкли.

- Струбцины! - в страшном гневе крикнул Полбин, срываясь с места. Струбцины забыли, проклятые!

Ларичев побежал за ним. С других стоянок тоже стекались люди. По камням бетонки, издавая тревожные гудки, помчалась санитарная машина.

Ларичев на бегу думал о том, верна ли догадка Полбина. Да, возможно, забыли снять струбцины - деревянные зажимы, которыми на время стоянки самолета закрепляются элероны, руль поворота и рули глубины, чтобы их не расшатывал ветер. Судя по тому, как самолет свечой полез вверх, не были сняты зажимы с руля глубины.

Санитарка обогнала всех, но никто не бросился доставать носилки. Дежурный врач в белом халате вышел из машины и, стоя у самолета, разговаривал с кем-то из экипажа. Значит, люди целы.

Самолет сильно наклонился на левую плоскость, точно припал на одно колено. Консольная часть крыла с красной лампочкой почти касалась земли. Левая нога шасси укоротилась, войдя в глубь фюзеляжа. На стабилизаторе трепетали от ветра красные лоскутки, прикрепленные к зажимам. Так и есть...

Полбин, увидев, что экипаж невредим, - все трое в виноватых позах стояли под торчавшей вверх правой плоскостью, - подбежал к стабилизатору, снял один зажим и с угрожающим видом

подошел к Пресняку.

- Это что? - спросил он, потрясая деревянными колодками с красным лоскутком. - Это что, я спрашиваю! Ну?

Пресняк, его штурман Чекин и стрелок-радист Шабалов молчали. У Шабалова на бледном лице мелко, словно от холода, вздрагивали губы, он покусывал их.

Подбежал запыхавшийся Файзуллин. Черный клок волос выбился из-под шапки и прилип к потному лбу. В руках у него было три зажима, снятых перед выпуском самолета с элеронов и руля поворота. Не произнося ни слова, Файзуллин растерянно протягивал зажимы Полбину.

- Что ты мне суешь? - еще больше разъярился тот. - В бирюльки со мной играть собираешься? Где раньше глаза были, техник?!

Файзуллин беззвучно пошевелил губами. Все молчали, гнетущая тишина стояла на земле. Только в воздухе ровно гудели самолеты. Эскадрилья Ушакова, встав в круг, ходила над аэродромом.

Полбин отыскал глазами Бердяева, коротко бросил:

- Передайте: лететь своим курсом.

- Есть! - ответил Бердяев и удалился с такой поспешностью, точно главное для него было уйти поскорее от этого печального места, где лишь по счастливой случайности не разыгралась трагедия с человеческими жертвами.

Полбин проводил его недолгим взглядом. Опять посмотрел на небо, поднял руку, словно собираясь махнуть Ушакову, но опустил ее. Краска гнева стала медленно сходить с его лица. Он распахнул комбинезон на груди, словно желая дать выход скопившемуся раздражению. Ларичев внимательно смотрел на него, наблюдая, как командир полка берет себя в руки.

- Лейтенант Пресняк, - сказал Полбин уже другим голосом, - докладывайте...

Пресняк поднял голову, еще сильнее вытянулся.

- Техник Файзуллин не виноват... - начал он.

- Я сам разберусь, кто виноват! - резко оборвал его Полбин. Докладывайте, почему разложили машину!

Пресняк впервые посмотрел ему в глаза и не отвел их под суровым, пронизывающим взглядом.

- Значит, так... Когда техник снял зажимы с элеронов и вертикального руля, я позвал его... Заедали шторки маслорадиаторов, не прикрывались из кабины. Файзуллин сказал: "сейчас", я на него прикрикнул. Он устранил заедание. Я запустил моторы. Вижу, "двойка" уже взлетает, опаздываю. Приказал технику убрать колодки из-под колес и с места дал газ...

- А рулевое управление вы опробовали?

- Шуранул разок. Элероны работали, из кабины видно, педали в порядке...

- В порядке! А на разбеге вы чем хвост поднимали? Ногами?

Ларичев как раз думал о том, что на разбеге Пресняк должен был почувствовать заклинение рулей глубины, так как хвост поднимается именно с их помощью. Штурвал, меняющий положение рулей, не мог иметь свободного хода вперед.

Пресняк ответил:

- Я не обратил внимания, что штурвал шел туговато. Думал, смазка тросов застыла.

- Так. Ясно, - жестким, отчужденным голосом сказал Полбин и принял положение "смирно". - Лейтенант Пресняк!..

Все замерли, каждый в том положении, в каком был настигнут словами командира.

Вина лейтенанта, нарушившего правила наставления по производству полетов, была ясна. Можно было бы оправдать кое-какие его промахи, можно сделать скидку на молодость и горячность, учесть, что самолет поврежден незначительно, а экипаж здоров, хотя могло кончиться хуже... Но никому не дано вмешиваться в дела командира, человека, который поставлен государством и обладает установленной государством мерой власти над людьми. Он один здесь закон и судья, и будет так, как он окажет.

Так думали, наверное, все, ожидая приговора. Ларичев поглядывал на желваки, ходившие под смуглой кожей на щеках Полбина, и размышлял: достаточно ли остыл командир после первой вспышки, чтобы трезво, с ясным умом оценить положение и объявить взыскание, которое точно определило бы вину Пресняка, было бы воспринято им как вполне заслуженное и в то же время не вызвало бы потом никаких толков и пересудов, что вот-де "командир вмазал на всю железку, пережал" или, наоборот, "не дожал, надо было бы покрепче".

Очень нелегкое дело - вершить суд над людьми, которых ты обязан учить, выравнивать, делать точными и послушными, а в бою быть уверенным, что они пойдут за тобой потому, что их храбрость - это храбрость сознательная, а не внушенная палкой.

Полбин в продолжение всей беседы с Пресняком тоже думал о том, сумеет ли он сдержаться, чтобы сгоряча не влепить сверх меры и не обесценить таким образом взыскание, не выстрелить вхолостую. Раздражение и злость еще кипели в нем, сдавленные напряженным усилием воли. За восемь лет его летной практики это была первая авария, происшедшая по вине человека, за действия которого он, командир, отвечает, как за свои

собственные. Авария в подразделении орденоносца, который всегда был на лучшем счету, да еще в самом начале новой работы в качестве командира полка... Оставить без последствий до окончательного выяснения всех обстоятельств? Но какое еще нужно выяснение? Самолет лежит на боку, раньше чем за двое суток его не восстановить. Боевая единица, оружие приведено в негодность, воевать с ним нельзя. Это понимают и сам Пресняк и все, кто стоит здесь, кому важно запомнить на всю жизнь, что оружие надо беречь пуще собственного глаза.

Полбин видел, как Пресняк, услышав свою фамилию, вздрогнул. Он смотрел в лицо командира не мигая.

Пауза длилась секунду.

- Объявляю вам десять суток домашнего ареста! - громко, чтобы все слышали, сказал Полбин. - От полетов вы отстранены!

- Есть! - так же громко ответил Пресняк и, не стесняясь ничьим присутствием, шумно и горестно вздохнул.

Наказание было строгое, очень строгое, но никто не мог сказать: незаслуженное. И, кажется, первый понял это Пресняк.

Все опять зашевелились, заговорили вполголоса. Заработал мотор санитарки, она стала отъезжать.

- На свои места! - приказал Полбин собравшимся и обратился к Ларичеву: Давай посмотрим, комиссар.

От колеса самолета отошел инженер полка Воронин с записной книжкой в руках. На его полном, розовом от ноябрьского холода лице топорщились тщательно подстриженные черные усики.

- Левую стойку шасси надо менять, товарищ майор, - заговорил он крепким баском. - На консоли содран кусок обшивки, наложим латку и... вот, собственно говоря, все...

- А костыль проверили? - спросил Ларичев.

- В порядке, - ответил Воронин. - Удар пришелся в основном на шасси, хвост не пострадал. Пресняк, надо отдать справедливость, успел элеронами выравнять машину.

- Успел... - недовольно заметил Полбин. - Что толку-то? Вот если бы он успел перед взлетом струбцины снять. А узлы выдержали?

- Это потребует дополнительной небольшой проверки. Сейчас мы с техником, Воронин оглянулся на стоявшего поодаль Файзуллина, - эту проверку произведем.

- Составить акт и дать мне на утверждение, - приказал Полбин, хотя это было само собой разумеющимся. - Сколько времени нужно для ввода в строй?

Воронин задумался на минуту, заглянул в книжку, которую продолжал держать раскрытой.

- Двое суток.

- Сутки. Ясно?

- Я не уверен, что на базе есть запасные стойки. Все зависит от этого, короче говоря...

- Надо быть уверенным, Семен Филиппович, - уже мягче сказал Полбин. Короче говоря, даю вам сутки. Файзуллин!

- Я! - техник подбежал и остановился, не зная, как занять положение "смирно" с зажимами в руках, потом бросил их на землю.

- Файзуллин, хватит суток? Стойку достанете?

- Я ее на плечах пешком принесу, товарищ майор, - ответил техник.

- Ну вот, - Полбин бросил быстрый взгляд на Воронина. - Помогай инженер-капитану.

- Будет исполнено, - сказал Воронин, закрывая книжку и пряча ее в карман молескиновой куртки.

От дальнего ангара отошел трактор. Он должен был отбуксировать самолет на стоянку.

Следующей взлетала эскадрилья Кривоноса.

Полбин с Ларичевым на борту, устроившимся в боевом отсеке вместе со стрелком-радистом, улетел последним.

Он предлагал комиссару ехать двумя днями позднее с эшелоном, в котором отправлялись семьи летного и технического состава, но Ларичев сказал:

- Я, Иван Семеныч, комиссар авиационного полка, а не уполномоченный по перевозке движимого и недвижимого имущества... Извини, шутка грубоватая, но там у меня все обеспечено, силы расставлены. А мое дело быть с летчиками. Габаритами я невелик, в хвосте твоей машины свободно умещусь...

Полбин не стал возражать. Комиссар был прав. Путешествие по железной дороге заняло бы несколько суток. Между тем полк уже весь, кроме одного экипажа, сосредоточился на новом месте базирования. Случай с Пресняком взбудоражил летчиков, взысканием, объявленным виновнику "че-пэ", дело не кончилось. Предстояло провести еще немалую воспитательную работу. Конечно, комиссару с первых дней нужно быть на своем посту, на командном пункте.

Все это Полбин отлично понимал и до того, как сделал свое предложение Ларичеву. Но ему, во-первых, не хотелось, чтобы комиссар подумал, что он боится остаться на несколько дней без него, как без няньки, а во-вторых, было желание проверить, как Ларичев сам решит эту задачу, правильно ли он определит свое место в сложившейся обстановке.

Полбин ничем не выдал своего удовольствия, услыхав ответ политического руководителя полка. Но чувство настороженности по отношению к нему исчезло. Он окончательно уверовал в то, что ему попался надежный, умный помощник, умеющий самостоятельно оценивать вещи и явления. А самостоятельных людей Полбин любил.

Глава XI

- Ты напрасно считаешь, Семеныч, что Пресняк виноват на девяносто процентов, а Файзуллин только на десять, - говорил Ларичев через неделю после того, как полк разместился на новых квартирах. - Объективно ты даже этого не признал, ибо взыскание наложено только на летчика, а техник отделался испугом да внушением.

Они сидели после дневных полетов в крохотной комнате, которую почти целиком занимал письменный стол с двумя стеклянными чернильницами и моделью СБ на тонком металлическом стержне.

- Я вообще не занимался тут математикой: кто больше, а кто меньше, возразил Полбин. - Я считал и считаю, что в таких

случаях всегда виноват командир. Файзуллин подчинен Пресняку как командиру экипажа? Подчинен. Значит, весь спрос с командира. Он должен думать, когда отдает приказания.

- Да, но тут весь вопрос в том, какое это подчинение, - не уступал Ларичев. - Оно в данном случае оперативное, а не прямое, ибо Файзуллин не борттехник, он не летает на машине, которую готовит. Значит, безоговорочно включать его в состав экипажа нельзя. Это во-первых... Погоди, погоди, Семеныч, дай закончить, - сказал он, видя, что Полбин нетерпеливо поднял руку с зажатым карандашом. - Во-вторых, у Файзуллина есть свои технические инструкции, есть строго очерченный круг обязанностей, которые он должен неукоснительно исполнять. Он лицо ответственное, понимаешь? Ответственное, значительно повторил он, подняв на уровень лица дымящуюся папиросу.

- Понимаю, - сказал Полбин, взяв карандаш обеими руками и осторожно пробуя его на излом. - Но посуди сам... Я объективно, как ты говоришь, не виноват в оплошности Пресняка, но командир дивизии мне за это всыпал. Почему? Потому, что я его выпускал в полет и не проверил как следует... Потому, что я его командир.

- Да и Ушаков его командир...

- Ну что ж! И Ушаков получил строгача... Ларичев улыбнулся своей мягкой, спокойной улыбкой. Эта улыбка нравилась Полбину, а иногда раздражала его: было в ней что-то от снисходительности преподавателя, который терпеливо разъясняет ученику простую задачу, а тот не понимает, и учитель подбадривает его.

- Мне, кажется, Семеныч, ты путаешь разные вещи. Я отлично отдаю себе отчет в том, что такое командир в нашей армии. Верно, главный спрос с командира, он отец подчиненных. Но вот я приведу тебе такое сравнение. Командир базы, обслуживающий тебя в техническом отношении, может в фронтовых условиях войти в твое оперативное подчинение. Он доставит тебе, скажем, некондиционное горючее, сорвет вылет. Кто за это отвечает? Ты?

Я и...

- Вот именно ты и... Я даже думаю, что с этого "и", то-есть с командира базы, спросят не меньше, чем с тебя. Потому, что у него свой круг обязанностей, которые он должен неукоснительно исполнять. Как и Файзуллин в нашем случае...

Ларичев докурил папиросу, старательно притушил ее в стоявшем на столе белом металлическом цилиндре с двумя круглыми боковыми отверстиями. Это был поршень мотора, служивший пепельницей. Полбин высыпал окурки в пустую корзину для бумаг, разогнал рукой дым, слоистыми облаками

стоявший в комнате, и открыл форточку. Оттуда потянуло морозным воздухом, ворвался шум с аэродрома.

- Никак не привыкну к этому забайкальскому снегу, - сказал он. - Не снег, а пудра какая-то....

Ларичев видел, что Полбин произнес эту фразу лишь для того, чтобы успокоиться, удержаться от резкости, и промолчал. "Самолюбив, ох, как самолюбив", - подумал он.

Полбин постоял у форточки, прикрыл ее и вернулся на свое место. Положив руки на подлокотники кресла, он слегка наклонился вперед и медленно, растягивая слова, произнес:

- Значит, ты считаешь, Василий Васильевич, что я прошляпил с Файзуллиным?.. Надо было взыскание поделить поровну, так, что ли?

Ларичев ответил без улыбки:

- Опять нет. Файзуллин прочувствовал и пережил происшествие без всякого взыскания. Я видел, как он работал по восстановлению, и уверен, что он больше ни этой, ни других ошибок не допустит.

- Так в чем же дело?

- Дело в том, что это Файзуллин - честный, трудолюбивый человек. А другой на его месте, растяпа, если ему спустить ошибку, будет прятаться за спину командира экипажа: "Я, дескать, приказание выполнял"...

Ларичев приложил руку к виску и очень смешно показал воображаемого растяпу.

- Кто же это будет прятаться? Пашкин, что ли?

- Ну, что ты, Пашкин! Глупистика, - улыбнулся Ларичев. - Я о принципе толкую. Нельзя прощать техническому составу ошибки и промахи в техническом хозяйстве. Делать это - значит, допускать обезличку.

- Чего? Обезличку?

В дверь осторожно постучали. Так всегда стучался Бердяев.

- Да, - сказал Полбин.

Бердяев вошел с папкой подмышкой и остановился так, чтобы одновременно видеть и командира и комиссара.

- Бумаги на подпись, товарищ майор.

- Давай.

Полбин резким движением развязал тесемки на папке.

- Что тут?

- Это сведения о количестве боевых вылетов на Халхин-Голе. Персональные. Округ требует. - Бердяев, листая бумаги, тянулся к Полбину через весь стол, неудобно согнув спину. - Это плановая таблица полетов на завтра. Далее материалы комиссии по расследованию обстоятельств "че-пэ"...

- Ладно, - сказал Полбин, проверяя, хорошо ли очинен красно-синий карандаш. - А что, налет в часах не требуется? Здесь не проставлено.

- Нет, не требуется.

- А сколько я, например, налетал за время боев?

- Пятьдесят семь часов...

- А Ушаков?

- Пятьдесят три.

- Кривонос?

- Сорок девять часов тридцать четыре минуты.

- Почему так точно - до минуты? - удивился Полбин.

- Он сам подсчитывал и просил так записать...

- А-а... Ну, что еще? - Полбин быстро подписал бумаги и протянул папку Бердяеву.

- Разрешите итти? - ответил тот вопросом и уже сделал резкое движение плечом, чтобы круто повернуться на каблуках.

- Минутку, товарищ капитан, - поднял руку Ларичев. - У вас в штабе все извещены, что собрание перенесено на другое время?

- Да. На восемнадцать часов.

- Хорошо. У меня к вам нет больше вопросов. Бердяев пристукнул каблуками и вышел.

- За что ты недолюбливаешь начальника штаба? - спросил Ларичев.

- Почему ты решил? - покосился на него Полбин.

- Да так, вижу.

- Не знаю. Сухарь он.

- А еще что?

- Служака.

- А еще?

- Да что ты ко мне привязался, Василий Васильевич? - проговорил Полбин, не зная, сердиться ему или обратить этот разговор в шутку. - Ведь не скажу я тебе, что не люблю Бердяева за его исполнительность, точность в работе, за эту, как ее... феноменальную память на числа, на людей! Просто не по душе он мне, как человек, вот и все. А как работника я его уважаю...

За окном сгущались сумерки. Солнце уже скрылось где-то за сопками, стекла стали зелеными. Лампочка на шнуре под потолком вспыхнула, опять погасла, некоторое время был виден только красный кружок нити накала, потом он стал постепенно желтеть, и, наконец, ровный свет наполнил комнату. Заработала электростанция.

Ларичев посмотрел на часы. Закурив папиросу, он облокотился на край стола и спросил, глядя в лицо Полбину:

- А скажи, как к нему относился Бурмистров?

- К Бердяеву? Не любил.

- Почему?

- Ну вот, опять. - Полбин подумал. - Видимо, за то, что он не летчик.

- Может быть, он и тебе поэтому не нравится?

- Не думал, возможно. Ларичев убрал локоть со стола.

- Ты знаешь, что я тебе скажу, Иван Семеныч, - проговорил он, и Полбин, услышав полностью свое имя и отчество (с недавних пор комиссар называл его коротким дружеским "Семеныч"), понял, что Ларичев собирается сделать какие-то принципиальные выводы из всей их наполовину деловой, наполовину товарищеской беседы. - Мне кажется, что в этой нелюбви к тем, кто не летает, заложена нехорошая тенденция. Она может развиться и в зазнайство, и в самоуспокоенность, и в другие грехи, против которых нас предостерегает партия. Я говорю сейчас не только о тебе, - ты слушай и, пожалуйста, не перебивай, ничего оскорбительного ты не услышишь, - я собираюсь говорить о той общей атмосфере, которая царит в полку. Опасного пока ничего нет, но разговоры такого рода возможны и, наверное, ведутся: "Мы-де халхингольцы, мы воевали... у нас командир - орденоносец, орел, один из лучших летчиков Забайкалья, нам..." и так далее. Я беседовал с Пресняком, с некоторыми другими и почувствовал этот душок, хотя никто прямо не говорил тех слов, которые я привожу...

Полбин, опершись грудью о стол, сцепив пальцы рук, внимательно и серьезно смотрел на Ларичева.

- И вот я, отыскивая причины аварии, подумал: не в этом ли дело? Ведь все зависит от людей, ни одна заклепка из обшивки сама не выпадет, если человек ее хорошо закрепит. Илья Пресняк летчик хороший, но молод еще, как говорят бойкие ленинградские девушки, "молод до неприличия"... Ему успехи в боях могли вскружить голову, уже одно сознание того, что голова эта цела, могло вскружить...

- Я ему там трепки давал, - сказал Полбин.

- Вот видишь, пришлось уже там давать. А здесь он решил, должно быть: на фронте не в таких условиях работали... техник, долой колодки из-под колес, взлетаю! А струбцинки-то остались... И самолет наземь, и позор на все Забайкалье...

- Ты мне о позоре лучше не напоминай, Василий Васильевич, - сверкнув глазами и сжав переплетенные пальцы так, что побелели суставы, сказал Полбин. - Это мой позор, и я Пресняка съесть был готов.

- Нет. Это наш общий позор. И виноват не один Пресняк, а все мы, раз допустили самоуспокоенность. А сейчас, когда будем

прорабатывать на собрании Пресняка и Файзуллина - слышишь, обоих вместе, - надо будет всему народу хорошенько объяснить, в чем беда и как ее избежать в дальнейшем. Согласен?

- С разумными вещами всегда стараюсь соглашаться, - чистосердечно сказал Полбин. - Ведь у нас интересы-то общие, а, комиссар? Дело - одно?

- Конечно.

- Стало быть, линию выработали. Ну и начадил ты мне тут своими папиросами. Давай открою форточку и пойдем. Пора уже.

Собрание закончилось только в двенадцатом часу ночи. Было оно очень бурным. Споры то разгорались, то утихали, но когда приняли резолюцию, Полбин и Ларичев удовлетворенно посмотрели друг на друга. "Линия" была проведена и не могла не дать результатов, которые от нее ожидались.

Собрание проходило в клубе, на втором этаже, в угловой комнате, которая называлась "малым залом". Едва председательствовавший Пасхин объявил, что повестка дня исчерпана, как открылась дверь и на пороге показался политрук Югов, начальник клуба, с толстой пачкой газет подмышкой.

- Свежие? С самолета? - послышались голоса. - Сообщение ТАСС есть?

- Есть, есть. И сообщение и нота, - ответил Югов, торопливо вкладывая газеты в протянувшиеся со всех сторон руки. - Не рвите, товарищи, всем достанется. Только потом вернуть!

Пресняк первый раскрыл номер "Правды" на второй странице и, встав на скамью, начал громко читать:

- "Наглая провокация финляндской военщины. Ленинград, двадцать шестого ноября. ТАСС. По сообщению штаба Ленинградского округа, двадцать шестого ноября в пятнадцать часов сорок пять минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов..."

Это сообщение третьего дня передавалось по радио. Пасхин взглянул на черный круг репродуктора, стоявшего на тумбочке в углу.

- Товарищи! - сказал он, шагнув к тумбочке. - Может, радио включить?

- Поздно уже, - возразил Николаев, его штурман. - Сейчас по московскому времени...

Но Пасхин уже включил штепсель в фарфоровую розетку. Шорох, треск разрядов, а потом все услышали голос Молотова:

"Граждане и гражданки Советского Союза!

Враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего

правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности..."

Пресняк, держа развернутым газетный лист, медленно опустился на спинку скамьи. Шелест газет разом прекратился. В тишине отчетливо были слышны слова из далекой Москвы:

"...Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом..."

Пока Молотов говорил, те, кто стоял или сидел поодаль, неслышными шагами стягивались к репродуктору, поднимаясь на носки, балансируя руками, стараясь не скрипнуть половицей. Казалось, по комнате двигались тени. Тишина стояла еще несколько мгновений после того, как речь была прослушана до конца, будто каждый ждал: кто же нарушит молчание первым.

Заговорил Полбин.

- Понятно, товарищи? - спросил он. Ему никто не ответил, но он по выражению лиц видел, что всем ясно, что он имеет в виду. А он этим вопросом устанавливал живую связь между только что выслушанной речью и тем, что говорилось на собрании о боевой готовности полка, о сбережении оружия, об упорном совершенствовании как главной задаче каждого летчика и техника на завтра, на послезавтра, на все дни и часы... Не делая никакой паузы, Полбин указал рукой на черные, посеребренные морозом стекла большого окна:

- Вон там стоят наши боевые машины. Нам отсюда стартовать, если прикажут. Три года назад на Читинском аэродроме мне пришлось видеть Чкалова. Он сказал тогда, что мы, летчики Советского Союза, должны постоянно держать порох сухим. На Халхин-Голе мы с вами воевали в июльскую жару. Сейчас ноябрьский холод. Может, враги рассчитывают, что наш порох отсырел? В таком случае, наше первое дело - показать им, что порох у нас всегда сухой...

Он говорил отрывисто, энергично, твердо заканчивая каждую фразу. Ларичев смотрел на его сведенные к переносице, круто изломанные брови и думал, что Полбин в такую минуту правильно выбрал торжественный тон. Он обращался к летчикам как сильный, уверенный в себе вожак.

"С таким командиром можно воевать", - подвел итог своим

размышлениям Ларичев.

Стали расходиться. Полбин и Ларичев пошли вместе.

Им дали квартиры в большом доме недалеко от аэродрома, в одном подъезде, двери были через площадку.

- Завтра проведем беседы в эскадрильях, - сказал Ларичев по дороге. - Надо объяснить людям, почему правительство Таннера отказалось от мирного разрешения вопроса. Ты понимаешь - почему?

- Думаю, что да, - ответил Полбин, замедляя шаг, чтобы Ларичеву было легче поспевать за ним. - Дело ведь не в самой Финляндии, а... во всей международной реакции. Таннеру в руки уже сейчас, наверное, текут американские доллары. А наши И-16, видимо, встретятся в воздухе с английскими истребителями и другими всякими "добровольцами". А ты как думаешь: нам туда не придется?

- Думаю нет. Есть кому без нас... На площадке, доставая ключи от своей пустой еще квартиры, Ларичев сказал:

- Видишь, как получается... Когда я в октябре уезжал сюда из Ленинграда, жена беспокоилась: вот, мол, в самую накаленную атмосферу попадешь. А сейчас все обернулось по-иному - она ближе к огню находится. В сложное время мы живем...

Глава XII

начало

Не сразу у Полбина пошли на лад дела в полку. С самого начала жизни в авиации, постепенно восходя по служебной лестнице, он привык к тому, что у него "все получалось". Были, конечно, трудности, но они сравнительно быстро преодолевались и оставались позади.

В школе летчиков он считался лучшим инструктором, первым получил назначение на должность командира звена учебных самолетов. Как лучший командир тяжелого корабля ТБ-3, он, спустя три года после освоения этой машины, получил под свое командование отряд тяжелых бомбардировщиков - четыре самолета-гиганта и несколько десятков человек. Свою эскадрилью скоростных бомбардировщиков, принятую в год смерти Чкалова, он очень скоро вывел в передовые. Никто лучше него не летал на СБ, в ночных полетах на этой быстрокрылой машине он считался виртуозом. Его летчики отлично бомбили, отлично ориентировались на маршруте и отлично выдержали экзамен на зрелость в боях с японскими захватчиками.

Поэтому, принимая командование над полком, он считал, что совершает естественное восхождение на новую ступень, до которой вполне дорос, и не находил в себе червяка сомнения: а справлюсь ли? Когда ему при назначении задали этот вопрос, он

твердо ответил:

"До сих пор всегда справлялся."

Конечно, он справлялся со своими обязанностями и сейчас, в новой нелегкой роли. Но тяжесть забот, которые легли на плечи, сразу дала себя чувствовать. Он "поднажимал", затрачивал больше энергии, чем делал это раньше, и думал, что трудны только первые шаги, что через небольшой промежуток времени наступит облегчение и он пойдет, как человек, освоившийся с ношей, дыша размеренно и свободно. Иногда ему казалось, что это ровное дыхание уже пришло, но неожиданно снова возникали вопросы и задачи, требовавшие напряжения всех сил, как при восхождении на вставшую на пути крутую гору...

Полк был отдельной частью, сложным хозяйством. Все, что касалось летной подготовки экипажей, не доставляло особенных хлопот. Здесь выросли только масштабы, а существо осталось прежним. Но выявилось множество других дел, начиная от частых споров с командиром базы - подразделения, обеспечивавшего полк в инженерно-техническом и материальном отношении, - и кончая планированием ежедневных занятий для летчиков и штурманов, для техников и мотористов, для всех, кто числился в списках полка и обязан был учиться своему делу.

У командира полка были помощники в каждой основной отрасли работы. Во взаимоотношения с командиром базы он вступал через посредство инженер-капитана Воронина, который следил за своевременной доставкой горючего, смазочных масел, учебных бомб, патронов, дюралюминия, заклепок, шплинтов и аэролака для ремонтных работ. Учебной частью ведал начальник штаба Бердяев, составлявший плановые таблицы полетов, расписания занятий по марксистско-ленинской подготовке, по бомбардировочному делу, воздушной стрельбе, аэронавигации, тактике...

Но Полбин полагался на помощников лишь тогда, когда был уверен, что в состоянии разобраться в деталях работы каждого из них, уверен, что он сам может быстро и точно исполнить все то, чего требует от них по своему положению и по необходимости, диктуемой делом.

Такой уверенности иногда не было. И на первых порах, работая на новой должности, Полбин то и дело замечал себе: "С этим я знаком мало. Надо будет подзаняться".

Он давно приучил себя к постоянным занятиям. Обложки книг и тетрадей на его рабочем столе не выгорали от солнца и не пылились от нечастого к ним прикосновения. Но тут нужны были занятия систематические, углубленные, в результате которых он опять обрел бы привычную твердую почву под ногами, что так

необходимо для командования людьми.

Квартира, которую он занимал с семьей, состояла из трех комнат. Одну из них он приспособил для работы в ночное время и долгие часы проводил за книгами, все чаще обращаясь к мысли об академии. Котлов, по своему обыкновению, писал редко, но с неизменной настойчивостью советовал Полбину приехать в Москву, и если не поступить в стационар, то хотя бы стать слушателем заочного отделения.

Пока в газетах появлялись сводки штаба Ленинградского округа о ходе боевых действий, вспоминать о предложении Котлова приходилось редко. Но вот тринадцатого марта радио возвестило победу Красной Армии. Военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекратились в этот день, в двенадцать часов по ленинградскому времени.

В штабном хозяйстве неутомимого Бердяева появились новые расчеты: планирование отпусков для личного состава.

Полбин не мог уйти в отпуск летом, в самый разгар летной работы, когда в течение всего светлого времени суток жизнь на аэродроме била ключом. Ехать осенью со всей семьей было сложно. Поэтому решили, что Мария Николаевна с детьми проведет лето в Забайкалье, а Полбин, как только позволят обстоятельства, поедет в Москву один.

Вместе с женой Ларичева, Татьяной Сергеевной, молодой энергичной женщиной, которая приехала в январе, Мария Николаевна поселилась на "даче" - в небольшом деревянном домике на берегу реки Читы. Здесь они провели все летние месяцы.

В середине сентября, когда по утрам уже надо было надевать шинель, Полбин уложил "нормальный" чемодан, отличавшийся от "командировочного" большим размером, и сел в поезд.

В Москву он приехал под вечер. В нагрудном кармане его гимнастерки лежало одно из писем Котлова с подробным маршрутом движения от вокзала до квартиры Федора, которая находилась в пригородной черте, недалеко от Тушинского аэродрома.

Никого не расспрашивая - отчасти из нелюбви к расспросам, отчасти из желания проверить свою способность ориентироваться в большом городе, - Полбин через час уже подходил к группе трехэтажных каменных домов, ровными рядами стоявших на невысоком бугре.

Однообразием своей архитектуры эти дома резко отличались от деревянных, украшенных резьбой дачных домиков, которые были рассыпаны в сосновом бору по обеим сторонам трамвайной линии.

Квартира Котлова была на втором этаже. Дверь открыла миловидная молодая женщина, высокая, стройная, в шелковом синем халате до пят. Она отступила на шаг, близоруко сощурив большие карие глаза, и сказала мягким мелодичным голосом:

- А я вас знаю. Вы Полбин.

- Угадали. Остается и мне узнать вас. Вы жена Федора.

- Да, - улыбнулась она. - Заходите. Пройдя первой, она на ходу убрала с тахты какое-то рукоделье, очки в светлой роговой оправе, быстро спрятала все это в верхний ящик письменного стола и выпрямилась:

- Извините, что встречаю вас в домашнем облачении. Я ждала Федю. Он должен скоро приехать.

- Он в командировке?

- Нет, что вы! С занятий, с работы. У нас ведь на работу не ходят, а ездят, - пояснила она с улыбкой, в которой, как заметил Полбин, не было ни тени снисхождения столичного жителя к "провинциалу". - А где же ваши вещи? Да почему вы стоите? Раздевайтесь и садитесь на тахту.

- Чемодан я оставил в камере хранения на вокзале, - ответил Полбин, вешая шинель на крюк у двери и присаживаясь. - Мне все равно завтра туда ехать, встречать шурина.

- Александра?

- Вы и о нем знаете?

- Да, мне Федя все о вас рассказывал. - Она присела на стул у письменного стола и провела рукой по туго заплетенным косам, уложенным венком вокруг головы. - Надолго приезжает Александр Николаевич?

- Кто? Ну да, Шурик, - Полбин все еще представлял его себе угловатым подростком с порывистыми движениями. - Нет, на один день, покидаться только. У меня не будет возможности поехать в родные места, и мы с ним телеграммами условились, что встретимся здесь. Командование его отпустило.

- А как поживает ваша семья? Мария Николаевна, дети? У вас сын и дочь?

- Да. И будет еще кто-то.

- То-есть? - не поняла она.

- Ну, третий ребенок. Сын или дочь.

- Ах, вот как! - она рассмеялась коротким звонким смешком. - А у нас только один сынишка. Вы это, конечно, знаете из писем. Пока Федя учится, мы не можем увеличивать семью. - Она провела рукой по воздуху. - Площадь мала.

Полбин вслед за ее жестом осмотрел комнату и подумал: "Пожалуй, тесновато".

- А где же ваш наследник?

- О, Александр Федорович у нас тоже на службе... В детском саду. Я работаю, преподаю английский язык в академии, не в той, где Федя, а в другой, у Покровских ворот. - Она встала. - Хотите чаю, Иван Семеныч? С дороги хорошо.

- Нет, спасибо, Галина... - он вдруг обнаружил, что не помнит ее отчества.

- Викторовна, - подсказала она с простотой, которую с первой минуты почувствовал в ней Полбин. - А я все же сделаю. Извините, покину вас на пять секунд. Да, зовите меня просто Галиной. Хорошо?

Она быстро вышла, оставив в комнате едва уловимый запах духов.

Полбин поднялся и подошел к заваленному книгами письменному столу. По бокам мраморного чернильного прибора стояли две фотокарточки в узких рамках под стеклом. На одной был он сам в обнимку с Котловым и Звонаревым, на другой - Федор с женой.

В коридоре послышалась какая-то возня, голоса. Дверь распахнулась, Федор остановился на пороге. В правой руке у него был большой портфель желюй кожи с накладными карманами, левой он держал за руку мальчика лет четырех, черноголового, кудрявого, в маленьких очках, которые было странию видеть на румяном детском лице. Галина со стопкой блюдечек в руках выглядывала из-за плеча мужа. Рядом с Федором она не казалась такой высокой, как прежде.

Федор отпустил руку сына, бросил портфель на тахту.

- Ну вот, собрался в кои веки! - сказал он, крупно шагнув навстречу Полбину. - Я думал, и в этом году подведешь!

Они обнялись и стали похлопывать друг друга по плечам, по рукам. Федор толкнул покрытый полотняной скатертью круглый стол, вода в графине заколыхалась.

- Осторожнее, Федя, - сказала Галина, ставя блюдца и чашки. - Мебель удивляется и протестует.

- Ничего, - ответил Котлов, поворачивая Полбина лицом к окну. - Ну, показывайся! Так. Майор. Орденоносец. И к тому же командир полка. Здорово! Вот как ты меня обставил!

- Почему же обставил? - смеясь и разглядывая Федора, сказал Полбин. Звание у тебя то же, есть жена, семья... Ты даже не знаешь, сколько раз я тебе завидовал...

- Мне? - искренне изумился Котлов, отступая на шаг и опять толкая стол, на котором звякнула посуда.

- Тебе, тебе, академик. Не делай квадратных глаз, потом все по порядку расскажу.

- Ну, ладно. Саша! Иди познакомься с дядей. Это тот самый

богатырь, который самураев, как гвозди, в землю вбивал. Помнишь?

Саша подошел к Полбину и, опустив глаза, протянул ручонку.

Полбин присел на корточки, вынул из кармана припасенную заранее плитку шоколада в яркой обертке.

- А что это у тебя за очки? - спросил он. - На летные как будто не похожи.

- Это временно врачи прописали, - ответила Галина, вошедшая с чайником. Никакого органического порока нет.

- Погоди, Галя, - сказал Котлов. - Как же так - семь лет не видались, и с чаю начинать? - он повернулся к Полбину. - Ты хоть теперь-то ее потребляешь?

- Как и раньше. В умеренных дозах, - ответил Полбин, поняв, о чем идет речь.

- Ну, тогда нам для начала четвертинки хватит. - Федор подошел к тумбочке, открыл дверцу и достал стоявшую в самом низу запечатанную бутылку водки. Меняй закусочный ассортимент, Галинка, - добавил он и сам вынес чайник на кухню.

Сели за стол. На тарелках была разрезанная на тонкие прозрачные ломтики семга с лимоном, розовая ветчина с белыми прожилками сала, корнишоны, распространявшие резкий, свежий запах уксуса. Галина подвигала Полбину то одну, то другую тарелку.

Разговор касался самых незначительных тем. Управляла им Галина, как бы желая подчеркнуть, что для обсуждения деловых вопросов еще будет время. Когда с едой было покончено, она сказала:

- Я советовала бы мужчинам, исключая, конечно, Сашу, пройтись по воздуху. Вечер сегодня на редкость чудесный.

- А вы с нами? - спросил Полбин.

- Я сыном займусь.

Она давала им возможность свободно поговорить о своих делах.

Вечер был действительно хороший. Прозрачный воздух застыл в безветрии. Солнце уже клонилось к закату, но еще посылало на землю теплые красноватые лучи. Стволы сосен светились янтарным светом. Листва на березах и кленах полыхала огнем, переливаясь желтыми, оранжевыми, коричневыми, багровыми тонами. Об этом яростном великолепии красок северной осени Полбин не раз вспоминал за долгие годы службы в Забайкалье и теперь жадно смотрел вокруг.

Они спустились к трамвайной линии, потом пересекли полотно железной дороги около нарядного деревянного здания загородной станции Покровское-Стрешнево и вышли на опушку

леса, в дальних чащах которого уже скапливался синий сумрак. Пошли по тропинке вдоль железнодорожной насыпи. Слева блестело черное зеркало пруда с вкрапленными по краям золотыми пластинками упавших в воду листьев. На противоположном берегу из-под ветвей старой ивы выглядывала голубая беседка. Ее отражение в воде было очень точным и живым. От берегов к середине пруда тянулся легкий белый пар.

Справа, под корнями ветел, которыми была обсажена тропинка, копошился ручеек, пробираясь к пруду. Он только угадывался в густых зарослях поблекшего камыша.

Перейдя деревянный мостик, Полбин и Котлов остановились у двух сросшихся корявыми стволами ветел с густыми кронами. Казалось, деревья хотели отшатнуться одно от другого, а корни крепко держали их вместе.

- Посидим? - сказал Котлов.

- Хорошо тут, - Полбин глубоко втянул в себя сырой воздух. - Посидим.

На траве было сыро, но корни ветел казались теплыми.

- Так в чем ты мне завидовал? - спросил Котлов, доставая портсигар. Выкладывай.

Полбин дотянулся рукой до камышинки, сорвал ее.

- А ты как думаешь? Завидовал, что в столице живешь?

- Нет. Я же тебя знаю.

- Трудновато мне бывает, Федор. Сейчас уже ничего, освоился, а поначалу, как полк принял, не раз скрипел зубами. Особенно туго приходилось с общевойсковой тактикой. Надо мне, например, занятия с командирами проводить, а я только и помню, что есть в наступлении задача ближайшая, задача последующая, задача дня... С картой мне легко, а вот расчеты всякие мучили. Зарывался в книги, ночи напролет...

И меня вспоминал?

- Ну да. Вам же все это каждый день подают, открывай рот и хватай...

- Да, да, хватай! А мы тут вам, строевикам, завидуем. Как дадут тебе десяток листов карты склеить да нанести обстановку, да решить задачу за одного, за другого, потом взаимодействие организовать... Взвоешь.

- Чудак ты! - Полбин, сломав, бросил камышинку и потянулся за другой. Взвоешь... Спасибо скажешь, когда в часть придешь.

- А я не знаю, пойду ли я в часть, - сказал Котлов, задумчиво глядя на поезд, подходивший к станции.

- Ты что? - Полбин оставил свое намерение сорвать камышинку. - Летать перестал?

- Нет, почему. Мы летаем для практики. Только меня на

штабную работу прочат. Может, здесь, в Москве.

- Жена советует? Да?

- Не только в этом дело. К Москве, брат, быстро привыкаешь. Сюда не все попадают, но кто попал, тому уезжать не очень хочется. - Котлов поднял глаза, посмотрел левее, туда, где за мачтами проводов, за домами шумела Москва. Два красных трамвайных вагона мелькнули между редкими соснами. Федор проводил их взглядом и повернулся к Полбину: - Вот так-то...

- Ну, как знаешь, - сказал тот, не скрывая своего неудовольствия. - А я летать привык. И чем больше летаю, тем больше хочется.

- Так и я летать буду.

- Что? По вторникам да по четвергам? Для разминки штабного зада?

- Ну, это ты брось, - обиделся Федор. - Штабная работа - вещь нужная и интересная...

- Знаю! Я сам без своего начальника штаба, наверное, засыпался бы. Но только если уж летать, то летать... Вот СБ возьми...

Полбин стал рассказывать о том, как он хотел улучшить тактико-технические данные СБ, доказать, что потолок этого самолета выше расчетного. Облетывая одну машину после ремонта, он действительно выжал несколько сот метров сверх установленного заводской документацией "потолка", но командир дивизии неодобрительно отнесся к его опыту, сказав, что ему просто повезло, - попался удачный экземпляр серийной машины. В другой раз он стал испытывать СБ на больших углах пикирования и так измотал свой самолет непрерывными бросками, что после осмотра на земле инженер обнаружил ослабление некоторых основных узлов конструкции.

- За это мне как следует досталось от командира дивизии, - сказал Полбин, увлеченно блестя глазами и совершенно забыв о том, что только сейчас он сердился на Котлова за его намерение стать "штабником". - Поставил вертикально и минут десять отчитывал, грозил отстранить от полетов за "рискованные эксперименты"... - Полбин шумно выдохнул воздух. - Я и сам понимаю, что нельзя, и своих гоняю за такие штуки, но уж очень хочется с пикирования бомбить...

- Погоди, погоди. - Котлов положил ему руку на колено. - А ты разве про Пе-2 еще не слыхал?

- Пе-2? Слыхал. Так это же только опытная машина.

- Какое опытная! Уже пошла в серию. Я думаю, даже части комплектуются, кто поближе... Здесь, на Тушинском, тоже садится иногда, я издали видел.

Над Тушинским аэродромом, который находился недалеко за лесом, все время неутомимо кружились учебные самолеты. Изредка с характерным посвистом крыльев пролетали одиночные СБ.

Со стороны Москвы на небольшой высоте появился двухмоторный самолет. Федор равнодушно смотрел на него, думая, что это опять СБ, но Полбин, тоже глядевший поверх сосен, вдруг воскликнул:

- Двухкилевой! Это что за машина? Может, "Петляков"?

- Он и есть, - присмотрелся Котлов. - Легок на помине...

Полбин вскочил. Поднялся и Федор. Самолет быстро приближался. Поблескивая крыльями в лучах заходящего солнца, он сделал пологий разворот, выпустил шасси и, снижаясь, скрылся за лесом.

- Сел на Тушинском! Пошли! - потащил Полбин Федора за рукав.

- Куда пошли? Пока дойдешь, уже стемнеет. А пощупать тебе его не дадут. Опять наткнешься на часового, в штаб поведут...

- А завтра?

- Не знаю. Обычно они здесь только ночуют и уходят на рассвете. Но я тебе так рано подняться не дам.

Полбин молчал. Его взволновал не только вид нового самолета - быстрого, с острым носом, с узким веретенообразным фюзеляжем, который непривычно заканчивался двумя вертикальными рулями в виде овалов на концах стабилизатора. Он вспомнил разговор с Чкаловым под крылом АНТ-25, его слова:

"Самолет специальный нужен, пикировщик. Будет!" Вот он есть. Советский пикирующий бомбардировщик. На нем летают счастливцы, "кто поближе". А Федор думает переходить на штабную работу!..

- Ладно, пойдем, - сказал он Котлову. Пруд еще дымился, но отражение беседки исчезло: солнце опустилось за деревья, и длинные их тени закрыли всю поверхность воды.

Глава XIII

...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и' некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налетывражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством.

Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении..."

Гитлеровцы рассчитывали на "молниеносную" войну и в планах своих отводили одно из первых мест авиации. На территории самой Германии, на землях порабощенных фашистами европейских государств дымили трубы ста пятидесяти заводов, строивших самолеты и моторы. У границ Советского Союза к началу войны сосредоточились четыре воздушных флота из пяти, составлявших тогда гитлеровскую авиацию, - около восьмидесяти процентов всех самолетов. Это были тысячи "Юнкерсов" и "Мессершмиттов", готовых подняться в воздух по первому сигналу.

На рассвете двадцать второго июня они поднялись.

До Забайкалья, которое находилось в нескольких тысячах километров от любой точки советско-германското фронта, конечно, не мог долететь ни один фашистский самолет. Но как только радио принесло весть о нападении гитлеровцев, на аэродроме все пришло в движение, засуетилось, забегало, заволновалось, будто по сигналу "готовиться к отражению воздушного противника".

После митинга Полбин обошел самолетные стоянки. Экипажи были на местах, и летчики провожали командира молчаливыми взглядами, в которых был один и тот же вопрос: "когда?" Шабалов, стрелок-радист самолета Пресняка, сказал застенчиво и торжественно:

- Мы готовы, товарищ майор. Когда вылетать?

Полбин и сам думал о том же. Но ему некого было спрашивать, и он, полный внутреннего беспокойства, только чаще обычного отворачивал рукав гимнастерки и поглядывал на часы. Этот нетерпеливый жест заметила во время обеда Мария Николаевна и не удержалась:

- Ваня, когда?..

Оказалось, очень скоро. Двадцать пятого вечером Полбин сказал жене:

- Манечка, приготовь чемодан, завтра мы уезжаем.

Утром он расцеловал Виктора и Людмилу, подержал на руках двухмесячную Галинку (она, безмятежно посапывая, продолжала спать на его плече) и взял чемодан. У порога обернулся, подозвал Виктора:

- Тебе мой фонарик нравился. Возьми его.

На вокзале он все время быстро ходил вдоль эшелона, что-то проверял, приказывал, и Мария Николаевна остро завидовала другим женщинам, чьи мужья неотлучно находились с ними до последнего паровозного гудка.

Поезд ушел.

Путь его лежал на запад, все время на запад. За Уральским хребтом, в небольшом городке, летчики получили новенькие, хорошо оснащенные СБ и вскоре завершили многодневное путешествие коротким воздушным броском в сопровождении истребителей.

На фронтовой аэродром прилетели в середине жаркого июльского дня. Приземлившись, Полбин поспешил в штаб.

Командир соединения, грузный, седоватый полковник с квадратным лицом, принял Полбина в прохладной землянке на опушке леса. Стол командира был завален картами, листами боевых донесений, планшетами аэрофоторазведки. Из груды бумаг, как черный рогатый жук, высовывался настольный телефонный аппарат учрежденческого типа. Рядом с ним стоял зеленый деревянный ящичек полевого телефона. Зуммер этого аппарата беспрестанно жужжал, но полковник не брал трубки. Очевидно, линия была параллельной.

Выслушав доклад, полковник внимательным взглядом окинул Полбина, чуть заметно повел бровью, увидев его начищенные сапоги, и остановил глаза на ордене Ленина:

- За финскую?

- Нет. Халхин-Гол.

- Ну да, вы оттуда. Забудешь в этой... Он не договорил, пощипал бровь, взял трубку, послушал и положил ее на место.

- Хорошо, майор. Хорошо, что материальная часть в исправности. И вообще быстро обернулись. Все у вас летают по приборам, в облаках, ночью?

Полбин ответил.

- Сегодня у нас пятнадцатое. - Полковник, прикидывая, посмотрел на ручные часы, как будто они могли служить календарем. - Один день на размещение личного состава и осмотр материальной части. Послезавтра - на задание. Людей с самого начала настройте: условия работы на нашем участке... - он сделал короткую паузу, - бодрящие...

Полбин условился с Ларичевым, что в целях экономии времени они поделят обязанности: комиссар и секретарь партбюро Пасхин возьмут на себя размещение летчиков, а он вместе с Бердяевым и Ворониным займется остальными делами. Самым важным для себя он считал поскорее и поосновательнее вникнуть в боевую обстановку на этом участке фронта.

По пути в действующую армию, в вагоне, на коротких остановках, Полбин внимательно перечитывал свои записи времен Халхин-Гола, просматривал сохранившиеся карты. Пригодились разработки по тактике и другим предметам,

сделанные по заданиям преподавателей академии, заочником которой он состоял очень недолго, менее полугода.

Полбин понимал, что борьба будет во сто крат трудней, чем в небе над озером Буир-Нур. То, что командир дивизии определил как "бодрящие условия работы", на деле представляло собой картину величайшего боевого напряжения.

Гитлеровцы рвались к Смоленску. Танки Гудериана, неся потери, бешено, напролом лезли на восток. Целей было достаточно, и бомбардировщики то и дело снимались с аэродрома, чтобы бить по скоплениям противника. Каждый раз, когда "девятка" возвращалась с задания, глаза оставшихся на земле летчиков, техников, поваров устремлялись к небу: "все пришли?" Небо было белое от зноя, по земле вслед за рулящими самолетами, закрывая их, катились облака рыжей пыли. Нередко случалось, что приземлившийся СБ добегал до конца взлетной полосы и там бессильно останавливался. Пыль медленно оседала на него. Тотчас же с тревожными гудками мчалась к нему санитарная машина, из кабины самолета вытаскивали поникшее окровавленное тело, и санитарка, властно требуя дороги, уходила в сырую глубину леса.

Зной, непрерывное гудение самолетов, звуки команд, глухое урчание бензозаправщиков, завывание сирены, крики "воздух!" - вот как выглядела эта "бодрящая" симфония...

Полбин побывал в подразделениях, летчики которых уже участвовали в боях. Он узнал, как распределяется зенитный огонь противника по высотам, узнал, что до тысячи двухсот метров бьют зенитные пулеметы и мелкокалиберные пушки, выше - пушки все более крупного калибра, но обладающие меньшей скорострельностью, а стало быть, и плотностью огня. Ему рассказали о повадках вражеских истребителей, о том, как любят "Мессеры" предательские удары "из-за угла" - из облаков, со стороны солнца, но как они боятся открытого, смелого боя. Разведчики и дешифровщики ознакомили его с характерными боевыми порядками фашистских танков, артиллерии и наземных войск.

Недалеко от командного пункта, в тени разлапистых елей стояли три самолета. Они были хорошо замаскированы, только острые застекленные их носы высовывались из-под березовых и осиновых веток.

Полбин сразу узнал Пе-2, и сердце его забилось от волнения. Он посмотрел на часы. Десять минут можно было выкроить.

- Чьи машины? - спросил он, подходя к капитану, который стоял под крылом самолета и, что-то шепча себе под нос, сосредоточенно водил толстым пальцем по целлулоидному

планшету с картой. Капитан был в летней гимнастерке с распахнутым воротом, лицо его покрывала черная щетина, должно быть трехдневной давности.

- А вы кто? - не поднимая головы, спросил капитан.

Полбин назвал себя. Капитан опустил планшет, торопливо застегнул две нижние пуговицы гимнастерки.

- Командир разведзвена резерва главного командования капитан Рузаев, сказал он.

- Можно посмотреть?

- Чего?

- Самолет. Я на нем еще не летал. Словно боясь, что капитан откажет, Полбин быстро подошел к самолету, протиснулся в люк и уселся на сиденье летчика. Капитан поместился справа, чуть сзади, на откидном стульчике для штурмана. В кабине было душно, пахло аэролаком и бензином.

- Да-а, - протянул Полбин, окинув взглядом приборную доску со множеством лимбов, циферблатов, стрелок и кнопок. - Ну, давай разбираться. Это авиагоризонт. Гирополукомпас. Это индикатор, группа контроля моторов... А это что?

- Автомат пикирования.

- Ну-у? Значит, автоматический вывод. Здорово! - Он засыпал капитана новыми вопросами. Какая взлетная скорость, когда переход к набору высоты, скорость по прибору на вираже, угол выпуска посадочных щитков-закрылков?.. Ноги его стояли на педалях управления, в руках штурвал. Он проделал "взлет", затем "посадку" и требовал у Рузаева подтверждения: так? правильно?

Капитан поддакивал, кивал головой, а под конец сказал неуверенно:

- Да вы уже летали на нем, товарищ майор...

Нет, - усмехнулся Полбин, - просто я с детства понятливый...

Ему не хотелось покидать кабину нового самолета. Он опять посмотрел па часы и, не выпуская штурвала, стал расспрашивать капитана о его встречах с "Мессершмиттами".

Все собранные сведения он потом уточнил в длительной беседе с командиром соединения, когда получал первое задание.

Семнадцатого июля утром весь полк был выстроен на аэродроме. Полбин и Ларичев, тщательно выбритые и подтянутые, стояли перед строем.

Пока командиры эскадрилий, ожидая общей команды "смирно", подравнивали ряды, ревниво оглядывали летчиков, штурманов, радистов, Полбин думал о том, что он скажет людям, которых сейчас поведет в бой.

Первые слова речи уже сложились в голове. Это должны быть слова о любви к Родине, к родной земле, которую топчет враг. Ее

нужно защищать упорно, пуская в ход все свое умение, защищать до последнего вздоха, так, как это сделал две недели тому назад капитан Николай Францевич Гастелло. Его помнят по Халхин-Голу многие из стоящих в строю. Молчаливый, спокойный, с размеренными движениями, он оказался человеком горячего сердца, в решительную минуту он поступил так, как и покоривший своей жаркой молодостью жизнелюбец Миша Ююкин в боях на Халхин-Голе.

На секунду Полбин перенесся мыслью очень далеко. Где-то в комнате со свежевымытыми полами играют на коврике Виктор и Людмила, на большой подушке лежит Галка, Галчонок, с темными прямыми волосиками, с упрямым, недетским взглядом. В нескольких минутах полета на восток лежит суровая военная Москва. Над ней, поблескивая в розовых лучах солнца, неподвижно стынут аэростаты заграждения. А на западе над советскими городами раздается злое завывание фашистских "Юнкерсов" и стены домов обрушиваются на спящих детей.

Полбин не произнес слова "товарищи", оно мыслилось само собой, и это понимали его боевые друзья, которые были спаяны с ним, командиром, единой волей, единым гневом, единой страстью.

- Родина доверила нам великое дело, - начал он. - Мы с вами находимся на главном направлении битвы за честь и независимость необъятной Страны Советской. Позади Москва, столица Отчизны. Кто не горит желанием размозжить голову гадине, которая тянет к ней свои подлые щупальцы? Нет таких среди нас, советских людей, воинов славной армии-победительницы...

Полбин никогда не говорил, глядя в пространство, поверх голов. Какова бы ни была аудитория, он обычно искал встречи с человеческими глазами, обращался то к одному, то к другому лицу. Это не мешало ему находить слова, общие для всех, ибо он с самых юных лет постиг великую объединяющую силу слова.

Ушаков, весь квадратный, крепко сбитый, словно растущий прямо из земли, смотрел очень спокойно, как будто собирался сейчас не на жестокий бой с врагом, а на субботник по древонасаждению в Читинском гарнизоне. Полбин знал, что, по возвращении с задания, этот человек, даже если ему придется доковылять на одном крыле, на вопросы техников о том, как прошла бомбежка, ответит одним словом: "нормально".

Кривонос чуть приоткрыл свои полные губы, будто собирался сказать командиру: "Говоришь, полетим? Ну, хорошо".

Только Пасхин, командовавший теперь третьей эскадрильей, насупил белесые брови, и в его взгляде Полбин прочел желание

показать, что он, Александр Архипович Пасхин, сознает всю торжественность и ответственность момента не только как летчик, боец, но и как руководитель партийной организации и что на него командир может положиться.

Полбин говорил очень недолго и, не делая никакой паузы, предоставил слово Ларичеву. Комиссар развернул потершийся на сгибах газетный лист.

- Все вы знаете, все читали, все помните речь товарища Сталина по радио, произнесенную ровно две недели тому назад, - сказал он. - Вы помните эти слова, как слова присяги, и потому я хочу вместе с вами, товарищи, боевые друзья, повторить их, как нашу торжественную клятву народу, партии...

Он стал читать высоким, звонким голосом, неожиданно покрывшим все аэродромные звуки. У него была привычка, произнося речь, ходить мелкими, короткими шажками. Но сейчас он стоял, держа в руках газету, чуть наклонив корпус вперед, перенеся тяжесть тела на носки, будто хотел догнать слова, которые вылетали из его уст и неслись к стоявшим перед ним шеренгам, потом поднимались ввысь, к чистому утреннему небу:

"...Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины."

Он закончил чтение в ту же минуту, когда над аэродромом взвилась ракета сигнал к вылету.

- По самолетам!

Моторы были запущены. Один за другим СБ, подрагивая на кочках, рулили к старту. Желтые клубы пыли, поднятой винтами, сопровождали их.

Пашкин, придерживая рукой пилотку, крикнул Полбину:

- Вы там аккуратно, товарищ командир! Говорят, "Мессеры" сволочь порядочная!

За все время их совместной работы это был, пожалуй, единственный случай, когда техник в напутственных словах позволил себе показать, что по возрасту он значительно старше Полбина.

Линия фронта подошла быстро. Танки были обнаружены на асфальтированном шоссе, ровным пробором прорезавшем массив сплошного леса. По лесу протекала узкая извилистая речка. Там, где она пересекала шоссе, находился мост, взорванный во время боев. Гитлеровцы торопились построить мост из бревен, подтаскивая их к берегу тягачами. Шоссе на большом участке было запружено серыми коробками танков и автомашин.

"Каша", - сказал себе Полбин, обдумывая маневр и неотрывно

глядя на землю, чтобы выбрать наивыгоднейшее место для удара.

С берегов реки яростно захлестали зенитки. Стена разрывов выросла впереди самолетов и несколько левее их курса. Справа огонь был жиденький, но это насторожило Полбина. Он передал команду ведомым самолетам.

План его был прост.

Самолеты шли под нижней кромкой спокойных пепельно-серых облаков. Уйти в облачность - дело нехитрое, если экипажи обучены пилотированию вслепую.

Немцы будут ожидать, что самолеты сделают разворот за облаками и выйдут правее, там, где зенитки хлопают не часто. Но это, должно быть, уловка, о которой рассказывал Рузаев: именно справа у врага, очевидно, сосредоточены более сильные зенитные средства.

Бомбардировщики развернулись за облаками.

Точно заметив прежний курс, Полбин повел самолеты опять влево. Но теперь они шли со снижением и маневрировали по горизонту.

Хитрость немцев не удалась.

Зенитные разрывы возникали теперь сзади и выше, так как фашистские артиллеристы все еще учитывали высоту, на которой первоначально шли самолеты.

Полбин следил за секундной стрелкой. Пора!

Вниз полетели бомбы. Светлая линия шоссе вдруг стала распухать, раздуваться, клубящийся дым разрывов закрыл ее.

Опять забили зенитки. Шарики разрывов появлялись теперь на высоте самолетов, в промежутках между вздрагивающими белыми крыльями машин.

Плотный боевой порядок облегчал немцам стрельбу. Даже буравя небо наугад, они могли шальными снарядами попадать в самолеты.

- Рассредоточиться! - передал команду Полбин. Бомбардировщики стали увеличивать дистанции и интервалы, уплывая друг от друга, как лодки, вынесенные из реки на широкий простор лимана. Теперь гитлеровцам нужно было вести прицельный огонь. Тем временем группа разворачивалась для нового захода на бомбежку.

- Командир, сзади "Мессеры!"

Это был голос стрелка-радиста Григория Васюка. Полбин увидел на фоне облаков несколько темных черточек. Они перемещались вверх, вниз, как чаинки в стакане, и быстро увеличивались.

Он дал сигнал к смыканию строя.

"Мессершмитты" заходили с тыла. Их встретил плотный

шквал огня.

Стрельба с земли утихла - фашисты боялись поразить и свои истребители. "Используем и это", - решил Полбин и вывел группу на боевой курс.

- Сбросил, - доложил Факин. От других самолетов также стали отделяться черные капли. Обгоняя друг дружку, они быстро шли к земле.

Снова над лесом и дорогой взметнулись столбы дыма. Они медленно, беззвучно росли вширь, разбухали и таяли.

Зенитки захлопали злобно и беспорядочно. Комки разрывов прыгали в воздухе. Казалось, от них невозможно увернуться. "Мессершмитты", боясь напороться на свои снаряды, чуть отстали, рассыпались.

- За мной! - крикнул Полбин.

Скорее в спасительную облачность! Бомбы сброшены, надо уходить, уходить без потерь. У него было ощущение, как будто он по тонкой кладке перебегает через глубокую расселину, кладка прогибается, трещит, а до берега еще несколько шагов... Последний прыжок!..

Ныряя в облака, он окинул взглядом строй. Все шли за ним на повышенной за счет снижения скорости. Только самолет Пасхина чуть отставал, будто замешкался.

На аэродроме выяснилось, что разорвавшимся вблизи самолета снарядом был ранен в руку Николаев, штурман Пасхина. Перевязку сделали в полете. Самолеты, зарулившие на стоянки, окружили техники. Они маскировали машины ветками, осматривали пробоины и возбужденно перекликались:

- Моему-то по элерону стукнуло... Еще на два пальца и повис бы на соплях...

- А у меня вон как обтяжку стабилизатора изрешетило. Я бы из нее Гитлеру штаны пошил...

- А Виктор пришел как огурчик! Ни одной дырки на фюзеляже. Не зря я его ждал, что твоя Ярославна!..

Вернулись все. А нужен ли больший праздник трудолюбивой технической братии, тем, кто, оставаясь на земле, с тревогой смотрит на циферблат часов и с надеждой на небо?

Командир дивизии тоже был доволен. Когда Полбин вошел в землянку командного пункта, полковник, держа руку на телефонной трубке, спросил:

- Ну, как сходил? Жарко?

- Без прикрытия трудно, - откровенно сказал Полбин.

- Дадим. Должны подбросить сегодня И-16. Дадим.

Доложив о вылете, Полбин вернулся к своему самолету и собрал командиров экипажей. По дороге он сорвал тонкий прутик

березы, очистил его от листвы. Он привык пользоваться при разборе полетов указкой.

- Ну? - сказал он, обводя всех веселыми глазами. - Опомнились? Жарко было?

- Нормально, - ответил Ушаков.

- Виктора в печь воткнуть и заслонкой прикрыть, а ему будет нормально, пошутил Пасхин.

- А что? - добродушно откликнулся Ушаков. - Конечно, нормально. Ноги принесли, головы на плечах. Дали хорошо и "Мессеров" в дураках оставили...

- Вот именно! - Полбин со свистом взмахнул прутиком, призывая к тишине. Главное: в этом бою мы перехитрили врага. Как и чем? Давайте разберемся. Ну-ка...

Он раскинул руки, приглашая всех расступиться и дать ему свободу движений.

- У фашистов тактика повторяется. Они встречают заградогнем и дают первые залпы с большим упреждением по курсу самолетов или под углом. Для чего это? Чтоб заставить нас маневрировать в выгодную им сторону, то-есть в район основного сосредоточения зениток. Другими словами, хотят загнать нас на лед, на скользкое. А мы что? А мы этого не хотим, нам больше нравится по твердому ходить.

Недалеко рванула воздух очередь крупнокалиберного пулемета. Кто-то проверял перед вылетом. Полбин послушал эхо, раскатившееся по лесу, и продолжал с прежним веселым воодушевлением:

- Как было в полете? Нам дали заградогонь по курсу слева. Значит, район основного насыщения огнем у них был справа. Так? Они думали, что мы на эту удочку попадемся. А мы что, Пресняк? - Не дав лейтенанту открыть рот, он сам закончил: - А мы пошли прямо на заградительный, да с маневром, да со снижением, со снижением...

Прутик он опустил на уровень своих колен и, ведя им к земле, энергично показал движение змейкой.

- Как видите, черт не страшен, если его хватать за бороду! - Он перевел дух, вытер вспотевшее лицо шелковой тканью подшлемника и уже строго заключил: - Вывод из сказанного - согласованно действовать в полете. Как один экипаж!

В этот день было еще два вылета. Появились пробоины на крыльях и фюзеляжах, но потерь не было ни в самолетах, ни в людях. Только у техников стало много работы, и они по пятам преследовали Воронина: "Товарищ инженер-капитан, заклепки кончились, скажите, чтоб выписали! Целлулоид нужен, дюраль нужен, товарищ инженер-капитан!" Воронин шевелил своими

черными усиками и отбивался: "Зачем вам заклепки, собственно говоря? Вам тут нужна сварка, а не клепка! Вот подойдут мастерские с автогенным аппаратом и будем, точнее говоря, варить, шов накладывать!"

К вечеру на многих самолетах появились дюралюминиевые заплаты. Не тронутые краской, они блестели, как наклейки из станиоля, в который завертывают шоколад.

Ночью, когда аэродром погрузился в темноту и часовые, заметив щелочки в палатках, кричали: "Свет! Свет закрой!", к землянке командного пункта начали стекаться люди. Шли летчики с пристегнутыми к поясным ремням шлемами и очками, техники, на ходу вытиравшие помытые в бензине руки, штабные писаря, машинистки, повара и шоферы бензозаправщиков. Около землянки на дереве висела черная тарелка репродуктора.

"В течение 17 июля, - читал диктор, - наши войска вели бои на Псковско-Порховском, Полоцком, Смоленском, Новоград-Волынском направлениях и Бессарабском участке фронта...

Наша авиация в течение 17 июля действовала по мотомехчастям противника, уничтожала авиацию на его аэродромах..."

- Направлениев прибавилось, - сказал в темноте чей-то хриплый, прокуренный голос. - Нынче утром только Псковское передавали...

Полбин думал о том, что у гитлеровцев за семнадцатое июля убавилось на три десятка танков и на двадцать с лишним автомашин. Это показал принесенный ему Бердяевым аэрофотоснимок, сделанный в первом вылете. Два других еще не были дешифрованы, но можно было предполагать, что и они подтвердят активное участие его летчиков в действиях по мотомехчастям противника, о которых говорилось в сводке Совинформбюро.

Ночь была теплая, душная и странно тихая после дневной маяты. Полбин присел на цинковый ящик из-под патронов, поставленный на ребро около землянки. Ларичев сидел рядом, но в темноте нельзя было разглядеть его лицо.

- Вот что, Семеныч, - заговорил комиссар. - Я сегодня под вечер специально интересовался, кто из летчиков письма домой написал. Не все, оказывается, а ведь мы уже давно в пути. Нас через неделю жены запросами из Читы забросают...

- Что ты предлагаешь?

- Я предлагаю от имени командования полка письмо в женсовет послать. Отметить отличившихся.

- Я согласен, - сказал Полбин. - Но мы, надеюсь, этим не отучим наших летчиков писать письма женам?

- Уж я об этом позабочусь, - ответил Ларичев. Далеко-далеко на западе появилось несколько движущихся звезд. Опускаясь к земле, они гасли. Это были "фонари" - осветительные ракеты, поставленные ночными бомбардировщиками. Нижняя половина неба стала светлеть, как будто там разгоралось северное сияние. Потом свет начал медленно оседать. Небо опять почернело, и тотчас донесся далекий, очень тихий и не страшный гул взрывов.

- А ты сам Татьяне Сергеевне написал? - спросил Полбин не без лукавства.

- Представь, написал. Выразил сочувствие в связи с тем напрасным трудом, который она затратила, перетаскивая мою библиотеку из Ленинграда. Книги-то ведь все равно без движения.

- Пригодятся, - ответил Полбин. - Ну, пошли спать.

Закончился первый день большого ратного труда.

Глава XIV

Гитлеровцы, озлобленные активным, упорным сопротивлением советских войск, не щадили сил. Они начали свое октябрьское наступление на Москву.

Скоростные бомбардировщики Полбина были переброшены на северный участок фронта. Здесь немцы, вбивая танковые клинья, стремились перерезать магистраль Москва-Ленинград.

Полк базировался на грунтовой площадке в лесу, недалеко от Калинина, в той непосредственной близости к фронту, которая едва позволяет техникам подготовить бомбы и горючее, пока самолеты находятся на задании.

Полбин носил часы на манжете рукава гимнастерки, чтобы не отворачивать его, когда нужно смотреть на циферблат. Объясняя летчикам очередную боевую задачу, он подводил короткий итог: "Значит - бьем по скоплению", - и торопил всех к самолетам.

На дворе стояла осень, ветер наметал под колеса самолетов кучки желтых листьев, по утрам были заморозки, но боевое напряжение было таким же, как и в июльскую жару на Смоленском направлении.

Гитлеровские танки были так близко к Москве, что на карту с флажками не хотелось смотреть.

Гитлеровцы спешили. Их гнало вперед не столько желание победить, сколько страх. Это был страх перед надвигающейся зимой, перед партизанами, поднимавшими на воздух склады боеприпасов, громившими обозы в немецком тылу, перед грозящим советским контрнаступлением.

Они лезли, как саранча на огонь. Генералы и оберсты, гауптманы и обер-ефрейторы истошными голосами орали "форвертс", и тощие солдаты в серо-зеленых летних мундирах,

бросая раненых, горящие, исковерканные машины и танки, рвались вперед на Москву, торжественно обещанную им Гитлером на разграбление. Дни становились короче, успехов было все меньше, и фашисты, чтобы не терять времени, двигались и по ночам.

Надо было наносить удары по врагу не только днем, но и ночью.

Полбин приказал оборудовать ночной старт. Воронин доложил ему, что в батальоне аэродромного обслуживания нет комплекта посадочных огней для Т и ламп "летучая мышь", которые необходимы как огни ограничительные.

- Почему нет? - спросил Полбин. Он только что вернулся из трудного полета и был сильно возбужден.

- Командир БАО говорит, что ему было приказано обслуживать дневные бомбардировщики. Ночной старт не полагается по технической номенклатуре. Короче говоря...

Полбин сердито рванул с руки меховую перчатку.

- Короче говоря, чтоб мне к исходу дня старт был! Пусть используют для Т лампочки и самолетные аккумуляторы. Пусть зажигают на границах поля плошки. Входные ворота выложить кострами. Все!

Он проследил глазами за парой "Яковлевых", которые гнали на запад дымившего "Мессершмитта". Воронин стоял, опустив руки. Ему хотелось сказать, что командир БАО получил предварительное указание о переброске на новую точку основных запасов бомб и горючего. Аэродром находился под угрозой окружения.

- Все, инженер! - повторил Полбин. - Передайте Алехину: если он не обеспечит мне сегодня старт, то пусть пеняет на себя... Или его осудит трибунал, или я сам поставлю его к сосне!..

До наступления темноты Полбин еще три раза водил "девятку". Когда он вернулся из последнего вылета, Воронин доложил ему, что ночной старт подготовлен. Полбин вызвал Виктора Ушакова:

- Ночью будем летать парой. Готов?

- Готов.

- Иди проверь кабинное оборудование и бортовые огни. Стрелку и штурману скажи, чтоб до ужина поспали.

В Ушакове он был уверен, как в самом себе. Виктор раньше других освоил ночные полеты на СБ. Вообще он хватал на лету все, что касалось техники пилотирования. Жила в этом человеке необыкновенная понятливость и расторопность русского рабочего: только намекни, покажи, как молоток держать, а он уже сам ковать пошел - и, глядишь, не хуже, чем у мастера,

получается... Виктор Ушаков действительно был из рабочих, в авиационную школу он попал с Днепропетровского металлургического завода. Когда он, засунув руки в карманы и пожевывая короткий янтарный мундштучок, молча смотрел, как техники подвешивают бомбы, его легко было представить в засаленной кепочке и спецовке наблюдающим за блестящей, выползающей из-под резца стружкой...

Пасхину и Кривоносу Полбин приказал использовать ночной старт для аэродромных полетов - восстанавливать навыки, отрабатывать взлет и посадку при скудном свете плошек и костров.

С Ушаковым Полбин летал три раза. Вернулись на рассвете. Выспаться не удалось, так как нужно было вести самолеты на дальнюю бомбежку. Сделали за день шесть вылетов. А как только стемнело, Полбин проверил технику пилотирования Пасхина и Кривоноса. После третьей посадки сказал Пасхину:

- Сегодня полетим с тобой, Александр Архипович. Ушаков пусть отдохнет.

Первый вылет был удачным. Они нашли танки и подожгли несколько штук. На аэродроме Полбин торопил техников с подвеской бомб. Пасхин вместе с Николаевым и радистом Завгородным помогал заключать в наружные бомбодержатели тяжелые тупоносые "сотки". Всеми владело нетерпение: надо было спешить, пока цель освещена пожаром.

- Ну, дадим сейчас по огоньку! - сказал Пасхин, когда снаряжение самолетов было закончено.

Полбин не мог видеть его лица, но знал, что если бы его сейчас осветить вспышкой магния, то на фотокарточке запечатлелось бы счастливое выражение юношеского задора. И получился бы Пасхин совсем безбровым, с узкими щелочками вместо глаз. Десятиклассник - и только!..

А ведь он был командиром эскадрильи скоростных бомбардировщиков, секретарем партийной организации полка. Пасхин сам говорил о себе, что у него вся жизнь "чудно" складывалась: он всегда шел впереди своего возраста. В то время как его сверстники-фабзавучники гоняли по лыду Дона на коньках (Пасхин был ростовчанин), он уже руководил цеховым комитетом комсомола, проводил заседания бюро, подписывал протоколы, выступал с речами на многолюдных собраниях. На заводе, где он работал, было немало седоусых рабочих в синих спецовках со складными метрами в карманах, но в четвертом, завершающем году первой пятилетки мастером выдвинули именно его, Пасхина. Он долго не мог привыкнуть к тому, что люди, годившиеся ему в отцы, называли его Александром

Архиповичем. В армии, в авиационной школе, он первый прикрепил к голубым петлицам два треугольничка командира отделения и командовал курсантами, у которых уже где-то были семьи, дети... В эскадрилье Полбина он долгое время бессменно находился на посту ответственного секретаря комсомольского бюро, участвовал во всеармейских совещаниях, сидел в президиуме рядом со знаменитыми командирами, которых другие видели только на фотографиях в газетах. В Чите в середине сорокового года он был избран секретарем партийного бюро полка, и Ларичев, осторожно подходивший к оценке людей, скоро стал называть его "молодым орлом, нашим партийным вожаком".

За участие в боях на Халхин-Голе Пасхин был награжден орденом Красного Знамени, и незнакомые люди на вокзалах, в театре оглядывались на него: "такой юный, а уже с боевым орденом!"

В списке летчиков, которые отличились в боях с гитлеровскими захватчиками и были представлены к награждению, фамилия Пасхина стояла одной из первых.

Полбин посматривал на фосфоресцирующие лимбы кабинных приборов, изредка справлялся с Факиным о курсе полета и думал о Пасхине. Подростком это, наверное, был забияка-петушок, а сейчас и впрямь молодой орел с крепкими крыльями. Самолет его идет ровно, как привязанный к ведущему, а при перемене курса начинает разворот в ту же секунду, как только Полбин открывает рот для приказания.

Как и ожидалось, цель завиднелась издалека. Над черным глухим лесом стояло пламя.

Сделав разворот, Полбин приказал Пасхину ложиться на боевой курс. На земле было условлено, что бомбы будут сброшены "по ведущему", в одну точку.

Моторы СБ гудели ровно, деловито, самолет послушно шел на цель. Полбиным владело спокойствие, которое, очевидно, знакомо артиллеристу, ведущему огонь прямой наводкой из превосходно замаскированного укрытия. Ты бьешь врага наповал, а он тебя не видит и мечется в панике.

И вдруг что-то оглушительно лопнуло рядом с самолетом, вспыхнул яркий свет, при котором мгновенно потускнели стрелки приборов. Огненный комок мелькнул впереди, справа...

Немцы успели вызвать зенитную артиллерию!

Секунды! Секунды! Полбин почувствовал, как облегченно вздрогнул самолет. "Сбросил", - подтвердил Факин.

Полбин оглянулся.

От освещенного снизу самолета Пасхина тоже отделились

"сотки".

В кабине вдруг стало совсем светло. Тени от переплетов фонаря побежали по приборной доске.

Внизу взорвались бомбы. Значит, попали, если такой огненный смерч поднялся к небу.

Домой!

Лавируя между зенитными разрывами, Полбин повел машину от цели. Самолет Пасхина, все так же освещенный, шел за ним.

И вдруг... Саша, Саша Пасхин!

Самолет Пасхина окутался пламенем, мигом превратившись в огромный факел. Свалившись на крыло и оставляя огненный след, он стал заворачивать назад, к цели.

- Пасхин!.. Пасхин!..

В шлемофоне раздался глухой, сдавленный голос:

- Завгородный насмерть! Принимаем решение... Я, Пасхин, и Николаев...

Что-то заклокотало, щелкнуло в наушниках и оборвалось.

Наступила тишина. Ничего, даже гула собственных моторов не слышал Полбин. Ослепительно-белый, потерявший очертания, ставший бесформенным куском расплавленного металла, самолет Пасхина был уже у самой земли. Чернильная тьма шарахнулась в стороны. Блеснули на поляне круглые спины автобензоцистерн. Огненный ком упал прямо на них, и сразу огненное море разлилось по земле, взметнулось к небу, заклокотало, забурлило.

Самолет Полбина сильно ударило снизу, в левое крыло. Штурвал едва не выскользнул из рук.

"Взрывная волна дошла" - мелькнуло в сознании. Но это была не волна.

Из-под капотов левого мотора выползла струйка пламени, лизнула крыло, вместо нее появились другие, вытянулись, переплелись жгутом, и стало фактом: левый мотор горел...

Чернота, чернота кругом. Нет ни земли, ни неба. Сзади - зарево, там навеки остались Пасхин и его товарищи...

- Штурман, курс! Факин встревоженно:

- Девяносто четыре. Давай со снижением!.. Надо сбить пламя. Полбин дал штурвал от себя, накренил самолет вправо. Желтые языки оторвались от плоскости, потухли в воздухе.

А в горизонтальном полете опять поползли зловещие струйки, опять стали сплетаться в жгуты...

- Радист! Васюк, держишься?

Ему труднее, весь дым и огонь на него.

- Держусь, командир...

- Давай держись!..

Главное - перетянуть линию фронта. Сбить пламя, видимо, не

удастся. Значит, надо выйти на свою территорию до того, как огонь подберется к бензобакам...

Секунды! Секунды!

Как ладья, ныряющая по черным волнам, самолет то мчится с опущенным носом к земле, то, натужно гудя единственным здоровым мотором, хватает пространство, рвется вперед, в ночь.

- Держишься, Васюк?

- Держусь...

Жгуты то исчезают, то сплетаются вновь, и едкий запах горелой краски забивается в нос, в горло.

- Держись!

Полбин приземлил самолет на небольшой площадке у железнодорожного полотна. Посадил "на живот", ибо в заполненной дымом кабине нечего было и думать о выпуске шасси.

Через две минуты после того, как Полбин и Васюк, вытащив зажатого в носовом фонаре штурмана, отбежали в сторону и залегли, взорвался бензобак. По твердой, покрытой инеем земле, шипя, запрыгали куски пламени. Горящие лохмотья повисли на телеграфных проводах. Начали рваться патроны - вразнобой, хлопотливо, почти весело...

Факин быстро пришел в себя. Васюк ощупывал свой комбинезон. Он был опален в нескольких местах, но ни на лице, ни на руках ожогов не было.

- Будем считать, повезло, товарищи, - сказал Полбин. - Ну-ка, давайте думать...

Он положил на колени планшет, стер рукавом копоть и грязь с целлулоида. Зажигать фонарик не надо было: горящий самолет осветил все вокруг.

Он смотрел на карту, но не видел ни железной дороги на ней, ни зеленого пятна леса, угрюмо стоявшего по обе стороны насыпи. Он видел огромное белое море бушующего пламени, а сквозь звон и шум в ушах прорывался сдавленный голос Пасхина: "Принимаем решение... Я, Пасхин, и Николаев..." Словно подписями своими скрепили они свое решение - два коммуниста, два смелых сокола...

Патроны продолжали рваться. Самолет корчился в огне, обгорелый остов его скручивался, валился на бок. Пламя с шипением расползалось по мокрому песку, искры взлетали в черное небо.

Где-то за лесом, далеко на западе, тоже полыхало пожарище. Там горели немецкие танки и цистерны с горючим. Колонна фашистов разгромлена, она уже не дойдет до рубежей, на которых стоят наши пехотинцы и артиллеристы...

От этой мысли Полбину стало легче. Он сильно тряхнул головой, чтобы выйти из секундного оцепенения. Шум в ушах медленно проходил...

Слева, в западном направлении, слышалась стрельба. Тяжело, со вздохами, ухали орудия крупного калибра, в промежутках доносилась частая стрельба противотанковых пушек. Шел ночной бой.

Значит, вспышки огней, которые были видны под самолетом в последний момент, были линией фронта. Удалось дотянуть на свою территорию.

Факин и Васюк молчали прислушиваясь.

- Так давайте подумаем, - повторил Полбин и повернул планшет, чтобы свет огня упал на карту. - Это что за железка, штурман? Ты как считаешь?

Факин посмотрел на свой планшет.

- Ясно, магистраль, - ответил он. - На Ленинград.

- А мы где?

Штурман помолчал, подумал.

- Не знаю, командир. Если б мне сейчас "аш" тысячу метров, сказал бы. А так не знаю.

Факин, ничего в мире не любивший больше своего штурманского дела, всегда говорил вместо "высота" - "аш", вместо "скорость" - "вэ" или "дубль-вэ", называя буквы, которыми эти данные обозначались на карте и в расчетах. Если сейчас штурман заговорил в своей обычной манере, - значит, он спокойно обдумывает положение.

- К Москве-то ближе? - попытался улыбнуться Полбин. Но сильно обожженная щека все же болела.

Факин не ответил. Он привык называть точные цифры, а если не мог предпочитал молчать.

- Давайте пройдем по шпалам, может, станция попадется, - сказал Васюк.

- Правильно, - поддержал Факин. - Сидеть лучше, чем лежать, итти лучше, чем сидеть...

Любовь к общеизвестным шуткам тоже была особенностью Факина. Споткнувшемуся он обычно говорил: "Держись за землю", а выслушивая рассказы о трудных полетах, ронял глубокомысленно: "Бывает и хуже, но в редких случаях". Шло это не от глупости, а от несколько ленивого ума, очень гибкого в воздухе, в сложной обстановке, но спокойно-созерцательного на земле. Пользуясь в разговоре банальностями, Факин как бы экономил умственные силы, необходимые в минуты наивысшего боевого напряжения.

"Штурман в полной форме", - подумал Полбин и согласился с

предложением Васюка.

За поворотом дороги скрылись дотлевающие останки самолета. Васюк обернулся и, вздохнув, сказал:

- Добрая была машина! - Переведя взгляд на оборванные, повисшие на столбах провода, он с мрачным юмором добавил: - И телеграмму нельзя ударить...

- У Саши Пасхина две девочки в Чите, - сказал Факин, крупно шагая по шпалам.

- Отец - герой, - сказал Полбин.

Молчание. Все думали об одном. В темных верхушках сосен прошумел ветер, стали слышней звуки канонады на западе.

- Будка! - крикнул Васюк.

- Разъезд, - поправил Факин. Нет, это была будка обходчика, маленькое каменное здание, обнесенное деревянным забором. Ветер хлопал настежь открытыми окнами, около двери Полбин споткнулся о старое ведро.

- Подождите, я посмотрю, - сказал он, расстегнул кобуру пистолета, зажег фонарик и вошел в дом.

В передней комнате на деревянной скамье стоял маленький гробик. Бледный луч осветил мертвое лицо ребенка.

Полбин вздрогнул и почувствовал холодок в затылке.

Он направил луч выше, на стены комнаты, по углам. На полу валялись опрокинутые стулья, какие-то тряпки, рубчатая доска для стирки белья, лукошко с измочаленной ручкой.

Полбин вышел.

- Ну, что там?

- Ничего, - ответил Полбин. - Давайте обойдем дом.

Сразу за углом зияла свежая воронка от крупнокалиберной бомбы. Вокруг клочья одежды, пятна крови на стене. Половины забора не было.

- Прямое, - скрипнув зубами, сказал Факин. Полбин провел лучом фонаря по стене. Под карнизом была прибита желтая дощечка с номером.

- Давай двухсотку, - сказал Полбин. - Цела?

- Есть, - ответил Факин и достал из планшета карту. Поднеся ее к свету, он быстро повел пальцем по черной линии железной дороги и остановил ноготь против отметки 234. - Вот она, будка.

Они приземлились южнее того танкового клина, который фашисты протянули на восток, чтобы перерезать магистраль Москва-Ленинград. На карте Полбина была нанесена линия боевого соприкосновения на восемнадцать ноль-ноль. Вечером немцы были недалеко от магистрали. Если им удалось оседлать ее, положение становилось сложным: аэродром оказывался на той стороне, и надо было пробираться лесом, в обход на восток.

Полбин направил луч фонаря на железнодорожную насыпь, повел вдоль нее. Глазастый Васюк первый крикнул:

- Дрезина!

Все побежали по осыпающимся под сапогами ракушкам. Ручная дрезина вверх колесами лежала на скате насыпи.

- Ну-ка, поднимем! - сказал Полбин. Они поставили дрезину на рельсы. Рычаг немного заедало. Полбин посветил, осмотрел передаточные шестерни. Далекое воспоминание мелькнуло в голове: сколько раз он, подросток в брезентовой робе, рабочий Самаро-Златоустовской железной дороги, ездил на такой дрезине от станции Выры к Ульяновску, осматривая шпалы, отмечая мелом те, которые требовали замены.

- Годится, - сказал он. - Садитесь!

Факин и Васюк взялись за рычаг.

- А если перерезали? - спросил Васюк. - Не влопаемся к немцам?

- Рисковали уже, - ответил Полбин. - Ну-ка, взяли!..

Дрезина медленно тронулась с места и с нарастающим жужжанием покатилась вперед, в темную ветреную ночь.

Глава XV

В Чите ждали писем. Они приходили нечасто, с большими промежутками, иногда по два, по три сразу. Бывали случаи, когда письмо, написанное в июле, появлялось после открытки, датированной концом августа. На конвертах не было никаких пометок, кроме лилового штемпеля "проверено военной цензурой", но все понимали, какие причины могли задержать листки, написанные карандашом под плоскостью самолета в перерыве между полетами. Собираясь вместе у репродуктора, Мария Николаевна, Татьяна Ларичева и Лидия Кривонос с тревогой слушали сводки Совинформбюро и ждали, ждали того дня и часа, когда диктор возвестит о начавшемся большом наступлении советских войск. Если бы не было этой веры, жить было бы нельзя.

В конце октября Мария Николаевна получила письмо в плотном голубом конверте. Пачку таких конвертов Полбин взял с собой из дому.

Письмо было написано чернилами на двух узких листках плотной линованной почтовой бумаги. В уголочке первого листа - рисунок: круглая беседка с колоннами, пышная зелень кустарника, тропинка, идущая по склону горы. Надпись: "Пятигорск, Эолова арфа". Почтовая бумага тоже была довоенного выпуска.

Она вскрыла конверт. Размашистый, стремительный почерк. Частые восклицательные знаки.

"25.7.41 г. Манек! Я жив, здоров! И мысли у меня нет, что со мной что-нибудь случится. Мои подчиненные уважают меня как командира и уверенно, без колебаний идут за мной в бой!.. Не имею ни единой царапинки, хотя уже были серьезные встречи с противником. Единственный человек у меня легко ранен - это лейтенант Николаев, он штурман у Пасхина, и то он уже через три-четыре дня будет снова в строю. Ты сама понимаешь, война - это война! Она не проходит без жертв... Будущее нашей прекрасной Родины неизмеримо выше интересов отдельной личности. Все прекрасное нашей страны, созданное под мудрым руководством Коммунистической партии, мы должны сохранить, уберечь от варваров для наших детей, так же как для нас наши деды и отцы в прошлом!.."

Полбина дала прочесть это письмо Татьяне Сергеевне. Та сказала, возвращая листки:

- Какой он у вас твердый и чистый... ну, прямо булатный меч! Вы знаете, она зябко поправила на плечах серый пуховый платок, потрогала рукой тяжелый узел каштановых волос, - вы знаете, я даже спокойнее оттого, что Василий Васильевич рядом с таким человеком. Он и сам не робкий, но все же...

Мария Николаевна молчала, задумчиво поглаживала рукой листки и смотрела в окно, за которым сгущались сумерки.

- Дайте-ка еще на минутку, - Ларичева опять взяла письмо. - Вы понимаете, дорогая, ведь это пишется жене, родному, близкому человеку. В таких письмах принято говорить самые интимные вещи. Ваш муж обращается к вам с возвышенными словами, которые больше приняты в речах, докладах, и каждому слову искренне веришь, чувствуешь - человек говорит, что думает...

- Он всегда говорит, что думает...

- Да, да. - Ларичева любила рассуждать, объяснять другим людям их поступки. - Прямота его сурова, он говорит с вами, как с товарищем по строю, по оружию. Вот смотрите: "неизмеримо выше интересов отдельной личности"... У него нет мысли, что с ним что-нибудь случится, и в то же время он готов пожертвовать всем, самым дорогим... Я всегда уважала Ивана Семеновича за прямоту, а сейчас вижу, как он бесконечно правдив перед самим собою и перед другими...

- Когда погиб Пасхин, - голос Марии Николаевны дрогнул, - Ваня мне об этом написал и потребовал, чтоб я Соне сказала, если извещения еще нет. Только один раз, когда из Монголии вернулись, он не сразу мне сказал, что погибли два летчика, его ученики. Молодые были оба, один только женился. Он думал, что я буду плакать. А потом вечером говорил, что скрывать это

нельзя, в жизни все надо переносить стойко.

- Да, да. - Ларичева не заметила, как Мария Николаевна вытерла пальцами две слезинки в уголках глаз. - А вот это письмо написано, когда Александр Архипович был еще жив. От какого оно месяца?

- Июль, двадцать пятое.

- Лучше не получать писем, в которых о погибших говорится, как о живых. Это больно.

Свет зажигать не хотелось. Из углов комнаты подступала темнота. Портреты на стенах стали просто темными прямоугольниками. Ларичева встала.

- Пойду я. Сейчас Ирина и Наташа придут. Неудобно все же во второй смене. Из школы в сумерках.

- А в первой поднимать трудно. Я Виктора прямо за ноги стаскиваю.

- Да, Галочке лучше всего, - сказала Татьяна Сергеевна, заглядывая в дверь комнаты, в которой стояли детские кровати. - Спит?

- Спит. А вот и мама с Виктором и Людочкой...

В передней раздался звук поворачиваемого в замке ключа, нетерпеливый удар ногой в дверь и голос Виктора: "Открывай, баба, я немножко замерз".

Полина Александровна приехала в Забайкалье в конце июля. Из Чернигова эвакуировалась вся семья. Ехали эшелоном. На большой узловой станции, название которой Пашкова не любила вспоминать, поезд попал под бомбежку. Стали растаскивать составы. Николай Григорьевич незадолго до начала тревоги вышел с чайником в руках за кипятком. Когда паровоз дернул состав и от первого вагона к последнему будто прокатился по доскам большой кегельный шар, Полина Александровна бросилась к выходу. Ее задержали, затерли пассажиры, спешившие навстречу, на свои места. Многие прыгали на ходу, держа в руках яблоки, луковицы, соленые огурцы. Она пробилась к дверям, когда вагон уже подрагивал на стрелках у семафора.

Станцию бомбили "Юнкерсы", их было около двух десятков. Когда они улетели, состав некоторое время еще находился на путях за семафором. Постепенно подходили отставшие. Пашкова среди них не было. Полина Александровна обошла весь поезд, думая, что в спешке Николай Григорьевич попал в другой вагон, но так и не нашла мужа. В пути она на всех станциях давала телеграммы, наводила справки, но ничего утешительного не узнала.

В Читу она приехала одна. Антонина осталась в Воронеже, там она должна была закончить университет.

- Писем нету, Маня? - спросила Полина Александровна входя. - А это кто, не разберу, плохо видеть стала, да и темно. А, Татьяна Сергеевна, соседушка! Здравствуйте!

Мария Николаевна включила свет.

- От Вани. Только старое, за июль.

- Давай, давай...

Быстро размотав платок, не снимая пальто, Полина Александровна присела к столу, достала очки и начала читать письмо. Виктор и Людмила все еще возились с валенками в передней; Мария Николаевна и Ларичева стояли молча, одна у стены, другая около теплой печки.

- Опять Иван Семеныч Сониного мужа вспоминает. Ох!.. - Полина Александровна опустила руки на колени, еще раз вздохнула: - Чтоб его, ирода, болячка задавила!

Это проклятие в адрес Гитлера она произносила в день по нескольку раз.

Полина Александровна продолжала сидеть в горестной позе, с опущенными плечами, на которых лежал теплый белый платок.

- Ну, от Вани есть, - сказала она, загибая пальцы на руке. - От Шурика было в воскресенье, Антонина неделю уже не пишет. Ну, она хоть не на фронте...

Видимо, успокоившись последней мыслью, Полина Александровна встала и начала снимать пальто.

- Маня, я Лидию Александровну повстречала в магазине. Сегодня подарки к празднику фронтовикам готовить будут. Спрашивала, как у тебя.

Мария Николаевна уже два месяца работала женоргом, заняв место Лидии Кривонос, которая перешла на работу в политотдел.

- Я сейчас иду, мама, - ответила Мария Николаевна. - Ты Виктора и Люду накормишь? Галочка еще спит.

Полина Александровна кивнула головой.

- Одевайтесь, Мария Николаевна, - сказала Ларичева, - зайдем на минуточку ко мне. Я своих девочек накормлю и пойдем вместе.

- Куда ты, мама? - спросил Виктор.

- Папе посылку отправлять буду, - ответила Мария Николаевна, надевая платок, только что снятый матерью.

Виктор бросился к маленькому столику, на котором лежали его игрушки. Роняя цветные карандаши, кубики "конструктора", он вынул из коробки фонарик, подаренный ему отцом.

- На, мама, в посылку. Папе нужно и ночью немцев бить, а я тут ничего, обойдусь...

Мать медлила. Виктор сказал нетерпеливо, словно боясь, что порыва великодушия может на следующую секунду нехватить:

- Ну, возьми же, мама! Правда, мне не жалко!

И то, как он стоял, расставив крепкие ноги в шерстяных носках (валенки снял, а башмаки надеть не успел), и этот характер, неожиданно проявившийся в готовности отказаться от сильного желания (владеть фонариком - счастье!), и, может быть,

недавно сказанные Ларичевой о Полбине слова - "готов пожертвовать самым дорогим" - все это вдруг вызвало у Марии Николаевны неясную, пугающую, защемившую сердце мысль, от которой хотелось тотчас уйти, хотя в ней был миг утешения: "Если его не станет, этот будет, как он..."

Она порывисто схватила сына на руки и стала его целовать, а он недоумевал и все твердил, что фонарика ему в самом деле ничуточки не жалко...

Глава XVI

Едва забрезжил рассвет, на аэродроме все пришло в движение. Нагруженные ночью трехтонные ЗИСы, с фугасками в деревянных обрешетках, с бочками, контейнерами, мешками и пакетами с крупой и мясом, выстроились в колонну и тронулись по дороге на юго-восток. Голубой автобус, покрытый пыльной маскировочной сеткой, стоял около штаба. Перевязанные шпагатом толстые папки, пишущие машинки, железные и деревянные ящики с документами, лампы из сплющенных снарядных гильз перетаскивались из землянок в автобус. Последним был занесен мягкий стул с красным бархатным сиденьем. На нем, поправив нарукавную повязку, устроился дежурный по батальону, и автобус, прижимаясь к деревьям, задевая крышей желтую листву, укатил вслед за колонной.

За лесом все громче раздавалась канонада. У самолетов, растыканных по опушке, суетились техники. Каждый норовил поскорее заполучить бензозаправщик, но с подвеской бомб никто не торопился: на этот раз их нужно было просто транспортировать на новый аэродром.

В конце летного поля, у выезда на шоссе, поднимался невысокий бугор с обрывистым краем. Из желтой глины торчали сухие корни низеньких сосен, свисавших над ним.

Пашкин сидел на обрыве и смотрел на шоссе. Внизу короткими шажками похаживал маленький Гоглидзе, техник Пасхина. Выгоревшая, засаленная пилотка едва держалась на его пышной черной шевелюре, при взгляде на которую появлялась мысль, что такого количества волос могло бы хватить и человеку более крупному.

Изредка Гоглидзе останавливался, задирал голову и спрашивал:

- Не видишь, дорогой?

Пашкин, с досадой затаптывая очередную самокрутку, отвечал:

- Не видать.

И опять вытаскивал кисет.

Они поделили между собой обязанности: Пашкин следил за

дорогой, Гоглидзе осматривал небо.

На востоке порозовело. День обещал быть ясным, прохладным. Было бы очень тихо в природе, если б не гудело на западе, будто там, ворочая огромные жернова, работали неутомимые машины. Воздух часто вздрагивал.

- Кажется, нас инженер-капитан зовет, - оказал Гоглидзе.

Около самолетов стоял Воронин и махал рукой.

- А зачем мы ему, безлошадные? - ответил Пашкин.

- А я пойду.

Гоглидзе застегнул куртку на все пуговицы, спрятал подбородок в воротник. Воротник был из черного меха, и со спины казался продолжением густой шевелюры техника.

Пашкин присел на плоский холодный камень. По шоссе шли машины - и в сторону фронта и в обратную, но ни одна не поворачивала на проселок к аэродрому.

"Не может быть, чтоб сбили, - размышлял техник. - На Халхин-Голе сто восемнадцать пробоин, шесть дырок только в кабине было, а у него ни царапины. Тут считать некогда... И не в пробоинах дело, - что я глупистикой занимаюсь, воевать умеет Семеныч, а смелого пуля боится."

Он тоскливо поглядывал на дорогу. Прошла грузовая машина, в кузове сидело несколько человек с белыми пятнами бинтов. Везли легко раненных. Нет, и эта не завернула...

"А может, подбитый, сел на той стороне? Может, пробирается сейчас лесом к фронту? Так все равно прийти должны. Хоть через неделю, а придут."

- Егорыч! - кричал Гоглидзе, возвращаясь бегом после разговора с Ворониным, - Егорыч, нехорошо!..

Пашкин вскочил с камня, швырнул самокрутку.

- Что такое?

Гоглидзе подбежал к самому обрыву и, тяжело дыша от бега и волнения, рассказал: капитан Бердяев связался с пехотной частью, и ему сообщили, что на одном участке видели, как с той стороны летел горящий самолет и упал в лесу.

- А другой?

- Другого не было.

- Не может этого быть, - сказал Пашкин и вдруг, кубарем окатившись с обрыва, дико закричал: - Командиир!

На обочине шоссе остановилась полуторка. Из кузова выпрыгнули на землю Факин и Васюк с парашютами в руках. Полбин вышел из кабины. Он что-то сказал шоферу, пожал ему руку, и машина отошла, не заезжая на аэродром.

- Командир вернулся! - тем же высоким голосом крикнул еще раз Пашкин. Он побежал со всех ног навстречу, в карманах его

замасленного комбинезона громко звякали плоскогубцы, отвертки, гайки.

Полбин увидел его издали и тоже ускорил шаг.

- Заждался, Егорыч? - сказал он, открывая в улыбке зубы, казавшиеся очень белыми на закопченном, грязном лице.

- Еще повоюем! - он крепко пожал руку Пашкину, обнял его за плечи. - Что тут у нас?

Забыв на радостях правила субординации, техник называл Полбина то майором, то Иваном Семенычем и на ходу стал рассказывать, что вот аэродром эвакуируется, - фашисты нажимают...

- А где же Саша Пасхин? - спохватился он. Полбин уже увидел печально стоявшего над обрывом Гоглидзе и нахмурился, сжал челюсти.

- Сейчас все расскажу, - ответил он, ускоряя шаг. - Соберем личный состав.

Через десять минут он сидел в землянке и вместе с Ларичевым и Бердяевым разглядывал карту боевой обстановки на переднем крае. Магистраль Москва-Ленинград была перерезана.

- Да, если бы не эта дрезина, - сказал Полбин, - мы еще неделю не встретились бы. Начальник штаба!

- Слушаю вас! - вскочил Бердяев.

- Связь с дивизией еще есть?

- Есть.

- Какая?

- Есть и проволочная.

- Скажите, чтоб соединили.

Связавшись по телефону с дивизией, Полбин договорился о некоторых изменениях в плане эвакуации самолетов. Было условлено, что полк сделает один боевой вылет, вернется для пополнения бомбового запаса сюда же, на старый аэродром, и после второго удара по танкам противника самолеты полетят на новую "точку".

- Ты понимаешь, - загораясь, сказал Полбин Ларичеву, - двойной выигрыш: и фашистам не поздоровится и отсюда меньше бомб увозить надо будет. Алехину легче, он все жалуется, что транспорта нехватает...

Но этот план чуть было не сорвался. Оказалось, что под самолетами оставлен только один боекомплект, все бомбы со склада уже погружены на машины, которые вот-вот уйдут.

- Разгрузить! - отрезал Полбин. - Воронин, вы мне за это отвечаете.

Воронин опять побежал ссориться с Алехиным. Но на этот раз обошлось без ссоры. Командир БАО охотно согласился оставить

часть бомб: освободившиеся машины он мог загрузить дровами, которые неизвестно еще будут ли на новом месте.

Полбин и Ларичев подошли к выстроившимся вдоль желтых берез летчикам. Все были в шлемах, меховых комбинезонах, с парашютами, обвисшими на лямках.

Во второй шеренге, выглядывая из-за плеч своих командиров, стояли техники.

- Полк, смирно! - высоким, неожиданно крепким голосом скомандовал Бердяев. - Равнение на середину!

Он подбежал к Полбину, пристукнул каблуками и доложил, что полк скоростных бомбардировщиков в таком-то количестве экипажей выстроен по его приказанию. Отсутствует экипаж старшего лейтенанта Пасхина, не вернувшийся с боевого задания.

- Здравствуйте, товарищи! - сказал Полбин, вытягивая руки по швам.

Дружное ответное приветствие эхом прокатилось по аэродрому, но эхо так и не стихло: его продолжением стала артиллерийская канонада, вдруг вспыхнувшая с новой силой.

Полбин окинул взглядом ряды. Лица были строгие, торжественные, все глаза смотрели на него бодро и радостно, и во взглядах можно было безошибочно прочесть причину этого: вернулся командир, вожак, теперь все будет хорошо... Пашкин часто-часто моргал короткими ресницами, что было у него всегда признаком волнения, душевного подъема. На левом фланге стоял самый молодой летчик полка Миша Тетенькин (представляясь командирам, он делал ударение на втором "е" своей фамилии, а при знакомстве с девушками делал специальную оговорку), губы его расползались в непроизвольной улыбке восторга, и он никак не мог их удержать. У Кривоноса тоже дергались уголки плотно сомкнутых губ, точно он порывался сказать: "Вернулся, Семеныч? Ну, хорошо". Стоявший крайним на правом фланге Ушаков зажал в кулаке свой мундштучок и, конечно же, думал, что теперь дела пойдут нормально.

Теплое чувство любви к этим людям, которые спокойно и радостно ждут самого сурового приказа, наполнило душу Полбина. Волнение распирало грудь, стянутую тяжелым комбинезоном, и, прежде чем начать говорить, он шумно выдохнул воздух.

- Товарищи! Сегодня ночью, выполняя задание командования, пали смертью храбрых старший лейтенант Пасхин, лейтенант Николаев, сержант Завгородный.

Почтим память героев...

С запада опять ясно донеслись звуки канонады. Многие скосили глаза в ту сторону. Губы Тетенькина крепко сжались,

лицо потемнело.

- Лучшим салютом в память погибших товарищей будет новый сокрушительный удар по врагу! Сейчас мы вылетаем на бомбардировку вражеских танков. Ведущий я!..

Он резкими, короткими фразами объяснил общую задачу и, предоставив слово Ларичеву, который произнес краткую призывную речь, скомандовал:

- По самолетам!

Его собственный СБ лежал сейчас обгорелой грудой металла где-то около железнодорожной будки номер 234. Даже попрощаться с ним, как прощается казак с павшим в бою конем, теперь было нельзя: железную дорогу уже оседлали немцы. Дрезину, которая помогла летчикам опередить наступающих фашистов, Полбин оставил пехотинцам, встреченным ночью в лесу и посадившим его экипаж на попутную полуторку.

Полбин быстрым шагом подошел к самолету Тетенькина.

- Все в порядке?

Тетенькин застегивал пряжки парашютных лямок и готовился забраться в кабину.

- Все в порядке, товарищ майор! - радостно ответил он.

- Младший лейтенант, на вашей машине лечу я. Штурман и стрелок пойдут со мной.

Радость мигом исчезла с разгоряченного лица летчика, губы обиженно вздрогнули.

- Сам поведешь во втором вылете. - Полбин улыбнулся.

Тетенькин покорно отошел в сторону.

Самолеты вернулись через полчаса. Техники встречали свои машины, шли, раскинув руки, впереди них, показывая направление рулежки, и тотчас же принимались подвешивать бомбы.

На этот раз группу повел Ушаков. Она несколько уменьшилась - два самолета получили повреждения. Воронин тотчас же осмотрел их и сказал, что для полного восстановления потребуется не более четырех часов. Полбин прикинул: экипажи будут иметь в своем распоряжении еще час светлого времени, успеют перегнать машины на новый аэродром.

- Давайте, только не копайтесь. Чтоб все было "короче говоря", - сказал он без улыбки и пошел навстречу Ларичеву, который, согнувшись, вылезал из землянки, принадлежавшей раньше экипажу Пасхина.

В руках у Ларичева была тетрадь в синей клеенчатой обложке. На лице комиссара было волнение, взгляд его стал задумчивым, серьезным, почти мечтательным.

- Что это? - спросил Полбин. Ларичев согнул тетрадь в

трубку, пустил из-под пальца веер страниц.

- Вот. Лежала на койке Александра Архиповича, под плащ-палаткой.

Полбин взял тетрадь, быстро полистал ее. Записи по штурманскому делу, расчет аэронавигационного треугольника скоростей, решение задачи на догон и обгон самолетов, схема встречи истребителей на петле...

- Да, - сказал он, возвращая тетрадь. - Пасхин очень много работал над собой. Трудяга был... Давай, комиссар, займемся штабом, время поджимает...

- Сейчас, Семеныч, - сказал Ларичев, дуя на слипшиеся страницы и открывая заглавную. - Вот прочитай. Ради этого можно две минуты потерять.

Полбин стал читать прямо из рук Ларичева:

"Однако, вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья - и стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, "держать душу за крылья"... ради торжества дела, которому они служат...

М.Горький. Воспоминания о Ленине."

Все это было выписано на отдельном листе черной тушью, острым пасхинским почерком с характерными завитушками на буквах "д" и "у". Последние слова после многоточия были подчеркнуты красной тушью под линейку, очевидно рейсфедером. Пасхин всегда приходил на занятия с готовальней в черном плоском ящичке.

- Ну-ка, дай, - Полбин почти вырвал тетрадь из рук Ларичева и стал опять листать ее. Он вспомнил вдруг далекий 1920 год, свет коптилки в избе, тонкую серенькую тетрадь, на обложке которой рабочий в кепке и с молотом в руке и бородатый крестьянин в лаптях, держащий серп, обменивались крепким рукопожатием, а над их головами полудугой было написано: "В единении сила". Вот так же на первом листе тетради (бумага была корявая, тянулась за пером) он выписал тогда слова из речи Ленина на третьем съезде комсомола: "А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества". Тогда Полбину, родившемуся в год первой революции, было ровно пятнадцать лет... Последнюю фразу он, помнится, подчеркнул двумя линиями.

- Вот какой человек был, - сказал Ларичев.

- Советский. Коммунист, - откликнулся Полбин и протянул тетрадь, разгладив загнувшийся уголок обложки. - Ты, Василь

Васильич, сохрани ее. Отправим семье, дочкам. Пусть помнят...

"Правильно там сказано: "держать душу за крылья", - думал он. - Эх, Саша, Саша Пасхин! Все знали, какой ты был человек, знал это и комиссар, не хуже, чем другие. А другие? Такие же! Вот стоит и смотрит пустыми глазами на небо, ждет, все ли придут с Ушаковым, жаль каждого. А кому не жаль? Но надо, надо держать душу за крылья ради торжества дела..."

- Храбрый и скромный, - все так же задумчиво произнес комиссар, кладя тетрадь за отворот меховой куртки.

- Все такие. Тем и сильны, - тихо и торжественно сказал Полбин и взял Ларичева за плечо. - Пойдем, комиссар.

С запада донеслось гудение.

Самолеты шли на небольшой высоте, в правильном строю, с хорошей скоростью. Ведущий над аэродромом качнул крыльями - Ушаков докладывал, что все обстоит нормально. Левый ведомый в последнем звене, проходя над лесом, тоже покачал крыльями. Это не удержался Тетенькин.

Полбин улыбнулся. Взгляд Ларичева потеплел.

Грохот моторов унесся на восток, опять всплыли аэродромные звуки. Стучали молотки, клепавшие изодранную обшивку самолетов, тонко визжала дрель, сигналила автомашина, собиравшая на опустевших стоянках баллоны для сжатого воздуха, раздавались голоса. И над всем этим, как боевой аккомпанемент к мелодии, стоял орудийный гул за сумрачным лесом. Желтые листья берез, красные - осин и кленов то, кружась, падали поодиночке, то вдруг начинали разом осыпаться, как снег, и тогда казалось, что стволы деревьев вздрагивают от гулкого эха артиллерийской канонады.

На аэродроме становилось пустынно, неуютно и холодно.

- План такой, - говорил Полбин, идя с Ларичевым к штабной землянке: свертываем штаб, ты забираешь Бердяева на У-2 и летишь с ним. Я остаюсь здесь, отправляю полуторку с техниками и выпускаю отремонтированные самолеты. Факин и Васин полетят на них в ге-ен-ша, поместятся. Тебе ведь хорошо было, когда со мной в Читу перелетал?

- Вполне.

- Ну вот. Потом ты возвращаешься, я пересаживаю тебя в заднюю кабину, и мы улетаем вместе. Или нет: лучше пришли за мной кого-нибудь... Скажем, Пресняка.

- А почему не я?

- Ну вот! Сам же говорил: комиссар авиационного полка должен быть там, где его летчики... А тем более, если командира с ними нет.

- А тебе зачем тут оставаться? - Ларичев прислушался к гулу

орудий. Поручил бы самолеты...

- Ну, нет! Уйду с корабля последним. Ни одной палки подлецам не оставлю!

- Хорошо. Принимается.

Самолеты были отремонтированы только к вечеру, с опозданием на полчаса против срока, установленного Ворониным. Полбин проводил их в воздух и стал ждать Пресняка, который должен был прилететь за ним на У-2.

Прошло еще полчаса. Стрельба все придвигалась. Где-то за деревьями, еще довольно далеко, поднимались ракеты, тускло светившие в бледном, холодном небе. По шоссе двигались машины, гремели гусеницы тракторов и тягачей.

На проселке вдруг появилось несколько машин с противотанковыми пушками на прицепе. Они остановились на западной окраине аэродрома. Солдаты отцепили пушки, начали рыть окопчики в сухой твердой земле. Полбин подошел к ним ближе. Хмурый лейтенант с биноклем на ремне, очевидно командир батареи, с удивлением взглянул на комбинезон Полбина, на видневшиеся из-под воротника голубые петлицы, но ничего не сказал.

"Не буду мешать людям", - подумал Полбин и быстро прошел вдоль кромки леса, решив осмотреть напоследок все самолетные стоянки. Верхушки деревьев раскачивал ветер, листья осыпались с густым ровным шумом.

"А это что такое?"

Он остановился в крайнем изумлении. В нескольких десятках метров, за деревьями, на полянке стоял самолет. Он был густо покрыт еловыми ветками, только заходящее солнце поблескивало в стеклах носового фонаря.

Приблизившись, он узнал машину, увиденную им три месяца назад на аэродроме, с которого его полк поднимался на первое боевое задание.

У самолета сидели на корточках два человека в черных куртках-"технарках".

- Вы что тут делаете? - крикнул Полбин, подходя.

Техники ничего не делали, они курили в кулаки. Когда они поднялись, оказалось, что один почти вдвое выше другого.

- Кто такие?

Высокий открыл рот, в котором нехватало одного верхнего зуба, и ответил густым басом:

- Техник-лейтенант Свиридочкин.

- Техник-лейтенант Чубуков, - представился другой, маленький, с широко поставленными глазками, выражавшими удивление и замешательство. Горящий окурок он прятал в кулаке.

- Бросьте, - строго сказал Полбин и проследил, как Чубуков, положив окурок под подошву, старательно растер его. - Вы почему здесь?

Свиридочкин присмотрелся к петлицам Полбина.

- С утра сидим, товарищ майор. Ремонтировались.

- Чья машина?

- Звена разведки эр-ге-ка.

- Рузаев командир? - Полбин вспомнил капитана из разведзвена резерва главного командования, вспомнил его расстегнутый от жары ворот гимнастерки и недоверчивое: "Да вы летали на нем, товарищ майор".

- Так точно, Рузаев, - в один голос ответили техники.

- А где же экипаж?

Свиридочкин пошевелил пальцами опущенных по швам рук.

- Да вот ждем. Вызвало командование для личного доклада. Должны прилететь.

- Ремонт кончили?

- Да.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что во время разведывательного полета "Петляков" был слегка подбит, не дотянул до своего аэродрома и сел здесь. Техники прилетели на У-2. Этот же самолет увез летчика, штурмана и стрелка. Видимо, полет в разведку был очень важным и командование хотело получить наиболее точные сведения, сопоставив доклады членов экипажа. Почему он задержался, техники не знали.

- А если не прилетят? - спросил Полбин. - Тогда что? Вон, глядите, на аэродроме уже передовая устраивается...

- Как не прилетят? Прилетят... - уверенно пробасил Свиридочкин.

"Почему мне не доложили об этом самолете раньше? - размышлял Полбин. - Вот сидят два чудака, Пат и Паташон, и ждут, пока их снаряды накроют... А если экипаж действительно не прилетит? Как быть? Приказать им, чтоб уходили, а самолет зажечь! Нельзя! Сам попробую..."

Раздалось стрекотанье У-2. Он летел над самыми верхушками деревьев, потом понесся к земле вдруг, как воробей, прыгнувший с ветки за брошенным на землю куском. Через секунду У-2 уже катился по земле.

- Ваш? - спросил Полбин, хотя сразу узнал связной самолет своего полка.

- Нет, не наш...

Увидев Полбина, Пресняк лихо развернул самолет "на пятке", подрулил к самым деревьям, выскочил из кабины и доложил, коснувшись шлема перчаткой:

- Прибыл, товарищ майор! Не выключать? Он повел плечом в сторону У-2, винт которого вертелся на малых оборотах. Удивленный взгляд Пресняка остановился на "Петлякове":

- А эти гости еще здесь? Чего они ждут?

- Ясно, чего, - ответил Полбин. - Не видал У-2 по своему курсу?

Техники "Петлякова", прислушиваясь, подошли ближе.

- Какой он у вас? - обратился к ним Пресняк. - Лимузин типа эс-пе?

- Он самый, - обрадовался Чубуков и, потирая руки, снизу вверх посмотрел на Свиридочкина, как бы говоря: "Кончились наши заботы".

- Нечего радоваться, - Пресняк сбил шлем на затылок. - Видел я ваш лимузин. Сидит на бугре, прямо на пахоте, минут двадцать лету отсюда. Должно быть, "Мессер" загнал и теперь взлететь не могут. - Он повернул раскрасневшееся лицо к Полбину: - Там "Мессеры" шныряют - жуть...

Свиридочкин с выразительным немым укором посмотрел сверху вниз на Чубукова. Совсем близко, за лесом, раздался отчетливый лязгающий выстрел из противотанковой пушки. Чубуков вздрогнул и присел на коротких ногах.

- Пробуют, - сказал Пресняк, повернувшись в сторону выстрела, и лицо его сразу стало розово-лиловым. Солнце еще не село, но за деревьями его не было видно.

Мимо быстрым шагом прошел лейтенант-артиллерист, которого уже видел Полбин.

- Почему не сматываетесь, летчики? - запальчиво спросил он. - Или хотите под пулями хвосты поднимать?

И пошел дальше, крича кому-то: "Ты мне так приготовь, чтоб я за каждым снарядом не бегал!.."

- Моторы прогревали? - обратился Полбин к техникам.

- Да, - ответил Свиридочкин.

- Тогда за дело. Маскировку долой. Ну, живо!

Пресняк вскочил на крыло У-2, выключил мотор и, мигом вернувшись, тоже стал разбрасывать еловые ветки, бормоча что-то насчет бесполезной гибели елочек, которые могли бы понадобиться к Новому году. Потом ему пришла в голову мысль: если снимается маскировка, значит самолет должен улететь. Экипажа нет. Значит, лететь должен кто-то из техников. Но почему в таком случае они раньше не улетели, дождались, пока фронт вплотную подошел?..

- Постой, - растерянно спросил он Чубукова. - Что вы сидели бестолку? Кто из вас двоих летчик-то?

- А никто, - в свою очередь растерялся тот.

- Я полечу, - резко сказал Полбин. Разбрасывая маскировочные ветки, он напрягал память, стараясь восстановить все детали давнего разговора с Рузаевым в кабине "Петлякова". Он вспоминал, какую скорость нужно держать на взлете, когда убирать шасси, на какой скорости садиться. Посадка заботила его больше всего: уже темнело, а приземляться на самолете, за штурвал которого сел первый раз в жизни, нелегко и днем. Правда, в крыле "Петлякова" есть посадочная фара, кабина хорошо оборудована приборами для ночных полетов... "В воздухе разберусь, - решил Полбин. - Надо только взять кого-то из техников на случай справок. Кажется, этот длинный потолковее".

Но тут пришла мысль, что утлый У-2 Пресняка может подвергнуться нападению "Мессершмиттов", ему надо дать в заднюю кабину человека потверже, чтобы он мог отстреливаться из "шкаса". Чубуков, вздрогнувший от выстрела "сорокапятки", крепкими нервами, кажется, не отличается.

- Вы летите со мной, - сказал Полбин маленькому технику. - А вы, товарищ Свиридочкин, поможете лейтенанту Пресняку запустить У-2 и пойдете с ним. Только бреющим!

Пресняк хотел сказать командиру, что от летчиков он слыхал, будто "Петляков" очень сложен в пилотировании и переходить на него сразу, без вывозных тренировочных полетов, - риск громадный. Но приказание "только бреющим" относилось к нему, Пресняку, и он приложил руку к шлему: "Слушаю, товарищ майор!"

Полбин уже скрылся в люке самолета. Чубуков неуверенно подошел к стремянке. Он понял, что майор раньше не летал на "Петлякове", и это внушало ему тревогу: "самолет строгий, разбиться на нем - дело нехитрое".

За деревьями опять два раза выстрелила пушка. Эхо разнеслось по лесу, дробясь и перекатываясь. Чубуков с растерянным лицом взобрался по стремянке и нырнул в люк.

Через две минуты Полбин открыл боковую шторку кабины и, высунув голову, крикнул Пресняку с улыбкой:

- Будешь мне лидировать или парой пойдем? Хорошее дело - парой! Скорость "Петлякова" наверняка втрое больше... Шутка не рассмешила Пресняка, он с тревогой посматривал на Полбина. Тот опять весело сказал:

- Ты смотри, чтоб у тебя пассажир в воздухе не переломился! Сажай его на пол, а не на сиденье... А вы, Свиридочкин, не обижайтесь, вам завидовать надо - небось, в любой самолет без стремянки забираетесь...

Спокойствие и уверенность, звучавшие в этих шутках, передались Пресняку. "Значит, уже разобрался там в аппаратуре, -

подумал он. - Ну и человек, на лету все хватает!"

Где-то под капотами моторов "Петлякова" послышался тонкий свист, он все нарастал... Раздался легкий взрыв. Один мотор, вычихнув клубок голубого дыма, ровно заработал. Затем нехотя качнулись лопасти другого винта, и он тоже завертелся с бешеной скоростью. Желтая листва сорвалась с земли, закружилась и облепила ворох еловых ветвей, медленно перекатывавшихся под напором воздушного вихря.

Самолет вырулил на взлетную полосу. Пресняк вслушивался в работу моторов. Вот они взревели... Полная мощность. "Петляков" тронулся с места и побежал. Все быстрее, быстрее. Поднял хвост в линию полета.

Момента отрыва Пресняк так и не уловил. На земле уже темнело. Самолет на секунду слился с пестрым фоном леса, а потом четко вырисовался над соснами в вечернем небе. Было видно, как он деловито поджимал под себя колеса шасси.

Пресняк сорвал с головы шлем, взмахнул им и закричал "ура".

- Ты что, лейтенант? - удивился Свиридочкин. - Не видел, как летают?

- Видать-то видал. Побольше других, может. Но такого, чтоб человек на незнакомую машину сел без вывозных, да еще так красиво поднял, видать не приходилось...

- А он что - на "Пешке" первый раз?

- В том-то и дело!

- Да... - покачал головой Свиридочкин. - Это все равно, что с велосипеда на "эмку" пересесть. Здорово, видать, летает ваш майор!..

Пресняк напыжил щеки, ударил себя по губам, показав этим, что больше ничего сказать не может.

Когда они прилетели на новый аэродром, Полбин уже сидел в землянке командного пункта. Спасенный им "Петляков" был передан разведчикам. Чубуков рассказал, что в воздухе они повстречали лимузин У-2 с экипажем. Полбин дал ракету, и экипаж тоже вернулся.

Глава XVII

Октябрьское наступление немцев на Москву провалилось. В середине ноября они подтянули свежие войска и предприняли второе наступление.

Но на Московском направлении сосредотачивались сильные резервы. Шестого декабря Советская Армия перешла в решительное контрнаступление на врага, опрокинула, разгромила его. Немцы стали беспорядочно отходить от Москвы.

Теперь Полбин, как и в июле, говорил летчикам, указывая

перед вылетом пункты на карте: "Бьем по скоплению!"

Самолеты ложились на курс и шли над освобожденной советской землей. Они настигали отступавших немцев в лесочках, лощинах, на переправах, на железнодорожных станциях, где фашисты спешно формировали эшелоны, чтобы удирать на запад. Врагу не было покоя и по ночам: советская авиация действовала круглые сутки. Полбин тоже часто летал ночью - в паре с Ушаковым или Кривоносом, а иногда и в одиночку.

Командование часто отмечало боевые успехи Полбина и его летчиков. Еще в ноябре газета "Сталинский сокол" поместила большую статью под названием: "Бейте врага, как летчики командира Полбина!" Этот заголовок был напечатан самыми крупными буквами, какие могли найтись в кассах фронтовой типографии. Мелким шрифтом, ниже, было написано: "За пять дней летчики командира Полбина уничтожили 17 вражеских самолетов, 2 танка, 64 автомашины с пехотой и грузами и 27 повозок с боеприпасами".

Этот листок с не просохшей еще типографской краской привез Ларичев. Он ездил по делам в политотдел, сильно задержался, а вернувшись, сказал Полбину без всякой связи: "Странное дело: все нормальные люди просто читают, а в редакциях, кроме того, еще "вычитывают", "считывают" и "подчитывают"! Какие-то считчики, подчитчики..." Потом вынул из полевой сумки газетный лист и поздравил Полбина с орденом Красного Знамени.

Награжден был не только он, но и Ларичев и еще около сорока летчиков, штурманов, стрелков, техников.

Полбин схватил карандаш, подчеркнул в списке фамилии своих людей и, несмотря на позднее время и возражения Ларичева, советовавшего перенести все на утро, приказал построить личный состав.

Когда награжденный после объявления своей фамилии выходил из строя, Полбин обнимал его и обменивался крепким поцелуем - знаком боевого братства и клятвы верности делу, которому они вместе служат.

Через два дня после начала советского наступления, восьмого декабря, Полбин узнал, что ему присвоено новое военное звание - подполковник. Но так как боевые вылеты были часты, а походная палатка военторга отстала из-за бездорожья, он еще продолжал носить на петлицах майорские "шпалы". Лишь через сутки вечером Ларичев вручил ему шесть блестящих эмалевых прямоугольников и новые нарукавные знаки, шутливо сказав при этом, что каждый солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл. Полбин ответил, что это в его жизни первый и

единственный случай неаккуратности в ношении военной формы, но он может быть оправдан. Личную радость захлестнула другая, общая: "Уж очень здорово наступать!"

В конце января Полбин водил группу самолетов на бомбардировку гитлеровцев, отступавших в районе Ржева. Вылет был очень удачным. Тусклый аэрофотоснимок, на котором снег казался не ослепительно-белым, как в полете, а серым, запечатлел картину удара: разрывы бомб на шоссе, а вокруг опрокинутые, завязшие в кюветах автомашины и танки.

- Это называется громкий заключительный аккорд! - сказал Бердяев, показывая снимок Полбину, вертя планшет так и этак перед окошком землянки. Начальник штаба, став майором, утратил часть своей робости и позволял себе в некоторых случаях обращаться к командиру полка без непременного "товарищ подполковник". А сейчас был именно такой случай: последний вылет на СБ прошел успешно. В бумагах начальника штаба лежало приказание о передаче материальной части "ночникам".

Выбравшись из землянки по скользким ступеням, Полбин пошел к самолетам.

Светило невысокое зимнее солнце, легкий ветерок гонял по дюралевым, не раз заплатанным крыльям самолетов струйки снежной пыли. Было морозно, но Полбин рывком растянул металлическую "молнию" комбинезона на груди и с удовольствием потянулся, зажмурившись от ударивших в глаза солнечных лучей. Холодный воздух тотчас же забрался под мех комбинезона, но это было приятно.

Итак, пройден еще один этап летной биографии. Пришла пора расставаться с СБ, "эсбушкой", "катюшей", - сколько ласковых кличек получила эта машина... Хорошо она послужила Родине! Звук ее моторов наводил ужас на самураев в монгольских степях, заставлял белофиннов зарываться в снег, бросал на землю немецких фашистов на огромном фронте от Черного до Баренцева моря... Послужила и послужит еще, как старик ТБ, четырехмоторный гигант, которому предсказывали скорый вечный отдых еще на Халхин-Голе, а он в самом начале войны с немцами бомбил их нефтеперегонные заводы в Плоешти...

Размышляя о похвальной долговечности советских авиационных конструкций, Полбин подошел к своему самолету и остановился в десятке шагов, залюбовавшись им. Стройный серебристый красавец! Твердо уперлись в утоптанный снег высокие, как у молодого петушка, ноги-шасси. Поблескивает на солнце прямое, острое крыло с мягко закругленной консольной частью. Фюзеляж от штурманской кабины до корня киля - это же звенящая стрела...

Ветер донес до слуха тихую песню.

...Стань, старушка, на стеллаж!..

Антифриз залили, трубки отепли-и-ли,

За-чех-лили фюзеляж!..

На крыле, спиной к Полбину, стоял Пашкин и натягивал на кабину брезентовый чехол, вполголоса напевая песенку, родившуюся на каком-нибудь фронтовом аэродроме:

Я поил тебя бензином чистым грозненским,

Самой лучшею касторкой заправлял...

Это была уже неправда. Баки самолетов давно не заправлялись касторовым маслом. Полбин окликнул техника:

- Егорыч!

Пашкин обернулся, сел на скользкое крыло и съехал на землю. Маленького роста, с маленьким, облупившимся от мороза лицом, он был одет в молескиновую куртку, доходившую ему до колен. Голенища черных валенок-чесанок были подвернуты. Технику часто приходится работать сидя на корточках, а длинные голенища интендантских валенок режут под коленями. На Пашкине были самодельные калоши из красной самолетной резины - пошла в ход старая камера от колеса шасси. В руках техник держал перчатки-однопалки, тоже подвернутые, так что была видна белая цигейковая подкладка.

- Егорыч, ты и в самом деле мне машину касторкой заправлял? - Полбин прятал улыбку.

- Что вы, товарищ подполковник! Только "эм-эсом", маслом силикатной очистки, высшей кондиции...

- Ладно, я пошутил... А что, жалко расставаться со старушкой?

- Жалко.

- Мне тоже, Егорыч...

Пашкин провел рукой по впалым щекам.

- Тут такую глупнстнку говорят, товарищ командир. Будто на "Петляковых" свои техники есть. А нас как же - в отставку?

Полбин успокоил его. Полк переходил на новую материальную часть во всем составе. Предполагалось, что первоначально в распоряжение Полбина будет предоставлено три самолета "Петляков-2". Пока летчики будут проходить переучивание, техники и мотористы под руководством инженеров с завода изучат новую конструкцию.

- Ты, может, боишься, Егорыч, что не сладишь с новой машиной?

- Не слажу? - Пашкин, надевший было рукавицы, снова снял их. - Как же я могу не сладить, если я уже семнадцатый год на эксплуатации работаю? Посчитайте сами, сколько их через мои

руки прошло, - он быстро стал загибать пальцы в мелких черных трещинках: - У-1, У-2, Эр-первый, Эр-пятый, "козел", то-есть Эр-шестой, Тэ-бе один, Тэ-бе третий, СБ... Я на этих машинах все винтики наперечет знаю...

- А я на них летал, - улыбнулся Полбин.

- И не боитесь с новой машиной не сладить? - Пашкин опять провел рукой по скулам снизу вверх.

- Поймал на слове, Егорыч? Нет, не боюсь.

- Ну и я не боюсь. Не построили еще тот самолет, который Пашкин не обмозговал бы...

Передача самолетов специальному подразделению "ночников" была закончена через три дня.

На новом аэродроме, уже совсем недалеко от Москвы, летчиков ожидали "Петляковы", чистые, поблескивающие свежей краской. Землянок здесь не было, так как рядом находилась деревня, в которой могли разместиться все, хотя и в некоторой тесноте. Летное поле, ровное и гладкое, как поверхность замерзшего озера, со всех сторон окружали вековые ели, угрюмые, с острыми сухими верхушками. Их утренние тени закрывали добрую половину взлетной полосы.

Полбин осматривал "Петляковых" в сопровождении Воронина и представителя авиационного завода Нибахова, тощего, нескладного человека в щеголеватой шинели с инженерскими молоточками на петлицах.

Переходя от самолета к самолету, Полбин пробовал, хорошо ли держат воздух пневматики шасси, постукивал косточкой пальца по тугой перкалевой обтяжке рулей и стабилизаторов, осматривал кабины.

Нибахов, идя сзади рядом с Ворониным, вполголоса говорил ему, жестикулируя длинными руками и часто заглядывая в лицо:

- Дотошный у вас командир... Он мне нравится. Сам летчик, а походка, как у заправского строевика. Знаете, о летчиках говорят, что у некоторых из них есть что-то орлиное в повадках. Этот, пожалуй, наиболее отвечает такому представлению...

Воронин не отвечал. Ему не нравился представитель завода. Не нравилось его удлиненное бледное лицо с приподнятыми вверх, к вискам, бровями, тонкий голос, явная склонность к пустому краснобайству. Не нравилась и походка расслабленная, вихляющая, - уж этот никогда не был строевиком... "Может, человек он и хороший, - простодушно думал. Воронин, - наверное, дело свое знает, а вот симпатии к нему никакой".

Полбин вдруг остановился.

- Ну как? - спросил Нибахов. - Будем акт оформлять?

- Погодите с актом. Вы мне сказали, что машины полностью

укомплектованы? В голосе командира Воронин уловил знакомые угрожающие нотки.

- Это так и есть, - ответил представитель завода. - Разве чего-нибудь нехватает?

- Где тормозные решетки? - гневно спросил Полбин. - Чем прикажете тормозить на пикировании? Палкой, как на ледяной горке?

- Ах, вот что! - облегченно проговорил Нибахов. - Я вам объясню. Машины отправляли в срочном порядке, решеток в сборочном цехе не оказалось. Решили отправить так.

- Кто решил?

- Ну, была санкция соответствующих руководителей завода. По моему докладу.

Полбин нетерпеливо ткнул носком сапога комок снега.

- Что же вы докладывали, товарищ инженер-майор?

Нибахов помолчал. Потом заговорил, глядя бесцветными глазами поверх головы Полбина куда-то вдаль, прислушиваясь к своим словам:

- Видите ли, я считаю, что эти решетки вам не так уж необходимы. Самолет рассчитан на пикирование, но в массовом порядке еще не освоен...

- А кто же его будет осваивать? - перебил Полбин.

- Я исходил из убеждения, - невозмутимо продолжал Нибахов, - что вы будете в основном применять сбрасывание с горизонтального полета. Я думаю, сейчас, на войне, когда так дорого время, трудно экспериментировать, да еще в полукустарных условиях. "Петляков" и без того достаточно сложен в эксплуатации.

"Так, так. Учи нас дорожить временем, - со злостью думал Полбин, глядя в лицо Нибахову. - Вишь ты, полукустарные условия... Отвели целую войсковую часть в тыл, дали отличный аэродром, квартиры, а он - "трудно экспериментировать". В белых перчатках, чтоли, на пикирование летать? Создавать каждый раз комиссию из десяти человек? "Сложен в эксплуатации"! Пашкин не более грамотен, чем ты, инженер, а через месяц он всю машину до последней заклепки знать будет."

Полбин вдруг вспомнил, на кого походил Нибахов своей манерой говорить. Это был Рубин, начальник УЛО летной школы... Такая же убежденность в неотразимости своих доводов и такое же непонимание того, что на месте топтаться нельзя...

Он готов был уже наговорить Нибахову резкостей, обвинить его в срыве боевой подготовки летчиков, но подумал, что перед ним просто заблуждающийся человек, привыкший говорить то, что говорят все, кто его окружает. Значит, дело серьезное... И он

сказал:

- Вы, инженер-майор, оказывается, Краткого курса не знаете...

- Почему? - опешил Нибахов.

- Не знаете четвертой главы. А в ней говорится о неодолимой силе нового!

Нибахов открыл рот, чтобы ответить, однако промолчал. Воронин, ожидавший, что разговор примет более бурный характер ("Ну, сейчас командир сделает из него лепешку", - думал он, слушая разглагольствования Нибахова), сказал:

- Собственно говоря, дело поправимое. Самолет товарища Нибахова здесь. Надо слетать на завод и доставить решетки.

- А кто мне лишний рейс санкционирует? - встрепенулся Нибахов.

- Я договорюсь с командованием, - ответил Полбин. - А на завод, Воронин, полетите вы.

В тот же день Полбин был в Москве, в штабе Военно-Воздушных Сил. Полковник, начальник одного из управлений, сказал ему, что Пе-2 действительно пока еще применяется чаще всего для бомбометания с горизонтального полета и поэтому на заводе не особенно следят за тем, чтобы все машины были оборудованы приспособлениями для пикирования. Полбин язвительно заметил: "Пока еще? А когда же пикировать будем? После войны?" Полковник ответил спокойно: "Вам все карты в руки. Осваивайте пикирование. В следующих партиях ни одной машины без тормозных решеток не будет".

Покончив с делами, Полбин прошелся по Москве. На улицах было людно и шумно. На стенах домов часто попадались стрелки с надписью "бомбоубежище", по мостовым, возвышаясь над толпами пешеходов и потоком автомашин, проплывали серебристо-голубые аэростаты заграждения, транспортируемые на грузовиках с прицепами. Но никто с тревогой не поглядывал на безоблачное небо, люди, спокойно разговаривая, шли по своим делам или стояли в очередях у троллейбусов. Нигде не было видно разрушений, следов бомбардировки.

"Да, это вам не Лондон и не Париж, - подумал Полбин, вспомнив хвастливые слова одного пленного фашистского летчика, сказавшего, что "Юнкерсы" не оставят от Москвы камня на камне. - Пусть фашисты бахвалятся своей доктриной Дуэ, ничего у них не вышло и не выйдет."

Ему вспомнились также слова полковника из ВВС: "Москва - единственная европейская столица, которая имела действительно надежную, непроницаемую защиту с воздуха."

"Есть и наша маленькая доля в этом деле", - подумал Полбин, решив, что по возвращении на аэродром нужно будет непременно

собрать летчиков и рассказать им о впечатлениях, которые оставила у него военная Москва.

Перед тем как ехать на аэродром, где его ждал У-2, Полбин позвонил в Покровское-Стрешнево.

Ответила Галина. Она сказала, что Федор на фронте, командует группой легких ночных бомбардировщиков. Где именно, она не знает, но во всяком случае далеко от Москвы, может быть под Воронежем. Сама она работает на оборонном предприятии. С женской непосредственностью она сообщила, что Саша давно перестал носить очки и готовится в танкисты. Почему в танкисты, она не знает... "Очень, очень жаль, что вы не можете заехать, Иван Семеныч, - сказала она. - В следующий раз, как только попадете в Москву, непременно загляните, слышите - непременно!" Полбин неуверенно пообещал, сказав, что не знает, когда будет этот следующий раз.

На свой аэродром он вернулся во второй половине дня. Заходя на посадку, прежде всего бросил взгляд в тот угол, где утром стоял пузатый транспортный самолет со множеством окошечек вдоль фюзеляжа. На нем привозили (запасные части к "Петляковым", он же должен был доставить с завода тормозные решетки. Самолет стоял яа месте.

"Молодец Воронин, уже обернулся, - подумал Полбин. - Что ж, если все карты нам в руки, возьмемся за дело. Проиграть с такими козырями нельзя."

Он ощущал большой душевный подъем. В нем пробудился азарт летчика-инструктора, для которого главными были две вещи: во-первых, обучить полетам на новой машине всех до единого, не допустить никаких "отчислений" по неспособности; во-вторых, обучить в самые сжатые сроки, сократив даже сроки, официально установленные в приказе командования. Такие задачи он ставил перед собой и раньше, в бытность инструктором летной школы. Тогда его, кроме всего прочего, подхлестывало чувство соревнования, желание опередить товарищей-инструкторов и показать "высокий класс работы". Теперь он понимал, что на него возложено дело государственной важности: шли ожесточенные бои с фашизмом, фронту нужны были летчики. Каждый выигранный день и даже час приобретал значение исключительное.

Однако не сразу все пошло удачно. К вечеру начал падать снег. Он валил непрерывно, густыми огромными хлопьями. Задолго до наступления темноты машины, двигавшиеся по аэродрому, зажгли фары и ездили на малой скорости, поминутно сигналя. Барометр падал.

Глава XVIII

Там, где сейчас спокойно текут воды Волго-Донского канала и чайки оглашают небо над степью резкими криками, летом 1942 года шли жестокие, небывалые по своему напряжению, кровопролитные бои.

Позорно провалившись с планом захвата Москвы фронтальным ударом на центральном направлении, гитлеровское командование решило прорваться к Волге, перерезать коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом, затем развить наступление на север и выйти в тыл советской столице. Сосредоточив на юге огромное количество войск, немцы нацелили свои главные силы на Сталинград. По их плану он должен был пасть двадцать пятого июля.

К середине июля немецким войскам удалось прорвать оборону наших войск. Они двинули в прорыв мощную группировку, состоявшую из двух танковых армий, и вышли в излучину Дона. Заняв Миллерово и Кантемировку на железной дороге Москва-Ростов они образовали ворота, в которые хлынули фашистские танки. По пыльным проселкам, по желтым полям дозревающих хлебов немцы тянулись на восток, к степной станице Боковская, к лежащему от нее строго на юг городу Морозовский, что на железнодорожной ветке Лихая-Сталинград. Неправильный прямоугольник, образованный четырьмя пунктами: Миллерово-Кантемировка, Боковская-Морозовокий, на советских стратегических картах был заштрихован синим цветом. Над районом Сталинграда и Волгой нависла грозная опасность.

Предвидя развитие событий, советское Верховное Главнокомандование немедленно приняло меры. В район Сталинграда были введены свежие силы, между Доном и Волгой возникли оборонительные рубежи.

Тринадцатого июля был образован Сталинградский фронт. В излучине Дона началось генеральное сражение второго года Великой Отечественной войны.

Лучшие силы советских войск стягивались для отражения яростного натиска фашистов.

Пятнадцатое июля было для Полбина памятной датой. Исполнился год с того дня, как его скоростные бомбардировщики приземлились на подмосковном аэродроме, став боевой частью действующей армии, влившись в отряд защитников столицы. Теперь они должны были вместе с другими войсками отстоять Сталинград.

В этот день Полбин с утра совершил три вылета, каждый раз во главе девятки "Петляковых". Четвертый вылет намечался на "после обеда": летчики ели рисовый суп из котелков, принесенных техниками прямо на стоянки. Суп не остывал, так как котелки

заблаговременно выставлялись на солнце. Из последнего вылета вернулись все, только самолет Пресняка с перебитым элероном сел где-то впереди, на аэродром истребителей. Файзуллин мрачно ходил по выгоревшей, бурой от масляных пятен траве, пинал ногой пустые клетки из-под бомб и поглядывал на три стоявших рядышком алюминиевых котелка с горячим супом. Палящее солнце отражалось на их крышках.

Файзуллину некуда было скрыться от солнца. Другие, как только прилетели самолеты, накрыли их пыльными маскировочными сетями и спрятались в тень от крыльев. А куда деваться технику, машина которого не вернулась?

Файзуллин вспоминал аэродромы, на которых полк побывал во время боев за Москву. Там всегда рядом был лес со спасительной тенью. Пока машина на задании, можешь побродить в зарослях, набрать горсть земляники, утолить жажду. А здесь? Ровная, полыхающая июльским зноем степь. Аэродром - кусок этой степи, ничем от нее не отгороженный. Все очень напоминало Монголию, только не было палаток и юрт. Летчики и техники жили в щелях, вырытых в твердой суглинистой земле. Щели прикрывались от дождя травой и соломой, накиданной на жерди. Постели тоже из соломы, застеленной зелеными плащ-палатками. Когда самолеты уходили на задание, а заправочные автомашины прятались в балочке за дорогой, на аэродроме негде было задержаться степному ветру. Он только шевелил придавленную комьями глины солому над щелями-землянками да раскачивал на покинутых стоянках круглые клетки из-под бомб.

Да, все напоминало Монголию, но в десяти километрах на восток лежал Сталинград. Он растянулся вдоль Волги, и для того, чтобы на машине проехать с северной его окраины на южную, понадобилось бы побольше часа. Файзуллину пришлось однажды побывать в этом городе - Воронин посылал за расходными материалами для самолетов. В кузове грузовика Файзуллин проехал от памятника летчику Хользунову, что стоял на крутом обрыве над Волгой, до Ельшанки с ее деревянными домиками. Машина все время катилась по прямой асфальтированной улице, а слева то открывалась, то исчезала широкая Волга. На том берегу желто отсвечивали под солнцем песчаные косы. Файзуллина окликнули:

- Где Полбин? Передай: командир группы вызывает!

Неподалеку стоял стройный, тоненький лейтенант, адъютант командира авиационной группы полковника Васильева.

Файзуллин покосился на котелки. Пресняк, Чекин и Шабалов могут прилететь только к вечеру, суп все равно остынет. Техник накрыл котелки брезентовым чехлом и побежал вдоль стоянок к

самолету Полбина.

- Товарищ подполковник, вас вызывает командир группы!

Полбин оторвался от карты. Он сидел в тени под крылом и вместе с Факиным вглядывался в карту, расстеленную на траве.

- Подай фуражку, Егорыч!

Фуражка покачивалась на трубке указателя скорости, выступавшей под фюзеляжем опрокинутой буквой Г. В шлеме было жарко ходить по солнцу. Надвинув фуражку на глаза, Полбин зашагал в другой конец аэродрома.

"Что еще могло случиться? - думал он по дороге. - Задание получено, цели указаны, вылет... - он посмотрел на часы, надетые поверх манжета, - вылет через двадцать две минуты... Или, может, фашисты прорвались в другом месте?"

Он ускорил шаг.

Полковник Васильев ждал его в своем "шатре". Над землянкой командного пункта была растянута на четырех кольях густая маскировочная сеть. Она защищала от глаз вражеских воздушных разведчиков и давала приличную тень. Ветер свободно разгуливал в "шатре", играл листами крупномасштабных карт, свисавших до земли с низенького деревянного столика, шевелил потные волосы на голове Васильева. Полковник был очень молод, пожалуй, не старше Ильи Пресняка.

- Вы хорошо знаете район Морозовского? - спросил он.

- Вчера и сегодня бомбил танки в этом районе, - ответил Полбин. - Ночью летал парой, ударили по скоплению.

- Читайте. - Васильев выдернул из-под карты узкую полоску бумаги и протянул Полбину.

Это была телеграмма командующего воздушной армией. В ней говорилось, что на северо-западной окраине города Морозовский немцы оборудовали склад горючего для танков. Предлагалось немедленно выслать группу самолетов и уничтожить этот склад. Исполнение донести к исходу дня.

Васильев отобрал у Полбина телеграмму и спрятал ее.

- Возьмите карту. Склад должен быть здесь в лесочке, левее элеватора. Сориентировались? Полбин положил на ладонь свой планшет.

- Да. Тут от железной дороги отходит ветка, тупичок. Они сюда загоняют составы под слив. Я видел утром...

- Верно. Часть горючего сливают в стационарные емкости, а часть танки забирают прямо с колес. Заправляются и лезут дальше. Вы понимаете, какая задача - Васильев подхватил сползавший со стола лист карты, придавил его тяжелым мраморным пресспапье, имевшим здесь чисто декоративное назначение, так как чернильницы были совершенно сухими, и

несколько мгновений молча смотрел на Полбина.

Понять было нетрудно. Вероятно, основная заправочная база у немцев в районе Миллерово. Доходя до Морозовского, танки вырабатывали горючее, выдыхались. Здесь они снова наполняли баки и могли итти дальше - на Обливскую, Суровикино, Нижне-Чирскую - навстречу нашей пехоте, артиллеристам, танкистам. Уничтожить склад - значит задержать продвижение фашистской техники, парализовать планы немецкого командования и в то же время дать ощутимый выигрыш своим войскам. Усталые, измученные непрерывными боями пехотинцы углубят свои окопчики, артиллеристы получше зароют в землю орудия, укрепят позиции...

- Какие будут приказания? - спросил Полбин, хотя у него уже сложился в голове свой план.

Васильев медлил с ответом. Он прикидывал, сколько самолетов нужно будет послать на Морозовскии, какое потребуется истребительское прикрытие. Цифры получались внушительные. При таком боевом напряжении хорошую группу сколотить нелегко. К тому же склад, конечно, имеет мощную зенитную защиту, не избежать потерь. А что, если?..

Васильев еще раз пристально посмотрел на Полбина. Командир "Петляковых" стоял прямо, хотя без напряжения. Из-под низко надвинутой фуражки с вышитым золотым "крабом" смотрели спокойные серые глаза. Взгляд был уверенным и в то же время чуть дерзким. Видимо, в этой голове билась какая-то очень смелая мысль.

Васильев знал, что Полбин бомбил с изумляющей точностью, его называли снайпером пикирующего удара. Был известен случай, когда Полбин со звеном самолетов нанес удар по железнодорожному узлу и, будто ножницами, перерезал все подводящие к нему линии, а станцию оставил нетронутой. Гитлеровцы не могли двинуть ни одного из скопившихся на станции эшелонов, а следующим ударом, уже более массовым, "Петляковы" уничтожили много танков и машин, стоявших на платформах.

- Полетите звеном. Хватит? - опросил Васильев.

- Много, - ответил Полбин, сузив глаза.

- Что? Бросьте шутить, не время, - недовольно сказал Васильев, сдвинув брови и наморщив лоб.

- Я не шучу, товарищ полковник, - ответил Полбин. - Разрешите лететь парой. Меньше машин - меньше потерь от зениток.

- Ну, это не всегда так. Шалопаев из ружья сбивают. Кого возьмете с собой?

- Майора Ушакова.

- Хорошо. Истребителей даю два звена. Не много?

- Нет. Только я хотел бы с ведущим истребителей договориться насчет работы над целью. Вот как надо бы...

Полбин вынул из планшета карандаш и, на обороте карты быстро набросал схему. Она изображала двух "Петляковых" в крутом, почти отвесном пике. Траектория пикирования была отмечена пунктиром. В верхней точке находилась одна группа истребителей. Другая была показана внизу, где "Петляковы" выходили из пике.

- Понял, - сказал Васильев, вставая со складного стульчика с полотняным сиденьем. - Вы хотите застраховать и верхний и нижний "этаж".

- Да.

Дело было в том, что в те короткие мгновения, пока пикировщики с огромной скоростью летели к земле, вражеские истребители не могли причинить им вреда. Но "Мессершмитты" подстерегали "Петляковых" вверху, при вводе в пикирование, когда все внимание летчика и штурмана было поглощено бомбардировочными расчетами, и внизу, при выходе из пикирования, где скорость "Петлякова" падала и он становился более уязвимым. Полбин предложил разбить прикрытие истребителей на две группы: одна оставалась в районе цели на высоте ввода самолетов в пике, другая снижалась и ждала "Петляковых" на той высоте, на которой они, сбросив бомбы, должны были выходить в горизонтальный полет. Если бы "Мессершмиттам" вздумалось устроить засаду па нижнем этаже, они встретили бы здесь не толыко "Петляковых", но и огонь советских истребителей.

- Дельно придумано, - сказал Васильев. - Сейчас я дам команду истребителям. Мне подбросили сегодня группу "Яковлевых", они сели на воропоновском аэродроме. - Он покрутил ручку телефонного аппарата, лежавшего плашмя на другом стульчике с полотняным сиденьем, пощелкал клапаном, подул в трубку, сложив колечком пересохшие губы: - Вызовите мне Звонарева. Да. Пусть позвонит.

- Звонарев? Мишка Звонарев? - Полбин расплылся в улыбке, сбил фуражку на затылок.

- Кажется, Михаил. Майор Звонарев, - сказал Васильев. - А что - знали его?

- Учились вместе! Инструкторами работали... Лихой парень!

- Да, мне его аттестовали как смелого командира. - Васильев тоже улыбнулся. - Вот и встретитесь с ним в воздухе, только рукопожатие не состоится до посадки. Давно не видались?

- Девять лет.

- Гора с горой не сходится... Ничего, столкуетесь на маршруте.

- Столкуемся, - все еще улыбаясь, сказал Полбин. - От склада только щепки полетят...

- Ну, ни пуха ни пера, - Васильев, задевая головой шуршавшую маскировочную сетку, оперся о стол ладонью и пожал Полбину руку. - Готовьтесь.

Дневная жара начинала спадать, когда два "Петлякова", взметнув облако пыли, поднялись в воздух и начали набирать высоту. На круге к ним пристроились истребители, взлетавшие с соседнего аэродрома Воропоново.

Полбин до вылета успел поговорить со Звонаревым по телефону. Звонарев хотел посылать ведущим истребителей одного из своих помощников, но узнав, что надо прикрывать Полбина, выразил бурную радость и заявил: "Сам пойду. Дадим жизни!"

В воздухе они приветствовали друг друга покачиванием крыльев.

Высоту набирали над аэродромом: "Мессершмитты" могли встретиться в самом начале маршрута. Когда прибор показал тысячу метров и в кабине стало прохладно, Полбин тихонько ткнул Факина в колено: "Смотри!" Справа в голубой дымке открылся Сталинград. Дома были ярко освещены солнцем, резко распределились свет и тени, и город казался огромным красивым макетом, искусно вылепленным на ровной доске. Но сравнение с макетом тотчас же исчезло: из заводских труб поднимались столбы дыма, сливаясь вверху, на высоте полета, в неподвижное облако. За одноэтажными домами Ельшанки и Бекетовки открылась широкая лента Волги, по которой сновали катера и буксирные пароходы. Город жил.

Факин еще раз бросил взгляд в окно кабины, пытаясь разглядеть Дар-гору, Мамаев курган, но в это мгновение Полбин положил самолет в крутой вираж, - и город, и Волга, и дымы из труб, быстро повернувшись, исчезли под стабилизатором.

Полбин тоже любовался городом ровно столько, сколько позволял радиус разворота. Когда мелькнул голубой кусок Волги, оправленный сверкающими на солнце песками, он вспомнил слова поэта: "О, Волга! После многих лет я вновь принес тебе привет..." И подумал: "Давно не вспоминал некрасовских стихов".

Перед глазами вдруг встало лицо жены, каким оно было очень давно, перед вылетом эскадрильи на Халхин-Гол. "Сокол ты наш сизокрылый, куда ты от нас улетел", - грустно сказала она и оправдывалась: - Я тебя первый раз на войну провожаю..."

Самолеты уже легли на курс, прямо в глаза било клонившееся к западу солнце, а Полбин думал о тех, кто сейчас находится у него за спиной, на востоке. Легко сказать "за спиной": тысячи километров отделяют его от трехэтажного дома в Чите. Но он легко может представить свою квартиру, расположение предметов в комнате, может даже без особой ошибки сказать, что сейчас Виктор и Людмила сидят за своим столом с игрушками, а Галка - ей уже скоро полтора года - ходит по комнате с матерью. Он может себе это представить, но каково им? Они не знают, где он, какие люди его окружают, что видит он. просыпаясь по утрам: лес или поле, крутые горы или морскую гладь. Им известно только, что он всегда у самолета и в самолете, что он каждый день летает на бой с врагом, для них он всегда в полете...

Да, в полете. Полбин включил кабину стрелка-радиста, окликнул его:

- Васюк! Получше за верхней полусферой...

- Смотрю! - ответил Васюк.

По бокам летели истребители Звонарева. Чтобы не обгонять "Петляковых", они изредка делали горки, небольшие развороты, и казалось, что самолеты резвятся, как стайка рыбок в прозрачной воде.

Слева, чуть сзади, самолет Ушакова. Скосив глаза, Полбин видел кабину ведомого. В стеклах фонаря иногда ослепительно вспыхивал солнечный луч и скрывал на миг лицо Виктора, сидевшего прямо, почти касаясь головой бронированной спинки. Полбин усмехнулся, подумав, что если бы он спросил сейчас Ушакова, как у него дела, тот непременно ответил бы: "Нормально".

- Дон, - сказал Факин, указывая вниз. - Сейчас Нижне-Чирская.

Когда эта большая станица с белыми домами в садах проплывала под самолетом, Факин наклонился к нижнему стеклу, пристально разглядывая ее.

- Что там увидел? - спросил Полбин.

- Ничего. - Факин выпрямился. Не рассказывать же об утренней встрече с пехотинцем, который ехал в Сталинград, в госпиталь. Пока шофер копался в машине, остановившейся на дороге около аэродрома, солдат неловко свертывал цыгарку одной рукой. Факин перепрыгнул через ров и помог ему. Солдат, проведя языком по газетной бумаге, сказал с сокрушенным видом:

- Забыл порцигар в Нижне-Чирской... Школа там есть на бугре, двухэтажная, белого камня, - будешь, пилот, пролетать, слышь, посмотри. Ночевали мы, поднялись чуть свет, я в суматохе

и забыл на парте. А порцигар трофейный, с хитростью: бумагу в щелочку заложил, крышкой хлопнул - и цыгарка готова...

- Давай, давай за воздухом получше, - сказал Полбин. - Васюк! Не спишь?

- Дремлю, товарищ подполковник!

- Я тебе дам шутить! - прикрикнул Полбин, но сам улыбнулся. Васюк не дерзил, он просто хотел показать, что бодрости у него хоть отбавляй.

Под самолетом прошла степная речка Чир, потом через некоторое время показался городок на железной дороге - Чернышковский.

- Теперь прямо вдоль железки, - сказал Факин, указывая на блестевшую далеко внизу линию железной дороги, - сейчас Морозовский.

Полбин кивнул. Он обменялся по радио несколькими короткими фразами со Звонаревым и, чуть подавшись вперед, напряженно застыл. Факину был виден его освещенный солнцем профиль. "Как орел на монете", - вспомнились ему слова моториста Коли, сказанные о Полбине, но Факин тотчас же обругал себя за неподходящие мысли перед самым выходом на цель.

Цель сразу "заговорила". Земля утопала в предвечерней золотой дымке. Казалось, что пушистые разрывы зенитных снарядов возникают сами по себе, рождаясь в прозрачном воздухе.

Истребители заняли исходное положение для встречи с врагом.

Полбин знал, что немцы очень старательно замаскировали главное бензохранилище. Нужно было его сначала найти, увидеть, чтобы потом, на втором заходе, безошибочно рассчитать бомбометание.

Много раз испытанное чувство снова охватило Полбина, как только самолет вошел в пике. Это было чувство полного, безраздельного слияния с машиной, послушно мчавшейся вниз. Пальцы рук сквозь тонкую кожу перчаток ощущали шероховатые, вздрагивающие рогульки штурвала. Весь самолет, как живое существо, дрожал от напряжения. В ушах стоял звенящий гул моторов и жаркий свист встречного воздуха.

Вниз! Вниз!

А пестрая, зелено-желтая земля поднималась вверх. Серое здание элеватора на окраине Морозовского увеличивалось, увеличивалось...

Полбин увидел конические крыши резервуаров для горючего. Замазанные маскировочной краской, они слабо выделялись на

зеленом фоне садов и кустарника, как густая россыпь грибов. Их выдавали длинные тени - ничем не замаскируешь вечно меняющуюся тень!

На железнодорожной ветке стоял состав цистерн. Паровоза не было, и состав напоминал круглый коричневый карандаш, распиленный на ровные цилиндрики.

Цель найдена!

Только тут Полбин увидел, как бешено стреляли зенитные орудия. Самолет выходил из пике, осыпаемый снарядами.

Полбин мгновенно прикинул, где огонь был наиболее интенсивным, и понял, что направление захода выбрано правильно.

На секунду в поле зрения попал обнесенный рвом сад с выгоревшими, искалеченными пожаром деревьями. Мелькнули подковообразные окопчики и в них стволы зениток, непрерывно выкидывающие огонь. Ведомый не был виден, оглядываться некогда.

- Виктор, как дела?

- Нормально! - ответ был отрывистый, быстрый, последнее "о" Ушаков проглотил: "нормальн".

Маневрируя, Полбин снова стал набирать высоту. Ушаков неотступно летел за ним. Даже дистанцию он сохранил такую, какая была на маршруте и при вводе в пике.

"Яковлевы" находились чуть выше. Их крылья поблескивали в лучах солнца.

- Заходим на бомбометание!

"Петляковы" описали круг в небе, густо усеянном пятнышками разрывов, и встали на боевой курс. Хлопки разрывов гнались за ними, вспыхивали то выше, то ниже, плясали в воздухе, как рой потревоженных пчел.

Самолеты круто пошли к земле.

Часть третья. Новатор

Глава I

Деловито, бесшумно, как знающие службу часовые, над Москвой поднимались аэростаты заграждения. Еще не зашедшее далеко солнце окрашивало их снизу в розовый теплый цвет.

Красные отблески зари лежали на крышах домов, на шпилях кремлевских башен.

Некоторое время после того, как машина выехала из ворот Кремля, Полбин не замечал, что происходит вокруг. Мыслями он был там, на заседании Государственного Комитета Обороны. Ощущение могучей силы, к которой он приобщился, владело всем его существом. Он видел коллективную работу руководителей партии и государства, с мудрым спокойствием решающих

сложнейшие вопросы. Он был безмерно счастлив оттого, что сам участвовал в этой работе, помогал ей...

Машина пересекла Манежную площадь и вышла на улицу Горького. Навстречу двигались легковые автомобили с узкими щелочками замаскированных жестью фар, крытые грузовики, длинные прицепы, на которых перевозились аэростаты. Троллейбусы, как пароходы, отчаливали от тротуаров и, лязгая проводами, набирая скорость, бежали по асфальту.

Около домов у больших репродукторов останавливались пешеходы. Ждали сообщений "В последний час". Со времени окружения и разгрома гитлеровцев под Сталинградом такие сообщения передавались все чаще: советские войска шли на запад, освобождая целые районы и области.

- Товарищ полковник, тут станем чи объедем? С того конца вам ближе будет, - сказал водитель.

Полбин ответил не сразу. Он все еще не мог привыкнуть к своему новому званию.

- Давай здесь. Пройдусь пешком.

Машина, побуксовав на ледяном бугорке, отъехала. Полбин вошел в темный, заваленный снежными сугробами переулок, в котором они вместе с Ушаковым снимали комнату. У калитки он по привычке поднял глаза вверх: хорошая ли будет завтра погода. В небе, чистом, безоблачном, не было ни одной звезды. На большой высоте недвижно висели аэростаты. Их вид всегда немного раздражал Полбина. Он привык, что все, находящееся в воздухе летит, стремится куда-то, живет...

"Ладно, стойте", - снисходительно разрешил он небесным сторожам и взбежал на крыльцо.

Ушаков был дома. Он сидел на краешке кровати и прилаживал к гимнастерке золотые погоны с голубыми кантами.

- Вот, - сказал он, - выдали сегодня. Для тебя, Иван Семенович, тоже получил. Расписался.

На столе лежала пара таких же погон, туго стянутых полоской серой бумаги.

Полбин молча потянул гимнастерку из рук Ушакова и бросил ее на стул.

- Отложи это дело. Я буду рассказывать, а ты слушай.

- А что? Разве был? - привстал Ушаков. Он слышал, что группу офицеров из Главного штаба Военно-Воздушных Сил приглашают в Кремль, но не знал, кто вошел в эту группу, потому что с рассвета находился на подмосковном аэродроме. Увидев сияющее лицо Полбина, он поспешно добавил: - Ну, я слушаю.

Полбин снял шинель, причесал волосы и прошелся по комнате.

- Обсуждали вопрос о боевом применении. Так и сформулировано было: "О боевом применении пикирующего самолета "Петляков-два". Понимаешь, выделено: пикирующего. А генерал, который этот вопрос докладывал, начал приводить примеры успешного использования "Петлякова" в бомбометании с горизонта! Обстоятельно так: цифры, выкладки, перспективы... Когда он дошел до выводов, я не утерпел...

Полбин остановился, посмотрел на расческу, которую держал в руках, повертел ее:

- У меня блокнот был... Я его на ребро поставил и показываю докладчику: вот так надо! Траекторию пикирования изобразил! - Полбин показал расческой, какое он сделал движение.

- Ну?.. Заметил? - нетерпеливо спросил Ушаков.

- Докладчик в бумаги смотрел, не заметил, а Сталин заметил! Остановил его вот так ладонью, а в мою сторону руку протягивает: скажите, мол, ваше мнение! Я, знаешь, сначала не поверил, приподнялся, глазами спрашиваю. А он кивает: давайте, давайте. Я встал...

От резкого движения Полбина со стола упал тонкий журнал в красочной обложке. Он поднял его, бросил, не глядя, на стол и продолжал:

- Встал, доложил, кто я, и говорю, что "Петляков" - первоклассный пикирующий самолет! Во-первых, в этом самолете хорошо разрешена задача обзора и очень удачно расположено место летчика. Во-вторых, всем требованиям в отношении прочности на перегрузках самолет вполне удовлетворяет. В-третьих, пикирующий вариант бомбовой нагрузки по количеству и калибру бомб вполне достаточен для поражения очень прочных целей... Верно это или нет?

- Верно, - подтвердил Ушаков. Он приладил самокрутку к своему короткому янтарному мундштуку, но забыл ее зажечь.

- То-то же, что верно! Я вижу, меня слушают, и подвожу категорически: на основе личной практики считаю, что вопрос о боевом применении самолета "Петляков-два" нужно решать так, и только так: пикировать! Применять его иначе - все равно, что пользоваться исправным ружьем, как дубиной...

- Ну, это не совсем так, Иван Семенович, - вертя коробок спичек, сказал Ушаков. - Тут ты подзагнул, сам увлекся...

Полбин машинально провел расческой по волосам, улыбнулся:

- И Верховный Главнокомандующий это заметил. Прервал меня и спрашивает, не исключаю ли я этим категорическим заявлением всякую возможность применения "Петлякова" для сбрасывания бомб с горизонтального полета. Я поправился.

Отвечаю, что по целям, которые представляют собой площадь, например по аэродромам, можно бомбить с горизонта, и ночью тоже. Но все-таки, говорю, лучше пикировать, ибо с пикирования можно поразить даже отдельный танк, отдельную батарею...

- А он что?

- Улыбнулся, пригласил меня сесть, а потом к докладчику поворачивается: мол, не все практики разделяют вашу точку зрения.

- Значит, поддержал? - Ушаков чиркнул спичкой и стал закуривать.

- Полностью поддержал.

Помолчав, Полбин подошел к столу, взял журнал.

- Это что - новый?

- Да. На аэродроме дали. Там и мы с тобой есть.

- Как?

- Фотографии наши.

- Ну-ка, ну-ка...

Полбин быстро перелистал страницы журнала - первого номера "Красноармейца" за 1943 год. Под виньеткой с надписью "Герои Великой Отечественной войны" было помещено пять небольших портретов. Первым шел майор Ушаков, за ним - полковник Полбин. Оба в гимнастерках с петлицами и "шпалами". Такими их снимали в прошлом году, когда обоим за бомбовый удар по складу в Морозовском было присвоено звание Героя Советского Союза.

- Та-ак, - протянул, усмехнувшись, Полбин, - а ты что ж с погонами торопишься? Хочешь новую фотографию заказать?

- Приказано в штабе носить повседневные, - ответил Ушаков, посасывая мундштучок.

Полбин сорвал бумажную наклейку с погон, лежавших на столе, повертел их в руках, примерил один к плечу.

- Приказ есть приказ, - медленно проговорил он. - А я все-таки фронтовые не сниму.

- Ну? - скосил глаза Ушаков.

- На фронт проситься буду. Ты как?

- Прикажут - пойду.

Полбин положил Ушакову руку на плечо.

- Знаю, что пойдешь. Тебе нынешняя наша работа нравится?

Ушаков старательно выковырял из мундштука окурок, придавил его в блюдце с отбитым краем и сказал серьезно:

- А что - работа интересная... Скоро с инспекцией на фронт полечу.

- Одно дело с инспекцией, а другое самому командовать. Учить людей, как бить врага и самому бить. Да так, чтобы

чувствовал!

- Видишь ли, Иван Семенович, - с прежней серьезностью ответил Ушаков, оба мы летчики, да летчики разные. Как выпускники одного института: одному директором школы быть, другому - просто учителем. Я скорее учителем согласился бы...

"Не прибедняйся, Виктор", - хотел было сказать Полбин, но подумал, что товарищ, пожалуй, прав. Отличный, первоклассный летчик, он обладал излишне мягким характером. Доброта его и любовь к людям были беспредельны. Ларичев когда-то сказал Полбину, что такой характер вырабатывает в летчике его профессия: побывав в холодном небе, все-таки не приспособленном, несмотря на неописуемую красоту свою, для существования человеческого, летчик приходит на землю и каждый раз заново видит ее чистой и прекрасной, теплой и ласковой. И в людях он находит только лучшее, только задушевное и доброе.

Полбин не задумывался над тем, какая доля этих качеств есть в нем самом. Он любил своих боевых товарищей большой и честной любовью, но умел подавлять в себе жалость, если этого требовали обстоятельства. Оправдание своей командирской твердости он видел в том, что сам умел делать все, чего требовал от подчиненных ему людей.

Он понимал, что Виктору действительно по душе его новая работа по обучению летчиков и что он никак не ищет тихой пристани. Однако он сказал:

- В званиях у нас разница, Виктор. Меня могут на дивизию послать, а тебе, наверное, дадут полк...

- Не только в званиях, Иван Семенович, - улыбнулся Ушаков. - Пускай нам каждому полк дадут - тебе и мне, а ты все-таки лучше командовать будешь.

- У меня опыта больше, - без ложной скромности ответил Полбин. - Всему люди учатся.

- Это верно, - согласился Ушаков и посмотрел на часы: - Сегодня еше темно было, а я уже на старт выруливал. Давай-ка лягу спать.

Через несколько минут он уснул. Полбин включил лампу с абажуром, проверил светомаскировку на окнах и сел к столу. В планшете, под желтым, потрескавшимся целлулоидом, лежали конверты и бумага. Взяв перо, он начал писать и вместо обычного "Манек, я жив, здоров" вывел: "Дорогая, милая моя Манечка! Недавно начался новый, девятьсот сорок третий год, начался счастливо: победой под Сталинградом, ударами по врагу на других фронтах". На второй страничке узкой почтовой бумаги Полбин написал о самом главном: "Манечка! Ты не

представляешь счастья, которое я испытал в этом году. Я был в Кремле!"

Подошло время "Последних известий". Он быстро поднялся и включил радио. Диктор перечислял населенные пункты, освобожденные советскими войсками. Родные, русские названия: Березовки, Осиновки, Дворики... Полбин вспомнил, как в начале войны, осенью сорок первого года, он летал ночью бомбить колонну танков, расположившихся в овраге около деревни Машенька. Танки были зажжены. Бердяев записал тогда в летной карточке: "Удар по населенному пункту Машенька. Три СБ, ночной. Задание выполнено". Полбин потребовал исправить: "По танкам противника в овраге, что в 1,5 км от деревни Машенька", и указал масштаб карты. Бердяев заметил, что такая длинная запись не поместится в графе.

- А ты сделай звездочку и вынеси на поля, - сказал ему Полбин. - Когда "по Берлину" запишешь, тогда спорить не стану!

Где сейчас они, боевые товарищи - Ларичев, Бердяев, Кривонос, Пашкин, Файзуллин? Кривонос был серьезно ранен осколком в своей щели на аэродроме во время бомбежки. Но, вероятно, теперь уже вернулся в полк. Гоглидзе убит. Пресняк лежал в госпитале, когда Полбин и Ушаков улетали в Москву.

Его гвардейский полк воюет где-то в районе среднего течения Дона. А он? Правда, нынешняя его работа интересна и очень важна. В штабе он бывает немного, большую часть времени проводит на аэродромах. Его опытом интересуются, да и есть чему поучить людей. И учить нужно, об этом говорил сегодня Верховный Главнокомандующий...

Все-таки надо уйти в строевую часть, на фронт. Впрочем, рапорт уже подан, и просьбу, наверное, удовлетворят...

Он достал почти законченное письмо и быстро дописал: "Три с половиной месяца работал в Москве. Эта работа, да еще в условиях войны, не по моему характеру. Оторвать меня от техники, от самолета - это непостижимое дело! Прошусь снова в Действующую, громить врага!"

Глава II

Недалеко от аэродрома пролегала пыльная проселочная дорога. По ней в сторону фронта непрерывным потоком шли танки, тягачи с орудиями большой мощности, стволы которых были закрыты чехлами, машины с пехотой и легкими противотанковыми пушками на резиновых колесах. Жаркий июньский ветер дул с востока, и если машина останавливалась, пыль тотчас же оседала на нее. Солдаты поспешно прятались внутрь фургона.

В степи поднимались хлеба. Рожь стояла высокая, по грудь.

Над зелено-желтым морем, уходившим до самого горизонта, висели темные полосы клубящейся пыли, вытянутые по ветру, с востока на запад; по другим проселкам тоже шли войска, двигались машины.

Аэродром был на опушке молодого лиственного леса. На карте этот лес имел бы правильные круглые очертания, но одна четверть круга была вырезана, и в этом недостающем секторе находилась летная полоса, стояли самолеты. Они прятали свои двухкилевые хвосты между деревьями, а острыми носами смотрели на фронтовой полигон, отделенный от аэродрома широкой лощиной. На противоположном скате лощины был опахан плугом большой круг, а в нем - значительно меньший с белым, нанесенным известью крестом в центре.

Утро только начиналось. Летчики завтракали в столовой в лесу, и группами выходили на стоянки.

По тропинке, которая вела к окраине аэродрома, шли трое. Впереди высокий, с пушистыми русыми усами на молодом загорелом лице, за ним такой же рослый, но пошире в плечах, гладко выбритый, со свежим порезом на подбородке; шествие замыкал резко уступавший товарищам в росте, но крепко сбитый, круглоголовый паренек с очень живыми черными глазами и румяными щеками.

- Сядем покурим, а? - сказал усач и опустился на мягкую траву под молоденькой березкой.

- Гусенко! Куда ты сел? - крикнул, нагибаясь, черноглазый. - Мина!

Он поднял что-то в траве. Это была маленькая немецкая мина с оторванным стабилизатором.

- Ничего, она дохлая, - сказал Гусенко. - Кинь ее, Петя.

- Дай-ка мне, Белаш, - проговорил третий, взял мину и, сильно размахнувшись, швырнул ее вверх. Шурша и кувыркаясь, мина описала крутую дугу и упала в пыльную лебеду недалеко от дороги.

- Легче, Панин, - сказал Гусенко. - Пехота еще до фронта не дошла, а ты уже минами закидываешь.

На дороге стояла крытая машина. Шофер подливал воды в радиатор, два солдата выглядывали из фургона. Пыль садилась на их новенькие каски, неизвестно зачем надетые в такую жару.

Панин провел рукой по щеке, словно проверяя, хорошо ли выбрит, прищурился.

- Недолет сто метров, - произнес он. - Если немцы будут так стрелять из минометов, солдатам только покуривать...

- Если, если... Кто сегодня сводку слушал? - спросил Гусенко, обнимая колени руками.

Белаш снял с себя планшет, положил на траву и сел на него с притворным кряхтеньем.

- Ох, грехи тяжкие... Я сам не слушал, комсорг рассказывал...

- Ну, что?

- Ничего существенного не произошло.

- На всех?

- На всех фронтах.

- Сегодня какое - десятое? - вмешался в разговор Панин. Он прилег на траву, лицом к товарищам. - Значит, уже пятый день одно и то же. А это как же - "ничего существенного"? Днем и ночью идут...

Он указал большим пальцем правой руки себе за спину.

- Твои боевые друзья, - ответил Гусенко, глядя на дорогу. - Пойдут в бой с воздуха поддерживать будешь.

- Я-то вряд ли, - Панин выгреб из-под локтя мелкие камешки, подмостил травы. - Командир корпуса сказал, что моя специальность - разведка.

- Понравилось?

- Ему понравилось, - невозмутимо ответил Панин, делая ударение на слове "ему". - Говорит, никто до сих пор таких богатых фотопланшетов не привозил. Я у них, знаешь, какую площадь за неделю заснял...

- Быть тебе с орденом, - сказал Белаш, блеснув черными глазами. - Про Полбина рассказывают, что если он в кого-нибудь влюбится, так никаких наград не жалеет.

- Что значит влюбится? - Панин опять потер бритый подбородок. - Я не дама, во-первых. А во-вторых, он боевых парней любит, вот что.

- Да-а, - усмехнулся Гусенко, погладив усы. - Тебя дамой не назовешь. Один раз только мою бритву взял, и я после этого переключил ее на чинку карандаша... А кто это тебе, Петя, про командира рассказывал? - Он повернулся к Белашу.

- Кто? Синицын.

- А-а, Синицын! - Гусенко вынул изо рта папиросу, рассмеялся. - Давно?

- Позавчера.

Гусенко продолжал улыбаться, усы его над молодыми розовыми губами топорщились.

- Тогда понятно. Заходил я в штаб метео узнавать. И вдруг вылетает из кабинета командира твой Синицын. У тебя щеки красные, а у него были - ну, хоть прикуривай...

- Стружку снял? - приподнялся на локте Панин. Выражение "снять стружку", означавшее выговор, разнос, бытовало у авиационных техников и Панину очень нравилось. Он сам любил

иной раз "снять стружку" с нерадивых мотористов, когда готовился к важному вылету в разведку.

- Снял, - ответил Гусенко. - И, видать, резец на большой угол был поставлен. Синицын меня чуть с ног не сшиб. Только отдувался, будто двадцать стаканов чаю выпил.

- Я знаю, за что его, - сказал Белаш и вдруг быстро вскочил на ноги: что-то треснуло под ним в планшете. Вытащив две половинки сломанного карандаша, он сокрушенно покачал головой. Потом торопливо достал из планшета навигационную линейку, алюминиевый ветрочет с целлулоидным ползунком, осмотрел их.

- А ты, Петя, садись на травку, - язвительно заметил Панин. - Штаны, конечно, тоже табельное имущество, но если в полете выяснится, что у тебя линейка на две части распалась, посвистишь с расчетами.

- Цела линейка-то...

- Значит, повезло. Так за что его, говоришь?

Белаш расстелил на траве измятый носовой платок, уселся и показал обломки карандаша:

- Вот за это самое.

- Не понимаю, - сказал Панин.

Гусенко догадался:

- За неисправность материальной части. Так?

Белаш кивнул.

- Точно. У него левая амортстойка шасси дала трещину. Утром он это узнал, а доложил командиру полка только вечером. Тут как раз командир корпуса нагрянул. Вызвал его к себе и спрашивает: "Почему?" Синицын отвечает: "Все равно, - говорит, - в бой сейчас каждый день не летаем, а для учебных полетов ее и завтра можно подготовить. У нас по расписанию полеты завтра".

- Ну, ну? - торопил Панин.

- Ну и дал ему командир на всю железку. "Ты же, - говорит, - боеготовность корпуса срываешь! Развращаешь молодняк! Грань между учебными и боевыми полетами проводишь! Забываешь, что на фронте находишься..." И еще в таком роде.

- А ты как, Петя, считаешь, - серьезно сказал Гусенко. - Зря, что ли, Синицын получил?

- Нет, не зря, думаю.

- Без всяких "думаю" правильно. А если сомневаешься, так, значит, и тебя Синицын развращает.

Белаш вспыхнул, но его опередил Панин:

- Ты сказал, что Полбин для любимчиков наград не жалеет. Синицын с ним еще в дивизии служил, они вместе воевали. Я знаю, что Полбин только месяц дивизией командовал, а Синицына орденом наградил.

- Значит, заслужил. А теперь разленился и совсем другое получает. Командир наш "сачков" не любит, вот что.

- Справедливый, - поддержал Гусенко. - А главное - боевой. Видал: сам полковник, а замполит и начштаба генералы. Не каждому полковнику такой корпус дадут.

- Он Герой Советского Союза... - тихо сказал Белаш.

- Вот я и говорю - настоящий герой. И если Панин орден получит за разведку - значит, стоило дать.

- А я разве против? - надулся Белаш. - Да что это вы меня к стенке прижали? На одного лейтенанта два старших - конечно, сдюжите.

- Не собираемся тебя прижимать, - сказал Панин. - Нам немца сдюжить надо.

Белаш совсем разобиделся.

- Вам? А мне что? Не надо - так по-вашему?

- Не говори ерунды, Петя, - сказал Гусенко. - Все пойдем. И до этого недалеко...

Белаш сорвал ромашку и начал по одному выдергивать нежные лепестки, приговаривая:

- Прилетит - не прилетит. Прилетит - не прилетит...

Гусенко с минуту очень серьезно следил взглядом за пальцами Белаша, потом легким ударом снизу вышиб ромашку из его рук.

- А ты все-таки развращен, Петя. Лучше на часы посмотри. Вот!

- Ну и что? - черные глаза Белаша стали круглыми. - Без пяти. Сказано было - построение в восемь, а сигнала еще нет. Значит, не прилетел.

- Он сейчас в дивизии Рубакина, - оглянулся через плечо

Панин. - У них учения сегодня в пять утра начались.

- Ничего не у Рубакина. Вот он!

Гусенко бросил ромашку и рывком встал на ноги. Над лесом показался У-2. Он летел на небольшой высоте, с запада, и ветер относил звук его мотора. В воздухе беззвучно кренились две тонкие черточки. Колеса шасси издали казались подвешенными на коротких паутинках.

Гусенко, Панин и Белаш быстрым шагом пошли по кустарнику к землянке командного пункта. Туда со всех концов спешили летчики. Общее построение личного состава было назначено на восемь часов.

Полбин посадил самолет и подрулил к командному пункту.

Навстречу вышли командир авиационной дивизии полковник Дробыш и командир полка майор Пчелинцев.

Полбин выслушал доклад у самолета, держа в руках кожаные перчатки. Потом снял шлем, достал из кабины У-2 фуражку с голубым околышем, надвинул ее на глаза и пошел к штабу на полшага впереди Дробыша и Пчелинцева.

Летчики стояли в положении "вольно" под деревьями в ста метрах от землянки.

- Может, боевой вылет монтируется? - вполголоса спросил Белаш своего соседа, старшего лейтенанта Синицына.

- Дождешься, - хмуро ответил тот. - Откроется академия на целый день. Повторение пройденного...

- Летать тоже будем, - не унимался Белаш. - Вон технари бомбы подвешивают.

- Это разве полеты? По кругу да по кругу. Ты мне дай по настоящему дзоту гвоздануть.

- Дождешься! - сказал другой сосед Синицына, лейтенант Плотников. Из-под шлема у него выбивался клок вьющихся светлых волос, зачесанных на висок.

Синицын недружелюбно взглянул на него и промолчал.

Плотников говорил с ним, не поворачивая головы, глаза его, добродушно-ласковые, прикрытые выгоревшими на солнце длинными ресницами, были устремлены на пыльный проселок.

- Можно и другого дождаться, - продолжал он, как бы рассуждая сам с собой. - Спросит пехота по радио: "Что за мазила там у вас, правый ведомый? Бьет по дзоту, а летит в болото... Мне лягушат незачем стращать, мне надо немцев бить! Взялись помотать, так помогайте!"

Намек был очень прозрачен. Синицын зашипел от злости, но тут раздалось:

- Смирно! Равнение направо!

Все вытянулись н повернули головы. Полбин поздоровался с

летчиками, послушал, наклонив голову набок, как лесное эхо повторило дружный ответ, и спросил:

- Ко мне как к командиру корпуса вопросы есть?

Молчание. Неподалеку в строгих позах стояли Дробыш и Пчелинцев. Дробыш был маленького роста, рядом с широкогрудым командиром полка он казался щуплым. Фуражка у него, как у Полбина, была низко опущена на лоб, прикрывая глаза от солнца.

Белаш знал, что вопрос Полбина остается без ответа не потому, что летчиков стесняет присутствие непосредственных начальников. Каждый раз, прилетая в полк, - а прилетал он, начиная с мая, почти ежедневно (когда только успевал побывать на аэродромах других полков!) - Полбин задавал этот вопрос и подробно, обстоятельно отвечал летчикам, если кто-либо интересовался боевой работой соседних подразделений, ближайшими перспективами учебы... Но сегодня все молчали, даже Синицын, обычно спрашивавший:

"Когда в бой, товарищ полковник?" Полбин обводил взглядом лица и задерживался на каждом долю секунды, поворачивая голову короткими, почти незаметными рывками. Встретившись с этим взглядом, Белаш почему-то отвел глаза. Он увидел тонкие, плотно сжатые губы Полбина, хорошо выбритый подбородок, крепкий, угловатый, без ямочки. Ворот гимнастерки туго охватывает загорелую шею, подворотничок свеж и подшит весьма тщательно. К тонкой шерстяной гимнастерке прикреплены два ордена Ленина, два боевого Красного знамени. Над орденами - "Золотая Звезда", под ними, на муаровых лентах, две медали - "За оборону Москвы" и "За оборону Сталинграда". На правой стороне груди красно-золотой эмалевый знак "Гвардии". Полбин всегда появлялся перед строем летчиков в этой гимнастерке с орденами и очень строго отчитывал тех, кто не носил своих наград, заставляя тотчас же бежать за ними и надевать при нем. Белаш скосил глаза на свою медаль "За отвагу".

- Я знаю, - твердо, громко заговорил Полбин, - некоторые из вас думают: почему из-за того, что молодое пополнение не обучено пикированию, должны сидеть за партой и мы, старички? Почему мы раз в неделю летаем на бомбежку противника, а каждый день занимаемся повторением пройденного, ковыряем землю около аэродрома?

Он помолчал, в глазах исчезла усмешка, они стали жесткими.

- Я отвечу так, как отвечал уже некоторым товарищам в отдельной беседе: во-первых, потому, что у нас есть твердые и точные приказы высшего командования на сей счет, а приказы нужно исполнять твердо и точно; во-вторых, потому, что на

нашем участке фронта в данный момент оперативная пауза, относительное затишье, и это дает нам возможность подготовить не только отдельных снайперов бомбометания, но и сделать все экипажи пикирующими; в-третьих, потому, что ни в одном деле, а особенно в летном, нет предела совершенствованию, а значит, наряду с молодежью должны учиться, непрерывно улучшать свои результаты и так называемые старички... Вопросы есть?

Нет, вопросов быть не могло. Все знали, что командир адресует свою речь только "некоторым". Кроме Синицына, сказанное приняли на свой счет еще два-три человека.

- Сейчас пройдем на опушку, оттуда лучше виден полигон.

Пчелинцев дал команду, и летчики двинулись вдоль стоянок строем по три, экипаж за экипажем. Полбин быстрой легкой походкой шел в стороне и говорил что-то Дробышу. На середине пути Дробыш коснулся козырька фуражки, остановился, дослушал последнюю фразу командира корпуса и направился обратно, к штабу.

В конце аэродрома летчики выстроились полукругом, открытым в сторону полигона. Полбин сломал гибкую ветку орешника и, оборвав листья, превратил ее в указку.

Пчелинцев доложил ему, что личный состав собран для выслушивания задачи, и сделал шаг в сторону.

Полбин взмахнул прутиком, опустил его к начищенному сапогу.

- Товарищи, - сказал он, - авиация существует для того, чтобы помогать пехоте, вообще наземным войскам; помогать им, взаимодействовать с ними. Это понимают все. Уясняя каждую нашу задачу, мы должны исходить из этой общей установки. В ближайших операциях нам придется бить по целям, которые называют малодоступными. Это будут переправы, мосты, а иногда даже отдельные огневые точки противника, его артиллерийские батареи. Что значит промахнуться в этом случае? Это значит поставить под удар своих. Кого - своих?..

- Пехоту, - сказал Белаш и смутился, так как его голос одиноко прозвучал в тишине.

- Правильно, пехоту. Значит, нужно каждую бомбу класть в цель. Теперь смотрите... Он указал прутиком в сторону полигона:

- Малый круг с крестом - цель. Ее размеры выражаются в нескольких метрах. Это вражеская долговременная огневая точка, дот. Трудно поразить такую цель? Он быстро повел глазами по лицам. - Лейтенант Плотников! Ваше мнение?

Плотников вздрогнул, моргнул белесыми ресницами:

- Нелегко, товарищ полковник! - и добавил поспешно: - Но если это дот, то я его любой ценой разделаю!

- А если пока только мишень?

- Тоже.

- Что "тоже"?

- Ну, уничтожу.

- Любой ценой? - Полбин склонил голову набок, сощурился, ожидая ответа. Плотников медлил только секунду:

- Да.

- Неверно! Плохой ответ, не годится. Не любой ценой, а точным попаданием с первого захода! Положенным количеством бомб - и не больше.

- Как утку влет, со вскидки, - сказал низким басом Пчелинцев. - И не дуплетом, а из одного ствола...

- Правильно, охотник! - едва заметно улыбнулся Полбин. - Можно даже дуплетом - ведь бомбим часто серией, - но с одного захода, с одного выстрела. Чем дольше будешь висеть над целью, тем скорее тебя зенитки снимут. "Любая цена" может оказаться ценой жизни. Стало быть, точность расчетов, точность удара - первое требование...

Глава III

Генерал-майор авиации Крагин, заместитель командира корпуса по политической части, был старше Полбина годами. Безусым юнцом он участвовал в гражданской войне, а затем долгое время находился на политической работе в самых различных родах войск, исключая только флот. Был комиссаром кавалерийского эскадрона, артиллерийского дивизиона, работал в саперных войсках, в мотомеханизированной дивизии, в войсках связи. Перед самой войной попал в авиацию.

И везде, куда бы его ни посылала партия, он помнил одно: техника техникой, а главное все-таки люди.

Он умел командовать по-кавалерийски, растягивая слова, знал толк в "аллюрах", "вольтах", мог собрать и разобрать полевой телефонный аппарат и устранить его неисправность, знал устройство и режимы работы танкового мотора, хорошо разбирался во всех видах авиационной техники, но лучше всего знал советского солдата, все этапы роста которого прошел сам - от вестового командира роты до генерала. Если бы в служебных анкетах, в графе "профессия", было принято писать "комиссар", Крагин мог бы сказать это о себе с полным правом.

Он был среднего роста, полный, с добродушным круглым лицом, которое становилось строгим, когда он, делая доклады на собраниях, надевал очки в светлой оправе. Обычно очков он не носил. Припухшие верхние веки придавали его лицу постоянное выражение только что проснувшегося человека. Это выражение не исчезало, даже если Крагину приходилось провести одну-две

ночи без сна.

Минувшую ночь Крагин почти не спал. До двух часов он знакомился с партийными документами летчиков, прибывших из запасных полков, а в пять утра начались полеты в дивизии Рубакина. Крагин был на аэродроме вместе с Полбиным, а когда тот улетел к Дробышу, остался на совещании комсоргов подразделений. На совещании обсуждался вопрос о мерах помощи молодым летчикам, осваивающим пикирование. Это была важная, едва ли не центральная задача дня, и Крагин считал своей обязанностью участвовать в каждом таком совещании.

Теперь он ехал в дивизию Дробыша. Машина быстро катилась по ухабистой дороге, изрядно искромсанной гусеницами танков. По обеим сторонам поднимались хлеба, густо обсыпанные пылью. Светло-синие васильки и нежноголубые волошки утратили свой натуральный цвет.

Крагин молча смотрел вперед и думал о командире корпуса, с которым работал уже третий месяц. Полбин сразу понравился ему своей прямотой, умением принципиально подходить к решению и больших и малых вопросов, а особенно тем, что он, приступая к делу, которое касалось всего соединения, начинал с партийной работы. "Надо поднимать партийные массы, Филипп Иванович", - говорил он тотчас же по получении важных приказов командования. У Крагина был большой личный опыт, но он не считал свое самолюбие ущемленным, если Полбин сам подсказывал план проведения партийных активов и других мероприятий, то-есть как бы перехватывал инициативу у заместителя по политической части.

Единственное, что поначалу казалось ему неправильным в действиях командира - это стремление Полбина лично проводить занятия с летчиками на всех аэродромах. В разговоре с командиром дивизии Рубакиным, резким, самолюбивым человеком, Крагин пытался выяснить его точку зрения на этот вопрос и убедился, что Рубакин не совсем доволен частыми визитами командира корпуса. Рубакин считал, что его подвергают излишней "опеке".

"Так ли это? - думал Крагин. - Нет, пожалуй, Рубакин не прав. Если бы у него был опыт Полбина как летчика, тогда обида была бы резонной. И даже не столько важен здесь летный опыт, сколько умение проводить занятия, находить правильную методику. Нет сомнения, Иван Семенович именно эту цель и преследует: показными занятиями научить всех своих командиров работе с молодняком".

Машина подошла к аэродрому, но вынуждена была остановиться на окраине летного поля: садились самолеты.

Крагин подсчитывал их, насчитал девять. Значит, вернулись все. Генерал догадался, что это девятка, которую в этот день должен был повести Дробыш, - вылет обученных экипажей.

Крагин подъехал к командному пункту, когда Дробыш в шлемофоне, с планшетом в руках докладывал Полбину о полете. Они вместе смотрели на карту и не заметили тихо подъехавшей машины. Крагин прислушался, не открывая дверцы.

- Сколько их там? - спросил Полбин.

- Нельзя было подсчитать, зенитки мешали, - ответил Дробыш. Он часто сыпал словами, и они казались маленькими, круглыми, подстать ему самому. - Но я сфотографировал, товарищ полковник, сфотографировал... - последнее слово он растянул с ударением.

- Надо сейчас же проявить пленку и дешифровать. Распорядитесь.

- Сейчас сделаю, - ответил Дробыш и пошел к землянке.

- Побыстрее! - крикнул ему вдогонку Полбин. - Да спросите Пчелинцева насчет Панина...

- А что? - повернулся на ходу Дробыш. Увидев Крагина в машине, он приложил руку к шлему в знак приветствия. Крагин кивнул, открыл дверцу.

- Он скажет! - Полбин повернулся. - А, приехал, Филипп Иваныч! Подкрался и молчишь...

- Не хотел мешать, - сказал Крагин. - Что там Дробыш нашел?

- Аэродром. Большой базовый аэродром немцев. Стягивают силы.

- Он его бомбил?

- Кто, Дробыш? Нет, обнаружил на обратном пути, когда уже без бомб шел. Но база, видимо, большая. Немцы его долго прятали. Судя по всему, это аэродром, на который подтягиваются резервы. Оттуда они будут разлетаться на оперативные точки. Надо бы их упредить. - Полбин потер кулак о кулак.

- А как это сделать? Послать еще девятку?

- Думаю, днем не разрешат. Там очень сильная зенитная охрана, будут потери. Ночью бы надо... Ты обедал?

- Нет.

- Пойдем пообедаем.

Они вошли в лес. В столовой было уже пусто. Присев у края стола, они подождали, пока проворная Катя подала им суп.

- Ты, я вижу, всласть полетал, Иван Семеныч, - сказал Крагин, подсаливая и без того соленый суп.

- Всласть! Ты только послушай: "бочки" вертел.

- На "Петлякове"?

- Да.

Крагин удивленно поднял брови.

- Ты?

- Сначала Панин, а потом я. Панин - это разведчик, знаешь?

- Знаю. Так неужели "бочка" получается?

- Отлично получается. - Полбин довольно усмехнулся. - Панин, оказывается, давно с такой мыслью носился, расчеты составлял, обдумывал. Потом вырвался в воздух на свежих моторах и крутнул. Не утерпел, говорит...

- Значит, без ведома командования? Это ты насчет "бочек" Дробышу сказал, чтоб узнал у Пчелинцева?

- Да. Я думаю, что за самовольничанье Панину трое суток по меньшей мере полагается. Надо для порядка...

- Постой, Иван Семенович, - глаза Крагина стали совсем маленькими, - но ты и сам "бочки" делал? Как же так?

Полбин понял намек и рассмеялся.

- Во-первых, я делал потом, а наказание полагается зачинщику. А во-вторых, если бы не закон дисциплины, требующий взыскивать за нарушения, я бы Панина простил.

- Пока не вижу логики.

- Объясню. Я тебе рассказывал о Синицыне?

- Да. Его дело будет разбираться в партийном порядке.

- Следует, конечно. Так вот Синицын болтал, что "Петляков", дескать, тяжеловат, с трудом маневрирует в зоне зенитного огня. Это, безусловно, ерунда, сам Синицын тяжеловат, а не "Петляков". Но такой слушок на молодняк может повлиять, помешает в учебе. И тут панинская дерзость весьма кстати. Его опыт доказывает изумительную маневренность нашей машины, во-первых. Он доказывает ее высокий запас прочности, во-вторых. С этой точки зрения "бочки" Панина есть выступление новаторское...

Крагин отложил ложку, улыбнулся:

- Вот теперь вижу логику. И к твоим "во-первых" и "во-вторых" добавил бы третье: опыт Панина доказывает, что "Петляков" способен не только обороняться от вражеских истребителей, но и наступать на них в вынужденных случаях.

- Тоже правильно.

- А в-четвертых, хочу поделиться с тобой некоторыми соображениями. Это не находится в прямой связи с панинским опытом, но близко по теме. Я думал насчет того, как нам усовершенствовать систему поощрения молодых...

Крагин отодвинул пустую тарелку, взял второе - залитое дымящимся соусом мясо с рисом.

- Зачем так много, я растолстею, - шутливо сказал он Кате, на что та ответила, убегая к очагу:

- Кушайте на здоровье!

Полбин уже собирал вилкой последние крупинки риса на тарелке и исподлобья поглядывал на Крагина. Вопрос о поощрениях для летчиков он сам обдумывал раньше и ждал, что заместитель окажет ему многое из того, что у него самого созрело как план. Крагин заговорил:

- Лучшие у нас награждаются орденами. Но еще до того, как человек совершит подвиг и получит правительственную награду, он ведь тоже растет, переходит от ступени к ступени, совершает какие-то незаметные для окружающих, но для него важные - выразимся так - маленькие подвиги...

- Да, да, - торопил Полбин, большими глотками отхлебывая из стакана янтарный яблочный компот.

- Мне сегодня комсомольцы у Рубакина одну мысль подсказали. Надо каждый день выделять лучшие экипажи. Ежели так: написать на киле самолета "лучшее звено" или что-нибудь в этом роде... Потом фотографии. Есть художники, твой Чибисов например; пусть разрисуют, раскрасят лист картона, расклеят фотографии героев боев, учебы. Ежели скрепить подписями командования, у людей будет память о фронте, о битвах за Родину...

Полбин поставил на стол стакан, положил одну на другую тарелки, сверху ложку, вилку и отодвинул их на край.

- Дальше, - сказал он, перебивая Крагина. - Скажем, делает летчик пятидесятый вылет. Отбомбился, возвращается. Его на аэродроме уже ждут. На старте - представители командования, партийной организации... Так? Тут же плакат с поздравлением всему экипажу... Кому не приятно, а? Он, может, в горячке боев забыл, какой у него вылет, а здесь помнят и поздравляют! Принимается, товарищ генерал?

- Принимается, товарищ командир корпуса. Разработаем, - Крагин был очень доволен разговором.

- А я приказом поддержу. Да, когда актив у Рубакина?

- На послезавтра договорились. С вопросом о штурманской подготовке и сколоченности экипажей.

- Хорошо. В самую точку.

Крагин сощурился, глаза сделались щелочками.

- Доклад твой, Иван Семенович?

- Мой? - Полбин склонил голову набок. - Что - некому больше?

- Есть. А все-таки лучше доклад командира...

- Добро, за мной.

За кустами послышались голоса, кто-то напевал:

"Ой, ты Галя, Галя молодая..." На поляну вышла группа летчиков. Пришли обедать экипажи, летавшие с Дробышем.

Увидев Полбина и Крагина, передние остановились.

- Давайте, богатыри, - сказал Полбин, поднимаясь со скамьи. - Мы уже пообедали, а вы, наверное, быка съесть готовы. - Он пошел навстречу летчикам. - Кто из вас видел немецкий аэродром на обратном маршруте?

- Я! Я! - раздались голоса.

- Самолетов там много, Скоробогатов? - обратился он к рослому капитану с красивым, мужественным лицом.

- Зениток больше, товарищ полковник, - смело ответил тот. - Не дали подсчитать. Но, думаю, до сотни будет. И стоят крыло в крыло, как на параде.

Полбин задал еще несколько вопросов и сказал летчикам, чтоб садились за стол. Когда им подали суп, Крагин подошел к Скоробогатову, пощупал руками его тарелку. Она была холодная.

- Попробуйте, - сказал он капитану. - Остыл?

Тот хлебнул ложку.

- Тепловатый.

Полбин шагнул к столу. Потом обернулся, ища глазами заведующего столовой. Старшина, стоявший у очага, поспешно провел рукой по пуговицам гимнастерки и подбежал к нему.

- Почему суп холодный? - строго спросил Полбин.

- А он с огня, товарищ полковник. Печка дымит немножко.

- А мне какой подавали? Тоже с огня?

- Из термоса, товарищ полковник. Расход на штаб дивизии оставлен, простодушно сказал старшина, чувствуя, что выдает себя, но не видя возможности вывернуться.

Полбин сжал губы, помолчал.

- Сейчас же заменить суп, - сказал он раздельно. - И запомните: в следующий раз, когда полечу "бочки" делать, возьму вас с собой в кабину стрелка. Вот тогда попросите супа с огня...

За столами раздался смех. Старшина растерянно сказал "есть" и побежал к очагу.

Полбин вместе с Крагиным отошел к деревьям, остановился, подождал, пока летчикам подогрели суп.

- Пойдем, Филипп Иванович. Я бы его охотно запихнул в кабину, но, кажется, и так обойдется.

Они прошли на командный пункт. Их встретил Дробыш с еще влажными аэрофотоснимками.

На вражеском аэродроме было около ста самолетов Ю-88. Рядом виднелись крестики поменьше - истребители.

- Сильная охрана, - сказал Полбин. - За вами "Мессеры" не гнались?

Дробыш ответил:

- Пылили на полосе, когда я проходил. Взлетали, должно

быть. По я увел своих на повышенной скорости.

- Да, днем, пожалуй, пробиться будет трудно, - сказал Полбин, размышляя. Кто у вас хорошо летает ночью? Ляхов?

- Ляхов, комэск.

Полбин положил снимки на стол, обернулся к сидевшему у маленького окошка Крагину:

- Нельзя упускать, Филипп Иванович. Если их ночью не накрыть, завтра след простынет.

- А ежели они уже ушли?

- Не должно быть, - быстро заговорил Дробыш. - Если так густо на одном аэродроме натыкано, значит оперативные площадки у немцев еще не готовы. Некуда разгонять. Может, и завтра некуда будет.

- Нет, завтра можем опоздать, - решительно сказал Полбин. - Тут промедление смерти подобно. Прикажите Ляхову готовиться к ночному. Полетит со мной.

- Разрешите мне, товарищ полковник, - сказал Дробыш. - Я ведь уже видел аэродром, найду.

- Ничего, найду сам. Отдайте приказание. Вы не обедали еще, полковник?

- Нет, - удивился Дробыш.

- А вас там горячий суп в термосе ждет. Старшина, завстоловой, прямо истосковался, выглядывая начальство. От тоски летчиков холодным супом кормить стал.

Дробыш покраснел. Он никогда не чуждался летчиков, после полетов обычно ходил в столовую вместе со всеми. А тут один раз так пришлось, и командир корпуса уже на непорядок налетел... Но ведь сам приказал проследить за дешифрированием снимков. Что важнее? Да в конце концов есть еще люди, обязанные следить за питанием летчиков: командир полка, командир БАО, начпрод... Дробыш встретился взглядом с Крагиным. Тот смотрел добродушно, но глаза его говорили: "А все же командиру дивизии такими вещами интересоваться надо..."

Дробыш снял с обшитой досками стены свою фуражку.

- Так я с вашего разрешения пойду пообедаю...

- Приятного аппетита, - просто сказал Полбин. - Я побуду здесь.

Из окошка, выходившего на запад, в землянку строились красноватые лучи солнца. Золотой столб, в котором мелькали пылинки, косо упирался в деревянный пол из горбылей. За тонкой стеной слышались телефонные звонки, шуршала бумага, раздавались неясные голоса.

Крагнн решил поговорить с Полбиным о том, что было предметом его размышлений в машине. Сейчас для такого

разговора был прямой повод. Пригнувшись к столу, чтобы лучше видеть лицо Полбина, отделенное солнечным столбом, Крагин спросил:

- Почему ты, Иван Семенович, не разрешил лететь Дробышу? Командир дивизии опытный летчик. Может подумать, что ему не доверяют.

- Не подумает. Он знает, что ночью я летаю лучше. У него такого опыта нет.

- Но его опыт достаточен, чтобы выполнить задание. Ты ведь сам уверен в этом.

- Уверен. И все же полечу сам. Задание можно выполнить и хорошо и удовлетворительно. А нужно - отлично.

- Все зажечь?

- Да. Превратить эту базу в сплошной пожар. Ведь ты сам понимаешь, Филипп Иванович, что это значит. - Полбин тоже наклонил голову, глядя на Крагина из-под солнечного столба. - Допустим, уцелеет там половина самолетов. Так? Завтра они уйдут на другие точки. Послезавтра пойдут на нас. Нашим истребителям нужно гоняться за каждым, уничтожать по одному. Сколько сил затратить придется! А тут р-раз - и собирай огарки!..

Полбин хлопнул по столу руками с растопыренными пальцами, как бы покрывая что-то сетью.

"Нет, это не подход, - подумал Крагин. - Он безусловно прав, и я буду выглядеть смешным, если прикинусь, что этого не понимаю. Надо без всяких обиняков..."

- Я тебе скажу прямо, почему так поставил вопрос, - сказал он. - Мне кажется, что ты в иных случаях неправомерно берешь на себя часть работы других. Делаешь то, что должен делать командир полка, командир дивизии...

- Например? - перебил Полбин. - Слежу за тем, чтобы летчиков хорошо кормили?

- Нет, конечно. Это и твоя и моя обязанность. Я о другом. Тебе не кажется, что в тех случаях, когда ты лично проводишь занятия с летчиками, их непосредственные командиры немножко... ну, скучают?.. Не кажется?

- Нет, - отрезал Полбин. - Не скучают они, потому что учатся. Я их учу, как проводить занятия. Показываю личный пример - это долг старшего командира. Сам знаешь, на этом строится обучение в армии...

Полбин воодушевился, заговорил энергично, резко:

- Я начал с инструктора. Что делал? Показывал учлету, как летать. Он делал так, как я, и учился летать. Если он потом, научившись, допускал грубые ошибки, я его ставил вертикально и отчитывал, потому что было уже с кого требовать! Так и сейчас.

Пусть Рубакин поворчит, что я его подменяю, но он у меня учится все же! А когда научится, тут я ему ворчать не дам! Заставлю работать самого!..

Крагин положил локоть на стол и, заметив под ящичком телефонного аппарата книгу в потрепанном переплете, вытащил ее, стал перелистывать.

- Штабом мы занимаемся мало, Иван Семенович, - сказал он спокойно и даже лениво, как будто не сам начал разговор, вызвавший у Полбина такую горячность. - Генерал Грачев очень дельный работник, я знаю его давно, но в оперативном отделе, ежели разобраться, у него не все помощники хорошие.

- Грачеву я вполне доверяю, - сказал Полбин. Он академию окончил. А помощников ему подберем, дай только срок. Что это за книга?

Крагин подвинул ему книгу. Это был "Чкалов" Николая Боброва.

- Читал, - сказал Полбин. - Нравится мне эта книжка. А я ведь с Чкаловым встречался. Говорил тебе об этом?

- Говорил. В Чите?

- Да, в тридцать шестом. Эх, жаль, нет Чкалова... - Полбин задумчиво повертел книгу в руках. - Вот интересно, если бы Чкалову корпус дали, как мне, с чего бы он начал? - Подумав минуту, он заключил убежденно. - С этого бы и начал. Он умел учить примером.

- Пошел бы по твоим стопам? - пошутил Крагин не без тайного желания услышать, насколько скромен будет ответ.

- Нет. Это мы идем по его стопам. - Полбин бережно провел рукой по шершавой обложке, положил книгу на стол. - Смотри, как затрепали. Все любят книги о летчиках, а их раз, два - и обчелся...

- Есть записки Байдукова, записки Расковой. - начал перечислять Крагин.

- Ну вот, раз, два - и обчелся. Это все записки, а романов, повестей о летчиках нет.

- "Небо и земля" Саянова, - продолжал Крагин, но тут же должен был признать: - Да, пожалуй, кроме книги Саянова, романов больше нет.

- А надо. Вот у моряков какая литература: Станюкович, Новиков-Прибой, десятки других книг. Интересные книги о романтике трудной профессии. А ведь мы им сродни, наша работа в голубом океане разве не интересна? У меня сын растет, в авиацию пойдет, возможно. Кто ему в юности хорошую книгу о летной профессии даст?

- Ты забываешь, Иван Семенович, что флот существует уже

сотни лет, а самолеты появились совсем недавно...

- Все равно надо книги о летчиках создавать, - сказал Полбин с таким видом, как будто это было делом, до которого не дошли его хозяйские руки: если бы ему дали писателей, он бы их организовал...

Солнечный столб переместился в угол землянки и скоро погас. Стекло стало голубым. Полбин взглянул на часы.

- Дробыш, видно, очень проголодался...

- Нет, наверное, он выясняет, почему суп был холодный. Я думаю, что об этом случае уже Блинников знает.

Блинников был начальник района авиационного базирования, очень строго, подчас жестоко расправлявшийся с интендантами, на которых поступали жалобы от летчиков.

- Тогда старшина обойдется без моей прокатки на "Петлякове", - сказал Полбин. - Ну-ка, позвоню я Николаю Ксенофонтовичу и пойдем наверх.

Он покрутил ручку телефонного аппарата.

- Соедините меня с двадцать шестым. Кем занят? Нет, разъединять не надо, я подожду... Да-да, позвоните мне... Грачев с Блинниковым разговаривает, сказал он Крагину, кладя трубку на аппарат. - Ты угадал, пожалуй, Филипп Иванович.

Зазвонил телефон.

- Николай Ксенофонтович? Это Полбин. Из высшего хозяйства меня не спрашивали? Так. Хорошо, знаю. А что из частей? Какие неприятности? - Полбин некоторое время внимательно слушал, тихонько дул в трубку. - Та-ак. Но там ведь саперы все осматривали. В овраге? А что его в овраг понесло? Та-ак... Он прикрыл трубку ладонью и вполголоса спросил Крагипа: - Сможешь сейчас съездить к Рубакину? Там че-пэ. - Крагин кизнул и поднялся. Полбин сказал в трубку: - Сейчас туда выезжает Филипп Иванович. Да. Я буду на аэродроме до двадцати часов. Звонить можно сюда. Потом вылетаю в ночной. Что? Да, по этому самому, пока он не разлетелся. В двадцать три часа я буду в штабе, приеду на машине Дробыша.

- Что случилось? - спросил Крагин, нетерпеливо ждавший конца разговора.

Полбин тоже встал.

- Ехать тебе нужно не на основную точку Рубакина, а на совхоз. Подорвался на немецкой мине моторист Алиев. Собирался рыбу удить, пошел в овраг этот, знаешь, около аэродрома - червей искать. Отделался легко, переломом ноги...

- Но там минеры Блинникова работали! Это уже после армейских саперов...

- Овраг осмотрели плохо. А все дело в том, что дисциплина у

Максимова не на высоте. Командиры не знают, где их люди...

- Я поехал, - сказал Крагин, беря фуражку.

- Идем. Я проверю, как там с вылетом.

Когда стемнело, Полбин в паре с командиром эскадрильи майором Ляховым вылетел на бомбежку немецкого аэродрома. После первого налета аэродром был подожжен. Полбин вернулся, самолеты подвесили бомбы и опять пошли "бить по огоньку". Немцы не смогли ни растащить горящие самолеты, ни поднять в воздух исправные, так как Полбин с самого начала вывел из строя взлетную полосу, метко сбросив на нее серию бомб. Два "Петлякова", прорвавшиеся сквозь жестокий зенитный огонь, сделали свое дело. Но на обратном пути на них накинулись ночные истребители Ме-110, двухмоторные самолеты с длинными, тонкими фюзеляжами, получившие прозвище "худых" и "тощаков". Один "худой" увязался за "Петляковыми" и под покровом темноты дошел с ними до аэродрома посадки. Ляхов приземлился первым. Когда он был уже на земле, Ме-110 сбросил мелкие бомбы и вывел из строя посадочный прожектор, а сам зашел в хвост самолету Полбина и начал его обстреливать из пушек и пулеметов. Стрелок-радист Полбина был ранен. На аэродроме царила темнота, не допускавшая посадки. Горючего в баках оставалось на шестнадцать минут. Вкладывая все свое искусство в маневр, Полбин вел над аэродромом ночной бой с "худым". Немец упорно держался в незащищенном после ранения стрелка хвосте "Петлякова". Тогда Полбин пошел на хитрость. В десяти километрах от аэродрома находилась железнодорожная станция, имевшая мощное зенитное прикрытие. Полбин увел "худого" в сторону, стремительным, ловким маневром вышел из-под огня и с условным сигналом "я свой" пронесся над станцией, подставив преследователя под стволы недремавших зенитчиков. Ме-110 упал и взорвался на бугре недалеко от станции. Полбин посадил свой самолет при скудном свете нескольких плошек, отмечавших только направление захода на аэродром.

Встречавшему его Дробышу он заметил, что околпачил "худого" с помощью маневра, подсказанного панинскими "бочками".

Когда были проявлены аэрофотоснимки, выяснилось, что на фашистском аэродроме сожжено несколько десятков "Юнкерсов" и "Фокке-Вульфов". Самолеты стояли очень тесно, и пламя, перекидываясь с одного на другой, уничтожало их. Аэрофотоаппарат зафиксировал также несколько феерических всплесков огня. Это взрывались склады авиационного горючего, которое гитлеровцы старательно накапливали, готовясь к наступлению на Курской дуге.

Глава IV

Во время летних боев на Кубани старший лейтенант Александр Пашков, штурман "Петлякова", был тяжело ранен в бедро. Около двух месяцев он пролежал в госпитале в Дербенте, потом, когда начал ходить на костылях, его перевезли через Каспий, и он очутился в Ташкенте. Здесь оставил костыли, заменил их палочкой из крепкого кизила. Прошел еще одну медицинскую комиссию и получил заключение: месячный отдых.

Александр рассчитал, что месяца будет достаточно, чтобы съездить в Читу и вернуться на указанный в документах пункт для переосвидетельствования перед отправкой на фронт.

Путешествие предстояло трудное, неудобное, со множеством пересадок, но вынужденное сидение на одном месте было невмоготу, и Александр пустился в дорогу.

На восьмые сутки он приехал в Читу. Квартиру Полбиных Александр нашел по адресу на конверте. Долго стучал. Наконец детский голос спросил за дверью:

- Кто там?

Пашков растерялся: как назвать себя? Спрашивал, должно быть, Виктор, он ему доводится племянником. Александр ответил:

- Дядя.

- Какой дядя? - спросил тот же голосок, к нему примешались другие. Как видно, за дверью шло совещание.

- Дядя Пашков.

Молчание. Потом опять голоса, шушуканье. В чем дело? Да они, вероятно, не знают девичьей фамилии матери, ведь она Полбина. Значит, решают, пустить ли какого-то дядю Пашкова...

- Витя, это я, дядя Шура, - сказал Александр. - Открой.

За дверью прыжок, стук - должно быть, крючок был не по росту Виктора. Дверь открылась.

В полутемной передней стоят все трое. Виктор заложил руки за спину, поднял остренький подбородок и смотрит на гостя смело, даже вызывающе. Самая маленькая, Галка, сосет сушеную вишню, а глаза у нее круглые, серьезные. Кожа на лбу, на том месте, где должны быть брови, собралась складочками - хмурится. Сама она кругленькая, ноги в полосатых шерстяных носках твердо поставлены в стороны.

Пашков не знал, с чего начинать. Дети молча рассматривали его.

- А где мама? - спросил он.

- В женотделе, - ответил Виктор. - Вы Шурик?

- Да. А бабушка?

- Ушла за хлебом.

Пашков переложил из руки в руку чемодан.

- А вы меня в комнату пустите?

Виктор молча повернулся, Людмила тоже, Галка, не выпуская вишни изо рта, пошла впереди.

В комнате, освещенной солнцем, все трое остановились и опять стали рассматривать дядю.

- Вы очень высокий, - сказал Виктор, зачем-то поднимаясь на цыпочки.

Александр, ставя чемодан, наклонился, и Виктор успел разглядеть его погоны.

- Старший лейтенант, - сказал он. - А мой папа полковник. Это три больших и два просвета.

Пашков рассмеялся, бросил шинель на чемодан и подхватил Виктора на руки. Мальчик не проявил ни малейшего желания устроиться поудобнее, не обхватил рукой шею дяди. Он считал себя слишком взрослым для таких нежностей. Пашков опустил его, поднял Людмилу, но она уперлась в его грудь руками - Александр почему-то решил, что для первого знакомства нужно всех ребят подержать на руках, и, оставив Людмилу, схватил тяжеленькую Галку. Девочка сидела спокойно, сосала свою вишню, потом вынула ее изо рта и провела необсосанной косточкой по новому блестящему погону дяди... Он опустил малышку на пол.

На стене Александр увидел фотографию: Полбин с петлицами майора и орденом Ленина на груди и он сам с двумя лейтенантскими квадратиками. Повернулся так, чтобы виден был парашютный значок на клапане кармана. Снимались в Москве, в сороковом, около Курского вокзала.

- А у нас еще есть, - сказал Виктор, заметив взгляд Александра. Достал с этажерки альбом и положил на стол, накрытый свежевыстиранной скатертью с большими коричнево-зелеными цветами по углам.

Пашков сел к столу. Виктор открыл альбом, в котором, кроме фотографий, между плотными страницами лежали письма, вырезки из газет. Людмила тихонько села на другой стул. Галка взялась за край стола, пачкая крохотными пальчиками скатерть, поднялась на носки и все так же молчала.

- Вот, - говорил Виктор. - Это папа, он тогда был подполковник. А это Василий Васильевич, они напротив живут. Ирка и Наташка лезут драться, а я девчонок не трогаю...

Иван Семенович любил фотографироваться. Были карточки "бюстовые", во весь рост и множество групповых. На обороте перечислялись фамилии изображенных, стояла дата и надпись: "Действующая армия". Групповые снимки, как правило, были

связаны с награждениями летчиков. В этих случаях указывалось, кто какой орден получил, - очевидно, в числе фотографировавшихся преобладали читинцы. Такие карточки хранили следы прикасавшихся к ним рук: рассматривали жены летчиков.

- Папина статья, - сказал Виктор, разворачивая газету, уже успевшую пожелтеть. Это был "Сталинский сокол" от четвертого декабря сорок второго года. В те дни шли бои за Сталинград, советские войска продолжали сжимать кольцо окружения.

Статья была подписана: "Герой Советского Союза полковник И. Полбин", и называлась "Родина". Заглавие трижды подчеркнуто красным карандашом.

- Тут есть про меня, про Людмилу и про Галку, - продолжал Виктор и, радуясь возможности показать дяде Шурику, что он вполне грамотен, стал читать: - "Так приказывала Родина! Я обязан был выполнить ее приказ"... Нет, не здесь, - Виктор пропустил два абзаца: - "Вечером, сидя в землянке, вспомнил Волгу, Ульяновск, где жил мальчуганом, так ясно представил себе обрыв, великую русскую реку"... Ой, кажется не тут! Сейчас, сейчас... - Виктор быстро повел пальцем вниз по строчкам. - Вот! "Думал я в тот вечер и о семье своей, о жене, сыне Викторе, дочурке Людмиле и ее совсем крохотной сестричке Гале. Враг разлучил нас"...

- Дай-ка я сам, Витя. - Пашков прочел статью до конца.

- А это про папу написано, - сказал Виктор. Статья называлась "Волжский богатырь". Пашков пробежал ее. В пей рассказывалось о том, как Полбин и майор Ушаков уничтожили бензосклад немцев в Морозовском. Обоим за этот удар было присвоено звание Героя Советского Союза.

Александр, отодвинув фотографии, стал искать другие газеты, вырезки. "Вот воюет, так воюет!" - думал он о зяте с легкой, доброй завистью и тайным желанием по этим вырезкам узнать, как же это у него так получается...

- Витя, почему дверь настежь? - раздался голос в передней.

- Мама! - крикнул Александр вскакивая. Полина Александровна показалась на пороге. Из ее рук с легким стуком выпала плетеная сумка с продуктами.

- Шурик приехал... Шурик приехал! Сразу залившись слезами, она бросилась обнимать сына, гладила рукой его плечи, туго обтянутые суконной гимнастеркой, и все повторяла: "Шурик приехал..."

Тут впервые заговорила Галка:

- Бабушка, зачем ты плачешь? Где мама?

Глаза ее расширились, она тоже собиралась заплакать.

- Шурик, у нас же телефон, - засуетилась Полина Александровна. - Звони в политотдел, попроси Полбину Марию Николаевну!

Через полчаса пришла Мария Николаевна. Александр сказал сестре, что он ее не узнает. Правда, она мало изменилась внешне. Только прическа была другая да на чистом лбу у переносицы пролегли две крохотные черточки - морщинки. Но в том, как она ходила по комнате, разговаривала с детьми, с матерью, проступали манеры женщины, жизнь которой нелегка, и она, понимая это, выработала себе какие-то правила и твердо придерживается их. Дети повиновались ей с первого слова, и даже Полина Александровна, говоря что-либо, посматривала на дочь, как бы ища одобрения.

-"Самостоятельная стала", - подвел итог Александр.

Он подходил к оценке людей как летчик: слово "самостоятельность" по его представлениям включало в себя множество лучших человеческих качеств, но прежде всего упорство и умение сохранять выдержку, спокойствие, ясность ума в наиболее трудной обстановке.

Вечером пришли соседки: Татьяна Сергеевна Ларичева и Лидия Александровна Кривонос. Лидия, узнав о ранении Александра, сказала, что ее муж был тоже ранен в бедро, но на земле, во время налета "Юнкерсов", а в воздухе его никакая пуля не берет. "Дай бог, дай бог", - приговаривала Полина Александровна, слушая разговор. При всяком удобном случае Полина Александровна вспоминала о младшей дочери, об Антонине, которая заканчивала университет и обещала приехать в Читу. Матери очень хотелось увидеть всех своих детей вместе. Она все говорила со вздохом: "Эх, жаль, Тони с нами нету..."

Она думала также о муже, но имя его не произносила, чтобы не бередить рану: Николай Григорьевич так и не отыскался.

Гости ушли, дети улеглись спать. Мария Николаевна попросила брата рассказать подробнее о том, как они встретились с Полбиным в Москве. Оттого, что встреча Александра с Полбиным происходила где-то далеко, за Уральским хребтом, где Полбин был и сейчас, ей казалось, что Шурик виделся с ее мужем совсем недавно.

Александр же, напротив, неохотно вспоминал об этой встрече с зятем. Он не мог забыть того, что Полбин отказался тогда взять его в свой полк и помочь пройти переучивание.

- Если бы я сам был летчиком, может, меня и не ранило бы, - запальчиво говорил он. - А то почему этот снаряд нам в кабину влепили? Потому, что Черкусов плохо в зоне огня сманеврировал. Надо было со снижением, а он, наоборот, - штурвал на себя и нос

задрал навстречу разрывам. И теперь сам калекой остался, а я на полгода почти вышел из строя в такое время...

- Так что же тебе тогда Ваня сказал?

- Ну, я же говорил... Он начал бить на мою комсомольскую совесть. Как будто я сам не понимаю. Если б не было этой совести, меня в кандидаты партии не приняли бы...

- Когда у тебя стаж кончается? - спросила Мария Николаевна. Она уже знала, что брат кандидат партии, ему также было известно из писем, что сама она вступила в кандидаты весной прошлого года.

- Осенью, - ответил Александр.

- А меня в четверг будут принимать в члены. Знаешь, страшновато. Я "Краткий курс" уже весь по страничкам знаю. Закрою глаза и вижу, что на странице написано вверху, а что внизу, как будто читаю.

- Понимать надо, а не заучивать... Мария Николаевна рассмеялась.

- А ты, Шурик, каким был задирой, таким и остался... Я сейчас на такой работе, на которой непонятливых не держат... Политотдел...

И снова она стала рассказывать о том, что было ей приятно вспоминать: как Полбин с фронта прислал ей третью рекомендацию и как, узнав, что она принята в кандидаты партии, дал в один день четыре поздравительные телеграммы, "чтобы какая-нибудь непременно дошла". Дошли все четыре, но с промежутками, и первое время всем в доме казалось, что телеграммы будут приходить одна за другой каждый день, и было весело и радостно...

Вмешалась Полина Александровна:

- Шурик, а может, тебе сейчас нужно попроситься в часть к Ивану Семеновичу? Он большой командир...

- Нет, - отрезал Александр. - Даже если будут посылать, не пойду. Я его уважаю, он Герой и талантливый летчик, но я не хочу... чтоб на меня чужая слава падала...

- Почему чужая? Он тебе родной, - ласково сказала мать.

- Я свою славу сам добуду. Научусь воевать. А Мария Николаевна смотрела на брата с одобрением. Ваня тоже такой, всегда говорит: "Я сам".

Легли спать за полночь. Полина Александровна сказала, что она еще посидит, хочет почитать книжку. Она надела очки, взяла книгу н села на стул у изголовья сына. Вскоре Александр уснул. Она держала книжку у самого лица, но из-под очков все время смотрела на разметавшиеся по подушке белокурые волосы сына. Изредка она беззвучно шептала: "Шурик приехал", и ей не

хотелось, чтобы он куда-то опять уезжал.

Глава V

Полбин летел на веселой стрекотушке У-2 в штаб воздушной армии. На совещании, которое должно было подвести итоги действий авиации в сражении за Курск и Орел, ему предстояло докладывать о работе пикировщиков. В кабине лежали свернутые в трубку листы ватманской бумаги - схемы и чертежи.

Был очень ясный, солнечный день. По земле, сбоку, неторопливо бежала тень самолета. Она часто закрывала воронки, пепелища с торчащими печными трубами, сожженные немецкие танки, скелеты автомашин.

Несколько дней тому назад, пятого августа, в Москве был дан первый с начала войны орудийный салют в честь полков н дивизий, освободивших Орел и Белгород.

Полбин поправил бумажный сверток, осмотрел небо. Оно было высокое, без единого облачка. Не было видно и самолетов. А сколько их летало в этом небе совсем недавно! Днем они ходили ярусами, иной раз не сразу удавалось разобраться, где свои, а где чужие. Воздушные бои закипали одновременно в нескольких местах - только оглядывайся! Ночью до самого рассвета не затихал гул моторов в звездном небе. На западе оно было освещено багровым пламенем, как будто там горела земля.

Мотор У-2 трещал бойко, задиристо, точно самолет радовался хорошей погоде, спокойному воздуху и тому, что не нужно припадать к земле в страхе перед "Мессершмиттами", которые еще недавно шныряли над дорогами, как коршуны.

У Полбина было отличное настроение: доклад он продумал хорошо, собирался сообщить о некоторых новинках в тактике пикировщиков, а главное, рассказать об изумительном росте людей, еще недавно слывших рядовыми летчиками и вдруг поднявшихся до высот всенародного признания. Четверо, в числе их Панин, стали Героями Советского Союза...

Показалась рощица, за ней большой пруд с плотиной и деревня, половина которой вдоль единственной улицы выгорела начисто.

Полбин приземлил самолет на узкой площадке между прудом и рощей. Здесь уже стояло несколько У-2, притулившихся к ветлам, и около крайнего Полбин вдруг увидел человека, который сначала показался ему знакомым, потом незнакомым, только похожим на кого-то, а потом стало ясно, что это Федор Котлов, загорелый и сильно похудевший.

Федор тоже узнал его, пошел навстречу, расплылся в улыбке:

- Полковник! Откуда, парнище?

- Из лесу, вестимо, - ответил Полбин со смехом, испытывая

удовольствие от находчивости Федора: это привычное обращение, которым обменивались когда-то два учлета Оренбургской авиационной школы, сразу напомнило, как много воды утекло с тех пор. Сейчас друг против друга стояли два полковника авиации, оба с боевыми наградами, командиры авиационных соединений... Полбин еще до этой встречи знал из разговоров с работниками штаба армии, что Котлов командует дивизией, которая переброшена на этот участок фронта до начала Курской битвы.

Пожимая Федору руку, разглядывая его, Полбин подумал, что как ни изменились они оба за десять-двенадцать лет, а старичок У-2, стоявший у начала их летных биографий, остался неизменным: тот же деревянный винт с латунной оковкой по ребру атаки, пятицилиндровая "звездочка" мотора, легкие, туго обтянутые перкалем крылья...

Но эта мысль подверглась серьезному пересмотру, как только Котлов рассказал о своей работе. Он командовал дивизией легких бомбардировщиков, состоявшей из безобидных на вид У-2. Самолет, служивший когда-то только первой ступенью при обучении летчиков, а в начале войны применявшийся в качестве связного, транспортного и санитарного, со времен Сталинградского сражения встал в строй боевых машин. На нем летали преимущественно ночью, с аэродромов "подскока", то-есть с площадок, находившихся в двух-трех километрах от переднего края. Подвесив бомбы, У-2 взлетали, набирали небольшую высоту и шли к фронту. Над самой передовой они выключали моторы и, планируя, бесшумно выходили на цель. Бомбы падали в немецкие окопы и блиндажи будто с ясного неба. Пока фашисты, суетясь и проклиная "рус фанер", как они прозвали этих маленьких мстителей, беспорядочно стреляли вверх, У-2 бреющим полетом выбирались из зоны огня и садились на своих точках подскока. Опять подвешивались бомбы, опять самолеты повисали над немецким передним краем, освещая его ракетами, хозяйственно выбирая себе цели. Каждый самолет успевал сделать за ночь шесть-семь вылетов, и немцы забывали, что такое покой и сон.

Котлов рассказывал о работе своих летчиков:

- Зенитки нам беды не причиняют. Есть поговорка: стрелять из пушек по воробьям. Вот тут происходит такая стрельба, но только с воробьями ничего не случается. Ни одно зенитное орудие немцев не приспособлено для таких малых высот, с каких мы сбрасываем бомбы, а прямые попадания - это и по теории вероятности такое же редкое событие, как падение крупных метеоритов... За ночь мы успеваем вывезти столько бомб, сколько у тебя, наверное, поднимает целое подразделение пикировщиков.

Работники БАО называют нас прожорливыми птичками н ругаются: транспорта не хватает, чтобы завозить бомбы на все точки.

Котлов довольно рассмеялся. Полбин вспомнил вдруг Москву, вечер у пруда в Покровском-Стрешневе и рассуждения Федора о том, что штабная служба тоже важна и интересна, а из столицы никому уезжать не хочется...

До назначенного часа совещания было еще около сорока минут, штаб находился на окраине деревни, в двухстах шагах.

- Посидим тут, закурим по одной, - сказал Котлов, подходя к берегу пруда и доставая портсигар.

Они присели на глинистый обрыв. Пруд обмелел, вода была мутная, ржавая. Недалеко от берега, как спина большой черепахи, блестела под солнцем крыша затонувшего немецкого "оппеля". Из зарослей осоки поднималась станина опрокинутой пушки с камуфлированным желтым стволом, похожим на шею жирафа. Верхушки ветел были срезаны, иссечены снарядами.

Полбин держал подмышкой рулон со схемами, обернутый газетным листом. Газета была выбрана не случайно: он захватил номер "Сталинского сокола" со своей статьей "Комбинированный бой пикировщиков". Эту статью он написал по совету Крагина поддержавшего его Грачева. Начальник штаба сказал тогда, что выступления авиационных командиров в печати есть одна из важных форм популяризации опыта. Полбин так и сказал Котлову, развязывая шпагат, чтобы показать газету:

- Мы, Федор, не только бомбы возим. С этим делом управляемся хорошо, но, кроме того, стараемся взять от техники побольше того, на что она рассчитана. И понемножку опыт популяризируем...

Он развернул газетный лист. Федор - давний товарищ, можно не опасаться, что он примет это за бахвальство, желание показать себя. Хотя такое желание, чего греха таить, было у Полбина. Он хотел показать товарищу, что не зря его назначили командиром авиационного корпуса.

- Ну-ка, ну-ка... - Котлов бросил в воду недокуренную папиросу. - Твоя статья?

- Да.

- Интересно. Я как-то не заметил. Это от какого числа?

- Вот здесь читай, - указал Полбин.

- Так... "Некоторым может показаться сомнительной способность Пе-2 быстро совершать резкие маневры в воздушном бою, так как эта машина предназначена исключительно для бомбардировочных действий"... Правильно, сомнительно... Ну, дальше что? - бормотал Котлов. - "Наш опыт показал, что Пе-2

чрезвычайно маневренный самолет, великолепно подчиняющийся воле пилота... В этом году Герой Советского Союза Б. Панин окончательно установил маневренные качества Пе-2, совершив на нем полет с фигурами высшего пилотажа - тремя одинарными "бочками" и четвертой двойной"... Верно, делал "бочки"? - вскинул глаза Котлов.

- Написано - значит верно. Я и сам пробовал, получается... Да дело не в "бочках", а в том, какой из этого вывод. - Полбин взял газету из рук Котлова, стал складывать ее. - Если у тебя в части подшивка есть, прочитаешь, а сейчас я на словах объясню. Тут описан бой, в котором мы сбили три "Юнкерса". Один снял я, два - лейтенант Плотников и его стрелок-радист. Вот какой вывод...

Котлов опять достал папиросу.

- Постой, постой. А ты не увлекаешься, Иван? Зачем делать из бомбардировщика истребитель, когда, сам пишешь, у него другое назначение?

- Никто не делает "Петлякова" истребителем. Речь идет о том, что машина способна драться, это важно внушать летчикам, увереннее будут. А насчет прямого назначения не сомневайся, - Полбин похлопал по рулону бумаги. - Мы только в этой операции уничтожили с пикирования сорок семь танков, пятьсот сорок восемь автомашин, десять складов с боеприпасами... Цифры? Цифры. И кроме того, сбили двадцать пять немецких истребителей.

- Здорово, - затягиваясь и задумчиво поглядывая на приближающийся с запада У-2, сказал Котлов. - А я думал, тебе слава Покрышкина покоя не дает.

Он намекал на опубликованный недавно в газетах Указ Президиума Верховного Совета о награждении Героя Советского Союза Александра Покрышкина второй медалью "Золотая Звезда". Покрышкин, автор формулы воздушного боя "высота скорость - маневр - огонь", стал широко известен во время весенних боев на Кубани. Там он вместе с другими летчиками разработал знаменитую "этажерку" очень эффективный способ уничтожения вражеских истребителей.

- Почему слава и почему Покрышкин? - ответил Полбин. - В бомбардировочной тоже многое надо улучшать.

- Значит, хочешь стать Покрышкиным в бомбардировочной авиации? - не унимался Котлов. - Я знаю, ты честолюбив. Добьешься...

Полбин остро посмотрел на него:

- Насчет честолюбия - ерунда.

- Нет, не ерунда. Честолюбие не такое скверное качество, как привыкли считать. Если человек думает прежде всего о чести

своего дела, а не о своей собственной, он может много пользы принести.

- Туманная философия. Я вижу, на тебя, Федор, влияют ночные полеты в сырую погоду... Пойдем.

Котлов уперся сапогом в обрывистый берег, комья глины с бульканьем упали в мутную воду. Он сказал вставая:

- Никакого тумана нет. Покрышкин придумал "этажерку", а ты найдешь какую-нибудь "вертушку"...

- Как ты сказал?

- Вертушку.

Полбин сделал несколько шагов молча. Около своего самолета остановился так, чтобы быть в тени крыла.

- Федор, я тебе главного не сказал... Вообще не очень люблю об этом рассказывать, нескромно. Я был в Кремле.

- Когда? - Котлов от неожиданности открыл рот, на бритых, загорелых щеках его появились впадины.

- В начале года.

- Ну-у?.. Каким образом?

- Вот так, выпало счастье. Участвовал в совещании по боевому применению. И вот из разговора там я понял, что в каждой машине, в каждом самолете, который мы получаем с наших заводов, есть нераскрытые возможности. И не только в смысле улучшения тактико-технических данных. Главным образом в применении, то-есть в деле, в котором решающая роль за человеком...

Полбин умолк, проследил глазами за самолетом, который делал развороты в воздухе перед посадкой. Развороты были четкие, уверенные, и старый инструктор заговорил в Полбине: он залюбовался твердостью "почерка" пилота. Котлов тоже поднял глаза.

- Ну... - сказал он.

- Вот, например, насчет непрерывной, последовательной обработки цели с пикирования. Бьемся мы у себя, ищем, а главного - способа перестроения - пока не нашли...

Самолет с оглушительным треском пронесся над головами, качнул обожженные, искромсанные ветви деревьев и стал снижаться. Его проводили взглядами все, кто стоял на земле около У-2. Набралось уже с полдесятка машин, они стояли в ряд, каждая приткнулась носом к ветле, и зрелище это напоминало съезд кавалеристов, привязавших своих лошадей за поводья к деревьям.

Кто-то сказал, когда У-2 начал рулить к ветлам:

- Покрышкин прилетел.

- Ну вот, легок на помине, - проговорил Котлов. - Пойдем

знакомиться. Ты с ним раньше не встречался?

- Нет, - ответил Полбин. - В воздухе только. Он нас прикрывал раз или два.

Котлов шагал быстро, Полбин отставал от него на полшага. Ему интересно было взглянуть на Покрышкина, поговорить с ним, но в то же время не хотелось проявлять мальчишеское любопытство и нетерпение. Как-никак он сам командир крупного авиационного соединения, полковник...

Покрышкин подрулил к самолетам и выключил мотор. Из кабины он вылез легко, подтянулся па крепких руках и, почти не коснувшись крыла ногами, спрыгнул на землю. Шлем с очками он успел снять и, держа в руках фуражку, приглаживал маленькой расческой короткие волосы. Выражение лица у нею было очень серьезное, даже несколько угрюмое. Во всяком случае, казалось, что это человек молчаливый по натуре, редко улыбающийся.

Котлов и Полбин не успели сделать и десяти шагов, как Покрышкин надел фуражку, отвязал от стойки центроплана ремешок планшета и, спросив о чем-то стоявшего неподалеку капитана, пошел к деревне.

Полбин остановился.

- Познакомимся на совещании.

Он посмотрел вслед Покрышкину. Тот шагал твердой походкой, чуть переваливаясь, держа за ремешки планшет. Полбин покосился на свой рулон, торчавший подмышкой: "Вот истребитель, по земле ходит, как свободная птица, а мы, бомберы, всегда с грузом".

Полбин взглянул на часы.

- Пойдем, - сказал он и оглянулся. Офицеры, сидевшие под крыльями самолетов, поднимались, отряхивались, вытирали, пыль на сапогах пучками травы.

Совещание началось через десять минут. Командующий был пунктуален.

Полбин присел на табуретку рядом с Котловым. Дальше, у окна, положив локоть на подоконник, сидел знакомый Полбину подполковник, командир штурмовиков, за ним Покрышкин, неподвижный, прямой, серьезный. Посредине избы тоже стояли табуретки, стулья, деревянная кухонная скамья. Все места были заняты. Окинув взглядом сидевших в комнате, Полбин обратил внимание на возрастную неоднородность собравшихся: рядом с кудрявыми, чубатыми молодыми офицерами сидели пожилые, с бритыми головами. У большинства бритых кожа на черепах блестела, не оставляя сомнений относительно причин, заставивших отказаться от ношения волос.

Но что касается бритоголового человека, сидевшего за

столом, покрытым красной материей, то его Полбин помнил таким уже много лет. Он прикинул в уме: набиралось больше десяти. Да, в ноябре 1933 года по возвращении из Чернигова он перелистывал комплект "Красной звезды" и увидел в газете портрет большелобого человека с хитроватыми глазами-щелочками и черными усиками, сидевшими на верхней губе, как две точки. Портрет был под статьей, которая называлась "Три года безаварийной работы" и рассказывала об опыте командира авиационного отряда Крыловского, образцово организовавшего полеты и награжденного за это орденом Красной Звезды. Полбина поразило тогда прежде всего то, что Крыловский награжден правительственным орденом не за подвиги в сражениях, а за хорошую работу в мирное время. Сейчас на его погоне были две генеральские звезды. Командир отряда, состоявшего из четырех самолетов ТБ-3, стал командующим воздушной армией. Он управлял теперь тысячами людей, руководил полетами "Петляковых" и "Ильюшиных", "Яковлевых" и "Лавочкиных" истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, разведчиков, корректировщиков, связных и транспортных самолетов.

Всматриваясь в лицо Крыловского, который стоя говорил о задачах совещания, Полбин подумал с удивлением о том, что он ведь и раньше знал, что командующий армией генерал-лейтенант Крыловский и тот командир отряда Крыловский одно лицо; но мысль эта появилась при первой встрече и исчезла. После этого, встречаясь с генералом, Полбин уже не вспоминал о "Красной Звезде" и портрете Крыловского. Генерал всегда был в действии, в заботах, он отдавал приказания, которые требовали немедленного исполнения, и поэтому не приходилось опять возвращаться к воспоминаниям о событиях более чем десятилетней давности.

Сейчас, вероятно, под влиянием того, что в комнате сидели представители разных родов авиационного оружия, и притом оружия, какого не было в стране десять лет назад, Полбин опять начал делать сопоставления. На каких самолетах летали тогда? Еще находился в строю Р-1, деревянный биплан с деревянной (смешно подумать!) подмоторной рамой и неуклюжим, похожим на автомобильный сотовым радиатором под брюхом. Но он уже никого не пугал своей строгостью в управлении и постоянной привычкой сваливаться в штопор. Его оттеснял в дальние углы аэродромов трудолюбивый Р-5, формами своими весьма походивший на близкого предка, но утративший его угловатость и отличавшийся поразительной устойчивостью в полете. Самолеты одной "семьи", они были схожи между собой, как необъезженный дикий мустанг и привыкшая ходить в упряжи

рабочая лошадь.

Что было еще в те годы? Ну, ТБ-3, спокойный, неповоротливый, пожалуй, даже флегматичный гигант, в четырех моторах которого дремала колоссальная сила русского богатыря. Этот успел хорошо повоевать в трех войнах, досталось от его тысячекилограммовых фугасок и японцам, и белофиннам, и немецким фашистам в начале их затянувшейся авантюры. А истребители? Недолго прожил на белом свете легкий и прочный биплан И-5, но он привел за собой И-16 - тупоносого, головастого, с короткими крыльями. Самолет вдруг как бы освободился от шелухи: исчезли деревянные подкосы и ленточные растяжки, округлился фюзеляж, прикрылся вырез для кабины летчика, и весь он стал похож на полированный метательный снаряд. Скоростной и маневренный И-16 тоже вколачивал в землю японцев и белофиннов и грудью встретил немецкие "Юнкерсы" на рассвете двадцать второго июня...

И все они уже в прошлом, эти самолеты, ровесники первой пятилетки. Что пришло им на смену? Как ни хорош был И-16, а ему далеко до "Яков" и "Лавочкиных". Новосибирский комсомолец Александр Покрышкин, летая на истребителе, одним из первых применил тактику боя на вертикалях и построил "этажерку" - наиболее выгодный способ эшелонирования истребителей по высоте. Еще с Кубани началось: стоило только Покрышкину вступить в бой, как немецкие летчики испуганно предупреждали по радио друг друга: "Ахтунг, ахтунг, Покрышкин в воздухе!" Покрышкин сражался на курской дуге, а на других участках фронта - и на Карельском и на юге, в эфире раздавались такие же предостерегающие крики: немцам всюду чудился Покрышкин, они не догадывались, что бьют летчики, усвоившие методы Покрышкина.

Полбин опять взглянул на широколицего майора с чуть примятыми полевыми погонами на округлых, крепких плечах. Покрышкин сидел все так же прямо и спокойно слушал командира штурмовиков, докладывавшего о работе своей дивизии. Знаменитый истребитель казался чересчур спокойным, даже медлительным. Трудно было представить, что этот человек в кабине бешено мчащегося в лобовую атаку самолета успевает делать молниеносные движения и побеждает врага потому, что выигрывает десятые, сотые доли секунды.

В своем докладе командующему Покоышкин ни разу не употребил выражения "я сбил самолет", а говорил "мы сбили" или "нами сбито столько-то самолетов". Зато когда зашла речь о его летчиках, он так описывал их подвиги, будто самому ему ничто подобное совершенно недоступно. На вопросы командующего он

отвечал кратко и точно, сразу же по-существу, без околичностей.

Полбин почувствовал в нем человека, который не терпит ни лишних движений, ни лишних слов. Таким скупым и собранным он был, вероятно, в кабине самолета.

Полбин делал свое сообщение последним. Когда он кончил, его засыпали вопросами. Полковник Астраханский, также командовавший пикировщиками, был особенно любознателен, из чего Полбин заключил, что успел сделать больше, чем его коллега. Это подчеркнул и командующий в своем заключительном слове.

Когда совещание было закрыто и все стали расходиться, генерал-лейтенант Крыловский жестом попросил Полбина остаться.

- Сколько у вас пикирующих экипажей? - спросил он.

Полбин ответил, несколько удивившись этому вопросу, так как он уже называл цифру в своем докладе, а память генерала, почти не пользовавшегося записными книжками, была ему хорошо известна.

- А сколько у вас пикирует одновременно? Я знаю, вы пикируете звеньями, сам ответил Крыловский, сделав предупредительный жест рукой. - А вы не думали о том, чтобы выставить на глиссаду пикирования большее количество самолетов?

- Думаем, товарищ командующий, - ответил Полбин. Он тотчас же понял мысль генерала. Несомненно, речь шла о непрерывном воздействии на цель, то-есть о таком бомбометании, когда груз многих самолетов последовательно сбрасывался бы в одну точку.

- Все? - спросил Крыловский, когда Полбин высказал свои соображения.

- Пока все.

Глаза генерала сощурились в усмешке.

- А когда же продолжение?

- Когда разработаем детали, товарищ генерал.

- Гм... Детали...

Крыловский встал, потянулся к большой глиняной миске с яблоками и выбрал полдесятка одинаковых по размеру. Он положил яблоки в ряд одно за другим и, сказав "держите!", быстро покатил их по столу. Полбин, стоявший напротив, подставил руку. Яблоки падали через равные промежутки времени.

- Вот так я представляю себе вашу задачу, полковник, - усмехаясь, сказал Крыловский. - Допустим, яблоки - это самолеты, а линия на столе, по которой они шли, - глиссада

пикирования. Получается, что на глиссаде одновременно находятся пять самолетов и бомбы свои онк сбрасывают через точно рассчитанные, равные промежутки времени. Так?

- Так, - подтвердил Полбин.

- Значит, удар будет иметь пятикратную силу. Все равно, что пять раз молотком по гвоздю... - Генерал подошел к Полбину, взял из его рук яблоко, с хрустом откусил и оказал: - Угощайтесь. Ешьте.

Полбин поблагодарил, яблоки положил в миску.

- Вы до сих пор пикировали звеньями. Вытягивать их в цепочку пробовали?

- Неоднократно, товарищ генерал.

- Получается?

- Получается, но на перестроение из клина в пеленг уходит много времени. Разрыв между звеньями.

- Да? - Крыловский взял новое яблоко и подвинул миску Полбину. - А вы попробуйте не звено, а пятерку. Поищите... Посоветуйтесь со своими командирами, с летчиками. Я уверен, что боевой порядок найдете.

- Слушаюсь, товарищ генерал.

Полбин понимал, чего хочет командующий. Отступающие немцы будут строить укрепления, зарываться в землю. Эти укрепления не пробить ударами одиночных самолетов. Нужны именно "молотобойные" удары, и чем большее количество самолетов будет привлечено к этому, тем лучше. Дело только за тем, чтобы найти нужный боевой порядок пикирования в воздухе. Попытки, которые уже делались в корпусе, показали, что последовательному удару мешают разрывы между звеньями. Возможно, если включить сразу не три самолета, а пять, разрыв удастся заполнить... Надо подумать...

С этой мыслью Полбин вышел от командующего.

Глава VI

Существует одна особенность в боевой жизни летчиков на фронте.

Пехота все время находится под огнем. Ночью над передним краем взлетают ракеты, посвистывают пули, иногда квакают мины. Сон пехотинца чуток: противник рядом, где-нибудь за ручейком или рощицей, и надо держать винтовку так, чтобы в любую минуту она могла стрелять по врагу. С рассветом солдат готовится в атаку, идет вперед или лежит в обороне, прислушиваясь к разрывам снарядов, поглядывая на осколки, которые с шипением вгрызаются в землю, секут кору на деревьях. Живет пехотинец в блиндаже или окопе, моется из котелка, в котором ест кашу, бреется наощупь и меняет этот образ жизни

только после того, как часть или подразделение отведут в тыл, на отдых. Такие смены происходят в общем регулярно, но отнюдь не каждый день.

Летчики гораздо чаще меняют "атмосферу". Поднявшись в воздух, летчик идет на линию огня, под пули вражеских истребителей и под снаряды зенитных орудий, сбрасывает бомбы, отстреливается от наседающих врагов и, выполнив задачу, возвращается на аэродром, за десятки, а иногда и за сотни километров от линии фронта. Здесь его ждет не окопный котелок с кашей, а сытный обед из трех блюд в чистой столовой, здесь он может пойти в баню и попариться на верхней полке, а вечером - поиграть с товарищами в "козла" на скамеечке под дубом или посмотреть кинокартину на экране, растянутом в лесу между стволами двух берез.

В отличие от пехотинцев, артиллеристов, танкистов летчик по нескольку раз в день может менять "передовую" на "тыл", переходить от боя к отдыху. Летчики дневной авиации ночью, как правило, спят спокойно, набираясь сил.

Но кому труднее - пехотинцу, недели живущему под пулями в сыром окопе, или летчику, когда он на несколько секунд остается в небе один против сотен зенитных стволов, - сказать непросто. На войне человеку всегда трудно. И потому короткий солдатский отдых после боя берут с одинаковой жаждой, независимо от того, наступает ли он после долгих недель в окопе или после скоротечной жаркой схватки, которая может повториться через час.

Когда Полбин подлетал к аэродрому и делал разворот над лесом, он увидел на поляне группу летчиков, стоявших кружком. Посредине кто-то плясал, приседая и выкидывая ноги в стороны.

Он резко свалил самолет на крыло, сделал крутой вираж, глядя через борт на веселящихся, и пошел на посадку.

Его встретил Чибисов. Техник стоял, протянув руки навстречу рулящему самолету и, как только скорость пробега упала, ловко схватил машину за крыло. Он сделал это с той рассчитанной готовностью, с какой, вероятно, ординарец ловит поводья, брошенные спешившимся командиром. Упершись ногами в землю, Чибисов придержал крыло и помог Полбину развернуться и поставить самолет хвостом к лесу.

- А где же Николай? - строго спросил Полбин, ожидавший, что его встретит другой техник, за которым был закреплен У-2 командира корпуса. Чибисов обслуживал только "Петлякова".

- Играет, - ответил техник, махнув рукой в сторону леса. - Ребята баян достали, а кроме Николая, никто на нем работать не умеет.

Полбин увидел под деревом кусок фанеры, к которому был прикреплен шплинтами лист бумаги с начатым пейзажем.

- А как твои дела, Айвазовский? - кивнул он на рисунок. - Готовишь для послевоенной выставки в Третьяковке?

Полбин снял желтые кожаные перчатки, пошел к дереву, взял фанеру. Чибисов уже привык к подтруниваниям со стороны командира: отлично зная, что техник никогда не пробовал свои силы в морском пейзаже, Полбин в шутку называл его Айвазовским.

- Может, и будет такая выставка, товарищ полковник, - сказал он, идя вслед за Полбиным. - И всем будет интересно посмотреть.

- Только твоя картина до нее не доживет, - проговорил Полбин, мазнув пальцем по краю листа. - Это что - уголь?

- Уголь, - ответил Чибисов и вытер комком пакли свои испачканные руки, а паклю спрятал в карман комбинезона.

- Осыплется, - сказал Полбин. - А жаль, березки очень хороши, и самолеты тоже, вон те, на дальнем плане.

- Не осыплется, товарищ полковник. - Чибисов воодушевился. - Рисунки покрывают дамаровым лаком, но у меня его нет. Я попробовал бесцветным эмалитом из пульверизатора - получается. Так что можно будет закрепить.

- То-то инженер корпуса докладывает, что у него расход аэролака увеличился, - засмеялся Полбин, разглядывая рисунок и сличая его с натурой. Значит, Айвазовский - маринист, Маковский - жанрист, Левитан - пейзажист, Верещагин - баталист... А Репин кто же?

Чибисов развел руками.

- Репин - это... Это все... Непревзойденный мастер, одним словом.

- А если появится художник, который будет рисовать самолеты, небо, летчиков? Как его назвать?

- Не знаю, - улыбнулся Чибисов застенчивой, доброй улыбкой, сразу осветившей его молодое открытое лицо. - Авианист, аэродромист - как-то не звучит...

- Да, верно, не звучит. Даже плохо, уродливо, - согласился Полбин. - Но это не важно, как назвать. А такие художники нужны. Посмотри, разве это не красота?

На бледном выцветшем небе тяжелыми розово-золотыми слитками лежали облака. Их общие очертания не менялись, но они не были неподвижны, внутри облачных громад что-то все время кипело, медленно вспучивалось, сверкало и гасло, чтобы загореться в новом месте.

- Красиво, - сказал Чибисов. - Это похоже на одну картину Клодта; вечерние облака, отраженные в тихой воде...

- Тихая вода - это хорошо, а ты попробуй жизнь неба на картине передать. Да еще такого неба, какое с самолета видишь. И летящие в облаках самолеты, чтоб все живое было... - Полбин бережно положил рисунок Чибисова у корней сосны. - Я видел в Третьяковской галлерее картину одного художника, кажется Дейнеки. Она называется "Крылья холопа". Знаешь? Тоже как будто авиационная тема, а там стоит человек с самодельными крыльями, и на распятие похож. Над ним колокольня возвышается, и все очень плоское, ни воздуха, ни неба. Я подумал тогда и даже шурину своему оказал, мы с ним вместе были: повозить бы этого художника месяц в кабине, так он бы лучше нарисовал.

- Но у него тема историческая, - возразил Чибисов.

- Вот я и говорю, что если б его на самолет, так он о нашем времени написал бы...

- Всех художников в кабину не посадить, - опять застенчиво улыбнулся Чибисов

- И не надо всех. Только тех, кто хочет. А есть такие, которых и приглашать не надо, сами летают. Только работать надо.

Полбин потрепал Чибисова по плечу, и техник понял, что последние слова относятся к нему. Он смутился, но одобрение командира было ему приятно.

- Талант нужен, товарищ полковник.

- Работать надо, - повторил Полбин. - Ну, ладно, бери свои угли, продолжай.

Он быстро пошел к командному пункту.

В первой комнате землянки его встретил дежурный по штабу старший лейтенант Панин. Быстро отрапортовав, он пожал протянутую ему руку и, едва только Полбин отошел, провел ладонью по лицу: хорошо ли выбрит?

За дощатой дверью в другой комнате находился Дробыш. Он встретил Полбина стоя.

- Сидите, сидите, - сказал Полбин, тотчас же заметив на столе лист бумаги, испещренный какими-то значками. - Что это у вас?

- Насчет перестроения думал, - ответил Дробыш. - Пробую пятерку поставить в пеленг...

- Пятерку? - Полбин, шумно вздохнув, налег локтями и грудью на стол. Выходит?

- Пока нет.

Полбин подвинул к себе лист. Он был покрыт множеством Т, изображавших самолеты в строю. Буквы соединялись сплошными линиями и пунктирами, стрелки указывали перемещение самолетов в воздухе.

- Ну-ка, ну-ка... - Полбин пощелкал пальцами, прося

карандаш. - Возьмем этот клин. Это ведущий. Так? Пусть он за счет скорости на вираже идет вперед на сотню-другую метров.

В углу листа было начертано пять Т в том порядке, в каком летят гуси: вожак впереди, два справа и два слева. Полбин пунктиром показал, как вожак выходит вперед, и в конце линии нарисовал новую Т.

- Правые ведомые - за ним! - карандаш опять начертил пунктир, и два Т оказались в хвосте у вожака, уступом к нему, скошенным назад и вправо. Полбин нетерпеливо пожевал губами, постучал торцом карандаша по столу. - Правые за ним, за ним... А как же с левыми?..

- В этом и загвоздка, - сказал Дробыш.

- Сейчас, сейчас... А левые вот что делают. Они не форсируют моторов, а, наоборот, отстают... - Он повел пунктирную линию от двух левых Т вправо, к тем трем самолетам, которые уже находились впереди. - Отстают себе помаленьку и становятся в хвост правым ведомым. Вот так. Что получилось?..

Он бросил карандаш и выпрямился. Дробыш взглянул на чертеж, лицо его озарилось радостью.

- Правый пеленг!

Самолеты на бумаге были уже в новом строю. Ведущий, который при построении клином летел в центре косяка, теперь находился слева, впереди всех. Четыре других, опустившись вправо, летели за ним. Чтобы получить теперь новый косяк самолетов, пришлось бы ставить слева уже не две, а четыре машины. В походном строю "клин" оказалась бы девятка самолетов. Но она не была нужна, нужно было именно это отломленное правое крыло девятки, составляющее пеленг из пяти самолетов.

- Кажется мне, Федор Иванович, мы что-то нашли, - раздумчиво сказал Полбин и опять потянулся к карандашу. - Для такого перестроения в воздухе потребуется немного времени. Это главное. А теперь посмотрим, как мы будем бомбить... Линейки нет?

Дробыш открыл лежавший на столе планшет и достал масштабную линейку. Полбин приложил линейку к Т, изображавшему ведущий самолет, и нанес на бумагу прямую черту под некоторым углом к "пеленгу". В конце черты он нарисовал кружок, вписал в него крестик.

- Цель, - сказал он и провел пальцем вдоль карандашной черты. - А это глиссада пикирования. Сколько самолетов можно послать в пике? Да все пять!.. Смотри... - На карандашной черте появились Т, следующие одно за другим через равные расстояния. Пунктиром было показано, как заворачивает на черту глиссаду

пикирования - ведущий самолет, за ним второй, третий... Полбин говорил, ставя значки:

- Ведущий отбомбился. За ним пикирует другая машина, бомбит. Потом третья, четвертая... Пока пятая находится на вводе в пике, ведущий уже вышел с левым разворотом и пристраивается ей в хвост. И опять пикирует, а за ним остальные! Они сохраняют дистанции и на вводе, и в пикировании, и при выходе... Что получилось, полковник Дробыш?

В глазах Полбина светилось торжество.

- Круг замкнулся, вот что получилось, - ответил Дробыш. - Но это же еще не все...

- Правильно! - подхватил Полбин. - Замкнутый круг - это еще не все. Круг в авиации существует давно, без нас. Мы его берем как принцип, вернее как форму. А боевые порядки, организацию прикрытия дадим совершенно новые, применительно к удару с пикирования.

Полбин положил карандаш, свернул вчетверо листок бумаги, спрятал его в нагрудный карман.

- Едем ко мне. Соберем сейчас совещание, потолкуем.

Дробыш вышел в другую комнату и сказал Панину, чтобы тот вызвал шофера. Полбин взял телефонную трубку.

- Николай Ксенофонтович, - сказал он начальнику штаба, - распорядитесь, чтобы через полчаса у меня были Рубакин с заместителем, Самсоненко, флагштурман. Пригласите Филиппа Ивановича. Да-да, совещание накоротке.

Дорогой, сидя в "эмке", Полбин то оборачивался к Дробышу и снова начинал разговор о перестроении пятерок в полете, то на короткое время замолкал и погружался в раздумье. Для Дробыша эти паузы были непривычны, он почти всегда видел Полбина в движении, что-то делающим, отдающим приказания, идущим к самолету по мягкой траве аэродрома, оборачивающимся, чтобы сделать еще какое-то распоряжение перед вылетом... Дробыш понимал, что командир корпуса захвачен новой идеей, и тоже молчал, когда Полбин, повернув лицо с плотно сжатыми губами, смотрел из машины на пыльные придорожные кусты.

"Вот, пожалуйста, и решение задачи с яблоками, - размышлял Полбин. - Если связать несколько пятерок в одну непрерывную цепь, то одновременный удар будет покрепче, чем пять ударов молотком по гвоздю. А почему Крыловский назвал именно пятерку? Ведь он не подсказал, как ее перестраивать в воздухе, но, наверное, понимал, что с нею легче, чем со звеном. Опыт... Огромный опыт. Двадцать лет в авиации не шутка! Небось, когда он садится в самолет, машина чувствует, кто на ней летит. Любой "необъезженный" покорится". Полбин не без удовольствия при-

знался себе, что и ему послушен любой самолет из тех, на которых он летал. С первого же знакомства был послушен и "Петляков", хотя Полбин впервые сел на него, как на чужого коня, привыкшего к своему хозяину. Это было два года тому назад под Москвой, когда он поднял с покинутого всеми аэродрома машину, принадлежавшую разведчикам. На всю жизнь врезался в память этот тревожный октябрьский вечер: красное солнце за стволами деревьев, шуршащая, гонимая ветром листва на опустевших стоянках, лязгающие выстрелы противотанковых пушек за лесом и два техника в черных молескиновых куртках высокий щербатый и низенький, вздрагивающий от стрельбы. Как их звали?.. Чубуков и Свиридочкин. Должно быть, Чубуков, если он жив, и до сих пор не верит, что Полбин впервые сел тогда за штурвал "Петлякова". А у него не было другого выхода.

Два года назад... Не так много времени прошло, а сколько событий: Сталинград, работа в столице, запомнившееся на всю жизнь заседание в Кремле, и вот теперь уже пятый месяц на нелегком посту командира большого авиационного соединения. Котлов позавидовал: много сделано, Полбин "пошел в гору"... Но еще сколько впереди сражений, которые надо провести так, чтобы истребить побольше врагов и сохранить своих людей, которые верят ему, идут за ним... Полбин вспомнил глаза Панина, который рапортовал ему в землянке на аэродроме. Всегда приятно видеть, как загораются радостью глаза летчика при встрече со своим командиром. Это значит, что в самом трудном деле, в самом тяжком бою этот летчик поддержит тебя...

- Как у Панина сейчас с дисциплиной? - спросил Полбин, повернувшись к Дробышу.

- Хорошо. С тех пор, как получил Золотую Звезду, он как будто повзрослел...

- Да он и так мальчиком не был, - усмехнулся Полбин. - Бороду бреет, поди, два раза в день. Я имею в виду летную дисциплину?

- Одно замечание пришлось сделать.

- За что?

- Листья в тоннелях радиаторов привез.

- Брил?

- Да.

- Парикмахер! - рассмеялся Полбин. - Должно быть, рассказывает, что "Мессеры" гнались?

- Да. И нет оснований не верить: пробоины в фюзеляже были, да и штурман со стрелком подтверждают...

- Как же это случилось? - Полбин налег локтем на спинку сиденья.

Дробыш рассказал. Панин летал в разведку. Он успел сфотографировать участок вражеской обороны, но над самой линией фронта на самолет напала дюжина "Мессершмиттов". "Петляков" отбивался - Панин был искусен в маневре, - а когда боезапас кончился, летчик с огромной высоты бросил свою машину в пике. "Мессершмитты" гнались почти до земли, подстерегая "Петлякова" на выходе из пикирования. В этот момент, когда самолет на мгновение "замирает", они надеялись его расстрелять. Но и Панин понимал это. Он вывел машину из пике над лесом и пошел "змейкой" над самыми верхушками берез. "Мессершмитты" не рискнули пикировать так низко: при выходе из затяжного пике каждый самолет дает "просадку", достигающую иногда сотен метров. Ошибка в расчете может привести к гибели - врежешься в землю. Панин построил расчет точно и ушел от одураченных преследователей. Но когда он сел на аэродроме, в углублениях крыльев, где гнездятся маслорадиаторы, были обнаружены листья деревьев, срезанные во время "бреющего" полета.

- И много привез? - продолжая улыбаться, спросил Полбин.

- Пилотку полную техник набрал, мне показывал, - ответил Дробыш. - Вот Иншаков тоже видел...

Шофер закивал головой, подтверждая слова полковника.

- Парикмахер! - повторил Полбин. - А к замечанию как отнесся?

- Струхнул сначала. Думал, наверное, что я ему опять трое суток дам, как за "бочки". Но я его особенно не ругал. Ведь не из озорства он это... Машину спас и планшет очень ценный привез.

- Я помню, - сказал Полбин. - Мосты он тогда фотографировал?

- Да.

- Смелый летчик! Беречь его надо.

Машина подняла на деревенской улице пыль и остановилась у школы, в которой размещался штаб корпуса.

Полбина уже ждали. "Узкие" совещания обычно проводились в кабинете начальника штаба. Это была светлая квадратная комната с двумя окнами, служившая в дни школьных занятий учительской. Большая карта полушарий висела на стене, а над ней круглый барометр-анероид, тот самый барометр, который Полбин снял со стены в сельской школе во время отхода наших войск летом сорок первого года. Здесь барометру уже было суждено остаться навсегда.

Напротив школьной карты была прибита гвоздями другая. На ней вилась нанесенная цветными карандашами линия боевого соприкосновения войск. Красные бумажные флажки на булавках

отмечали недавно отвоеванные у противника города.

Генерал Грачев уступил Полбину свое место за столом, сам сел справа. Слева сидел Крагин, а у стен на стареньких стульях - Рубакин, Самсоненко, флаг-штурман корпуса подполковник Федосеев и секретарь партбюро штаба капитан Лучкин. Дробыш взял свободный стул.

Полбин положил часы на стол, значительную часть которого занимал массивный письменный прибор, и начал рассказывать о совещании у командующего. О том, как был принят его доклад, он сказал: "В общем мы выглядели неплохо". Но на совещании командующий упрекнул Полбина в том, что в корпусе во время операции на Курской дуге был случай потери ориентировки. Этот случай произошел в дивизии Рубакина. Теперь, рассказывая об этом, Полбин резко критиковал командира дивизии и назвал этот случай "проявлением штурманской немощи".

Флагштурман дивизии Рубакина подполковник Федосеев, совсем еще молодой человек, слушая Полбина, краснел, нервно теребил пальцами тонкий ремешок планшета и упорно смотрел в сторону, на барометр. Рубакин, большой, грузный, с наголо выбритой головой, недовольно хмурил кустистые выцветшие брови и часто делал плечом такое движение, как будто отталкивал валящийся на него тяжелый предмет.

Полбин видел это знакомое ему движение, но ничего не смягчал в своей речи. Он знал Рубакина, который не только внешностью, но и характером напоминал ему погибшего на Халхин-Голе Бурмистрова, знал, что Рубакин не любит оставлять без возражений критику в свой адрес. Но, споря и оправдываясь, полковник Рубакин никогда не упорствовал в допущенной ошибке, а то, как он переживал ее, чувствовали на себе его подчиненные: он не кричал на людей, которые разделяли с ним вину, а только давал им такие сжатые сроки для выполнения приказаний, что не оставалось времени вздохнуть. Не выполнить же приказание к сроку было нельзя, все знали характер командира дивизии. И получалось нередко так, что обнаружившиеся недостатки устранялись у Рубакина гораздо быстрее, чем у исполнительного, но несколько суетливого Дробыша.

Глава VII

Лейтенант Петр Белаш был родом с южной Украины. Это от матери своей, которую помнил по фотографии, где мать была в национальном наряде с монистами и лентами, он унаследовал черные живые глаза, мягкий певучий голос и любовь к чистоте и аккуратности. Вырос он в небольшом городе Мелитополе, на окраине, которая называлась "Новые планы" и получила такое

название, очевидно, потому, что здесь рождался новый город с длинными улицами, утопающими в садах.

Летом Белаш ходил с товарищами купаться на речку Молочную. Она текла в очень пологих, топких берегах, которые мелитопольцы называли "кисельными": выбираясь из воды, пловцы по колена вязли в жидкой грязи и потом долго бегали по берегу в поисках камня, с которого можно было бы помыть ноги перед одеваньем.

В Мелитополе Белаш закончил два курса педагогического института, а потом началась война, его призвали в армию, и он, комсомолец, аэроклубовец, к весне сорок третьего года стал летчиком.

За время войны он побывал на многих реках, о которых знал только из географии. Купался в Северном Донце, в Дону, в Волге, в холодном Тереке у Моздока. Иногда купанье было вынужденным: Дон пришлось переплывать в одежде на железной ребристой бочке из-под бензина, и самой страшной была тогда мысль, что бочку могут пробить пули "Мессершмиттов" или осколки, которые шлепались в воду с коротким шипеньем. Но Белаш переправился благополучно, а его товарищу по аэроклубу, тоже мелитопольцу, не повезло: переплыв реку па пароме, он был убит у самого берега. Белаш зарыл его в песок и в документах нашел крохотную карточку с белым уголком и надписью на обороте: "Милый, посмотри, какая я грустная без тебя". Девушку эту, невесту товарища, он тоже знал по институту, но с начала войны о ее судьбе ничего не было известно.

Когда в сводках Совинформбюро впервые появилось сообщение о боях у Мелитополя, Белаш стал жить в напряженном ожидании. Старика-отца в городе не было, он работал на заводе где-то на Урале. И Белашу больше всего хотелось двух вещей: узнать, что болотистые берега Молочной стали могилой для фашистов, и написать по адресу Кати Монаховой. Она, конечно, уже не жила на улице Чернышевского, но соседи могли сказать что-либо о ее судьбе. Белаш хранил карточку с трогательной надписью и считал своей обязанностью рассказать Кате о том, как погиб ее любимый.

Ждать пришлось долго. Немцы укрепили берега Молочной и сопротивлялись ожесточенно. Только спустя месяц после первого упоминания Мелитополя в оперативной сводке Белаш услыхал приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Мелитополя и ликвидации оборонительной полосы немцев на реке Молочной. В приказе, кроме всего прочего, говорилось: бойцов и командиров, особо отличившихся в боях при прорыве укрепленной полосы немцев и освобождении гор. Мелитополя, представить к высшей

награде - присвоению звания Героя Советского Союза. В списке частей, отмеченных Верховным Главнокомандующим, был авиационный полк, которому присваивалось наименование Мелитопольского.

Белаш услышал это по радио 23 октября. Он позавидовал тем, кто был на южном участке фронта и освобождал Мелитополь. Неразумно все-таки распоряжается военная судьба! Ведь стоило только корпусу пройти на две-три сотни километров южнее, и, может, увидел бы хоть с высоты полета улицу Ленина, огромный парк на горе... Белаш вспомнил, как по окончании первого курса, после студенческого вечера, он провожал Катю Монахову и расстался с ней у каменной стены парка в розовом свете наступающего утра... Робость, робость! Он так ей ничего тогда и не сказал!

Двадцать пятого октября Белаш с вечера заступил в наряд - оперативным дежурным по штабу корпуса. "Командный пункт" дежурного был в маленькой комнатке, сообщавшейся дверью с рабочей комнатой Полбина. Другая дверь вела в комнату начальника штаба, но генерал Грачев уехал в дивизию Рубакина. Полбин сидел в своей комнате за столом и в течение двух часов подряд что-то писал.

В одиннадцать часов вечера принесли газеты за двадцать четвертое. Белаш постучался к командиру корпуса. Полбин, не отрываясь от работы, сказал, что посмотрит газеты несколько позже.

Белаш перечитал строчку за строчкой весь приказ Верховного Главнокомандующего и снова размечтался. Телефоны на столике молчали, за окном монотонно шумел дождь. Коптилки из снарядных гильз, стоявшие на подоконнике, тихо шипели. Иногда фитили потрескивали, - вероятно, в пламя попадали крупинки соли, которая подсыпалась в бензин, чтобы избежать взрыва "лампы".

Вдруг зазвонил телефон. Белаш вздрогнул и схватил трубку.

- Оперативный дежурный лейтенант Белаш слуш...

- Ладно, ладно, сам рядовой, - послышался в трубке голос Панина, дежурившего на узле связи. - Возьми наушники, сейчас включу "Последние известия".

Наушники радиотелефона лежали на столе. В них уже слышалось шуршанье, как будто в черных эбонитовых коробочках ползали майские жуки. Белаш приложил одну коробочку к уху и услышал тихий, но очень ясный голос диктора, читавшего оперативную сводку. Освобождены города Сумы, Днепропетровск... Наступление продолжается!

Белаш, хмурясь, поглядывал на ящики телефонов, словно им можно было взглядом приказать, чтобы они молчали. Но телефоны вели себя благоразумно. Видимо, все, кто располагал такой возможностью, слушали в эти минуты радио.

"Передаем постановление Совета Народных Комиссаров СССР", - ровно читал диктор. Белаш неизвестно для чего подул в черную коробочку и плотнее прижал ее к уху.

"...Присвоить нижепоименованным лицам воинские звания, установленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года..."

Белаш слушал, перекатывая карандаш на столе. Кому-то было присвоено звание генерал-лейтенанта... Затем генерал-майора - имена были незнакомые. И вдруг:

"...генерал-майора авиации - Полбину Ивану Семеновичу".

Белаш бросил наушники на стол, рванул, не постучавшись, дверь комнаты, остановился у порога:

- Товарищ полковник, вы генерал!

Полбин поднял голову. У него был отсутствующий взгляд человека, которого неожидально вывели из состояния глубокой задумчивости.

- Что? - спросил он.

- Вы генерал! - повторил Белаш, чувствуя, что ведет себя нелепо, но еще не зная, как исправить положение.

- Что это значит? - Полбин положил перо на чернильный прибор и строго взглянул на лейтенанта. Белаш, наконец, нашелся, выпалил скороговоркой:

- Докладывает оперативный дежурный лейтенант Белаш. По радио вы - генерал!

Лицо Полбина вспыхнуло. Он стал медленно подниматься со стула, положил руку на трубку телефона, и в ту же секунду телефон зазвонил. Полбин быстро прижал трубку к уху.

- Да. Спасибо, Филипп Иванович! Да. Сейчас мне сообщил оперативный дежурный, но я не знаю, кто из нас больше растерялся. Он говорит, что я генерал только по радио...

Белаш готов был провалиться сквозь землю. В его комнате

зажужжали телефоны, и он опрометью выскочил в оставленную открытой дверь.

Звонил Грачев. Потом Самсоненко. Звонили Дробыш и Рубакин. Потом Белаш перестал снимать трубку параллельного телефона, только слушал, как Полбин за тонкой дверью отвечал на поздравления. Вот он сказал кому-то громко: "Служу Советскому Союзу!" Значит - командующий...

Телефонная буря продолжалась полчаса. Когда она немного поутихла, дверь отворилась, и Полбин сказал:

- Лейтенант, давайте составим заговор: отвечайте, что я уже ушел из штаба. Хочу закончить работу.

- Слушаюсь, товарищ генерал! - вытянулся Белаш.

Звонили только дважды. Начальник района авиационного базирования Блинников и кто-то из штаба.

Прошло десять минут. Из комнаты донесся голос Полбина:

- Лейтенант Белаш!

Одергивая на ходу гимнастерку, Белаш открыл дверь и остановился. Подняв глаза, он увидел, что Полбин улыбается какой-то необычной, смущенной и доброй улыбкой.

- Сказать по правде, не работается что-то, - сижу и почему-то думаю, что был в свое время пастухом. Не в свое, а в чужое, царское, которого вы не помните. Давайте посмотрим газеты, а?

Белаш принес газеты.

- Оставьте дверь открытой и присядьте тут, - сказал Полбин, разворачивая номер "Красной звезды". - Вы, кажется, из Мелитополя?

Белаш присел на край стула, но тотчас же поднялся для ответа:

- Да.

- А вы сидите. Я ведь генерал пока только по радио, - улыбнулся Полбин, но, заметив, как зарделся лейтенант, добавил: - Ладно, не буду. Никто, кроме меня и товарища Крагина, этого не знает... Так вы именинник! - он указал на газетный лист с приказом Верховного Главнокомандующего.

Белаш неловко кивнул. Полбин пробежал глазами приказ.

- Вот. Особо отличившимся присваивают звание Героя Советского Союза. Хотелось бы там быть?

Белаш помедлил с ответом. Он мог сказать прямо: "хотелось бы". Но такой ответ нескромен. Сказать, что очень хочется побывать в родном городе? Это будет искреннее, но лишь наполовину, ибо звание Героя тоже манит...

Полбин не стал ждать ответа.

- Понимаю, - сказал он. - Будете хорошо воевать - и здесь высокую награду заслужите. Только вот в Мелитопольском полку

служить не придется. А что, если вернетесь домой, в Мелитополь, из Берлинского полка?

- Это совсем здорово! - сияя улыбкой, ответил Белаш.

- Здорово потому, что в этом нет ничего невероятного, - сказал Полбин. - В Берлине мы будем.

Улыбка не сходила с лица Белаша. Полбин внимательно смотрел на него. "Молодость! - думал он. - Я был постарше, когда первый раз сел в кабину У-2. Да и все мы, летчики старшего поколения, позже начинали... Мой Виктор, если пойдет в авиацию, а пойдет наверняка, тоже в таком возрасте начнет летать. Только ему уже не придется сразу на фронт итти. Насчет этого мы с Белашем постараемся..."

- А в Берлине мы скоро будем? - спросил Белаш.

- Вот этого точно я не знаю, - усмехнулся Полбин. - Но в том, что будем, уверен абсолютно. Для этого нужно только одно...

Он помедлил, пристально глядя на Белаша. Лейтенант молчал, но по блестящим глазам его было вид- но, что он с нетерпением ждет конца фразы.

- Нужно только не теряться... В воздухе особенно. Лейтенант понял намек и опустил глаза, но тотчас же поднял их.

- В воздухе я не теряюсь, товарищ генерал, - сказал он твердо.

- Значит, Берлин недалеко... Ну что же... Может быть, все-таки поработаем?

Белаш поднялся и вышел.

Полбин посмотрел ему вслед и подумал: "А ведь верно, не теряется в воздухе. Только сегодня я ему наградной лист на "Красное знамя" подписал. То-то обрадуется, когда узнает. Первый боевой орден!"

Он углубился в работу. Статья об ударах пикировщиков по артиллерии подвигалась медленно. "Пикировщик - снайпер бомбометания и, следовательно, одна из центральных фигур на поле боя, - писал он. - Действуя по артиллерии врага, пикировщик непосредственно участвует в самой гуще боя, активно вмешивается в ход боя, точными ударами расчищая путь пехоте. Поэтому надо постоянно воспитывать летные кадры в духе правила: "Борьба с артиллерией самая почетная, хотя и сложная задача пикировщика".

Полбин закончил работу через час. Выйдя в комнату дежурного, он увидел, что Белаш спал, привалившись головой к ящику телефонного аппарата. Рядом лежал затрепанный номер журнала "Красноармеец" с кроссвордом, который был заполнен карандашами всех цветов - каждый дежурный писал своим.

Открыв дверь в коридор, Полбин увидел часового с автоматом на ремне.

- Пусть отдохнет, - сказал ему Полбин, кивнув на Белаша. - Разбудите, если кто позвонит. Дверь я оставлю так.

На клочке бумаги он быстро написал: "Я на радиостанции. Звонить туда. Полбин".

Листок он положил на крышку аппарата.

Глава VIII

Самолет пикировал.

Земля валилась навстречу, словно не "Петляков", дрожа от напряжения, несся к ней, а разом поднимались вверх серые осенние поля, дороги, рваные пятна голых рощиц, в которых притаилась вражеская артиллерия. Тусклая лента Днепра набухала, становилась все шире и шире, - казалось, река на глазах выходила из берегов. Так бывает в кино, когда экран вдруг быстро идет на зрителя и все вырастает, увеличивается в размерах.

Белаш был замыкающим в небольшой группе самолетов. Бомбили "вертушкой", уже по второму заходу.

- Сброшены! - воскликнул штурман Светлов. Самолет, освобожденный от бомбового груза, облегченно вздрогнул. Повинуясь рефлексу. Белаш чуть отжал штурвал.

Он не знал, что эту ошибку будет так трудно исправлять. Он даже не сразу понял, в чем состояла ошибка.

Когда самолет стал выходить из пике, Белаш взглянул на приборы, чтобы проверить высоту вывода. Она вполне отвечала заданной - восемьсот метров. Надо было догонять летевшего впереди Гусенко, чтобы встать ему в хвост.

Вдруг Светлов сильно ткнул его рукой в плечо. Белаш удивленно обернулся.

У штурмана было такое выражение лица, как будто, проснувшись, он увидел на своей подушке ядовитую змею. Бслаш проследил за его взглядом и почувствовал, как холод прошел у него по спине.

На правом крыле самолета лежала бомба. Она уютно устроилась между мотором и фюзеляжем. Своя бомба! Черное тело ее лоснилось, отверстие ушка подвески было забито остатками тавота. "Жирно смазывают", - некстати подумал Белаш, а в следующую секунду вдруг ощутил, что не слышит гула моторов. Какой-то высокий, зудящий звук ворвался в уши, вытеснив все. Да, лейтенанту казалось, что он слышит, как жужжит ветрянка взрывателя, поблескивающая в головной части бомбы.

И опять совсем неподходящие мысли промелькнули в мозгу Белаша. Он увидел себя в классе на занятиях по бомбардировочному делу. Чертеж на стене изображает взрыватель в разрезе. Тонкое жало бойка на пружинке

удерживается ветрянкой, похожей на безобидную детскую мельницу из бумаги. "Как только ветрянка под действием струи воздуха вывернется, - объясняет преподаватель, можете считать, что ваш взрыватель на боевом взводе. Достаточно легкого удара о препятствие, и произойдет взрыв"...

И ветрянка вывернулась. Блестящий диск в головной части бомбы исчез. Но жужжание в ушах Белаша не прекращалось.

Он летал недавно, но привык чувствовать себя в воздухе ничуть не хуже, чем на земле. Видные из кабины крылья самолета он воспринимал как твердую, надежную опору. В бою, под огнем зениток, он знал, что эти крылья вынесут его из любой беды, лишь бы моторы пели свою бодрую песню.

Но сейчас, сию секунду, может произойти непоправимое. Опора может разлететься в куски, и самолет, кувыркаясь, пойдет к земле, как туловище стрекозы с оторванными крылышками.

Нечего было и думать о том, чтобы занять свое место в строю. Человеку, на котором загорелась одежда, надо держаться подальше от пороховых складов. В поле, в реку, куда угодно! Только обезумевший трус побежит на людей.

Белаш решительно развернул самолет в сторону и услышал голос штурмана:

- Что будем делать, командир?

Светлов вопросительно потянулся к ручке аварийного открывания фонаря кабины. Он ждал приказания выброситься с парашютом.

Виктор Светлов был моложе Белаша. Только недавно со звездочкой младшего лейтенанта он пришел из училища. Еще раньше он учился в фармацевтическом институте, на курсе был один среди множества девушек и, должно быть, невольно усвоил какие-то женские манеры, которые, впрочем, не казались странными при его внешности - белокурых волосах, тонких чертах лица и гибкой талии. "Барышня", - сказал Панин, когда он появился в полку, но Белаш, у которого был ранен штурман, попросил его в свой экипаж и не мог пожаловаться на то, что Светлов уступает своему предшественнику в быстроте и точности штурманских расчетов.

- Сиди, Светлячок, - ответил летчик. - Скинем...

А сам подумал о Викторе: "Красивый парень. Видно, где-то по нем сохнет..." И тотчас же вспомнил Катю Монахову, ее карточку, оставшуюся в чемодане на квартире.

Он старался вести самолет вдоль Днепра: здесь не угрожали немецкие зенитки.

В шлемофоне затрещало, раздался голос Гусенко:

- Петя! Куда поплелся? Ранен?

- Ничего, дойду, - ответил Белаш. Ему и некогда было объяснять насчет бомбы, да и не следовало этого делать: Гусенко мог приблизиться, а в случае взрыва в воздухе...

Белаш резко ввел машину в пикирование, надеясь сбросить бомбу вперед. "Хорошо, что Иваницкий, - вспомнил он о стрелке-радисте, - не просится прыгать"...

Но тут же в шлемофоне послышался задорный, почти веселый голос сержанта Иваницкого:

- Не хочет, командир! Она стабилизатором за кромку крыла зацепилась!..

- Спихнем, - сквозь зубы сказал Белаш и еще резче бросил самолет в пике.

Бомба чуть приподнялась на крыле, а при выводе из пикирования опять мягко прильнула к гладкой металлической обшивке.

- Дело пахнет цветами, - начал было тем же беззаботным тоном Иваницкий. Он повторял слова Гусенко, сказавшего однажды за обедом после трудного полета: "Даже если в кабине запахло цветами, которые положат тебе на могилу, надо тянуть и тянуть, пока винты крутятся".

- Не болтать, сержант, - оборвал его Белаш. Поглядывая через стекло кабины на упрямую бомбу, он видел красивый профиль Светлова, его руки, крепко сжимавшие навигационную линейку. На откидном деревянном стульчике штурману, высокому и худому, было неудобно, коленями он почти касался своей груди.

Ослепительно-белое облако, похожее на большой снежный ком, переваливаясь, пронеслось под крылом. Тень самолета появилась на его дымящейся поверхности и тотчас же соскользнула вниз, растаяв в голубой дымке по дороге к земле.

- Что будем делать, Виктор?

- Пикировать больше нельзя, - быстро ответил Светлов.

Он видел, что Белаш понял его. После того как вывернувшаяся ветрянка освободила механизм взрывателя, воздух, в который врезался самолет, стал опасным врагом. Встречная струя на пикировании могла ударить по бойку взрывателя с силой тяжелого молота - и тогда...

Светлов медленно приходил в себя. В девяти случаях из десяти пугает неожиданное, а появление собственной бомбы на крыле самолета казалось невероятным, невозможным, сверхъестественным...

Теперь Светлов представил себе, как все произошло. Отделившаяся от самолета бомба первое время по инерции летит рядом с ним, сохраняя его скорость, как неотъемлемый спутник. Когда Белаш, отжав штурвал. увеличил угол пикирования и

скорость "Петлякова" возросла, бомба оказалась позади и выше самолета, а как только он начал выходить из пике, скорости уравнялись - бомба догнала его и спокойно улеглась на крыле. Сейчас нужно было избавиться от этой опасной спутницы. Риск? Да, риск...

Гусенко то и дело спрашивал по радио, как себя чувствует Белаш, но лейтенант не отвечал. Готовая взорваться бомба лежала на крыле его самолета между мотором и кабиной...

Белаш стал делать "клевки". Он чуть опускал нос самолета, резко вырывал его и накренял на правое крыле. Бомба приподнималась и, лениво поворачиваясь, откатывалась от кабины. Сначала немного, потом еще и еще... Вот она уже перевалилась за моторную гондолу.

- Пошла! - закричал Иваницкий, точно ему выпала удача в азартной игре. Ты упорная, а мы тоже... Дав-ва-ай!

Белаш продолжал "давать". Летчику страшно не терпелось дать глубокий крен и разом свалить присосавшуюся к самолету бомбу. Но ее словно магнитом держало, ее надо было отдирать мелкими сильными рывками, как вытаскивают из доски большой гвоздь.

У консольной части крыла бомба чуть повернулась. Поток воздуха уже не обтекал ее, как раньше, с головы, а наискосок бил по упрямому черному туловищу. Белаш тотчас же ухватился за это. Он разогнал самолет, вздыбил его и, сделав хороший "клевок", опять взмыл вверх.

Бомба мелькнула жесткой крестовиной стабилизатора и быстро скатилась вниз.

- Фью-у-у! - свистнул вслед Иваницкий. - Лети, лети...

Позже говорили, что, по счастливой случайности, бомба угодила в какой-то обоз гитлеровцев, застрявший на раскисшей дороге.

Белаш хотел вытереть пот со лба, но только размазал крупные капли глянцевитой кожей перчатки.

- Теперь догоним своих, - устало сказал он. - Домой.

Самолет садился последним. На старте его ждала санитарная машина. . Как только Белаш зарулил на стоянку, машина двинулась по направлению к самолету.

- Чего доброго в санчасть поволокут, - сказал Иваницкий. - Может, спрятаться?

Белаш снял с головы шлем.

- Ну-ка, Светлячок, посмотри, что у меня тут, - сказал он, наклоняя голову.

- А что? Ушибся в кабине?

- Нет. Мне что-то кажется, будто я седой.

Светлов успокоил его. В гладко зачесанных назад черных волосах Белаша не было и намека на седину.

Стесняясь открыто выразить наполнявшее его чувство радости, Светлов нервно пошутил:

- Тебе до генерала Грачева еще далеко... Белаш улыбнулся и потянул штурмана за рукав комбинезона к себе:

- Я уже думал, что вообще в генералы не выйду... Что ты там на камне стоишь? Иди сюда, тут земля настоящая, живая...

Он с наслаждением вдавил толстую войлочную подошву в сырой грунт, обнажив крохотные белые ростки будущей травы.

Подъехала санитарка, с ее подножки соскочил Гусенко с шлемом в руках.

- Кто же ранен? - спросил он.

- А никто, - ответил Белаш. - Могли все потребовать цветы на могилу, но обошлось...

- А с самолетом что?

- Тоже ничего.

- Не дури, Петя, - сказал Гусенко. - Сейчас скажу доктору, и он всех вас заметет по признаку общего душевного расстройства. Что же случилось?

Тут только Белаш вспомнил, что хотя Гусенко не является его прямым начальником, но он был ведущим группы и обязан знать все, что происходило в воздухе.

- Товарищ старший лейтенант, - начал Белаш, приняв положение "смирно", на втором заходе одна ФАБ легла на крыло самолета, и я вынужден был отстать от строя, чтобы сбросить ее. Виновником происшедшего считаю себя, так как непроизвольно увеличил угол пикирования в момент отрыва бомбы от самолета...

Гусенко притронулся к усам.

- Доктор, - обратился он к девушке, сидевшей в кабине санитарной машины, тут вам нечего делать. Отъезжайте.

Едва машина тронулась, Гусенко виртуозно выругался и спросил:

- Почему в воздухе не доложил об этом?

- Бомба могла взорваться в любой момент. Я не хотел подвергать риску других.

Гусенко порывисто обнял Белаша и поцеловал в губы, пощекотав усами. Потом оттолкнул его от себя:

- Я все же не пойму: че-пэ это или не че-пэ? Надо начальству докладывать?

- По-моему, надо. - ответил Белаш. - Я допустил ошибку...

- Но ты же мог на молекулы разлететься!

- Все равно. Я отвечаю и за экипаж.

- Сложный случай, - сказал Гусенко. - Вот идет майор, доложим ему.

Подошел командир полка майор Пчелинцев. Он внимательно выслушал Белаша, расспросил Светлова, Иваницкого и сказал:

- Идите обедать. Вечером я вас вызову.

Гусенко пошел в штаб докладывать о результатах вылета, а Белаш, Светлов и Иваницкий направились в столовую.

- День сегодня хороший, - сказал Светлов, глядя на лилово-голубую полоску перебиравшегося с бугра на бугор леса. - Мне сейчас один смешной случай вспомнился...

- Какой? - вылетел вперед Иваницкий, большой любитель смешного.

- Институтский...

- А-а... - Иваницкий с разочарованным видом замедлил шаг. Он не ждал ничего смешного от рассказа об институтской жизни Светлова.

- Нет, нет, право смешной, - заторопился Светлов. - Понимаете, висело у нас в вестибюле объявление: такого-то числа состоится лекция на тему: "Почему я всегда здоров". Какой-то приезжий лектор должен был читать. Объявление провисело до субботы, а за два часа до начала лекции на нем появилась бумажка наискось: "Не состоится ввиду болезни лектора".

Иваницкий рассмеялся, а Белаш спросил:

- Какая же мораль?

- Никакой. Так просто вспомнилось, - ответил Светлов.

Белаш все время думал о вечере и предстоящем разговоре. Он все еще не мог решить для себя вопрос: виноват он в том, что произошло в полете, или нет. Что скажет майор Пчелинцев?

Но вечером весь экипаж был вызван к Полбину. Разговор шел в присутствии Грачева, Крагина и Самсоненко. Опять все члены экипажа по очереди рассказывали о том, как сбрасывалась опасная спутница. Выслушав каждого, Полбин обратился к Самсоненко.

- Иван Данилович! В вашей практике такие случаи были? Возможно, дело тут в нарушении баллистических свойств бомбы?

- Допускаю, - ответил Самсоненко, - но вообще о таких случаях я до сих пор не слыхал.

- А что скажут генералы? - Полбин взглянул на Грачева и Крагина.

- Я убежден, что это беспрецедентный случай, - произнес, щурясь, Грачев. Безусловно, единственный в истории авиации.

- Не знаю, единственный или нет, а в данном случае экипаж проявил мужество, - сказал Крагин. - Я не считаю, что Белаш заслуживает награды, но ошибку он исправил мастерски.

- Присоединяюсь, - поддержал его Полбин. - Самое важное в этом случае состоит в том, что экипаж не растерялся. Отпустим с миром? - он с усмешкой оглядел генералов и кивнул Белашу: - Идите, товарищи. Ошибок больше не допускайте, но в исключительных обстоятельствах держите себя именно так.

-Когда дверь закрылась, Иваницкий спросил:

- Что значит - беспрецедентный?

- Это значит - ранее не имевший места, - ответил Светлов.

- И не долженствующий иметь его, - сказал Белаш, с трудом произнеся вдруг всплывшее в памяти книжное слово "долженствующий". - Во всяком случае, для меня это имеет такое значение.

Сбив фуражку на затылок, он поднял глаза к холодным осенним звездам и вдруг звучным тенорком запел протяжную песню про крутую, высокую гору, под которой раскинулся зеленый гай.

Глава IX

Оттепель началась рано. Снег, долго лежавший на полях толстым слоем, быстро растаял. Наступила весенняя распутица, которой все ждали, но не думали, что она нагрянет вдруг.

Грязь была непролазная. Съезжать с шоссе хотя бы на два-три шага было нельзя: пешеходы увязали так, что сапоги приходилось вытаскивать руками.

Александр Пашков стоял в кузове полуторки и, прикрывая лицо от брызг, смотрел по сторонам. С левой стороны шоссе, видимо, еще несколько дней тому назад пробирались машины. На пологом склоне холма завяз, повалившись набок, трактор, чуть дальше стояли два прицепа с погруженными на них истребителями. Самолеты были без крыльев, с погнутыми винтами, очевидно их подобрали в степи после посадки "на живот".

Шоссе стало подниматься в гору. Все чаще попадались на обочинах брошенные машины. Лейтенант из автобата, стоявший рядом с Пашковым, вытирая рукавицей попадавшие на лицо грязные брызги, определял: "ЗИС. Полуторка. Оппель. Еще полуторка..."

- Далеко еще? - спросил Пашков.

- Сейчас приедем. Вот за этим бугорком. Машина еще раз поднялась в гору. Впереди открылось большое село с красными каменными домами в центре.

- Видите, над зеленой крышей две трубы? - спросил лейтенант, указывая вперед.

- Вижу.

- Это и есть штаб корпуса. Я вас почти до самого дома довезу.

Но прошло еще около часа, прежде чем Пашков, стараясь держать на отлете грязный чемодан, вошел в длинный коридор и предъявил документы дежурному.

- Не совсем сюда, - сказал лейтенант с красной повязкой на рукаве. - Отдел кадров через дорогу, вон маленький домик...

Начальника отдела кадров Пашков нашел в небольшой комнатушке с одним окном, на котором стояли цветочные горшки с хилыми растеньицами.

Представившись, Александр присел на предложенный ему табурет и стал молча ждать, пока подполковник ознакомится с личным делом. Уже смеркалось, света в комнате становилось все меньше, и подполковник, досадливо оглядываясь на окно, низко склонялся над бумагами.

- Так, - сказал он, прочитав автобиографию Пашкова. - Это для меня некоторая неожиданность. Значит, вы доводитесь нашему командиру... как это называется, - подполковник пощелкал пальцами над головой, ища забытое слово, шурином, что ли?

Пашков поднялся с табурета.

- Так точно, товарищ подполковник.

- Сидите, сидите, - жестом остановил его подполковник. - Вы сами просились к нам в соединение, или как?

- Нет, это случайно. Так назначение дали.

Пашков продолжал стоять. У него не было оснований сомневаться, что ему предлагают сидеть из простой вежливости и внимания к уставшему с дороги человеку, но он не хотел воспользоваться этим приглашением после того, как начальнику отдела кадров стало известно, что вновь прибывший - родственник самого Полбина.

- Надо вам представиться генералу, - продолжал между тем подполковник. - У него такое правило: со всеми прибывающими лично беседует.

- А может, вы разрешите сделать исключение из этого правила? - смело спросил Пашков. - В других местах мне прямо давали назначение в отделе кадров - и в часть...

Подполковник распрямил ладони, положил их на бумагу и, помолчав, сказал:

- Назначение я вам дам. Будете работать штурманом эскадрильи в гвардейском полку. А порядок нарушать не станем, - к генералу направляйтесь немедленно. Иначе и вам и мне попадет, вы же знаете, какой у нас командир.

На этом разговор с начальником отдела кадров закончился. Пашков не стал объяснять, почему он не хотел встречаться с командиром соединения. Собственно, он очень хотел этого, ему

не терпелось увидеть зятя в генеральской форме, рассказать о Чите, о детях. Но его грызла досада, поселившаяся в душе с той минуты, как ему сказали в штабе армии, что он назначается в соединение Полбина. Пашков сначала растерялся, а потом решил: поеду, буду себе служить простым штурманом, не стану на глаза начальству лезть. Он хотел сохранить независимость и проявить себя без помощи родственника, занимающего большой пост. Поменьше бы с ним встречаться...

Но с самого начала этот план "сохранения независимости" рушился.

Полбин находился в одном из полков на партийном собрании. Аэродром был недалеко - туда Пашков через полчаса доехал на попутной машине, которая везла тяжелые черные ящички самолетных аккумуляторов.

Собрание шло в длинном деревянном сарае, как видно, служившем в свое время для хранения сельскохозяйственного инвентаря. Пашков предъявил партийный билет и вошел внутрь.

Сарай был переполнен. Где-то впереди находились скамьи, на которых можно было сидеть, но в задних рядах, у входа, люди стояли. Как ни пытался Александр увидеть, что делается у стола президиума, это ему не удавалось. Летчики в расстегнутых комбинезонах, в шлемах с подвернутыми ушами стояли на каком-то возвышении очень плотно, поддерживая друг дружку за спины и плечи. Это были те, кто пришел на собрание прямо с полетов. У самой двери кто-то курил, прикрывая огонек рукой и пуская дым к земле, себе под ноги.

Потеряв надежду протиснуться вперед и увидеть что-нибудь, Пашков стал прислушиваться к словам оратора. Он удивился тому, что не сразу узнал если не этот голос, то своеобразную манеру говорить: каж- дая фраза будто заканчивается восклицательным знаком.

Это говорил Полбин.

- Вы помните панинские бочки, товарищи? - спрашивал он и отвечал: Конечно, помните. Я уважаю Панина за храбрость, за дерзость новаторскую, но дело, которому я служу, для меня - командира и коммуниста - важнее всего! Я обязан, понимаете, обязан поддерживать дисциплину всячески. Этого требуют от меня наши законы, наши уставы! И Панин был наказан по всей строгости, какой он заслужил.

Пашков легонько потянул за рукав летчика, старательно растиравшего подошвой унта докуренную папиросу:

- Кто такой Панин?

Летчик поднял глаза, ответил свистящим шопотом:

- Это у нас старший лейтенант такой есть, разведчик. В

прошлом году бочку крутанул на "Петлякове"...

- Да ну? - удивился Пашков, - Что это ему - истребитель?

- ...командир дивизии ему трое суток дал за партизанщину, а генерал потом сам бочки стал делать, и Панина...

- Ш-ш, тише, - зашикали с боков и сверху, и собеседник Пашкова умолк. Снова стал ясно слышен голос Полбина:

- Вот я держу в руках номер "Красной звезды".

Есть тут статья писателя Павленко. Статья называется "Маневр"; почитаете потом, кто не успел. Одно место хочу привести. Послушайте, как здесь про партийную работу говорится: хорошая партийная работа должна растворяться в деле, как сахар растворяется в стакане чаю... Сахар никто не хвалит, чай хвалят...

Несколько мгновений стояла тишина. Очевидно, Полбин, сделав паузу, обводил взглядом слушателей - была у него такая привычка. Потом опять донесся его голос:

- Хорошо сказано, а? По-моему, очень правильно. Партийную работу надо оценивать не только по количеству мероприятий, записанных в книжечку: мол, и то сделали и это провели... По делам, по результатам надо оценивать, по тому, как мероприятия растворились в массе коммунистов, как они их настроили, какие принесли плоды. Если чай хорош, то значит и сахар был добрый... А вот возьмем теперь вопрос о работе с молодыми штурманами и об участии в этой работе нашего партбюро. Беру первую часть этого вопроса - насчет штурманской ориентировки...

Полбин говорил еще довольно долго. Слушали его внимательно, даже на тех, кто начинал кашлять, шикали со всех сторон. Закашлявшийся прятал лицо в воротник комбинезона и виновато разводил руками.

Когда собрание было закрыто, все повалили к выходу. Пашков хотел остаться у двери, чтобы дождаться Полбина, но удержаться на месте не удалось. Александра оттерли, увлекли во двор, и когда он вернулся к входу в сарай, то увидел только, как захлопнулась дверца чёрной "эмки", забрызганной грязью до самой крыши. Машина тотчас же рванулась вперед.

- Иван Семенович и на земле малой скорости не терпит, - сказал кто-то вслед.

Пашков с досадой повернулся и пошел прочь. "Что я гоняться за ним буду? Завтра доложусь чин чином. Не к спеху".

Но тут же вскочил на подножку автомашины, направлявшейся к штабу соединения. В кузове машины в обнимку стояли летчики и дружно пели: "Ой ты, Галя, Галя молодая"...

Еще через полчаса он постучал в дверь, около которой сидел офицер с повязкой на рукаве. То и дело снимая телефонную

трубку, офицер говорил вполголоса: "0-де старший лейтенант Гусенко слушает..."

Постучав вторично, Пашков услышал глухое, будто издалека идущее "да!" Он открыл дверь. Комната оказалась узкой и длинной, а стол, за которым сидел генерал, находился в глубине, у самого окна.

Полбин не сразу поднял голову, и Александр успел увидеть, что на большом рабочем столе, покрытом куском серого армейского сукна, было очень свободно и просторно - ни книг, ни бумаг. Ученическая чернильница-невыливайка на подставке из толстого целлулоида тускло поблескивала своими фиолетовыми боками. Рядом стоял барограф-самописец, незаметно чертивший на разлинованном в клеточку барабане извилистую линию. Часовой механизм барографа тихо постукивал. Звук его был тотчас же заглушен шумом перевернутой Полбиным карты, на которой выделялись две жирные черты - красная и синяя.

"Линию боевого соприкосновения изучает", - подумал Пашков и сделал два шага вперед.

- Товарищ гвардии генерал-майор, разрешите?

Чтобы получше рассмотреть вошедшего, Полбин заслонил рукой свет лампы. В глазах его отразилось удивление. Он отодвинул стул и встал, расправив плечи и опустив руки к голубым генеральским лампасам. Тихо звякнули ордена на кителе, сверкнула золотая звездочка Героя.

- Штурман старший лейтенант Пашков прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы! - твердо произнес Александр уставную фразу.

- В отделе кадров были?

- Так точно, товарищ генерал!

Полбин еще раз отодвинул стул, взяв его за спинку, и, перекинув через себя провод телефона, стоявшего на подоконнике, вышел из-за стола.

- Ну, здравствуй, Шура. Здравствуй, штурман...

Они расцеловались.

- Не ждал, признаться, не ждал. Ты ведь писал раз в столетие. Все злился, небось? Характер...

В голосе Полбина был веселый задор, готовность спорить. Как будто не остались позади многие месяцы трудной войны, бои, в которых каждый из двух стоящих друг против друга людей мог сложить голову - и он, командир большого авиационного соединения, и прибывший под его начало молодой штурман. Именно такая мысль смутно промелькнула в голове Пашкова, и он с легкой обидой подумал, что Иван Семенович напрасно в первую минуту их встречи напоминает о той давней размолвке.

Полбин тоже увидел по нахмурившимся тонким бровям Пашкова, что намек ему не по душе. С лукавой усмешкой он взял шурина за локоть и усадил рядом с собой на потертый диванчик с выпиравшими пружинами.

- Ладно, вернемся к этому разговору через десять минут. А сейчас выкладывай все по порядку. Когда был у Мани? Дети как?

Александр стал рассказывать. Полбин часто прерывал его и требовал все новых и новых подробностей: какие отметки у Виктора по арифметике и русскому языку, какие именно песни поет Людмила и хорошо ли поет, велика ли ростом Галка, Галчонок.

Встав с дивана, он быстро подошел к столу и, то поднимая, то опуская над ним ладонь с крепко сжатыми пальцами, спрашивал:

- Такая будет, а? Или такая?

Потом сказал:

- Тут через дорогу у моей хозяйки девочка есть, однолеток Галкин. Я тебе ее завтра покажу, может, как раз такая...

В эту минуту порыв ветра качнул открытую оконную форточку, и на ее черном стекле расплылись крупные капли дождя. Полбин спросил:

- Что это - фронт или циклон?

И сам себе ответил: - Фронт. Ломается погодка.

Легким шагом он прошел по чисто вымытым половицам, открыл дверь и приказал дежурному вызвать начальника метеослужбы.

- Вылет завтра, - пояснил он, вернувшись к Пашкову и садясь рядом с ним. А у тебя перерыв в полетах какой?

Пашков ответил. Полбин подумал немного и, прищурившись, сказал:

- Если бы ты был летчиком, пришлось бы тебя повозить. С штурманом хлопот меньше. Александр принял это как вызов.

- Все равно летчиком буду, Иван Семенович, - запальчиво сказал он. - Не повезло мне только, что к вам попал...

Полбин перестал щуриться. Лицо его стало твердым и строгим. Глядя прямо в глаза Пашкову, он медленно проговорил:

- Будешь, Александр. Непременно будешь, если хочешь...

Потом рассмеялся, крепко сжал руку Пашкова выше локтя, слегка оттолкнул его от себя и продолжал:

- Люблю упорных. А скажи мне, кандидатский стаж у тебя уже кончился?

- Какой? - не понял Пашков.

- Партийный, конечно. Приняли?

- Есть все рекомендации.

- Вот. Кажется, ты еще комсомольцем был, когда просился в

мой полк на переучивание. А теперь поговорим с тобой как коммунисты.

Опять налетел порыв ветра, дрогнула маленькая форточка, и за окном послышался ровный шум дождя. Полбин повернул голову.

- Слышишь? Переходная, весенняя пора. А что это для нас с тобой? Это полеты в сложных условиях - раз. Это затрудненная ориентировка на маршруте два. Это дополнительные трудности при отыскании цели - три. Чья тут роль возрастает? Штурмана - так, что ли?

- Штурмана.

- Правильно. А в это время я хорошего штурмана буду отрывать от прямых его обязанностей и, вместо того чтобы посылать в бой, стану вывозить на летчика. Имею я на это право или нет?

- А если из этого штурмана хороший летчик получится? - сказал Пашков.

- Не сомневаюсь, что хороший. Но ведь только получится. А штурман, опытный, воевавший, уже есть. И есть у меня молодые штурманята, которых надо учить, опыт им передавать. Как я должен поступить?

- Генералу виднее.

- Нет. Виднее тому, кто с полной ответственностью относится к делу, которому служит. С полной ответственностью. И с сознанием того, что самое важное - твой долг!

Полбин говорил тихо, не поднимая голоса, но Пашков тотчас же вспомнил его речь на партийном собрании. Горячая сила убежденности в своей правоте, в правильности принятого решения звучала в каждом доходившем до Александра слове. С ним говорил сейчас не Иван Семенович, родственник, а человек партии, командир, сознающий свою государственную ответственность. Таким помнили его и те, кто учился в школе, где Полбин когда-то был рядовым инструктором, и те, кто воевал с ним на Халхин-Голе, под Москвой, под Сталинградом. Таким знают его сейчас летчики, которых он завтра поведет в бой, идя впереди всех...

- Мне все ясно, - сказал Пашков и повторил вставая: - Все ясно, товарищ генерал.

После короткого стука в комнату вошел невысокого роста, широколицый майор. Держа в руках карты, свернутые в трубку, он доложил, что прибыл с метеосводками.

- Сейчас займемся, - кивнул ему Полбин и сказал Пашкову: - Иди. Приеду в полк, проверю на работе. А переучивание на летчика у меня проходить будешь. Вот только операцию

закончим. Или войну, - добавил он с улыбкой.

Он вышел вместе с Александром и сказал дежурному:

- Гусенко, дайте посыльного, пусть проводит старшего лейтенанта на мою квартиру. А ты, штурман, шурин, Шурик, обсушись и попей чайку. Я долго не задержусь.

Александр резко вскинул голову. К чему этот каламбур в присутствии постороннего человека? Специально объяснить ему, что они родственники?

Полбин встретил его укоризненный взгляд с усмешкой.

- Иди, иди. Гусенко, это брат моей жены, хороший штурман. Познакомьтесь, воевать вместе будете.

Он закрыл дверь и вернулся к майору, который развернул синоптическую карту, покрытую россыпью кружков, треугольников и цифр.

Майор вышел из комнаты через десять минут и сказал Гусенко:

- Генерал приказал вызвать Блинникова.

- Он уже едет, - ответил Гусенко. - Да вот он.

Вошел полковник Блинников, коренастый человек с квадратным лицом и высоко поднятой правой бровью.

- Генерал у себя? - спросил он.

- Ждет вас, - ответил Гусенко, открывая дверь в комнату.

Полбин стоял у порога.

- Заходи, Николай Кузьмич, - сказал он, протягивая руку. - Садись.

Они сели на диванчик. Полбин сказал:

- Только что знакомился с метео. Погода будет примерно с неделю. Теперь все дело за тылом.

Блинников озабоченно поднял бровь.

- Боекомплекты завезли, горючее есть. Авиамасло прибыло.

- Сколько?

- Две цистерны.

- Слили уже?

- Нет. Пока на колесах.

- А как же будет с завтрашним вылетом? У меня по сводке много незаправленных машин.

- Я послал половину автобатовских маслозаправщиков, но они застряли в степи.

- А трактора?

- Не берут. Гусеницы обволакивает грязь, не проворачиваются. Только зарываются по кабину.

Полбин потер колено рукой, остро взглянул на Блинникова:

- Безвыходное положение?

- Нет. Вылета не сорвем. Я дал приказание мобилизовать

канистры, бидоны, всю мелкую тару. Будем носить на плечах.

- Прямо со станции?

- Сначала разгрузим застрявшие маслозаправщики, а потом со станции.

- Успеете?

- К утру обеспечим.

Полбин встал, подошел к столу, постучал пальцем по коробке барографа и спросил:

- А где застряли маслозаправщики?

Блинников тоже встал.

- На последнем подъеме.

- Я вам вот что посоветую, - сказал Полбин. - Пошлите навстречу мощный трактор, но не спускайте вниз, к самым машинам. Оставьте на бугре. Длинные тросы есть?

- Найдутся.

- Забуксируйте длинным тросом одну машину и пусть трактор спускается по обратному скату, сюда, к нам. Машина пойдет наверх.

- Перетянет, думаете? - спросил Блинников.

- Уверен. Только трос нужен прочный и под него каток какой-нибудь подложить.

- Попробуем, - сказал Блинников.

Через несколько минут ушел и он. Полбин сел к столу и задумался. Распутица мешала боевым действиям. Небо было чистое, высокое, а на земле творилось невообразимое. Самолеты вытаскивали на мощеную взлетную полосу тракторами. Летчики ходили на аэродром пешком - машины буксовали. Но главную трудность составлял подвоз боеприпасов и горючего со станции железной дороги на аэродром...

А надо было летать. Немцы думали, что распутица остановит советское наступление, сделает невозможными действия авиации. Но они ошиблись. Невозможное становилось возможным для советских людей, охваченных желанием поскорее вышвырнуть врага за пределы своей страны. Уже совсем близко были государственные границы Советского Союза.

Глава X

Польша. Жаркое лето. Дороги, бегущие по холмистым полям с редкими перелесками. Фольварки, обнесенные каменными стенами. Из-за стен поднимаются деревья вековых парков, в их прохладной глубине поблескивают пруды.

Крытые белым железом дома "осадников" у пыльных дорог, одинокие, как стража. Деревни, по улицам которых носятся тучи мух. Круглые цементные колодцы с надписями на белых эмалированных дощечках: "Woda surowa do picia" "Woda surowa do

gotowki"

К полям, видимым с самолета, долго нельзя было привыкнуть. После безбрежных массивов родной страны рябило в глазах от пестрой чересполосицы; поля казались лоскутным одеялом, сшитым из желтых, зеленых, коричневых и черных прямоугольных кусков. Странными казались и города: в центре тесные массивы старинных домов, прорезанные узкими, кривыми средневековыми улочками; от этой темной сердцевины, где торчат шпили обязательной ратуши и костелов, во все стороны радиально расходятся асфальтированные магистрали с нарядными, утопающими в зелени коттеджами по бокам; железные дороги рассекают город; вокзалы рядом с магазинами центральных улиц...

Один такой город недалеко от Вислы немцы превратили в опорный пункт. Они выгнали жителей из предместий, сделали из окон домов бойницы (пишется "дом", а читается "дот", говорили наши пехотинцы) и, окружив себя кольцевой обороной, задержали наше наступление.

Нужен был мощный удар авиации. Мощный и точный, ибо сразу за поясом немецкой обороны находились жилые дома, в которых ютились ждавшие освобождения поляки.

Полбин внимательно изучил планшеты фоторазведки. Группу самолетов он поручил возглавить Дробышу, а сам на У-2, который теперь в память конструктора Поликарпова был переименован в По-2, вылетел в район боевых действий. На машине он добрался до наблюдательного пункта командира пехотной дивизии, штурмовавшей город Н.

На опушке леса его встретил полковник в пыльной гимнастерке с плотно привинченными к ней двумя орденами Красного Знамени.

- Карташов, - назвался он. - Пройдемте к рации, товарищ генерал.

На холме под березами стоял маленький столик, на нем три телефона. К верхушке березы на шесте прикреплена метелочка антенны. Радист, молодой белобрысый парень с вытянутым худым лицом и толстыми губами, не снимая наушников, поднялся навстречу.

Полбин посмотрел на часы, повернув стекло так, чтобы в нем не отражались солнечные зайчики.

- Тринадцать сорок пять. Сейчас подойдут.

- Надо по артиллерии сначала, - сказал Карташов, поднимая бинокль. - Левее красного здания водокачку видите? Там три батареи и минометы.

Полбин взглянул по направлению руки полковника. За

холмистым полем, покрытым редким кустарником, вставала окраина города. В бинокль было видно, что в красном здании у водокачки окна без стекол.

- Это отметка семнадцать. Так? - спросил Полбин.

- Точно.

- А в длинных серых сараях что у них? Пехота?

- Да. И противотанковая там же. Надо тоже жахнуть.

- Жахнем, - сказал Полбин без улыбки. - Это за кустарниками, ближе ко мне - ваши?

- Да, мои. Залегли, ждут подмоги с неба. Один из трех аппаратов на столе зазвонил. Полбин взял трубку, потом, выслушав, посмотрел на карту, придавленную к столу бурым комком земли.

- Сейчас подойдут.

Он поднял голову. Над лесом, на большой высоте появились "Петляковы". Они летели в кильватерной колонне пятерок. С земли их полет напоминал осеннюю тягу журавлей: впереди вожак, за ним два справа и два слева. Клинья двигались спокойно, даже несколько торжественно.

Полбин взял из рук радиста микрофон:

- "Клен", "Клен", слушайте меня. Я - "Береза". Слушайте меня. "Клен", вы над моей головой. Идите к отметке семнадцать, артпозиции... Я - "Береза".

"Петляковы" в небе резко меняют курс. Строй их вытягивается, они на ходу принимают боевой порядок - пеленг.

Немецкие зенитки начали огрызаться. Но самолеты уже рассредоточили строй, снаряды рвались в чистом небе, прыгая, как ватные шарики.

Ведущий самолет развернулся в сторону красного здания с водокачкой и отошел от группы. Секунда - и он понесся в стремительном пике. За ним на глиссаду пикирования, как на скользкую крутую дорожку, ступил следующий, потом еще, еще...

Доходя до невидимого пункта, точно рассчитанного еще на земле, "Петляковы", как бы оступаясь у края стремнины, с нарастающим гулом моторов летели вниз.

Вверху над ними кружились истребители прикрытия. Часть "Лавочкиных" опоясала "вертушку", охраняя ее с боков.

Ведущий сбросил бомбы. С разворотом и набором высоты он выходил из пикирования, его длинное тело блеснуло под солнцем. На красный дом с водокачкой полетели бомбы.

Они падали в одну точку. Еще не успевал рассеяться дым одного взрыва, как вспыхивало пламя другого, третьего... Через равные промежутки времени на опушку леса доносились глухие удары, и листья берез тихонько вздрагивали.

Ведущий закончил боевой разворот, набрал высоту и оказался в хвосте последнего самолета группы, растянувшейся в небе.

Кривую, описанную ведущим, повторил "Петляков", летевший вслед за ним. По этой же кривой лезли вверх остальные. Встав вровень с теми, кто был на исходной высоте, они спешили к краю невидимого обрыва и снова падали вниз...

Теперь уже трудно было пометить самолеты номерами, ибо первый и последний делали одно и то же: отбомбившись, каждый гнался за хвостом идущего впереди, взбирался на высоту и, скользнув по линии боевого пути, снова шел к земле, стонавшей от грохота разрывов...

Полбин поднес к глазам бинокль. Водокачки не было. Толстое круглое основание ее рассыпалось и было придавлено грузно осевшей крышей, как монгольской шапкой, надетой набекрень. Из обгорелых стен красного здания рвались кверху языки пламени, бледные, почти незаметные в сиянии безоблачного дня. Черный дым косо стелился по ветру.

На бугристой равнине среди кустов виднелись выгоревшие гимнастерки пехотинцев. Многие поднялись из укрытий и, заслоняясь руками от солнца, смотрели на пожарище. Кто-то повернулся лицом к Полбину и помахал над головой пилоткой, словно призывая: "Вперед! Путь свободен!"

"Петляковы" стали собираться в строй. Полбин услышал по радио голос Дробыша:

- "Береза", я "Клен". Цель накрыта. Вижу прямое... Я - "Клен"...

Вмешался чей-то другой, задорный голос:

- Бомбили отлично, подтверждаю!

Мелькнула мысль: Звонарев! Но нет, о нем давно ничего не слышно.

- Кто вы? - спросил Полбин.

- Я - "Тюльпан"...

Это был ведущий истребителей.

- "Клен", - позвал Полбин. - Слушайте меня, я - "Береза". Идите к отметке четырнадцать, та же задача. Я - "Береза".

Самолеты развернулись в небе. Ватные шарики зенитных разрывов потянулись за ними, но скоро отстали. Заработали зенитки над новой целью - длинным рядом серых одноэтажных зданий, в которых находилась противотанковая артиллерия врага.

После первого захода "Петляковых" зенитный огонь стал слабее, а потом и вовсе утих.

Все время, пока длилась бомбежка, полковник Карташов сидел у столика и, меняя телефонные трубки, говорил с командирами пехотных полков. На равнине происходило

движение: легкие пушки меняли позиции, пулеметчики перебегали от куста к кусту, в неглубоких впадинах и лощинах накапливалась пехота, и все это подбиралось ближе к окраинам города, готовясь к решительному удару...

"Петляковы" закончили обработку второй цели. Бомбы были израсходованы.

- "Клен", - сказал Полбин. - Идите домой. Благодарю за отличные удары. Я "Береза".

Журавлиные косяки потянулись на восток. Как резвые жаворонки, кувыркались по бокам строя легкие истребители. Они словно выражали радость тем способом, который был недоступен чинным и серьезным бомбардировщикам.

Когда самолеты проходили над лесом, Полбин успел заметить, что левый крайний ведомый как бы прихрамывал, а мотор его дымил, оставляя в небе еле заметную прямую струю. Но самолет не отставал от строя.

"Наверное, дал слишком богатую смесь", - успокаивая себя, подумал Полбин.

Карташов держал около ушей сразу две трубки. Увидев, что Полбин собирается уходить, он положил одну и, встав, протянул руку, а глазами выразил понятную Полбину мысль: "Так занят, что и спасибо не могу сказать! Нет слов для благодарности!"

Радист вытянулся и отдал Полбину честь, приложив руку к эбонитовой чашечке наушников.

Полбин прошел вниз, на НП командира дивизии. Там тоже кипела работа, отдавались приказания, звонили телефоны.

- Сейчас будем брать, - сказал Полбину подполковник с седой щеточкой усов. - Приезжайте вечером чай пить. Рюмками!

Он махнул рукой в сторону города, судьба которого была уже предрешена.

Полбин долетел на свой аэродром очень быстро: сильный попутный ветер подгонял его По-2.

Первым к нему подбежал Дробыш. Лицо его было угрюмо, маленький рот плотно сжат.

Он доложил о вылете и добавил:

- Ранен Гусенко. Умирает.

- Как умирает?

Полбин не мог привыкнуть к гибели людей, хотя многих из тех, с кем он прошел от берегов Дона, не было в живых. Каждый раз, слушая доклады о потерях в бою, он спрашивал: "Как - сбит?", "Как - не вернулся?", и были в этих вопросах возмущение и протест; как может погибнуть человек, столько раз храбро ходивший на врага, презиравший смерть?

Гусенко, весельчак Гусенко, "усач", подражая которому все

летчики его эскадрильи, даже самые юные, отпускали себе усы, был одним из самых храбрых и умелых. Месяц тому назад он стал Героем Советского Союза. Его эскадрилья приходила без потерь из самых трудных сражений. Плотным, четким строем всегда возвращались на свой аэродром "усачи", и шутками, смехом оглашались стоянки...

Гусенко лежал на траве недалеко от своего самолета. Над ним склонился врач в белом халате, молчаливым кружком стояли летчики. Они расступились, пропуская генерала.

- В грудь, - сказал врач, державший шприц в руках. - Нужна сила, чтобы довести самолет и сесть.

- Нет надежды? - спросил Полбин, опускаясь на одно колено.

Врач покачал головой:

- Считанные секунды.

Запрокинутое лицо Гусенко, чистое, открытое лицо с мягким овалом подбородка, было залито мертвенной бледностью. Светлые усы казались наклеенными на этом лице. Из уголка лиловых губ вытекала тонкая струйка крови.

Гусенко открыл глаза. Они уже ничего не видели, но голубое небо отразилось в них.

- Не дошел... - выдохнул он, и клокотание в его разбитой осколком груди прекратилось.

Врач поднялся и стащил с седой головы белую шапочку. Все сняли шлемы, фуражки, пилотки.

- В машину, - спустя несколько мгновений сказал врач.

Тяжелое тело положили в кузов санитарной машины. Дверцы захлопнулись, образовав красный крест на белом фоне. Из далекой дали память вдруг принесла грустные строки: "Сокол ты наш сизокрылый, куда ты от нас улетел?"

Полбин выпрямился, строго сжал сухие губы и обвел взглядом лица стоявших неподвижно летчиков. Надо было сказать речь. Сказать ее словами, которые так часто повторял жизнелюбец Гусенко: "Безумству храбрых поем мы песню!"

Глава XI

Германия. Советские солдаты, ступив на эту землю, вспоминали, откуда они пришли. Одни начали свой ратный путь от Москвы, другие от Сталинграда, третьи от Курска или из совсем безвестного городка, где формировался запасный полк...

Полбин считал, что он пришел в Германию из монгольских степей, с берегов Халхин-Гола. Там он получил первое боевое крещение, там он, советский гражданин, начал сражаться за Родину.

Двенадцатого января началось решительное наступление. На Берлин!

Летчики, которые двигались в наступающих армиях, увидели Германию раньше пехотинцев, артиллеристов, танкистов. Возвращаясь на свои аэродромы, они рассказывали, как выглядит с воздуха эта страна, и отмечали главным образом то, что представляло профессиональный интерес для штурманов: много дорог шоссейных, асфальтированных, улучшенных грунтовых, - и это облегчает детальную ориентировку; населенные пункты часты, располагаются, как правило, вдоль дорог, причем дорога обычно и является единственной улицей селения; все дома под красной черепицей, но в крупных городах поближе к центру видны темные старинные крыши, - как и в Польше, такие города с самолета напоминают шляпки грибов с трухлявой серединой; леса, имеющие в плане свободные контуры, редки, чаще похожи на парки и сверху имеют вид прямоугольников, треугольников, трапеций и других геометрических фигур; берега рек большей частью окованы камнем, во многих местах реки подравнены и кажутся сверху не извилистыми, а ломаными линиями.

Такой прежде всего представлялась Германия летчикам.

Наблюдения эти во многом подтвердились, когда "Петляковы" Полбина впервые заняли аэродромы на немецкой земле.

Первые аэродромы были грунтовыми, без каменных или бетонированных взлетных полос. Это почти не замечалось в январе, пока стояли морозы. Но в начале февраля ударила оттепель. Днем все раскисало, грязь смешивалась со снегом. Возвращавшиеся с задания самолеты садились с риском сломать шасси.

Ночью подмораживало, глинистая земля застывала. Тяжелые резиновые колеса самолетов впаивались в затвердевшую грязь и, чтобы не вырубать их потом, техники подмащивали доски, камни, солому.

Только легкие По-2 могли рулить, не проваливаясь, по твердой, образовавшейся за ночь корке, да и то в первые часы рассвета.

Полбин знал, что командующий воздушной армией имел обыкновение начинать работу очень рано: в пять-шесть часов утра он уже был на ногах. Поэтому, воспользовавшись утренним заморозком. Полбин вылетел на По-2 в штаб армии.

Генерал Крыловский встретил его вопросом:

- Что прилетел ни свет ни заря? Аэродромы нужны? "Товарищ командующий, утопаем" - да?

В его голосе была нарочитая грубоватость, и Полбин, уже знавший командующего, заключил, что прилетел не зря.

Крыловский встал из-за стола, на котором лежала кожаная папка с бумагами, и подошел к карте, прикрытой марлевой

шторкой.

- Смотрите сами: девать вас пока некуда. Сутки еще придется потерпеть. Вот этот узел отобьем, - он закрыл пальцем город, за который шли бои, - и тогда вас сюда посажу. А сейчас можно только в Бриг, но там и без вас тесно.

- А если еще потесниться, товарищ командующий? - сказал Полбин, подходя к карте.

Близ города Брига, на самом берегу Одера, находился большой аэродром, хорошо выстланный цементными плитами. На нем разместились истребители, прикрывавшие "Петляковых", когда они летали бомбить гитлеровцев.

- Прямо на передовую хотите? - спросил Крыловский и, взяв со стола масштабную линейку, приложил ее к карте. - Сколько тут до Нейсе? Смотрите: десяток километров. Где это видано, чтобы бомбардировщики базировались у самой линии фронта? Наставление что говорит?

- Оно говорит, что нам туда и соваться нельзя, - ответил Полбин. - Но Покрышкин тоже сидит не по наставлению...

- Гм... Хитер... - Крыловский сел в кресло с резной дубовой спинкой, увенчанной замысловатым гербом, и сказал: - Покрышкину не надо за собой возить бомбовый склад. Он, как в латинской поговорке, все свое носит с собою. Поднялся - и улетел... А для вас и горючего и бомб не напасешься...

Командующий потер рукой лоб, опять вскинул глаза на карту. Пример с дивизией Покрышкина был образцом смелого аэродромного маневра. Истребители сидели на закрытом для движения машин и танков участке Берлинской автострады и, находясь в непосредственной близости к линии фронта, могли прикрывать наступающие войска на всю глубину.

- Товарищ командующий, - сказал Полбин, - расход горючего у нас уменьшится. Ведь цели-то рядом будут, несколько минут полета...

- А бомбы?

- Блинников подбросит, я знаю его возможности. А кроме того, на аэродроме Бриг немцы оставили много своих бомб.

Крыловский уже решил. Несколько рискованное выдвижение бомбардировщиков на передовой аэродром сулило сразу два выигрыша: во-первых, при совместном базировании истребителей и бомбардировщиков упрощалась организация прикрытия; во-вторых, один и тот же запас горючего позволял бомбардировщикам делать большее количество вылетов.

Полбин получил разрешение перебазировать в Бриг часть своих сил. "Петляковы" в тот же день перелетели на новый аэродром.

Город Бриг был занят советскими войсками так стремительно, что отступавшие гитлеровцы не успели ни взорвать каменный мост через Одер, ни разрушить взлетную полосу и служебные здания на аэродроме. Только три ангара лежали в развалинах, но скорее всего, это был результат меткой стрельбы советских артиллеристов. Бывшие "хозяева поля" покидали аэродром в большой спешке. У главных ворот и на обочинах шоссе валялись раздавленные фибровые и картонные чемоданы с торчащими язычками замков, полосатые матрацы, непарные летные сапоги с застежкой "молния" по всему голенищу, забрызганные грязью бортовые журналы, письма в конвертах и без конвертов... Техники, повидимому, удирали на велосипедах, - множество искромсанных танками велосипедных колес, рулей и погнутых рам лежало в кюветах.

Картина бегства была особенно выразительна в штабных помещениях на аэродроме. Под ногами шелестела бумажная россыпь, папки с картами и документами тяжелыми грудами лежали на стульях и на подоконниках, покрытых битым стеклом; из пишущих машинок не были вынуты листы бумаги с начатыми словами приказов "Ich befehle..."

Аэродром сразу заняли истребители. "Лавочкины" и "Яковлевы" расположились в уцелевших ангарах, на вымощенных бетоном стоянках. У начала широкой взлетной полосы выстроились самолеты дежурных подразделений. В штабных помещениях, разбитые окна которых были заделаны папками с готическими надписями, застучали машинки.

Теперь приказы отдавались на русском языке. Они сразу приводили в движение людей, самолеты поднимались в воздух, летели на запад, стреляя и бомбя, и в тучах дыма, вставшего над разбитыми немецкими блиндажами, мелькали обгорелые листки с мертвыми готическими письменами: "Ich befehle..."

Полбин расположил свою группу самолетов на западной окраине аэродрома, сообщавшейся с взлетной полосой удобной рулежной дорожкой. Встав на твердую почву, "Петляковы" воинственно задрали свои острые застекленные носы.

Через час после приземления самолеты уже пошли на задание - бить укрепившихся на реке Нейсе фашистов. Цель находилась так близко, что техники с аэродрома видели, как "Петляковы" перестраивались из "клиньев" в "пеленг", как один за другим ныряли к земле и как вслед за тем из земли начинали бить черные фонтаны. Они быстро опадали, оставляя в воздухе круглые облака грязнокоричневого дыма.

На укрепления гитлеровцев падали фугасные бомбы советской марки. Но на аэродроме были целые штабеля

оставленных немцами бомб. Их следовало использовать по назначению - против самих же гитлеровцев.

Но тут возникли затруднения. Прилетевший вместе с Полбиным инженер-полковник Самсоненко доложил, что взрыватели не подходят к немецким тысячекилограммовым фугаскам. Гнезда для взрывателей были у них не в головной или в донной части, а на корпусах бомб, сбоку. Надо было менять углы установки лопастей ветрянок, но и это не решало дела: диаметр гнезд был больше диаметра взрывателей, резьба не совпадала.

- Что вы предлагаете? - жестко спросил инженера Полбин. Он собирался на следующий же день сбрасывать немецкие бомбы, и это неожиданное препятствие вызвало у него раздражение.

- Нужны обжимные, уплотнительные кольца, - ответил Самсоненко.

- А где они продаются? - в голосе Полбина звучала ирония. Ему тоже было ясно, что нужно делать, и он ждал от инженера другого ответа.

Вмешался присутствовавший при разговоре полковник Блинников:

- Товарищ генерал, разрешите?

- Да? - повернулся к нему Полбин.

- Я посылал начальника трофейной команды в Бреслау. В освобожденной части города есть завод взрывателей компании Борзиг. В складских помещениях завода осталось большое количество металлов и метизов. Если...

- Да, да, - подхватил Самсоненко, - там есть алюминиевые диски подходящего диаметра. Я видел у одного вашего шофера, полковник, он их на всякий случай захватил.

- Что вы предлагаете, Иван Данилович? - опять в упор спросил Полбин.

- Я считаю, что полковнику Блинникову нужно послать сейчас же машину в Бреслау. К утру она доставит материал, а обжимные кольца нам выточат в мастерских истребительного полка. Я с Терещенко договорюсь.

- Принимается.

Полбин отпустил офицеров и пошел к одноэтажному домику, в котором временно расположился штаб оперативной группы. Уже стемнело, над островерхими крышами и башенками Брига поднималась огромная красная луна. Угольно-черные тени самолетов и ангаров лежали на каменных плитах, чуть порозовевших от лунного света.

Неожиданно пришла мысль: "Кто такой Терещенко? Знакомая фамилия... Самсоненко, Терещенкоукраинцы оба! Может быть,

поэтому кажется знакомой?"

На аэродроме стояла тишина, странная после непрерывного гула моторов. Где-то далеко перекликались техники, ремонтировавшие самолет. В холодном вечернем воздухе голоса их были явственно слышны. "Готово?" - спросил один. "Готова!" - ответил другой с сердцем. "Почему готова?" - "Отвертку сломал", уныло ответил второй.

"Остряки", - усмехнулся Полбин и почему-то с необычайной нежностью подумал об этих двух "кочегарах" авиации, которые торопились к утру привести в порядок раненный в бою истребитель. Все уже ушли со стоянок - кто спит, кто слушает трофейные пластинки, кто пишет письма "с дороги на Берлин", - а они, по очереди отогревая зябнущие от прикосновения к металлу руки, подкручивают гайки, проверяют зазоры, что-то подгоняют, смазывают... И шутят без улыбок, как шутили в свирепую морозную зиму сорок первого года под Москвой или в Сталинградских степях в сорок втором году, когда нельзя было спать по ночам, через каждые полчаса вылезали из землянок и прогревали моторы... Под утро они закончат работу, зачехлят самолет с той бережной тщательностью, с какой мать пеленает и укутывает ребенка, и пойдут спать. Для сна останется час или два, и, наверное, с рассветом у них произойдет разговор вроде того, какой был однажды у Пашкина с Файзуллиным.

"Искандер, вставай!" - тормошил Пашкин товарища. "Почему - вставай? Разве уже утро? Почему так рано утро? - сонно ответил тот и добавил: - Ты не знаешь одной особенности моего характера: когда я сплю, меня нельзя будить". Пашкин возмутился: "Ты спишь, как медведь!" - "Неправда, - последовал ответ: - как человек с чистой совестью".

Полбину запомнился этот разговор не потому, что в нем были знакомые "шутки без улыбки", а потому, что последняя фраза о техниках, как людях с чистой совестью, была очень точна: сколько честного, самоотверженного труда, сколько энергии, ума и изобретательности вкладывали в свое дело скромные "технари" за недолгие часы, пока отдыхали утомленные боями экипажи воздушных кораблей...

Полбин шел не спеша, с наслаждением вдыхая чистый вечерний воздух, подставляя лицо ветерку, летевшему издалека, с родных просторов, может быть от берегов Волги, на которой стоит Ульяновск. Родной город вспомнился не случайно: завтра одиннадцатое февраля, день рождения... Сорок лет - уже немало. Кажется легендой давний рассказ матери о том, как мучилась она с ребенком в тюремной больнице, как упрашивала надзирателей достать бутылку молока... Ни в каком сне не могла она увидеть

такой обычной для советского человека и все же такой сказочной судьбы своего сына: летчик, генерал... А кем будут его дети? Виктор, наверное, летчиком - хочется, чтобы так было... Ему в этом году, - конечно, последнем году войны - исполняется двенадцать. Людмила пойдет осенью в школу. Галке, двухмесячному Галчонку (только такой глазастой, кругленькой, лежащей на подушке - рисовалась она его воображению, а на фотокарточках была какая-то другая девочка) исполнится четыре года! И теперь уже ясно, что именно четырехлетней он обнимет ее: может, ей будет только на месяц больше! Теплая, тяжеленькая, родная девочка, она устроится у него на руках, обхватит его шею и будет водить толстым пальчиком по золоту погона...

Дыхание захватывало от мысли, что все это уже совсем близко и несоизмеримо реальнее тех картин, которые возникали в воображении в начале войны - в засыпанных снегом землянках под Москвой, на пыльных аэродромах Сталинграда... Он был тогда на тысячу километров ближе к Чите, к семье, но как далека еще была желанная встреча!

Дверь длинного деревянного барака, мимо которого проходил Полбин, отворилась. Блеснула на мгновение полоска света, кто-то сбежал по ступенькам крыльца и запел:

Стоить гора высо-о-кая,

А пид горою гай...

- Белаш! - окликнул Полбин. - Это вы?

- Я, товарищ генерал! - Белаш подбежал к нему, пристукнул каблуками.

- Почему не отдыхаете?

- Заходил к ребятам. Письмо для меня было.

- Помучили сначала?

- Немножко, - улыбнулся Белаш. - Заставили три песни спеть.

- Какие?

- "Стоить гора", "Реве тай стогне" и "Роспрягайте, хлопцы, коней"...

- Значит, письмо не простое. От кого же?

Белаш помолчал. На лице его, смутно белевшем в темноте, играла радостная улыбка.

- От одной знакомой, товарищ генерал.

- Катей зовут? - вдруг вспомнил Полбин имя девушки, о которой ему рассказывал Александр Пашков. В эскадрилье, пожалуй, не было ни одного летчика, которому Белаш со свойственной молодости откровенностью не рассказал о фотокарточке с надписью "Милый, посмотри, какая я грустная без тебя". Пашков передал эту историю Полбину вскоре после того, как получил орден Отечественной войны первой степени.

Убедившись, что однополчане ценят его мужество и опыт, а награду считают даже несколько скромной для его заслуг, Александр перестал избегать встреч со своим родственником-генералом. Но в то же время он старался, чтобы эти встречи происходили на глазах у летчиков, которые могли бы отдать должное тому достоинству, с каким штурман эскадрильи держится перед командиром корпуса.

Белаш не знал, откуда Полбину известно имя Кати Монаховой, и спросил удивленно:

- Разве вам рассказывали, товарищ генерал?

- Мне только карточку не показывали, - усмехнулся Полбин. - Пашков говорит, красивая девушка.

- Очень красивая, - доверчиво сказал Белаш.

- А где же она все-таки?

- Где-то на нашем фронте. Полевая почта с четверки начинается...

- В армии, значит?

- Да, товарищ генерал. Военфельдшер она, младший лейтенант.

Белаш переступил с ноги на ногу. Полбин понял, что летчику не терпится поскорее сесть за ответное письмо. Желание естественное, да и кроме того, завтра будет некогда - боевая работа займет целый день.

- Идите, Белаш, пишите ей, - сказал Полбин. Он хотел прибавить: "Можете написать, что вас представили к званию Героя Советского Союза", но удержался, хотя в штабе армии ему сказали, что все документы приняты в Москве и в ближайшие дни ожидается Указ. "Пусть потом по-настоящему порадует землячку", подумал он.

Белаш сказал "слушаюсь", повернулся и скоро исчез в темноте.

Полбин продолжал итти не спеша. В штабе его ждала работа, но он знал, что успеет сделать все за два-три часа. Еще два часа останется для работы над книгой об опыте пикирования, которая была уже закончена, оставалось только проверить некоторые расчеты перед отправкой рукописи в Москву. Переговоры с издательством вел Виктор Ушаков, продолжавший работать в главном штабе.

Хорошо было итти по затихшему аэродрому, неторопливо размышляя о делах и людях. Война еще не кончилась, боевое напряжение не снизилось, а возросло, но не было того напряжения нервов, которое сжигало людей в тяжелые дни отступления. Сейчас - да разве только сейчас! - появились уверенность и расчетливость победителей, спокойно выбирающих

места для смертельных ударов по врагу. Пусть он мечется!

В штабе, выслушав рапорт дежурного, Полбин прошел в комнату с высоким окном. В ней никого не было, ярко горели лампы на подоконнике. На столе никаких бумаг, только на пишущей машинке лежал лист копирки со срезанным уголком. "Пустили в ход трофейную", - подумал Полбин и, взяв лист, посмотрел на свет.

Копирка была новая, после "первой проходки", строчки ровно выделялись на ней, шрифт вырисовывался ясно. Полбин перевернул лист и; держа его против света, прочел: "Сведения о количестве фугасных авиабомб и взрывателей к ним, завезенных на аэродром Бриг"... Дальше подробный список - наименования и цифры.

- Дежурный! - обратился Полбин к лейтенанту, выжидательно стоявшему у двери. - Кто работал на машинке?

- Машинистка Гурова, товарищ генерал!

- Это ясно. Еще кто?

- Диктовал инженер-полковник Самсоненко.

- Идите сюда. - Полбин протянул листок. - Читайте, что здесь написано.

Лейтенант взял копирку.

- Как на кинопленке, - сказал он, посмотрев ее на свет. - И цифры все...

- Вот именно, цифры. И общий запас и соотношение бомб по калибрам. Что скажет шпион, если эта бумага попадет ему в руки?

Лейтенант опустил глаза.

- Спасибо скажет, - сердито проговорил Полбин. - Поблагодарит растяп и поиздевается над ними...

Лейтенант молчал. Вина была чужая, он, дежурный, не отвечал за халатность машинистки и невнимательность работавшего с ней офицера. Но его бросило в жар при мысли, что вражеский лазутчик мог не заходить в охраняемое помещение штаба, не взламывать сейфа, а лишь подобрать на свалке безобидный листок копирки, и сведения о боевой обеспеченности пикировщиков оказались бы в руках противника...

- Вызовите сейчас же начальника секретной части, - сказал Полбин. - А меня соедините с майором Лучкиным.

Лейтенант положил копирку в папку на своем столике и принялся крутить ручку телефона. Вызвав секретаря партбюро, он передал трубку Полбину.

- Я прошу вас, - сказал Полбин Лучкину, - в завтрашнем докладе особо выделить вопрос о бдительности. Что? Я знаю, что есть такой раздел. Но общей постановки и разговора о задачах

мало. У меня есть факты вопиющей неряшливости в хранении документов... Когда? Давайте поговорим после полетов, в шестнадцать часов. А вы сами с утра загляните в штаб и потолкуйте с работниками секретной части... Собрание в восемнадцать? Хорошо. Да, Крагин будет, а Грачев остается на старой точке. Спокойной ночи, отдыхайте.

Дежурный доложил, что посыльный уже пошел за начальником секретной части.

- Передадите ему это, - Полбин постучал пальцем по коленкоровой папке, в которой лежал листок копирки. - Пусть сделает, что полагается. Передайте также, чтобы утром собрал всех своих подчиненных и поговорил насчет Гуровой... Я буду на узле связи.

Эпилог. Год 1945-й

Всего несколько недель Полбин не дожил до светлого дня Победы. Его летчики, с гордостью называвшие себя полбинцами, понесли дальше славу своего командира. Применяя с прежним и неизменным успехом разработанный Полбиным метод группового бомбометания с пикирования, они продолжали громить фашистов в их черном логове. Полк, в котором служил Герой Советского Союза Петр Белаш, стал именоваться Берлинским.

Шестого апреля 1945 года Полбин посмертно был награжден второй медалью Золотая Звезда.

Мария Николаевна Полбина получила письмо из Москвы:

"Уважаемая Мария Николаевна!

По сообщению военного командования Ваш муж Герой Советского Союза гвардии генерал-майор авиации Полбин И.С. в боях за советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим мужем Иваном Семеновичем Полбиным в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 6 апреля 1945 года наградил его второй медалью "Золотая Звезда".

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вашего мужа второй медалью "Золотая Звезда" для хранения как память о муже - дважды Герое, подвиги которого никогда не забудутся нашим народом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин."

Подвиги никогда не забудутся нашим народом...

В декабрьский морозный день Мария Николаевна с семьей приехала в Ртищево-Каменку. Были здесь Виктор, Людмила, уже начавшая ходить в школу Галина. Штурман авиационного полка Герой Советского Союза капитан Пашков пал смертью храбрых девятого августа 1945 года в боях против японских

империалистов. Петр Семенович Полбин, демобилизованный сержант Советской Армии, встретил приехавших.

Когда поднялось зимнее солнце, на площади собрались жители Ртищево-Каменки, Карпинского и других сел и деревень, приехали представители областных организаций из Ульяновска.

Трубы военного оркестра, сверкая медью, поднялись, замерли. Секунду в морозном чистом воздухе стояла тишина, потом раздались торжественные звуки Гимна Советского Союза.

И так же торжественно, с неслышным в громе оркестра шуршанием, начал опускаться холст, покрывавший высокий постамент. Лучи солнца осветили бронзовый бюст, четко вставший на фоне белых, неутомимо бегущих облаков.

Открылась мраморная доска, врубленная в серый камень. Золотыми буквами на ней был написан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ивана Семеновича Полбина второй медалью "Золотая Звезда".

Покрывало улеглось у подножия постамента, ветер тихонько шевелил его складки. Четырехгранный обелиск, увенчанный бюстом дважды Героя, возвышался над затихшей толпой, над деревянной трибуной, задрапированной кумачом.

Музыка смолкла.

По легким ступеням на трибуну взошел человек в пальто, припорошенном снежной крупкой, снял шапку, обнажив седую голову, и взволнованно начал:

- Я горжусь тем, что был учителем Ивана Семеновича Полбина. Но не об этой своей гордости хочу я сказать. Взгляните вокруг, дорогие товарищи, жители колхозного села Ртищево-Каменки. Перенеситесь мысленно в прошлое, отстоящее от нас почти на полстолетие. Здесь в январе памятного тысяча девятьсот пятого года, вот в такой же морозный день, выступала на сходке крестьянка Ксения Полбина. Под сердцем своим она носила сына и родила его в Симбирской тюрьме. Не знала Ксения, кем будет он, даст ли судьба ему счастье. Счастье дала ему советская власть, великая Родина, которой он служил, и мы теперь благодарно склоняем головы перед его памятью...

Проведя рукой по глазам, учитель сошел с трибуны, а его место занял молодой офицер авиации с погонами подполковника. Крепко держась за перила, устремившись вперед, он говорил звонким голосом:

- ...Плоть от плоти народа, он был взращен и воспитан комсомолом, великой партией коммунистов. Деревенский подпасок, батрак, он стал генералом нашей авиационной гвардии, замечательным летчиком-новатором. Его товарищ по оружию Александр Покрышкин сказал, что Полбин во всей нашей

бомбардировочной авиации считался непревзойденным мастером пикирующего удара. Мы помним, как часто, объясняя задание, он заключал его словами: "Ведущий я". Да, он был ведущим в самом высоком и прекрасном смысле этого слова, ведущим и передовым во всем и всю свою жизнь... Отважный летчик, обучивший советских пилотов групповому бомбометанию с пикирования; офицер-воспитатель, подготовивший преданных Родине, храбрых, умелых, упорно идущих к победе крылатых воинов; талантливый командир, сокрушавший врага в самых трудных условиях современного боя; воин-коммунист, человек ясного ума и горячего сердца - таким был Иван Семенович Полбин.

Солнце уже повернуло к западу, когда митинг закончился, и площадь постепенно опустела.

А на рассвете следующего дня над Ртищево-Каменкой показался самолет. Он вышел из облаков, плавно снизился и сделал над селом широкий круг. Потом, прощально покачав крыльями, снова встал на курс и улетел.

Неизвестно, кто сидел за штурвалом самолета. Но это был человек, который прилетел отдать честь своему боевому товарищу и учителю, недвижно стоящему на взгорье с орлиным взглядом, устремленным навстречу утреннему солнцу...